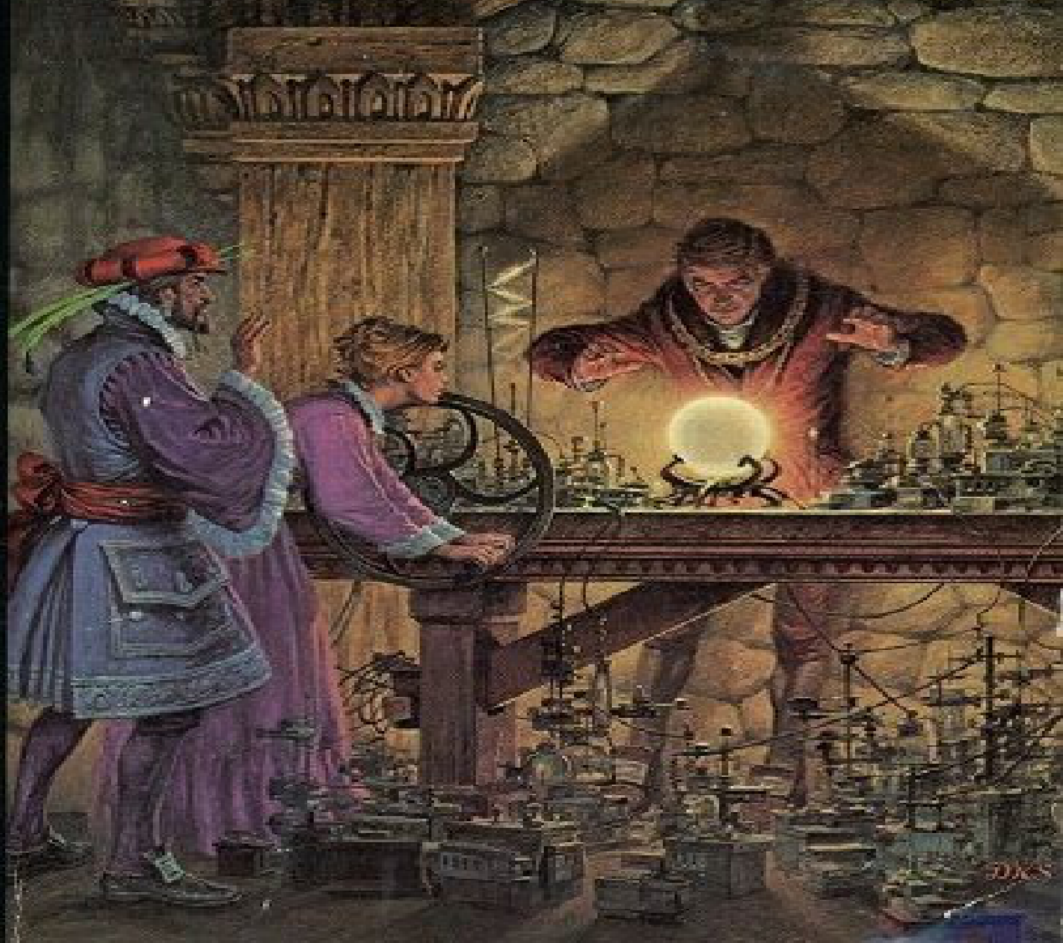
Magic and madness stalked Joanna, sundering the Void to seize her.

A DEL REY BOOK
fantasy
Ballantine
33764/$3.95

The Silent Tower

Barbara Hambly
Author of Dragonsbane



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прямо на глазах у молодого воина Кериса, служащего Совету Кудесников, был убит один из волшебников. Убийца скрылся через Пустоту, лежащую между мирами. Умением ходить через Пустоту владели лишь два волшебника — уже давно казненный темный маг Сураклин и маг Антриг, заточенный в Башне Тишины, где не действуют волшебные силы. Однако именно его имя произнес умирающий волшебник… Перевод: Олег Колесников.

- Барбара ХЭМБЛИ
  - Глава 1
  -
  - Глава 2
  -
  - Глава 3
  -
  - Глава 4
  -
  - Глава 5
  -
  - Глава 6
  -
  - Глава 7
  -
  - Глава 8
  -
  - Глава 9
  -
  - Глава 10
  - Глава 11
  -
  - Глава 12
  -
  - Глава 13
  -
  - Глава 14
  -
  - Глава 15
  -
  - Глава 16
  -

- Глава 17
-
- Глава 18
-
- Глава 19
-
- ЭПИЛОГ

Барбара ХЭМБЛИ
БАШНЯ ТИШИНЫ

Глава 1

— Архимаг возвратился?

Услышав этот вопрос Кериса, чародей Тирле вскинулся, как заяц при виде хищника. Но первое удивление прошло, и он спокойно ответил:

— Пока что нет.

Тирле подобрал лопатку, оброненную им в тот момент, когда над ним неожиданно нависла тень Кериса, оторвав от возни, стоя на коленях, с этим немудреным инструментом возле кирпичного порога дома. С трудом поднявшись на ноги, чародей отряхнул пыль со своего черного камзола.

— Послушай, а может быть, я чем-то смогу тебе помочь? — спросил он.

Керис задумался, похлопывая правой кистью по рукояти меча. Он бросил быстрый взгляд на вход в следующий дом, явно обдумывая какую-то мысль. Как и все дома на Волшебном Подворье, дом этот был выстроен по единому для них образцу — продолговатая форма, крутая крыша. Сходство усиливала еще и наложенная временем печать, а также копоть на высоких печных трубах. На ступеньках дома, поглядывая на Кериса, выжидательно стояли еще несколько его соратников. Как и подобает воинам из одного отряда, они были одеты в одинаковые черные кафтаны свободного покроя, опоясанные перевязями для ношения оружия. Все воины успели сегодня порядочно устать после сидения у Оружейника. Керис выразительно покачал головой, и его товарищи прошли в помещение.

— Даже не знаю, — он снова повернулся к Тирле, одновременно подмечая мельчайшие детали его поведения — капельки пота на лбу, дрожащие пальцы. Воин задумался: что это вдруг так встревожило чародея? — И вот так… — сказал Керис, красноречиво размахивая руками.

Выражение животного ужаса исчезло из заплывших жиром глаз кудесника, уступая место обычному беспокойству.

— Так что ты хочешь мне сказать, парень? — поинтересовался Тирле.

На этот раз Керису захотелось просто невыразительно пожать плечами, отодвинув решение проблемы в неопределенное будущее. Именно так он поступил сегодня ночью. Ему захотелось заниматься тем единственным делом, которым он должен был заниматься, как воин мага, — охранять своего господина и непрестанно совершенствовать боевое искусство.

— Даже не знаю, стоит ли задавать этот вопрос, — начал

Керис с сомнением в голосе, — конечно, я понимаю, что воину не пристало спрашивать о таких вещах. Ведь меч никогда не задает вопроса направляющей его руке. Но…

Тирле только улыбнулся и покачал головой.

— Мой дорогой Керис, — сказал Чародей, — послушай, откуда нам знать, что чувствует в той или иной ситуации кинжал? Что думает меч, оставшись со своими собратьями в арсенальной палате, где погашен свет и тихо, как в могиле? Ты знаешь, что я никогда не одобрял наемничество… Как не одобряю те машины, которые нынче сами прядут и ткут. Они делают работу, даже не понимая, для чего это нужно.

Странным образом эти слова подействовали на воина успокаивающе.

Вообще-то из дюжины домов, обступивших мощеную булыжником площадь квартала Староверов, лишь восемь принадлежали Совету Кудесников. Три дома снимали все те же староверы, которым непременно хотелось жить возле Кудесников. А из магов мало кто желал жить в городе Ангельской Руки. Но даже из тех немногих Тирле был единственным, кто вызывал у Кериса симпатию.

Архимаг, дедушка Кериса, не показывался с самого утра, с тех пор, как Керис закончил занятия по фехтованию. Если он к обеду не вернется, то вряд ли у Кериса будет возможность поговорить с ним до завтрашнего дня.

Конечно, воину бояться не положено, но Керис не был уверен, что не проведет бессонную ночь, объятый беспокойством. Переживания обязательно скажутся на его состоянии на следующий день.

Последние пять лет прошли в неустанных тренировках и уроках, закалялись и мускулы, и нервы — и потому Керис не знал, какими словами нужно выражать страх, — на упражнения в ораторском искусстве просто не было времени. Парень беспокойно запустил пятерню в густую шапку коротко подстриженных светлых волос.

— Даже не знаю, стоит ли говорить об этом, — произнес он с сомнением, — просто все так… Но я ведь не оружие… — Пожав плечами, он все-таки решился: — А может быть так, чтобы маг вдруг лишился своей силы или умения?

Честное слово, воин не ожидал, что Тирле вдруг придет в ярость. Казалось, гнев так и брызжет с его лица.

— Нет! — закричал старик пронзительно. — Это силы врожденные. У кого-то их больше, у кого-то меньше. Как бы тебе сказать… Волшебство — это часть нас, как душа.

Удивляясь этой неожиданной ярости, Керис тем не менее

пробормотал:

— Но даже…

— Замолчи! — лицо Тирле вовсе побагровело. — Конечно, у некоторых волшебства бывает совсем немного, но оно не может убыть само собой. Да и откуда тебе знать о волшебстве. Тебе вообще нельзя говорить об этом. Нельзя! Запрещено! — чуть не зарычал чародей, заметив, что Керис вновь пытается что-то возразить.

От воина-наемника требуется одно — служить и служить. В сущности, наемником в полном смысле этого слова Кериса нельзя было назвать. Скорее, послушником. За три года участия в кровавых схватках, видя смерть товарищей, убитых коварным врагом в мирное время, Керис научился держать язык за зубами. Он принял важнейшее решение в своей жизни — дал клятву верности Совету Кудесников. До сих пор он держал свое слово. Воин педантично следовал своему правилу — рассуждения не следует высказывать. Лучшее им место — в голове.

Тирле все еще трясущимися руками подобрал садовую лопатку и лейку, после чего направился в дом. Чародей с силой захлопнул за собой дверь. Продолжая стоять на кирпичных ступеньках, Керис механически отметил, что старик пришел в такую ярость, что забыл полить любимые растения, которые росли у порога и в ящиках, пристроенных на подоконниках со стороны улицы. Где-то на другом конце города, на главной башне замка Святого Сира, часы торжественно отбили пять ударов. Итак, у Кериса остается меньше часа, чтобы пообедать перед тем, как идти на дежурство в трапезную, где ели маги.

Керис задумчиво стал спускаться по ступенькам. Он чувствовал глубочайшее изумление и даже шок — очевидно, такое чувство испытывает человек, когда его кусает старая и верная собака, причем без всякой на то причины. Впрочем, воину, как известно, не подобает терять бдительность ни в какой ситуации. Даже если ты гладишь ту же старую и любимую собаку, в другой руке всегда нужно держать остро отточенный нож. Молодой человек направился к двери, во вторую половину дома, которую занимали воины-телохранители и послушники магов. Он чувствовал, что беспокойство все еще не оставило его.

В последний раз сам Керис думал о себе как о рожденном с волшебным даром с год назад, не меньше. Ему было девятнадцать лет, и пять из них Керис посвятил служению Волшебству. Он уже пять лет служил этой силе, но, как и большинство посвященных, знал, что все равно стоит лишь на пороге Великого и Сокровенного знания.

Он знал, что талантов у него не столь уж много — они не

шли дальше умения видеть в темноте и способности находить потерянное. В детстве он отчаянно хотел стать магом и принести клятву верности Совету Кудесников, чтобы служить ему и всегда находиться рядом со своим дедушкой, который уже тогда стал архимагом. Начав изучать военное дело, он понял, что его способностей недостаточно для того, чтобы стать настоящим чародеем, и потому решил остаться воином. А потом поклялся в верности Совету Кудесников.

Почему же Тирле отказался отвечать на вопрос, подумал Керис. Потому что он полагал, что отсутствие волшебства не дает ему возможности понять что-то еще?

Да, возможно, поэтому Тирле и не дал ответа. Но этим не объяснишь, почему старика вдруг обуяли страх и ярость.

Тирле почему-то отсутствовал и на обеде — ведь все чародеи едят много, а уж Тирле вообще был известным чревоугодником. Тем более, что на обеде подавали как раз любимые блюда старика.

На обеде присутствовали семь чародеев и две новообращенных, которым и прислуживали послушники. Вообще, эти послушники-воины всегда заботились о волшебниках — некоторые разносили кушанья во время приема пищи, другие охраняли трапезную, а уж во дворе и на площади всегда стоял кто-то из воинов. В это время другие послушники спали, готовясь к ночному бдению. Маги не зря держали такую охрану — в бедных кварталах города Ангельской Руки было полным-полно всякого жулья, которому было совершенно безразлично, кого грабить — торговца или чародея.

Беспокойство Кериса усилилось, когда он увидел, что архимаг все еще не вернулся. Керис заметил, что постоянное место архимага за столом было занято госпожой Розамундой — красивой женщиной лет сорока, о которой было известно, что она урожденная Розамунда Кентакр. Ее отец, Герцог Морской, отрекся от дочери, когда узнал, что она принесла клятву верности Совету Кудесников. Впрочем, если верить дошедшим до Кериса слухам, отреклись от Розамунды потому, что данный ею обет ставил на первое место интересы Совета Кудесников и запрещал девушке использовать свою силу для того, чтобы помогать своей семье в ее амбициях. Несомненно, Герцог все это знал — тогда его дочери было что-то около двадцати лет. Уже до этого Розамунда кое-что знала — она наверняка научилась кое-каким заклятьям у бродячих волхвов и чародеев, которыми изобиловала Империя. Но этих заклятий все равно было недостаточно — чтобы обрести знание настоящего волшебства, нужно было прежде всего учиться при Совете Кудесников. А научиться можно было только в том

случае, если принесешь клятву на верность, в которой помимо всего прочего черным по белому написано, что ты обязуешься не использовать полученных знаний во вред кому бы то ни было.

— Ему не следовало выходить одному, без охраны, — говорила собеседникам Розамунда, когда Керис уносил поднос с грязной посудой.

Сидевший рядом с женщиной худощавый Витвел Сим энергично возражал:

— Но регент ни за что не осмелился бы…

— Неужели? — в глазах женщины заблестели стальные искорки. — Принц-регент ненавидит рожденных с волшебством, то есть и нас тоже. Как-то мне рассказывали, что после бала принц садился в карету, и тут, на свою беду, дорогу ему перешла одна из старых колдуний. Он весь затрясся от злости и чуть не забил старуху. Весь Летний дворец говорит об этом до сих пор. Нет, он точно сумасшедший, как и его любимый папочка.

— Но вот различие между ними заключается в том, — вмешался дотоле молчавший Иссей Белкери с другого конца стола, — что его отец для нас менее опасен.

Сбоку от него сидели две новообращенных девочки-ученицы — одна рыженькая, лет семнадцати, а вторая чуть постарше, с иссиня-черными волосами. Они ничего не говорили, но слушали с молчаливой жадностью. Они знали, что это всего-навсего обычные сплетни, но кто знает, вдруг в будущем это как-то повлияет на ход их жизни? Рядом с ними мешком восседала на стуле старая тетушка Мин — самая старая из волшебников квартала. Она было задремала, но Керис с улыбкой коснулся ее руки, и старуха, что-то забормотав, снова принялась за вязание. Спицы так и мелькали в ее руках, похожих на когтистые птичьи лапы.

Тут снова подал голос Витвел Сим:

— Но даже если принц и полагает, что наше волшебство — самое обычное шарлатанство, как он, несомненно, подумал о той старухе, он все равно не отважится разозлить архимага. Этого не допустит ни Совет, ни Церковь. А мы и не знаем, что Солтерис ушел во дворец…

— Если солдаты регента повсюду в городе, — холодно заметила Розамунда, — то уже не столь важно, кто куда ушел. Нет, принц Фарос, несомненно, просто сумасшедший. Его вообще давно нужно было отстранить от власти, отдав ее кому-то из двоюродных братьев или сестер.

— Как сурово, — рассмеялся Иссей, — но вот только хочешь ли ты, чтобы Империей правили всякие простофили вроде Магистра Магуса, а то еще похлеще — какая-нибудь старая

колдунья?

Красивые губы женщины непроизвольно дрогнули при упоминании одного только имени самого известного в городе шарлатана. Но Розамунда сумела сдержать свой порыв, обратившись к тарелке с уже остывшей пищей. Не найдя нужных аргументов, она просто предпочла помолчать — ведь молчание иногда тоже очень хороший козырь.

Керис, нося на кухню грязную посуду, думал о предстоящей тренировке по фехтованию. Затем его мысли снова сползли на деда — он думал о том, какое отношение имеет к архимагу все сказанное за столом. Не потому, что Керис не верил в способность регента учинить что-нибудь недостойное — как раз на гадости тот был горазд — просто молодой человек не мог поверить, что кто-то способен причинить вред его деду.

С детства Керис знал своего второго деда, Солтериса Соляриса, как очень загадочную личность. Дед изредка — зимой чаще, а летом всего раза два — захаживал на хутор его матери, находившийся возле Пшеничной деревни. Тогда волосы Солтериса были темными, как сейчас волосы матери Кериса, но сам Керис уродился светловолосым, в отца. Иногда казалось, что от отца Керис унаследовал еще что-то, не только цвет волос. Когда Керис давал торжественную клятву в присутствии всего Совета Кудесников, он обещал защищать архимага всеми силами — а у него было куда больше физической силы, нежели волшебной.

Вообще же Керис старался думать о том, что касалось его напрямую, — о постоянном совершенствовании воинского искусства. И уж на этих тренировках он выкладывался как подобает, нанося удары деревянным мечом под неусыпным оком наставника. Обычно занятия происходили в самом нижнем этаже дома, в полуподвале, куда под вечер сквозь стрельчатые окна падал солнечный свет угасающего дня. Несмотря на пять лет непрерывных упражнений, каждый вечер после занятий Кериса свербила одна и та же мысль: все, так больше невозможно. Все эти «вперед-назад», «коли-руби» и «раз-два» надоели ему до черта, тем более что умение настоящего воина к нему упорно не желало приходить. Но зато во время тренировок в голове не оставалось никаких мыслей — так учил наставник. Он говорил, что думать нужно только этими «вперед-назад» — «коли-руби», вспоминая уроки фехтования, полученные когда-то, иначе в бою, стоит только отвлечься, враг сразу одолеет тебя. И на разные другие беспокойные размышления времени не оставалось, что тоже было неплохо.

К десяти часам вечера темнело, но гулять Керису после

занятий совершенно не хотелось — тренировки выматывали последние силы. Поплескавшись над лоханью с теплой водой, он как подкошенный падал в постель и засыпал крепким сном. Но теперь он задумался над тем, что же все-таки произошло. Он спросил про деда, причем вопрос казался самым что ни на есть невинным. Но реакция на него оказалась совершенно непредсказуемой. Неужели волшебство архимага и в самом деле пропало?

Уже давно Керис перестал верить в то, что он сам обладает хоть какими-то зачатками волшебства. Но теперь уставив глаза в непроницаемую тьму, он понимал, как много за эти годы стало значить для него волшебство. Без волшебства, без размышлений о нем душа становилась как бы пустой, выхолощенной, если не сказать хуже. Все равно как если бы глаза стали видеть окружающий мир в черно-белом свете.

Иногда до него доносились обрывки разговоров, которые волшебники шепотом вели между собой о том, от чего именно зависит волшебная сила человека. Судя по этим разговорам, волшебство сохранялось благодаря либо врожденной способности, либо каким-нибудь амулетам и скарабеям, сделанным из чего угодно — от глины до драгоценных камней, какие носили только очень богатые люди или знатные особы. Волшебство можно было вызвать специальными заклинаниями, заклинаниями можно было и уничтожить или уменьшить чей-то волшебный дар. Но это все не то. Керис представлял свою душу как глиняную форму для отливки, из которой уже вытопили воск, но бронзу или золото не залили. Так и влачит она пустое существование. И в такую пустоту обычно набивается обычная пыль.

Молодой человек заплакал бы, но воинская клятва не давала ему на это право.

Нет, заснуть положительно невозможно. Воин оделся и, стараясь поскорее выбраться из душной тьмы спальни, стал спускаться вниз по лестнице. Все та же назойливая воинская клятва нашептывала ему, что он должен еще и обуться, а также не забыть свое верное оружие. Но то, что парень неожиданно открыл для себя пустоту своей души, занимало его больше всего. Потому-то хотя бы сейчас воинской клятвой можно было пренебречь. Свежий воздух улицы сразу прояснил голову. Из-под крыш домов по другую сторону площади доносилось воркование голубей, обсуждавших свои птичьи дела. Да, у всех проблемы. И тут ночную тишину разорвало кукареканье какого-то непутевого петуха, явно спутавшего время суток.

Итак, Тирле сказал, что такого не может быть. Почему? Не

может быть, потому что попросту не может быть? Но это чепуха. Однако прошлой ночью сам Керис, проснувшись, почувствовал сквозь биение своего сердца, что из него вытекает то немногое волшебство, которое еще осталось в его душе. И тогда его пронзил холодный ужас. Это было что-то, что не должно было и не могло случиться, как сказал Тирле… И теперь его душа была полностью лишена волшебства.

Керис прислонился к покрытому затейливой резьбой дверному наличнику, ощущая в душе эту странную пустоту. Странно, но это было даже не огорчение, а какое-то неопределенное чувство — именно пустота. Тут взгляд молодого человека упал на высокие узкие окна дедова дома, и он подумал, вернулся старик или нет. Света в окнах не было, но это еще не означало, что он спит, — архимаг часто сидел в своем кресле и читал, не зажигая света. На то он и был архимагом, чтобы быть способным на такие дела. Возможно, он знал и умел нечто такое, о чем старый Тирле и понятия не имел.

Но что теперь говорить об этом. Что прошло, того уже не вернешь. Это как человеческая невинность, которая не возвращается, как ни старайся. С запада доносился какой-то неясный шум. Впрочем, это было нетрудно объяснить — кварталы западной части города Ангельской Руки были очень густо населены, а возле замка-цитадели Святого Сира располагались различные увеселительные заведения, причем жизнь в некоторых из них не прекращала бить ключом даже глубокой ночью. Затем откуда-то донесся стук колес кареты по брусчатке улицы, кто-то закричал. Наверное, пьяный… Вот она, беспокойная городская жизнь.

Даже не думая о том, что он делает, Керис медленно стал спускаться по ступенькам. Его рука нащупала в кармане кошелек. Куда это он собрался? И тут Керис понял — ноги сами несут его в таверну «Стоящий конь», где он сегодня наверняка напьется до потери сознания.

Напиться? Парень остановился, ошеломленный, чувствуя отвращение к себе. Вообще-то воинская клятва не ограничивала пьянство, но когда товарищи Кериса отправлялись в таверны и ему приходилось составлять им компанию, то он хоть и пил, но всегда при этом оставался трезвым, вливая в себя ровно столько огненной воды, сколько позволяло ему держаться на ногах и контролировать свой рассудок. Ведь клятва воина требовала, чтобы он всегда готов был вступить в бой, а Керис сомневался в том, что пьяный сможет достойно сражаться.

Но теперь все это казалось уже не столь важным. Он чувствовал, что ему нужно не вино, а то забытье, которое вино

приносит. Чтобы как-то вытеснить из души пустоту, хотя Керис знал, что все равно ничего хорошего из этого не получится. Но, помедлив немного и вздохнув, Керис продолжил спуск, хотя не был даже обут и вооружен.

Едва только его ноги ступили на шершавый булыжник мостовой, как до него донесся отчаянный крик Тирле:

— Нет!

Пять лет непрерывных тренировок вселили в Кериса уже ставшее инстинктом умение при крике об опасности бросаться и искать убежища, чтобы оттуда оказать сопротивление возможному врагу. Но теперь он стоял, словно застывший или парализованный, видимый в мутном лунном свете. А в это время округлая тень жирного волшебника выползала из ближнего переулка, который за свои характерные приметы прозывался Зловонным. Он видел охваченное каким-то безумием лицо Тирле, который вдруг неловко кинулся бежать через площадь, махая руками, как птица с подбитыми крыльями, чтобы сохранить равновесие.

Вдруг из темноты на той стороне площади сухо ударил пистолетный выстрел.

Пуля нашла свою цель — Тирле, остановившись, вдруг содрогнулся, словно переломившись пополам, а затем, разметав руки, свалился на мостовую. Из темноты на той стороне площади выскочила темная фигура и понеслась мимо лежащего неподвижно Тирле к началу Зловонного переулка. Все это Керис наблюдал неподвижно, чувствуя, что его охватывает безразличие. Он знал также, что Тирле умер, но еще больше ему было жаль утерянного волшебного дара. Сейчас ничто окружающее его как бы совершенно не касалось. Впрочем где-то, в глубине души гнездился ужас, потрясение, но только от того, что произошло с ним самим.

Вдруг в приступе внезапного гнева парень сорвался с места и бросился бежать, вознамерившись поймать темную фигуру. Он успел сделать два шага, и, наколов ногу обо что-то острое, вспомнил, что на нем нет ни обуви, ни оружия. Проклиная свою сегодняшнюю тупость, Керис бросился в тень, которую отбрасывал на площадь дом послушников. И тут снова раздался пистолетный выстрел.

Из угла дома полетела кирпичная крошка, один маленький кусочек больно чиркнул по щеке воина. Керис знал, что теперь неизвестному стрелку нужно было перезарядить пистолет, за это время можно попробовать рвануться и одолеть неизвестного стрелка. Но паника и какой-то неведомый прежде страх сковали его намертво. Керис слышал стук башмаков незнакомца о

мостовую и старался сдвинуться с места, чтобы броситься в погоню. Но ноги упорно не желали слушаться хозяина. Впрочем, это ничего не значило: душа его оставалась по-прежнему спокойной и пустой. Но зато теперь можно вернуться в кровать и наверняка заснуть, а тело Тирле все равно до утра никуда отсюда не денется. Разозлившись на самого себя, Керис усилием воли бросился навстречу опасности. За пять лет, несмотря на болезни и случайные травмы, он все-таки сумел кое-чему научиться, но сейчас ему было удивительно трудно бежать. В чем дело? Где-то в глубине души парня шевельнулось подозрение, что здесь наверняка не обошлось без какого-нибудь заклятия или чего-то в этом роде, но он и понятия не имел о том, что такие заклятия тоже существуют.

Бег его снова стал замедляться. Тем временем преследуемый окончательно скрылся в непроницаемой тьме Зловонного переулка. Керис упорно продвигался вперед вдоль стены, прячась в темноте. Ему нужно было во что бы то ни стало добраться до угла дома. Он был готов в любой момент пригнуться, если вдруг рука с пистолетом появится из-за угла. Кстати, прогремевшие почти друг за другом два выстрела навели Кериса на мысль, что у стрелявшего наверняка два пистолета — сейчас, правда, незаряженные — а уж третий у него вряд ли есть. Через тонкую полотняную рубашку воин чувствовал шершавый камень стены. Странное дело — Керис страшно устал, как будто пробежал несколько миль.

Наконец он дошел до угла и осторожно заглянул за него. Но там он ничего не увидел: ни стен, ни неба, ни света. Кругом тьма, черная пустота, в которой, кажется, останавливается даже время. Только где-то возле его ног начиналась более-менее освещенная мостовая. Бледный лунный свет особенно рельефно выделял некоторые камни.

Керис почувствовал, что ужас петлей затягивает ему горло. Такого страха, он помнил точно, он не испытывал с детства, когда однажды ночью прошел по двору родительского дома и увидел горящие ядовитой злобой, устремленные на него глаза крыс. Вдруг налетел легкий ветер, принялся трепать его рубашку. Керис прижался головой к холодному камню стены, надеясь, что хоть это как-то приведет его в чувство. Нет, здесь, несомненно, была опасность, но воин почувствовал, что выученные им досконально тактические приемы покинули его тело, как волшебство — ум. Ему захотелось бросится наутек, но куда, где безопасно? Он не боялся смерти, но все же хотел знать, с какой стороны и в каком обличье она придет.

Вдруг и это чувство покинуло его. Подобно человеку,

который во сне ощущает, как прохладный дождь пронизывает своими живительными нитями летнюю духоту, он почувствовал, что его медленно, но верно охватывает безнадежность, какая-то безысходность. И все оттого, что Керис не понимал, что с ним случилось. Продолжая стоять прислонившись лицом к стене, Керис вдруг почувствовал, что словно проснулся. На душе стало легче, ум прояснился. Окружающее больше не виделось в черно-белых тонах, глаза стали различать оттенки. И тут Кериса охватила непреодолимая злость на самого себя — как он только мог выйти из дома необутым и невооруженным.

У него даже ноги подкосились, едва он подумал, что могло бы с ним произойти. Собрав в кулак всю свою волю, парень снова двинулся вперед, одновременно стараясь углядеть ту самую руку с пистолетом.

Войдя в переулок, Керис стал осторожно пробираться навстречу темноте.

Внизу, в заросшем мхом каменном желобе, журчала вода. Вдруг перед ногами парня заблестела лужа, такая обширная, что ее просто невозможно было перепрыгнуть. Но он готов был поклясться, что на той стороне лужи не было следов мокрых подошв.

Керис вернулся назад, к распростертому на холодной брусчатке телу Тирле. В ближайших домах вспыхивал свет, послышались встревоженные голоса. Парню бросилось в глаза, что на груди Тирле расплылось огромное темное пятно. Рот был открыт — жизнь не хотела покидать это тело, легкие жадно ловили воздух. Керис опустился на колени и приблизил лицо к голове Тирле. Старик чародей открыл глаза, мутным взглядом посмотрел на Кериса и прошептал:

— Антриг.

Это было его последним словом. Через секунду Тирле был мертв.

— Нужно известить власти. — Нет, сын мой, — сказал старик. — Уже давно известно, что не Солнце движется вокруг нас, а мы вокруг него. Хотя Святая Церковь пока не признала этого. Но тетушка Мин имеет в виду совсем не это, — снова нахмурившись сказал Солтерис. — Да, Темный Волшебник знал, несомненно. — Он перешел на шепот. — Как знаю и я. — Старик положил руку на плечо старой женщины. — Пойдем. Пока больше ничего не случилось, мы должны успеть с этим разобраться.

Архимаг Соларис, наклонясь над телом Тирле, не ответил на слова инструктора по технике владения оружием, который стоял в окружении жителей квартала. Тут были староверы и послушники, торговцы и ремесленники — все в наспех накинутых

одеждах. Женщины с ужасом смотрели на безжизненное тело. Керис прикрыл платком лицо убитого — уж слишком страшно смотрели на людей распахнутые глаза трупа. Парень заметил, что над кромками крыш уже забрезжил свет. Наконец старик произнес:

— Да, наверное, это нужно сделать.

Госпожа Розамунда неподвижно стояла, облаченная в свою обычную одежду, а не в какой-то ночной балахон, как большинство присутствующих. Услышав слова старика, она словно встрепенулась и сказала:

— А что извещать, они все равно найдут какой-нибудь повод, чтобы не заниматься этим делом до наступления рассвета.

Рот Солтериса скривился в усмешке:

— Возможно.

Тут он снова посмотрел на неподвижное тело Тирле. Кожа убитого чародея уже начала приобретать землистый оттенок, нос заострился.

Что-то шевельнулось внутри Кериса, и он протянул руку, чтобы поправить сбившийся камзол Тирле. Сделав это, молодой человек вдруг ощутил на ладони странную липкую жидкость. Да это же кровь, догадался он, кровь Тирле! Конечно, сам он привык к крови — какой же воин боится крови. Впервые Керис убил человека в возрасте пятнадцати лет — школам, где обучали воинскому мастерству, отдавали приговоренных к смерти преступников, поскольку, как известно, нет ничего лучше, как изучать все наглядно, на живом теле, а не колоть мечами скучные соломенные чучела. Если бы Совет Кудесников отдал такое распоряжение, он сам бы вонзил меч в горло Тирле. Но такое… В жизни Кериса еще не случалось, чтобы так умирал человек, которого он знал уже много лет. К своему стыду, Керис обнаружил, что многолетние тренировки не уничтожили в нем чувства жалости, о необходимости иметь которое так часто говорил инструктор-наставник. Надо же, как иногда получается. Сколько неудач за один день.

Наконец Солтерис поднялся на ноги, шелест его камзола вывел Кериса из задумчивости. Солтерис был весьма хрупкого сложения, с копной снежно-белых волос. Несмотря на довольно преклонные годы, Солтерис был довольно подвижен и даже сейчас без труда сумел подняться без посторонней помощи.

— Надо занести его куда-нибудь, не на улице же оставлять, — сказал волшебник.

При этом он поглядел на двух воинов, которые дежурили в эту ночь. Этот взгляд воины истолковали по-своему — они сразу же принялись убеждать, что во время убийства были на другом

конце квартала, но Солтерис взмахом руки остановил их излияния.

— Никто в этом не виноват, — мягко сказал стражникам архимаг. — Мне кажется, Тирле убили потому, что он просто некстати оказался на пути стрелявшего, вот и все. К тому же наш чародей видел его да и вообще поднял тревогу. Оснований убрать такого человека больше чем достаточно.

— Нет, — проскрипел старческий голос, доносившийся со стороны Зловонного переулка, — ты не забывай о Вратах… Вратах в темноту… Вратах в пустоту…

Солтерис резко повернул голову на голос. Керис, повинуясь привычке, сразу выступил вперед, готовый в случае необходимости защитить деда. Но в следующий момент он успокоился, поскольку голос был знакомым.

— Тетушка Мин? — позвал Керис.

Из Зловонного переулка вышла согбенная фигура и засеменила к Солтерису. Когда-то, в молодости, старуха была известна как Минхирдина Белокурая. Теперь от белокурости не осталось и следа — волосы были и седыми, и жидкими, а неподпоясанная длинная, до пят, рубаха волочилась по лужам и брусчатке. В руках Мин держала свое обычное вязание, с которым никогда не расставалась. Шла старуха, поминутно пошатываясь, и обеспокоенный Керис рванулся ей навстречу, чтобы старая женщина ненароком не растянулась на мостовой. Воин ласково сказал:

— Тетушка Мин, вам вообще не следовало бы подниматься с постели ночью, а уж сегодняшней ночью и подавно.

Но старуха явно не обратила внимания на добрый совет, зато прямым ходом направилась к Солтерису и Розамунде.

— Повсюду зло, — возвестила старуха. — Зло пришло к нам из других миров. Только тонкая перегородка отделяет нас от зла. Темный Волшебник знал это…

Солтерис удивленно нахмурил седые брови. Керис смотрел то на него, то на тетушку Мин, которая в конце концов, достав свое вязание, направилась обратно.

— Другие миры? — непонимающе поинтересовался парень. Он смотрел на брусчатку, на начало Зловонного переулка, на стены домов, вытесанные из серого камня. Потом он поднял голову — небо заметно просветлело.

— Но… — начал Керис удивленно, — мир-то наш. Он один. Других миров нет. А Солнце и Луна движутся вокруг нас…

Солтерис покачал медленно головой.

Послали стражника — одного из двух, которые были одеты по всей форме, — за лекарем. К удивлению Кериса, тот прибыл

уже через полчаса. Затем они перешли в дом архимага, где в сводчатом кабинете Керис изложил Солтерису, Розамунде и тетушке Мин все, что он видел и слышал: пистолетные выстрелы, потом эта странная погоня, потом темнота — уж не Врата ли в Пустоту? А началось все с того, что он услышал стук каблуков по брусчатке площади. Керис еще тогда удивился — кто это из жителей города отваживается зайти, да еще ночью, в квартал Староверов. Наконец пришел и лекарь — Керис был уверен: этот человек, одетый в камзол и толстые чулки, обутый в башмаки с массивными пряжками, наверняка врач или ворожей.

— Итак, доктор Нарвал Скипфраг. — Солтерис поднялся с резного кресла черного дерева и протянул изящную, но сильную руку. Врач пожал руку, вежливо наклонив голову. При этом он быстрым взглядом окинул комнату, мигом оценив ее убранство — шкафы до потолка, битком набитые книгами в кожаных переплетах, бутылочками, флакончиками и склянками, какими-то геометрическими фигурами непонятного назначения и хрустальными призмами.

— Я пришел настолько быстро, насколько было возможно, — сообщил врач.

— Спешка уже ни к чему. — Солтерис указал ученому на кресло, которое только что внес в комнату Керис. — Человек умер почти мгновенно.

Врач даже рот раскрыл от удивления. Он был высок, но сложен пропорционально своему росту, волосы его были зачесаны назад и связаны в некое подобие хвоста — такие прически носили в старину. Несмотря на то, что врач был разбужен посыльным, ученый щеголял тщательно отглаженной сорочкой и аккуратно повязанным галстуком.

— Это доктор Скипфраг, — представил врача Солтерис, — а это госпожа Минхирдин, госпожа Розамунда, мой внук Керис, он охраняет наш Совет. Керис видел, как произошло убийство. Доктор Нарвал Скипфраг — придворный врач императора и одновременно мой старый друг.

Как и положено воину, Керис скрыл свое удивление от окружающих. Вообще-то обычные люди не слишком верят в силу всяких там магов и чародеев, не общаются с членами Совета Кудесников, не говоря уже о том, что кто-то стал бы водить дружбу с архимагом. Но доктор Скипфраг улыбнулся и вежливо кивнул госпоже Розамунде.

— Мне кажется, что в другой жизни мы с вами уже встречались.

Женщина улыбнулась как-то неестественно, как будто против воли.

Сидя в своем любимом кресле и не прекращая вязать, тетушка Мин поинтересовалась:

— Ну что, как там поживает его величество?

Лицо врача несколько помрачнело.

— Он в добром здравии, — сообщил Скипфраг лаконично.

Госпожа Розамунда разомкнула пухлые губы и сказала:

— Что же, в некотором смысле очень жаль.

Солтерис вопросительно посмотрел было на нее, но Скипфраг в этот момент сразу опустил глаза, рассматривая свои руки с широкими ладонями. Розамунда только пожала плечами.

— В конце концов, хорошее здоровье — это не дар судьбы, да и не дар вовсе, скажу я вам. Если у человека нет ума, это еще хуже, чем нет здоровья. Уже четыре года прошло. Я сомневаюсь, что в один прекрасный день он вдруг проснется с ясным рассудком. Такого просто не может быть.

— Но в один прекрасный день он может запросто удивить нас всех, — в тон ей сказал Скипфраг. — Я бы сформулировал свою мысль так: его сын полагает, что все происходит именно так, как вы, милостивая государыня, считаете.

При одном только упоминании принца-регента зеленые глаза Розамунды недоброжелательно сузились.

— Возможно, тут речь идет и о его сыне, — мягко заметил Солтерис, — потому-то, Нарвал, тебя сюда и пригласили. Человек, которого убили, был волшебником.

Врач ничего не ответил. Солтерис откинулся на спинку тяжелого кресла и тоже задумался. Тишину нарушало только еле слышное потрескивание огонька подвешенной к потолку лампы. Наконец Солтерис сказал:

— Внук мой рассказал, что Тирле громко закричал: «Нет, нет!», когда увидел, что какая-то темная фигура стоит в тени здания Совета. А потом этот человек пристрелил Тирле и бросился в Зловонный переулок, в темноту. Вообще-то Керис не видел, возле какого именно дома стоял убийца, но мне почему-то кажется, что стоял он именно возле этого здания, где мы все сидим.

— Ты думаешь, — еле слышно спросил врач, — что регент Фарос подослал его?

— Вообще-то Фарос никогда не скрывал своей ненависти к тем, кто знаком хоть с зачатками волшебства.

— Пожалуй, да, — согласился доктор Скипфраг и задумчиво поднял голову, словно рассматривая матово-узорчатое стекло лампы. Так же рассеяно-задумчиво поднявшись с места, доктор подкрутил фитилек лампы, чтобы пламя сильнее освещало комнату и собравшихся. Тут он пробормотал: — Интересно. И

даже нет температурных изменений. — Он посмотрел на Солтериса и спросил: — Странно уже само по себе, не правда ли?

Солтерис понимающе кивнул. Но Керис, стоя в углу и не вмешиваясь, как и положено воину, был все-таки благодарен госпоже Розамунде за ее сакраментальный вопрос.

— Почему так? Сейчас вообще мало кто верит в нашу силу.

Голос женщины звучал довольно горько. Она продолжала:

— Сейчас люди работают на мануфактурах, сидят за прилавками, а в волшебство не верят. Они не верят ни во что, что можно было бы использовать для улучшения условий своей жизни.

Архимаг пробормотал:

— Но это верно, это же самая нормальная реакция. Так и должно быть.

Скипфраг улыбнулся, отчего все увидели темные круги вокруг его глаз.

— Нет, — сказал он. — Большинство из них не верят даже в ворожбу. Они на всех перекрестках кричат, что этого нет и быть не может, но сами тайно ходят к ворожеям, я знаю. Но что могут эти ворожеи — они ведь не давали Обета. Единственное, на что способны эти горе-маги, так это давать какое-то пойло, которое они именуют приворотным зельем, или писать странные знаки над входами в лавки, чтобы предохранить товары и кассу купца от нечестных людей. А этот Магистр Магус — слоняется без дела по всем кварталам и пытается превратить свинец в золото. Кстати, почему вы думаете, что Святая Инквизиция не арестовывает этих шарлатанов, хотя они разгуливают за пределами нашего квартала? Да потому, что они помогают поддерживать в людях страх. А страх в душах людей — это как раз то, что нужно нашей Святой Инквизиции.

— Но регент… — и архимаг покачал головой.

Через раскрытые настежь окна в комнату донесся разноголосый шум — город просыпался. Керис стоял и механически вспоминал: вот так дребезжат по камням мостовой колеса фургона мясника, там слышится протяжный голос торговца горячей лапшой, а там визгливо переругиваются молочницы. Резкие порывы ветра доносили запах воды и крики чаек — город был портовый. Солтерис грустно рассматривал резьбу своего кресла, хотя можно было побиться об заклад, что он наверняка успел досконально изучить этот узор, насколько сложным он ни казался бы постороннему наблюдателю. Тетушка Мин и вовсе смежила глаза, как будто потеряла интерес к происходящему.

Скипфраг осторожно кашлянул, и его стул тяжело заскрипел.

— Я дружил с его величеством много лет, — сказал он печально. — Ты знаешь, Солтерис, он всегда хорошо относился к людям волшебства. Хотя по чисто политическим причинам не давал им слишком большой свободы. Он верил в волшебство — иначе бы он не дал военной силы, которая помогла бы тебе разгромить Темного Волшебника Сураклина.

Солтерис не шелохнулся, но Керис заметил, что слова врача все равно произвели на него должное впечатление.

— Ненависть Фароса ко всем вам есть нечто большее, нежели неверие в ваши силы, — тихо продолжал Скипфраг, — он полагает, что помешательство его отца произошло по вашей вине.

Розамунда протестующе всплеснула руками.

— Быть этого не может. Ведь он ненавидит нас еще с детства. Он подозревает нас во всех смертных грехах.

— Может быть, так оно и есть, — пробормотал Солтерис, — но еще более правдоподобным мне представляется, что антипатия регента к нам переросла со временем в настоящую манию. Скорее всего, он просто слишком боится меня, чтобы выступить против нас открыто. Но что ему стоит подослать наемного убийцу? — Тут он посмотрел на Скипфрага и спросил его: — Послушай, а ты не можешь разузнать о том, что замышляется против нас при дворе?

Врач, поразмыслив, кивнул.

— Думаю, что это возможно. К тому же я общаюсь с этим Фаросом, да и друзей у меня среди придворных хоть отбавляй. Я постараюсь поспрашивать незаметно. Если там действительно что-то затевается, я обязательно узнаю.

— Хорошо. — Солтерис поднялся с кресла. То же самое сделал и врач. Его громадная фигура сразу заслонила тщедушного архимага.

Керис, открывая перед гостем дверь, успел в свете нового дня заметить, что кровь Тирле уже добросовестно смыта с булыжной мостовой и смыта совсем недавно, поскольку это место все еще влажно поблескивало водой. Наставник по фехтованию и двое послушников стояли на пороге своего дома, негромко беседуя о чем-то. Наставник сжимал в руке меч. Но к чему теперь оружие, подумал Керис, ведь известно, что после драки кулаками не машут.

И тут, глядя, как Солтерис провожает гостя, Керис вдруг подумал: а что делал на улице сам Тирле в столь неурочный час? И почему вдруг бодрствовала Розамунда — ведь она прибыла на место происшествия одной из первых, но — странное дело — при этом была одета совсем не наспех. Даже волосы ее были идеально расчесаны и аккуратно уложены — в таком виде с постели не

встают. Тут взгляд его переместился в глубь комнаты. А тетушка Мин? И она была полностью одета. Как это старая женщина может одеться с такой скоростью, как солдат по сигналу тревоги? Правда, волосы ее не были расчесаны. Но тут Керис подумал, что это еще ничего не значит, поскольку старуха все время ходила растрепанная.

Неужели все они бодрствовали и были в таком же состоянии, что и он сам?

Когда Керис вышел на улицу, холодный воздух раннего утра ударил ему в лицо. Тут же легким зудом дала знать о себе царапина, нанесенная куском кирпича, когда пуля ударила в угол дома совсем рядом с ним. Первые солнечные лучи упали на противоположную сторону площади, обряжая дома в иные оттенки, нежели преобладающие там коричнево-серые. Растения на окнах Тирле тянули к этим лучам листочки, нисколько не заботясь о том, что им теперь некого радовать своим бурным произрастанием. На площади ученый Нарвал меж тем усаживался в свою двуколку; архимаг, вышедший проводить друга, держал лошадей под уздцы. Керис отчетливо слышал сочный голос врача:

— Так действительно будет лучше. Моя репутация врача не пострадает, если я стану проводить опыты с электричеством, но она исчезнет окончательно, если станет известно, что я общаюсь с волшебниками. И тем более, если я в магию верю. Я разузнаю для тебя при дворе что смогу. Но только все равно, друг, прошу — береги себя.

Скипфраг натянул вожжи, и Солтерис отступил назад. Окованные железом ободья колес звонко задребезжали по мостовой. Придворный врач императора двора убыл.

Архимаг стоял еще некоторое время, неподвижно уставясь в отполированный ногами и колесами булыжник мостовой. Босые ноги Кериса чувствовали прохладу кирпичных ступенек, а свежий утренний ветерок трепал его рубашку. Парень еще раз посмотрел на деда и вдруг заметил, как старик изменился, как постарел за те восемнадцать месяцев, которые он провел здесь. Когда он последний раз обращал внимание на состояние деда — как раз перед тем, как начать тренировки по фехтованию, — дед еще казался крепким. А теперь… А теперь он был похож на побитую временем статуэтку из слоновой кости. Вздохнув, старик повернулся, и тут взгляд его упал на Кериса, все еще стоявшего на ступеньках.

— Что имела в виду тетушка Мин? — осторожно поинтересовался Керис. — Когда она говорила про другие миры? Про Пустоту и Врата в Пустоту? — спустившись с крыльца, молодой человек подал деду руку и продолжал спрашивать: —

Неужели есть еще и другие миры, не только наш?

Солтерис взял руку внука. Тонкая, холодная рука старика из-за своей жесткости ассоциировалась у Кериса с птичьей лапой. Керис вообще-то не мог бы похвастаться высоким ростом, но теперь заметил, что он выше архимага. А ведь в детстве дедушка поднимал его на руки, и Керису казалось, что он взлетает на головокружительную высоту… Хотя, конечно, недостойно воина думать о происшедшем, но остановить ход мыслей он уже не мог. Керис молча помог деду подняться по крутым ступенькам.

Наконец они остановились на площадке перед входом, уже на верху ступенек. Оба молчали. Архимаг размышлял, очевидно, над тем, как лучше и доходчивее всего ответить на вопросы человека, который о волшебстве имеет самое что ни на есть смутное представление.

Тут старик что-то надумал.

— Да, — тихо сказал он, — и мне кажется, дитя мое, что ты видел те самые Врата, которые описывала тетушка Мин. Это были Врата в Пустоту, которая отделяет один мир от другого.

— Я… Я… — забормотал Керис, — ничего подобного раньше и не слышал.

На губах старика появилась вымученная улыбка.

— Мало кто вообще слышал об этом, — сказал он тем же еле слышным голосом. — И еще меньше людей пересекали эту Пустоту. Мне однажды пришлось сделать это, и я попал в другой мир, по ту сторону Пустоты, — теперь глаза архимага смотрели отчужденно, словно видели уже не площадь, не подворье, а космос. — Насколько мне известно, только два человека имеют самое полное представление о том, что есть эта Пустота, по какому принципу она устроена, как, грубо говоря, ее пощупать и потрогать, как перейти через нее. Один из этих людей уже в могиле, — тут старик замолчал, а потом сказал, уже более громко и отчетливо: — А второго зовут Антриг Виндроуз.

— Антриг? — пробормотал Керис. — Тирле произнес как раз это имя.

Солтерис мгновенно бросил на внука пронизывающий взгляд.

— Он и в самом деле произнес это имя?

На какие-то доли секунды в темных глазах старика отразилось сомнение, затем он улыбнулся.

— Он и в самом деле мог произнести это… Как и я только что… если он думал, что какая-нибудь опасность движется на нас из Пустоты. Антриг, — повторил он, и в мозгу Кериса шевельнулось что-то, как будто бы вспомнился какой-то давно забытый эпизод детства.

— Антриг, — раздался за ними сочный голос госпожи

Розамунды, которая тоже подошла к ним.

Реакция у Кериса была отменной — он сразу повернулся. Так и есть — женщина спокойно стояла в полутемном коридоре позади них, ее изящные белые руки были сложены на животе, а темные волосы ниспадали на плечи, перехваченные только красным шелковым шнурком.

Тут Керис вспомнил — то ли кто-то ему говорил, то ли он где-то когда-то услышал обрывок разговора. Но это засело в его памяти, и он спросил:

— Этот Антриг… Он ведь был волшебником, не так ли?

— Да, волшебником, — сказал архимаг. Он поправил пряжку на плече, удерживающую концы его черного плаща. Но мысленно он был не здесь — глаза старика смотрели в пустоту, словно через само время…

— Предсказатель! — воскликнула Розамунда. — В свое время отрекся от данных им же клятв и обетов. Стал обыкновенным гадателем, которые всматриваются в кофейную гущу и в расклад гадальных карт, вот и все. В изломах света, отраженного в куске стекла, он надеялся высмотреть способ обрести бессмертие.

— Возможно, это действительно так, — мягко сказал архимаг, — но только нужно учитывать, что он наверняка самый могущественный маг из ныне живущих. Еще тринадцать лет назад он был самым младшим из всех, избранных в Совет Кудесников. А три года спустя его исключили из Совета, отобрали все ученые титулы и лишили всех званий. А потом и вовсе изгнали. И все это за то, что он вмешался в ссору между императором и Хозяевами Зерновых Полей. С тех пор он скитается неизвестно где. Где его найдешь теперь, мир-то вон какой большой.

Керис нахмурился. Полузабытые воспоминания детства воскресили-таки в его памяти одну картину — архимаг сидит возле жарко пылающей печи в доме бабушки Кериса. А рядом с архимагом — высокий и стройный молодой человек, с которым он пришел. Они возились с каким-то колесом при свете пламени, а потом тот человек таинственным голосом рассказывал разные страшные истории о привидениях…

— А он злой? — поинтересовался Керис, поскольку этой информации его память не сохранила.

Солтерис несколько мгновений подумал, а потом отрицательно покачал головой.

— Думаю, что нет, — сказал он. — Но вот мотивы его поведения всегда оставались для меня неясными. Да и вообще, насколько я знаю, никто не мог предсказать, что он станет делать тогда-то и тогда-то и для чего. Как я уже сказал, он значительно могущественнее всех живущих ныне волшебников, сильнее он и

меня. Но его ум подобен темному и глубокому колодцу, в котором даже дна наверняка нет, поскольку в него без малейшего труда смогли уместиться достижения мысли многих веков и нескольких вселенных. Он одновременно мудр и невинен, коварен и упрям, а теперь, чего я очень боюсь, еще и безумен.

Но госпожа Розамунда только безразлично передернула плечами.

— Да он всегда был безумцем.

— Это верно, — тут лицо архимага озарила странная улыбка, — но проблема в том, что никто еще не смог узнать, насколько Антриг безумен, — взгляд старика потух. — А последние семь лет он и вовсе сидел пленником в Башне Тишины, а ведь самые камни этой башни пропитаны заклятьями, которые не пропускают никакое волшебство. Просидев столько времени в Башне в качестве узника Святой Церкви, он был отделен от волшебства целиком и полностью. Я могу только надеяться, что у Антрига Виндроуза хватит все-таки здравого рассудка, чтобы помочь нам. А нам очень нужна будет его помощь, поскольку я боюсь, что мы имеем дело с угрозой, которая исходит из другого мира.

Глава 2

ОШИБКА: НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ ДВОИЧНОЙ СТРУКТУРЫ ДЕРЕВА
**ИСПРАВЬТЕ И ПОПРОБУЙТЕ СНОВА:
ОК>

— Двоичная структура дерева? — простонала Джоанна Шератон. — Но ведь я только что поправила это проклятое дерево. Набравшись тем не менее терпения, она напечатала:

>НАЙТИ: TREE.DATA.O >ВЫПОЛНИТЬ TIGER.REV8
ОК>

Минуту спустя на сером фоне дисплея загорелись зеленые буквы:

ОШИБКА: НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ ДВОИЧНОЙ СТРУКТУРЫ ДЕРЕВА ОК>
**ИСПРАВЬТЕ И ПОПРОБУЙТЕ СНОВА:

— Ну я задам тебе неизвестное условие, — пробормотала она. Джоанна лихорадочно принялась просматривать на экране соответствующие данные, стараясь отыскать там нечто такое, что могло бы сдержать дальнейший ход программы. Ну, где же она, эта помеха? — В чем же дело, черт побери? Или тебе просто не понравилась моя интонация? Я что же, должна говорить: «Позволь мне прибегнуть к твоей помощи, милостивая машина?» Так, что ли? — и женщина попыталась все начать снова.

>НАЙТИ: TREE.DATA.O. ОК>
ОК>
>ВЫПОЛНИТЬ TIGER.REV8
ОШИБКА: НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ ДВОИЧНОЙ СТРУКТУРЫ ДЕРЕВА
**ИСПРАВЬТЕ И ПОПРОБУЙТЕ СНОВА:

— Знаешь, я уже начинаю уставать от твоих «о\'кей». — Джоанна поправила прядь длинных волос, откинув ее, чтобы волосы не мешали смотреть на дисплей. Потянувшись в кресле, она снова принялась за многострадальную программу, которая тем временем спокойно возлежала на стопках каких-то брошюрок, учебников, чертежей ракет типа «Тигр», листочков с написанной от руки рекламой для газеты «Сан-Серано Спектр». — И вообще, я

успела устать даже от тебя, — пробормотала она, в то же время продолжая бегать пальцами по клавишам. — Тебе же положено быть самой эффективной и работающей программой к западу от Хьюстона. Для чего нам играть в кошки-мышки, когда я собираюсь запустить… И почувствовала, что падает. Девушка ударилась головой о пол. Впрочем, пол здесь был выстлан тонким синтетическим покрытием, но только так, для внешнего эффекта — мягче от этого, что называется, не стал. Потом она увидела, как пламя свечи заколыхалось, замерцало, заплясало светлыми волнами на стене. А потом все словно померкло.

Рука девушки застыла в воздухе.

Там, в зале, был кто-то еще.

А может, ей просто показалось? Сколько Джоанна ни прислушивалась, она не слышала ничего, кроме ровного монотонного жужжания кондиционера. Даже огромные радиоприемники грузчиков, которые постоянно мешали ей работать, отчего Джоанна обычно делала перерыв, решая прогуляться в кафетерий в дальнем конце здания номер шесть, сейчас умолкли.

Тут девушка подумала, что сейчас наверняка уже поздно.

Наверное, это охрана ходит по коридорам, решила она и снова повернулась к экрану монитора.

Ей не хотелось верить в это.

Она и так уже проработала сверхурочно достаточно долго, проводя анализ испытаний полетов новой ракеты. И потому хорошо знала, как именно звучат шаги охраны по коридору корпуса. А эта легкая поступь не имела ничего общего с тяжелыми шагами обутых в подкованные ботинки охранников. Да и позвякивания ключей тоже что-то не было слышно.

Но тут в мозг ворвалась мысль: «Даже если это не охрана, а кто-то другой, то охрана об этом сейчас побеспокоится». Другая мысль говорила следующее: «Не веди себя неразумно». Возможно, это какой-то техник бродит по коридорам, выискивая работающую кофераздаточную машину.

Так что беспокоиться тут было не о чем.

Но тем не менее беспокойство почему-то не желало покидать Джоанну.

Девушкой она была хрупкой, но в этом хрупком теле таилась необычное упорство в достижении своей цели. Рут, художница, жившая этажом ниже, постоянно твердила Джоанне, что все мужчины сходили бы по ней с ума, если бы она нашла время привести себя в надлежащий вид. Но Джоанна как раз почему-то не желала «найти время». Во всяком случае, не собиралась следовать примеру Рут, которая смело выделяла на такие цели

чуть ли не целый день.

Нет, там что-то действительно странное. Повернувшись в своем винтовом кресле, Джоанна еще раз прислушалась. Но на сей раз до нее не донеслось ни звука.

Девушка подумала, что виной всему головная боль — сидит тут целыми днями, даже дышать свежим воздухом, и то приходится урывками. Сейчас наверняка уже больше десяти… Когда она засела за работу по анализу результатов пробных полетов новой ракеты «Тигр», изготовленной специально для использования в военно-морском флоте, то вокруг еще ходили люди, хотя их было не столь уж много — время-то позднее, все торопятся домой, к семьям. Интересно, сколько времени она просидела за компьютером…

Глаза девушки упали на зеленоватый циферблат настенных часов.

Боже, два часа ночи!

Два. Как так? Она была готова поклясться, что уборщицы ушли только-только, а они позже одиннадцати вечера никогда не уходили.

Неудивительно, что голова болит и всякая ерунда мерещится, подумала девушка. Охватив руками голову, она с силой надавила на виски, чтобы почувствовать эту самую головную боль. И тут вспомнила, что была настолько занята, что и пообедать не нашла времени. Впрочем, об этом нечего было жалеть — тут хорошего обеда не купить, а то, что подают, — такая ерунда, да еще по бешеным ценам. Так уж было заведено в Сан-Серанском Аэрокосмическом комплексе. Температура в помещениях в любое время года поддерживалась постоянная, воздух был идеально чист, без каких-либо запахов, даже приятных. Потому-то работники обычно не обращали внимания на течение времени.

Но два часа ночи — это действительно слишком.

Вдруг Джоанну захлестнуло какое-то безысходное отчаяние — казалось, голову залила холодная и жирная вода, в которой час назад мыли посуду. Самым обидным было то, что она просидела здесь столько времени, а готового результата так и не получила — как ни крути, а что-то в программе все равно нужно завтра менять, раз программа не запускается. И вообще, что за жизнь она ведет, какая-то пустота, а не жизнь. Как эта самая программа — все бесполезно, скучно, однообразно.

Странно, что она только-только почувствовала это — ведь с тех пор, как Джоанна покинула дом матери, ей нравилась ее одинокая жизнь. Может быть, это одиночество так повлияло в конце концов на ее состояние? Девушка знала, что относится к людям куда хуже, чем к компьютерам, — ведь машины

совершенно беспристрастны, им не придет в голову сначала мило болтать с тобой, а потом за твоей спиной высмеивать тебя, распускать сплетни. Компьютер никогда не ожидал от тебя того, на что ты не был способен, ему было глубоко безразлично, на что ты тратишь свое свободное время…

Если говорить откровенно, она несколько раз задумывалась о том, что ей нужно измениться — стать общительнее, добрее, как ее коллеги по работе. Но такое чувство отчужденности, ненужности, забытости она испытывала впервые. Это было нечто невообразимое.

Тут перед ее глазами возник образ Гэри Фейрчайлда — всегда улыбающийся, доброжелательный парень. И в самом деле, почему она так одинока? Почему ей не сойтись с этим парнем? Ведь это когда-нибудь все равно должно случиться. Кто-то с кем-то все-таки живет, наступит и мой черед.

Нет, Джоанна решила отогнать прочь дурные мысли и больше к ним не возвращаться.

Но какой-то тонкий голосочек говорил в ее душе: «В любом случае тебе больше нечего делать здесь в два часа ночи. А завтра появится он…»

И вдруг, так же быстро, как и охватила ее, волна огорчения и безысходности схлынула. Джоанна удивленно протерла глаза и осмотрелась по сторонам. «Что это было со мной? Прямо как приступ какой-то болезни», — подумала она с легким раздражением.

Одна только мысль о том, что она подумывала всерьез принять назойливые предложения Гэри и сойтись с ним, заставила девушку содрогнуться. Она ведь из тех женщин, с которыми мужчины никуда не выходят, она может целыми днями сидеть за толстыми книжками, компьютерами. К тому же она все равно не уживется с Гэри — она любит тишину, читать, а у того в квартире все время, как ни придешь, чуть ли не на полную громкость работает телевизор. Но на душе у Джоанны все равно было тоскливо, хотя она упорно пыталась вернуть себе прежнее беззаботное расположение духа.

«Возможно, я проголодалась сильнее, чем кажется, — подумала девушка. — Врачи говорят, что пониженное содержание сахара в крови заставляет человека постоянно чувствовать себя подавленным. Они не говорят прямо, что иногда это запросто может привести к самоубийству».

Вздохнув, Джоанна принялась подводить итоги сегодняшнего дня. Что уже сделано, что предстоит сделать завтра. Сейчас лучше не работать — насажаешь ошибок, а потом возись, исправляй. Наверняка из-за такой оплошности и не получается

программа. Девушка принялась сдвигать все на край стола. Ее коллеги, кстати, никогда не верили, что она в состоянии сразу найти нужное в неряшливой куче газет, брошюр, дискет, журналов, бюллетеней и рекламных листков. Временами стол ее походил на некое геологическое напластование — на него страшно было смотреть. И это называется женщина. Впрочем, девушка знала только, что лежит на столе, а в ящики заглядывала редко, особенно в нижние. Она не удивилась бы, если, в один прекрасный день открыв такой ящик и отодвинув в сторону бумаги, обнаружила бы там выводок мышей или что-то в этом роде.

И тут она снова вспомнила про загадочные шаги в зале.

Не будь глупой, сказала она себе. Тут секретная лаборатория, причем общегосударственного значения. Мимо охраны даже муха не пролетит незамеченной.

Но даже эта утешительная мысль почему-то не убедила ее в том, в чем должна была убедить.

Джоанна похлопала себя по карманам потрепанных джинсов, проверяя, на месте ли ключи от машины. Взяла со стола свой кошелек — впрочем кошельком он только назывался, поскольку вполне мог сойти за дамский ридикюль средних размеров. Кроме денег, тут в беспорядке лежали замусоленные вырезки из компьютерных журналов, какие-то ценники с давних и недавних покупок и прочий хлам. И вдруг снова задумалась. Она бы действительно почувствовала себя необычайно глупо, если бы ей вдруг встретился охранник или коллега. Но кто из коллег станет околачиваться на работе в два часа ночи?

— Послушай, — урезонила она себя, — ведь тебе уже двадцать шесть лет. Все равно странно, что кто-то бродит по секретной лаборатории в два часа ночи. Что тут делать охраннику? Они же наверняка сидят в это время на своих местах, за пультами?

Нет, мало ли что там такое, подумала она. Взяв со стола небольшой молоточек из набора инструментов, она открыла стеклопластиковую дверь и вышла в коридор, прислушиваясь.

Коридор, освещенный мягким приглушенным светом, почему-то только усиливал ее беспокойство. Все было погружено в непроницаемую, какую-то вязкую тишину. Девушка направилась по темно-синей ковровой дорожке по коридору, но даже поступь ее кроссовок производила здесь немалый шум. Да, эта идеальная тишина ловит и с готовностью усиливает любой звук. Здесь почти никого не было в этот час. «Почти» было сказано не случайно — несколько раз ее внимательный взгляд замечал громадных тараканов, которые наверняка уютно чувствовали себя в

лабиринтах мудреного лабораторного оборудования.

Вдруг ее внимание привлекла какая-то вспышка света.

Джоанна остановилась. Нет, это даже не отблеск фосфоресцирующей поверхности. Может, свеча? Очень похоже на свечу, пламя которой отражалось на внутренней стороне полированной металлической двери главного компьютерного терминала.

Огонь? Огонь, подумала она, ускоряя шаг. В компьютерном терминале стояло полным-полно мусорных корзин для использованных бумаг и перфорационных карточек, и в них всегда что-то лежало. Повсюду были развешаны таблички типа «Курить запрещено», но что стоило какому-нибудь остолопу-уборщику бросить окурок или непотушенную спичку в один из ящиков или в урну? Даже если там и нет бумаг, то все равно может возникнуть пожар — ведь емкости для мусора сделаны из пластмассы. Хотя отблеск на двери выглядел слишком слабым, чтобы его мог отбросить огонь. Нет, нужно все равно проверить, что там такое.

Да, так она и думала — это была свеча. Свеча горела в поставленном на угол ящика с базой данных старомодном оловянном подсвечнике. Золотистые отблески загадочно играли на компьютерах, на мониторе цифровой графики и на ящиках с дискетами. Где-то в углу горела одинокая красная лампочка.

Но как сюда попала эта свеча?

Именно ее нервозное состояние и спасло ее. Джоанна готова была поклясться, что не слышала шагов позади себя, но она интуитивно почувствовала опасность за какие-то мгновения до того, как чьи-то пальцы вдруг оказались на ее горле. Пальцы были жесткими и холодными. Девушка принялась яростно отбиваться локтями и лягаться. Инстинкт самосохранения подсказывал, что нужно делать.

Хватка на горле на какое-то мгновенье ослабла. Тут она вдруг вспомнила, что в правой руке у нее молоточек. Удар — и комнату наполнил жуткий рев. Сзади кто-то шумно задышал, девушка почувствовала на своем виске горячее дыхание незнакомца. Затем в нос ей ударил запах горящего дерева, старой шерсти, каких-то трав. Переложив молоток в левую руку, Джоанна изо всех сил ударила за правое плечо.

В нос Джоанне ударил едкий запах нашатырного спирта. Из последних сил она подняла руку, чтобы отразить это новое нападение, но ее перехватила чья-то рука, большая, черная. Девушка хотела закричать, но из горла вырвался только жалкий хрип.

Над ней склонилось темное лицо, излучавшее беспокойство.

Так, человек средних лет.

— Мисс, с вами все в порядке? — поинтересовался он.

Джоанна слабо пошевелила головой, которая сразу загудела. И тут же гудение прошло по всему ее телу. Подхватив ее под мышки, человек помог ей сесть. В свете фонаря она с облегчением узнала светло-голубую рубашку и значок, которые носила охрана комплекса.

— Вы поймали его? — К ней уже вернулось сознание, и она вспомнила, что с ней произошло.

— Кого?

Джоанна откинула волосы назад, за голову, чтобы ощупать ссадины на шее. Она попробовала сглотнуть слюну, и тут же в горле засаднило. Голова тоже гудела. Хорошо еще, что она ударилась об участок, прикрытый ковром, а не об угол какого-нибудь железного ящика.

— Здесь кто-то был… Он напал на меня сзади, — судорожно прошептала она. Тут Джоанна посмотрела на то место, где видела подсвечник. Но теперь там ничего не было.

Охранник поднес к губам портативную рацию.

— Кен, — забормотал он, — это Арт говорит. Тут говорят, что в здании шесть находился посторонний. Возле главного компьютерного терминала, — тут охранник повернулся к девушке. — Вы случайно не разглядели его?

Она отрицательно покачала головой.

— Он был выше меня, — начала она, запинаясь. Тут девушка осеклась: что за ерунду она говорит, ведь почти все выше ее. — Но, по-моему, я слышала, как он ходил по залам и по коридору.

— Во сколько это было? — живо поинтересовался охранник, озираясь по сторонам.

— Примерно около двух часов. Я… Я увидела огонь.

— И он ударил вас вот этой штуковиной? — парень показал ей молоток. Причем держал он инструмент, как подобает настоящему криминалисту — за самый конец, да и то через носовой платок.

Джоанна почувствовала, что к лицу приливает кровь.

— Нет, — воскликнула она. — Этот молоток мой.

Охранник бросил на нее недоуменный взгляд, но потом снова сосредоточился.

— Я иногда ношу с собой молоток, когда знаю, что задержусь допоздна, — пояснила девушка и тут же, словно извиняясь, добавила. — Ведь на улице темно, а до машины нужно идти через парк.

Впрочем, чего ей было боятся, если Сан-Серано находится в совершенно пустынной местности, на специально оборудованном

полигоне, вдали от населенных пунктов? Потому тут было довольно спокойно, даже машины не крали. Но все равно — этот извечный человеческий страх перед темнотой…

Вдруг рация охранника затрещала. Он нажал на кнопку и стал слушать. После чего сказал девушке, словно желая успокоить ее: «Мы вызвали дополнительные наряды! За двадцать минут они обшарят комплекс сверху донизу! Он никуда отсюда не денется!»

Но Джоанна подумала, что незнакомец наверняка уже сделал именно это — куда-то делся. Через десять минут Джоанна уже сидела в небольшом домике охраны возле главного въезда в исследовательский центр от Лос-Каньон-роуд, пила горячий чай и отвечала на вопросы полицейского. Все входы и выходы здания номер шесть были тщательно проверены, но нигде не было обнаружено следов взлома или хотя бы признаков того, что тут мог пройти посторонний. Сотрудники безопасности и охраны проверили все закоулки огромного здания, но неизвестный как сквозь землю провалился.

В четыре часа утра Джоанна отправилась домой. Она собралась позвонить Гэри, поскольку теперь одна мысль о возвращении в свою пустую квартиру на улице Ван Найс страшила ее, но потом отбросила эту идею. Ночь еще не прошла, и Гэри спросонья наверняка не так поймет ее. А ей совсем не хотелось заниматься тем, что Гэри наверняка предложит.

В конце концов охранники довели ее до голубого старого «Пинто», одиноко стоявшего на стоянке, и Джоанна покатила домой мимо голубых каньонов. Она ехала и думала, почему это впервые в жизни мысль о возвращении в дом, где ее никто не ждет, показалась ей страшной. Когда она ложилась спать — около шести часов — то уже светало, но сон ее был неспокойным.

Сотрудники охраны не смогли обнаружить ни следа незнакомца, якобы бродившего по коридорам исследовательского центра в ту ночь.

Глава 3

Башня Тишины находилась в десяти милях от старого имперского города Кимила, отделенная от него поворотом реки Пон и сочными лугами, на которых нагуливали жир овцы и свиньи. На лугах же находились большие и маленькие озера, где по вечерам лягушки устраивали целые концерты. Когда Керис и его дед направились к старым воротам Кимила, люди, завидев черные одежды старика, поспешно отворачивались, крестясь и бормоча молитвы. Жители этого города и его окрестностей имели особые основания бояться всех, кто знался с волшебными силами.

Уже с дороги Керис заметил эту башню, одиноко стоящую на холме. Она напомнила парню указательный палец, словно поднятый в предупреждении.

Предупреждение, которое нельзя было забывать ни одному волшебнику.

Между городом Ангельской Руки и Кимилом была проложена великолепная дорога, вымощенная плитами из тесаного камня. Керис и дед путешествовали два дня и две ночи провели в крестьянских хижинах. Однажды после того, как они уже устраивались на ночлег в сарае, к ним несмело зашла дочь хозяина и попросила угадать по картам ее будущее. Как-то Керис случайно проснулся ночью и увидел деда, сидящего и бормочущего какие-то заклятья, глядя на звезды.

Глядя на величественную башню, Керис перевесил дорожную котомку с одного плеча на другое. Возле стен города раскинулся квартал бедных лачуг, возле которых в пыли возились и визжали детишки в отрепьях. Вдруг из ворот вышла религиозная процессия: люди в темных одеждах во главе с несколькими священниками, которые размахивали кадилами в ту сторону, откуда шли к городу Керис и архимаг. Чувствительные ноздри молодого воина мгновенно уловили сладковатый запах ладана. Один из священников, по виду — самый главный, прокричал что-то, и люди стали поспешно опускаться на колени, простирая руки к небу. Все люди — и бедные, и те, что побогаче. Священники тоже преклонили колени и стали молиться. Наступил момент, когда даже дети перестали визжать и бросаться друг в друга камешками. Все покорились воле Святой Церкви. Вернее, почти все — кроме архимага и Кериса, они по-прежнему стояли на дороге, взирая на суету перепуганного чем-то народа.

— Сегодня мы можем заночевать в городе, в Доме Волшебников, — тихо сказал Солтерис, внимательно оглядывая окружающую местность. Местность была холмистой, но холмы

эти означали границу земли Сикерст — пустынных земель, протянувшихся на две тысячи миль на восток. Здесь ничего не росло — только трава. Между тем старик продолжал: — Нандихэрроу управляет городом, пока старая Вера еще сильна здесь, а многие из тех, что пришли сюда жить двадцать пять лет назад, обрели тут вторую родину!

Меж холмами засвистел ветер, донесший до ноздрей путников запах сена. «А что, Сураклина судили в этом городе?» — спросил Керис.

— Именно в этом, дитя мое, — Солтерис вздохнул, — не только судили, но и казнили, — и старик снова замолчал, вглядываясь темными глазами из-под кустистых бровей в бесконечную даль.

— Я этого не знал, — заметил Керис мягко, — я просто подумал… если столица империи в городе Ангельской Руки, то и суд должен был бы состояться там…

Кривая улыбка заиграла в уголках губ старика. «Трудно судить человека за занятие волшебством в городе, где мало кто в это волшебство верит, — горько сказал Солтерис, — а вот в Кимиле Сураклина хорошо знали! Даже те, кто не верили, что волшебство существует, предпочитали не попадаться лишний раз на его пути! — И архимаг кивнул в сторону притихших холмов. — Вон там стояло его укрепление, которое называли Цитаделью. Они разбросали камни, которые обозначали ведущий туда путь. Сама же Цитадель была срыта. А Башня…»

В сумерках угасавшего дня Керис заметил, как старик сдвинул брови и выразительно наморщил лоб, и без того изборожденный морщинами.

— А Башня Тишины стояла тут издавна, мы только укрепили ее стены — я и другие члены совета. На эти стены мы наложили заклятия, заклятия пустоты. Мы использовали энергию света звезд, чтобы наложить заклятье тьмы, и запечатали его накрепко печатью Бога Мертвых. Мы укрепили Башню волшебной энергией, так что не то что через двери — через ее камни, не в состоянии пройти ни чародей, ни заклинатель. В Башне Тишины Сураклин и дожидался суда. Оттуда его повели на смерть…

Старик отвернулся. «Пойдем дальше, — тихо сказал он, — о таких вещах нельзя разговаривать слишком долго!» Он первым тронулся с места, увлекая внука навстречу квадратным, серым от времени городским воротам.

Ночь они провели в Доме Волшебников — громадном, но уже успевшем обветшать здании в самом центре Кимила, неподалеку от реки. Как и большинство городских сооружений, дом был выстроен из дерева. Но в отличие от угрюмых домов горожан он

весь был изукрашен причудливой резьбой. На крыше были сделаны многочисленные башенки и коньки, наличники окон и дверей говорили об изощренной фантазии безвестных резчиков по дереву. Решетки балконов и перила представляли собой как бы хитрое сплетение цветов и трав. Большинство городских домов, как успел заметить по пути Керис, были выстроены без всяких архитектурных излишеств, выкрашены синей или темной краской. Кстати, Керису бросилась в глаза еще одна деталь — возле входа в дом находились две деревянные колоны, при них — ниши, а в нишах стояли небольшие статуэтки. Все это было изготовлено из дерева, но при этом искусно выкрашено под камень.

— Послушай, это ведь не сам Сураклин делал? — спросил он Ле — помощницу командира солдат-охранников, которые стерегли этот дом.

Темноволосая женщина кивнула в ответ: «Когда маги разрушили его волшебную силу, в городе началось разорение, — сказала она, — другие дома были разрушены позже, и говорили, что они несут на себе печать Темного Волшебника!» Тут она посмотрела на него из-под короткой челки изучающим взглядом, а потом подняла голову к потолку — там, наверху, чародеи, выпив вина, говорили о чем-то своем. Четверо или пятеро воинов, которые дежурили в тот вечер, сновали взад-вперед, унося грязную посуду и принося новые закуски. Потом они сели играть в карты, азартно подшучивая друг над другом. Керис и Ле тоже выпили немного вина.

— Но что было бы, если бы Сураклин умер? Что ожидалось? — Керис сейчас извлекал из своей памяти все обрывки разговоров, которые он слышал от магов.

Ле только покачала головой. «Говорят, что они должны были не только довести его, отправить туда, где он был раньше! Говорят также, что он умел воздействовать на умы тех, кто находился неподалеку от него! Он мог воздействовать даже на неодушевленные предметы! И даже во сне он мог пользоваться своей силой! Конечно, это могли быть просто выдумки досужих сплетников, но…»

— А ты сама-то видела его?

Рот женщины искривился в какой-то странной ухмылке, которую вряд ли можно было назвать улыбкой. Они сидели за длинным столом, последние из воинов, которые прислуживали магам. Где-то в углу разговаривали двое новообращенных — они с жаром обсуждали какое-то новое выученное заклятие, споря, в каких случаях и с какой интонацией его следует произносить. В комнате было душно, и Керису очень хотелось продолжить

разговор во дворе.

— Я видела его только один раз, — нарушила тишину Ле, — когда мне было восемь лет. Я видела, как он умирал, а потом видела, как сжигали его тело. Вообще-то Святая Инквизиция хотела сжечь его заживо, но твой друг, архимаг… — она кивнула наверх, куда вела лестница, там сидел Солтерис. Он задумчиво слушал большого и плотного Нандихэрроу, который рассказывал: «Нет, вряд ли… Церковь не имеет никакой власти над теми, кто принес клятву на верность Совету. Конечно, Церковь есть Церковь, она свята, но права на убийство мага ей все равно никто не давал. Причем независимо от того, кто этот маг и чем он занимается!»

Тут Ле закатала рукав, и Керис с удивлением и завистью увидел несколько шрамов от рубленых ран. «Так вот, насчет Сураклина! Мне кажется, что для него все это тогда уже не имело значения! Я не знаю, что говорили о нем в Совете, в Святой Инквизиции и даже при дворе. Но зато я хорошо помню, каким разбитым и опустошенным он возвращался сюда. И он был так молчалив… Мне даже казалось, что этот человек не поднимет руки, чтобы защитить себя от удара меча…»

Керис вспомнил эти слова на следующий день, когда он вместе с дедом покидал город, выходя из каменных ворот. Они направились дальше по дороге, вьющейся между холмами. Дорога была ровной и хорошей — жители внимательно следили за нею. Сейчас как раз стояла пора сенокоса. Сено на окружающих холмах и низинах было уже скошено, а теперь жители города ворошили его граблями, пока позволяла погода, чтобы поскорее просушить. Где-то вдали на болотах кричали птицы. Но чем дальше они отходили от города, тем более запущенной становилась дорога. Некоторые плиты почти совсем вросли в землю, и на них зеленела трава. Видимо, жители редко пользовались этим участком.

— Дедушка, эта дорога вела к Цитадели Сураклина? — тихо спросил Керис, словно не желая нарушать тишину, царившую тут.

Услышав голос внука, Солтерис встрепенулся, явно выведенный из глубоких размышлений. «Да. Да! — пробормотал он. — Эта дорога вела к его укреплениям! Но дорога эта значительно старше даже его самого — видишь, эти почтенные плиты потрескались от тысяч земных морозов, которые гуляли и гуляют тут! Только потом люди прокляли это место!»

Керис нахмурился, оглядываясь по сторонам. Тут его взгляд упал на придорожный камень. Камень живо напомнил молодому человеку об окрестностях города Ангельской Руки, где таких придорожных камней, поставленных в разное время, было полно.

Каждый камень стоял, как часовой, охраняя свою эпоху, которая никогда уже больше не вернется. А эту дорогу, дед говорит, прозвали чертовой дорогой. «А что еще тут было?» — спросил он, но дед, погруженный в свои мысли, резко мотнул головой, демонстрируя нежелание отвечать.

Слева от них, на одном из холмов, стояла посеребренная временем Башня Тишины. Вокруг ничего, только трава… Трава, которую жадно треплет ветер, стараясь подчинить своей воле…

Тут Керис заметил, что его представление о Башне как об одиноко торчащем указательном пальце, не совсем верно. Тут была не только Башня. Это величественное сооружение опоясывала невысокая стена с просторными воротами. И тут было довольно людно — через раскрытые створки было видно, как во дворе ходят одетые в черное люди — наверное, послушники. А те, что были одеты в белое, были наверняка священники. Возле ворот стоял какой-то человек, одетый в рясу, точно монах. Но не в черную и не в серую, а в огненно-красную. Очевидно, один из местных Кудесников Церкви. И Керису почему-то очень захотелось не входить в эти ворота.

— Все нормально! — ободряюще сказал Солтерис, угадав переживания парня, — они пока что нас даже не замечают! Так заняты своей работой!

Вообще-то архимаг и его внук стояли на таком месте, где их никак нельзя было увидеть со стороны ворот, но Керис подумал, что дед не станет говорить напрасно. Старик вытащил из висящего на поясе мешочка маленький шарик, похожий на запекшийся в огне кусочек теста. Керис с любопытством уставился на этот шарик.

— Это лайпа! — пояснил старик, хотя это слово мало что говорило молодому человеку. Приглядевшись, Керис увидел, что шарик и в самом деле слеплен из теста. На нем тонкой булавкой были выцарапаны какие-то руны. Рунические знаки почти сплошным узором покрывали шарик. Старик передал шарик внуку и проговорил:

— Береги это как зеницу ока! Если со мной что-то случится или мы вдруг потеряем друг друга больше, чем на три часа, уничтожь шарик! Другие маги придут!

Тут Солтерис передал шарик внуку, продолжая внимательно наблюдать за Башней Тишины. Особенно интересовало его то, что происходило возле распахнутых ворот.

Солтерис уже двинулся дальше, как вдруг встревоженный Керис схватил его за плечо: «Дед, а если это Антриг сейчас пленник, он не может как-то использовать против тебя свое волшебство?»

Солтерис улыбнулся. «Антриг сейчас беспокоит меня меньше всего — сказал он тихо. — Нет, в Башне Тишины у него вовсе не получится заниматься волшебством! Да и у меня тоже! Случись мне оказаться за ее стенами, я стану просто жалким стариком, и то, что прежде внушало людям страх и почтение, перестанет их отпугивать! Со времен Исара Чалладина между святой церковью и Советом не было никаких конфликтов — но и Церковь стареет! Они, конечно, внимательно наблюдают за нами и выжидают своего момента! — Тут старик даже подмигнул внуку. — И я тоже буду делать все, чтобы в случае нападения меня не застали врасплох!»

Керис оглянулся назад — на пустынную, заброшенную дорогу. Ему стало очень тоскливо — так, наверное, чувствует себя и Башня Тишины, среди однообразных холмов и под постоянным ветром. Тут он вспомнил рассказ Ле о том, как Святая Инквизиция вознамерилась живьем сжечь Темного Волшебника, и как Солтерис отказался дать им власть над жизнью и смертью какого бы то ни было волшебника. Наверняка Инквизиция никогда не забудет этого архимагу и в удобном случае обязательно отомстит.

Воин положил лайпу в большой кожаный кошель, висевший у него на поясе, и путники пошли дальше. Когда они еще больше приблизились к стене, окружавшей Башню, Керис сразу напрягся — он ощутил свое оружие — меч на поясе, кинжал в башмаке, еще один маленький ножичек в потайном кармане как части тела. Еще раз обернувшись, он подивился, что только издали можно было заметить, как трава почти поглотила каменные плиты дороги. А впереди, за холмами, где петляла дорога, еще можно было различить те же путевые камни, любезно сообщавшие когда-то путнику, сколько миль он прошел.

Тут Керис снова скосил глаза на деда. Он постарался представить себе, как выглядел старик двадцать пять лет назад, когда он поднял Совет против Темного Волшебника. Он уже тогда носил титул архимага, хотя был молод и совсем не являл собой образец величия, каковое подобает человеку столь высокого ранга. Наверное, у него были темные волосы, думал Керис, и вряд ли тогда он был столь же молчалив и задумчив, как сейчас. Но зато от молодости в Солтерисе осталось прежнее — хитрое лукавство в глазах, которое выдавало глубокую душевную теплоту этого человека.

В воротах их встретил епископ Кимила. Керис удивился, увидев, что столь высокопоставленное духовное лицо — женщина. Глядя на нее, можно было догадаться, что красотой она никогда не отличалась. Как и предписывала Святая Церковь,

женщина была коротко острижена. Одета она была в ризу серого бархата с изображением Солнца-Единого Бога на груди, которое напоминало алое кровавое пятно. Протянув для приветствия руку, женщина испытующе поглядела на обоих путешественников и сказала полувопросительно: «Здрав будь, архимаг!»

Глядя через плечо епископа в распахнутые ворота, Керис размышлял, сколько послушников живет здесь. Ле сказала ему, что одновременно пять человек послушников Дома Волшебников несут тут службу — но острый глаз Кериса углядел по меньшей мере двадцать человек, проворно снующих по просторному двору. Двое Посвященных выжидательно замерли позади епископа, с подозрением оглядывая архимага и его внука. Керис поразился, какой фанатизм излучали их глаза. Церковь называла их иначе — хасу, то есть «купленные», — купленные у ада ценою крови святых и Единого Бога. Женщины-купленные именовались несколько по-иному — хасур.

— И ты будь здорова, госпожа епископ! — поклонился Солтерис. Он слегка прикоснулся к пальцам женщины своими пальцами — формальный контакт, но знак вежливости и доброжелательности.

— Ты написал в своем послании, что хотел бы встретиться с человеком по имени Антриг Виндроуз?

Они направились к Башне, и воины окружили их со всех сторон. Вообще-то все это попахивало ловушкой, западней. Это тем более логично было бы предположить, зная тайную зависть Церкви к Волшебникам, которые были единственной группой населения, не признававшей ее власти над собой, над своими душами. Особенно встревожил Кериса скрип цепей поднимаемого моста. Он оглянулся и понял, что если придется спасаться бегством отсюда, то сделать это будет трудновато; под стеной во дворе не было ни единого строения, так что о попытке бежать, забравшись на крышу и спрыгнув с нее вниз, не могло быть и речи, к тому же такие прыжки сами по себе опасны — прыгать с такой высоты — это запросто сломать себе ногу. Воин заметил еще одну деталь — высокая стена преграждала доступ ветрам, свободно гулявшим между холмов. Тут было тихо и спокойно. Вокруг сновали послушники с печальными лицами — впрочем, такие физиономии были у всех, кто только собирался стать монахом, и проходил испытательный срок, — ведь им приходилось работать и за себя, и за тех, кто этот испытательный срок уже прошел. Конечно, эти люди сами выбрали свой жизненный путь, но Керису все-таки стало жаль их, когда он представил, что всю жизнь они должны будут провести здесь, среди этих серых стен, обивая каменные плиты двора.

Епископ сделала легкий знак рукой, и главный стражник с трудом отомкнул тяжелые замки, которыми была буквально обвешана ведущая в Башню дверь. Дверь со скрипом отворилась, и из нутра Башни пахнуло могильным холодом. Керис заметил, что к внутренней стороне двери приделана какая-то металлическая пластина. В табличку, в свою очередь, был вделан свинцовый кругляш размером с имперскую золотую монету. Едва только он посмотрел на этот свинец, как на него вдруг напала жуткая тошнота, отвращение, словно крыса пробежала по его телу. Керис поспешно отвернулся, дыша, как выброшенная на берег рыба. Краем глаза он успел заметить, что дед испытывает нечто похожее.

Впрочем, Керис сразу понял, в чем дело. На двери была прибита та самая печать Бога Мертвых, которая обладала магическими свойствами привязывать к себе волшебную силу, если та оказывалась в непосредственной близости от нее. Один из стражников снял печать и куда-то унес ее — чтобы архимаг смог беспрепятственно войти в дверь. Только тут Керис понял, какой силой действительно обладает Башня Тишины. Он также знал, что нет такой силы, которая смогла бы заставить его прикоснуться к этой печати, что бы ему ни говорили и кто бы этот приказ ни отдавал.

Его собственное волшебство было не столь уж могущественным и, как подозревал Керис, еще уменьшалось. Парню казалось, что там, в сумрачном нутре Башни, он угадывает какую-то другую могущественную силу, которая только и ждет, чтобы кто-то попал в ее власть. Ему не хотелось думать, что могущественнее — сила Башни или сила его деда. Только теперь воин понял слова Солтериса, что тот хотел бы надеяться, что Антриг после семи лет пребывания в Башне не лишился рассудка.

Наконец они пошли в Башню. В конце узкого прохода находилась комнатка-закуток — для охраны. Это небольшое пространство было довольно ярко освещено коптящими факелами. Окон в Башне не было, приток свежего воздуха обеспечивала какая-то особая система вентиляции, которая, впрочем, работала не совсем хорошо. Они стали подниматься по винтовой лестнице на верх Башни. Идти приходилось очень осторожно — ступеньки тут были очень крутыми и какими-то осклизлыми. Впереди и сзади шли послушники Церкви с факелами в руках. Опираясь на всякий случай руками о стену, Керис поднял голову и увидел, сколько же на сводах лестницы накопилось копоти — видимо, ходили по этой лестнице довольно часто. А может, это были слои многих столетий.

Наконец они поднялись на самый верх. Керис заметил — та

комната, к которой они шли, находилась под самой крышей Башни, и была очень маленькая, но чистая. В ней не было даже той вони, которая пропитывала комнату для охранников внизу. Парня очень удивило, что здесь было громадное количество книг. Книги были сложены на импровизированных полках, составленных из деревянных ящиков. Еще больше книг было свалено грудами в углах и возле небольшого столика, стоявшего у стены. Стол был весь завален какими-то бумагами. Среди бумаг Керис заметил замысловатую чернильницу, сломанные и целые перья для письма, увеличительные стекла, небольшой глобус, пожелтевшие свитки, две астролябии и какие-то невиданные им раньше инструменты, по-видимому, для измерения чего-то. В одном месте стайкой сбились около дюжины чашек и плошек, в которых виднелись остатки чая. На некоторых листах были написаны какие-то мудреные математические формулы, начерчены разнообразные геометрические фигуры. Там же были рисунки — кленовый лист, кость, епископ, звезды на небе, подсвечник, заляпанный застывшим воском от сгоревших свечей.

Епископ постояла на пороге, неодобрительно оглядывая царивший в комнате беспорядок. Затем она сказала охранникам:

— Отведите его вниз.

Они повернулись к другой двери, которая вела, насколько Керис понял, к другой лестнице и, по всей видимости, к крохотной комнатке без окон, которая находилась наверху. Парню стало даже жаль, что сейчас все они так грубо вторглись в наверняка ставшее уже привычным для узника уединение. Не успели воины подойти к двери, как дверь распахнулась от удара с другой стороны, и в комнату, точно ураган, ворвался Антриг Виндроуз.

— Моя дорогая Герда! — Маг, точно ураган, пронесся мимо остолбеневших охранников, как будто не заметил их. Расшаркавшись по моде седой старины, он церемонно и радостно поднес к губам руку епископа. — Как хорошо, что ты заглянула! Что там у вас стряслось? Когда ты была тут в последний раз — полгода назад? Или все семь месяцев? Как твой ревматизм, все беспокоит? Ты пользовалась травами, которые я тебе порекомендовал?

— Нет! — Епископ в раздражении вырвала руку. — И еще раз нет, мне лучше не стало! Я привела…

— Тебе действительно нужно было сделать это, пока не пошел дождь! Солтерис! — Теперь затворник смотрел на архимага, внимательно и испытующе глядя в его лицо сквозь толстые стекла очков. Он схватил Солтериса за руку и воскликнул: — Я же тебя, почитай, лет пять, кажется, не видел?

Высокий, худощавый, но уже немолодой Антриг выделялся узким лицом, обрамленным седой копной волос и такой же всклокоченной бородой. На шее у него болталось некое подобие хрустальных бус. Метавшиеся за стеклами очков серые глаза совершенно не производили впечатления глаз уравновешенного и вообще нормального человека. Месяцами, если не годами, он видел только охранников, но в его сочном живом голосе не слышно было ни упрека, ни недовольства. Казалось, что для этого человека время приостановило свой ход.

— Да, наверное! — спокойно отозвался архимаг, хотя Керис, взглянув на деда, понял, что тот явно обеспокоен таким состоянием Антрига.

Антриг, наклонив по-птичьи голову, некоторое время еще смотрел в глаза Солтериса, потом отвернулся. Несмотря на кажущуюся мешковатость и неуклюжесть, передвигался он по комнате довольно проворно.

— А это Керис, ведь правда? Керис, сынок твоей Телиды! О, Керис: ты, верно, не помнишь меня! Тогда тебе было лет шесть, не больше!

— Нет, что вы! — неожиданно нашелся Керис. — Я вас неплохо помню!

Серые глаза вдруг засветились каким-то особым огоньком — в них читалось удивление и даже подозрение.

— В самом деле? — живо поинтересовался заключенный. — В последний раз мне говорили такое в тот момент, когда мне в спешке пришлось покинуть город Ангельской Руки. — Тут он перевел взгляд на Солтериса. — Ты не хочешь попить со мной чаю? И ты, моя дорогая Герда. — Епископ нахмурилась — ей явно не нравилось такое фамильярное обращение со стороны заключенного. — И эти господа тоже, конечно же, — старик кивнул в сторону охранников и шагнул к небольшому очагу, на котором уже закипал чайник. Несмотря на то, что на дворе стояло лето, огонь тут был совсем не лишним. Башня была сырой, а тут было холодно — через узкие щели, служащие окнами, проникало, должно быть, в самые солнечные дни и то не слишком много света. Что уж говорить о тепле!

— Это что, просто визит вежливости, Солтерис? — поинтересовался Антриг, заливая кипятком заварку и окутываясь при этом паром. — Или же я должен тебе в чем-то помочь? Это возможно, но только в масштабе моих условий, — и старик красноречиво окинул взглядом свою комнату.

В его голосе не было и следа сарказма. Очевидно, он уже давно свыкся с таким образом жизни и уже не ощущал неудобств от сознания потерянной свободы. Тут Антриг резко повернулся,

отчего подвески на его шее жалобно зазвенели.

— Боюсь только, — сказал заключенный, — что к чаю я могу подать вам только хлеб и масло! Конечно, икру я периодически заказываю, но ее почему-то все равно не приносят.

Епископ выглядела донельзя удивленной, но Керис заметил, что архимаг закусил верхнюю губу — он подавлял некстати возникшую улыбку. Наконец архимаг успокоился и сказал:

— Что ты, Антриг, хлеб да масло — этого вполне достаточно к чаю.

Антриг повернулся было, чтобы пригласить охранников, но Герда опередила его — она сделала легкое движение рукой, и оба охранника одновременно попятились к проему выхода. Пожав плечами, Антриг схватил со стола первый попавшийся лист бумаги, свернул его трубочкой, сунул в очаг и получившимся факелом зажег свечи, чтобы усилить освещение, поскольку факелы давали не слишком много света.

— Послушайте, госпожа моя! — обратился Солтерис к епископу. — Нельзя ли попросить вас оставить нас наедине? Нам нужно поговорить!

Бледные невыразительные глаза Герды приобрели стальной оттенок.

— Вообще-то, сударь мой, мне не хотелось бы выходить, — жестко сказала она. — Раньше практикующие магию и без того слишком тесно общались между собой! А мой предшественник сказал, что этот человек был когда-то твоим учеником! Только благодаря твоему вмешательству он не был казнен, а помещен сюда. Как главное духовное лицо империи я не могу…

— Нет, Солтерис, не верит она тебе, — вздохнул Антриг, покачивая головой. Он потушил горящий лист бумаги и швырнул его обратно на стол. — Ну что же, тогда делать нечего…

Архимаг уже уселся на один из стоящих у стола стульев. Второй стул Антриг сначала предложил епископу, которая негодующим кивком дала понять, что не желает садиться, а потом — Керису, словно тот был посетителем, а не сопровождающим архимага. Но Керис проявил приличествующую случаю вежливость, и на стул сел сам Антриг, одновременно располагая чайник на стопке бумаг.

— Так что тебя привело ко мне? — словно спохватившись, спросил он Солтериса.

— Пустота, — просто ответил архимаг.

По стеклам очков затворника замелькали блики огоньков свечей, а его рука сделала непроизвольное движение.

— А что насчет пустоты? — поинтересовался он.

— Ты можешь ощущать, чувствовать ее?

— Нет. — Антриг со стуком поставил чашку на стол.

— Но ведь когда-то это у тебя получалось! — старик гнул свое.

— Там, снаружи, да! А тут я не могу чувствовать пустоту, так же как не знаю, какая сегодня погода! Но для чего ты спрашиваешь?

Солтерис выразительно приложил к губам указательный палец:

— У меня есть все основания предполагать, что кто-то из другой вселенной проник к нам! Он убил чародея Тирле на Волшебном Подворье! Застрелил его! — Тут Керис заметил, как брови Антрига удивленно взметнулись вверх. — Его убила пистолетная пуля, хотя вряд ли кто-то из нас видел такой пистолет! То есть, такую пулю — она не похожа на те, которые используются при стрельбе из нашего оружия!

Тут Керис добавил:

— И запаха пороха не было совершенно! И дыма не было, хотя стояла глубокая ночь!

— Это все очень любопытно, — заметил тихо Антриг.

— Керис заметил там что-то такое, что похоже на Врата в Пустоту, которые умел открывать Сураклин, — продолжал архимаг, — тетушка Мин тоже так полагает! Как ты думаешь, в других мирах есть волшебники, которые в состоянии открыть Врата в Пустоту и прийти к нам, чтобы натворить бед?

— Да, я думаю, да. — Антриг посмотрел в чашку с чаем, как будто надеялся увидеть там какой-то ответ. Солтерис внимательно смотрел на непроницаемое лицо Антрига. А Керис, посмотрев на руку этого человека, державшего чашку, заметил, что пальцы его дрожат. — Вообще-то, — продолжал Антриг, — не обязательно, чтобы он…

Тут он вдруг замолчал, и Солтерис быстро сказал:

— Продолжай, что — он?

— Что? — невинно спросил Антриг в свою очередь.

— Тот факт, что неизвестный прошел через Пустоту, не обязательно значит, что он… Что?

Затворник снова нахмурился, испытующе смотря в глаза архимага. Затем он медленно сказал:

— Я и понятия не имею обо всем этом! Ты не знаешь, что вся мудрость космоса может быть записана на черепашьих панцирях? Разумеется, волшебными знаками! Конечно, этих черепах еще нужно поймать! К тому же их нужно поймать много, да и знать, в каком порядке читать знаки и как правильно их читать… Где-то тут у меня есть подборка узоров с этих панцирей…

— Послушай, Антриг, — мягко сказал Солтерис, оглядываясь

по сторонам. Узник Башни удивленно уставился на архимага, ожидая, что он скажет дальше.

— Вообще-то им не нравится, когда у них забирают панцири, эти черепахи…

— Это само собой разумеется! — охотно согласился Солтерис. — Но ты говоришь о Пустоте?

— Я ничего о Пустоте не говорил, — возразил Антриг, — я только сказал, что независимо от нас существуют другие миры, в которых вполне может существовать волшебство! И жители этих миров вполне могут проникать к нам через Пустоту! Есть и такие миры, в которых нет волшебства. И существует постоянное движение — к источникам силы и от них! Так что волшебник из другой вселенной вполне мог открыть Врата в Пустоту и через нее проникнуть к нам на прошлой неделе с какими-то своими целями…

— А мне показалось, кто-то говорил, будто не чувствует Пустоты, — подал голос Керис, отчего пламя свечей сразу заколебалось. — Но тогда откуда ты знаешь, что все случилось на прошлой неделе?

Антриг смерил молодого человека взглядом меланхолического аиста.

— Ты, наверное, примчался сразу же, как только понял, что здесь не обошлось без вмешательства Пустоты, — изрек затворник, — ты и твой дед! Но от Города Ангельской Руки до Кимила как раз неделя пути, не правда ли? — Тут он, словно ища подтверждения, посмотрел на Солтериса, который энергично замотал головой, неизвестно — опровергая или подтверждая слова бывшего ученика.

— Преследуя личные цели! — вдруг выпалила женщина-епископ. Как и Керис, она не принимала участия в беседе, и потому, казалось, все забыли о ее присутствии. Теперь она подошла ближе к обоим магам и подозрительно поинтересовалась: — Какие же это цели?

— А какие предположения ты можешь сделать сама? — Антриг вытащил из-под стола моток веревки и принялся задумчиво вертеть его в руках. Развязав моток, он принялся свивать из веревки нечто, напоминающее колыбель для кошки.

Теперь Герда обратила лицо к архимагу:

— С целью… С целью сотворить в нашем мире что-нибудь не совсем хорошее, непорядочное?

— Непорядочное? Нехорошее? — быстро посмотрел на женщину Солтерис.

— Так ты что же, уважаемый архимаг, еще ничего не слышал? — изумилась епископ. — В деревнях народ только и

говорит о всяких загадочных вещах, которые кто-то видел, кто-то слышал, а кто-то даже ощутил! В Воронве, это на юге, один человек среди бела дня зашел с улицы домой, а потом час спустя его нашли там разорванным на куски. На западе, в Скепкро, люди заболели какой-то хворью беззаботности — они целыми днями спали, пили в тавернах и бродили бесцельно по улицам, а в стойлах ревел непоенный и некормленный скот, а на полях гнило сено, и никто не убирал его! Мы поручили разобраться Святой Инквизиции — может быть, в этом были замешаны ведьмы — но ничего так и не обнаружили. Что случилось, в чем причина — это так и осталось загадкой!

— Что-то такое я слышал, — нахмурился Солтерис, — но, как мне представляется, это не имеет никакого отношения к убийству Тирле или к открытию Врат в Пустоту!

— Неужели? Ты в этом твердо уверен? — поинтересовалась Герда.

— Честно говоря, я не удивляюсь, что мы не смогли доискаться причин всего этого, — проговорил Антриг, продолжая возиться с веревкой, — ведь этот ваш Сергий Костолом стремится найти человека, а не причину! Если он схватил и сжег на костре пару-тройку ведьм, это еще не означает, что он сумел отыскать то, что представляет опасность для всех нас! Кроме того, Нандихэрроу и другие в Доме Волшебников наверняка знали бы, что тут действует какой-то волшебник-одиночка. В нашем мире и без того полно зла и насилия, что уж нам завозить эту гадость откуда-то еще? Постой, можно тебя побеспокоить? — Он вытянул свои опутанные руки к женщине и предостерегающе взмахнул ими.

— Что ты себе позволяешь! — Герда, сорвав с рук злополучный моток веревки, швырнула его к двери.

— Конечно, я много себе позволяю, — сказал миролюбиво волшебник, — ты же знаешь не хуже меня, что иногда может представлять собой скука! А у меня сейчас немного возможностей подурачиться, я все дни сижу в одиночестве, — и Антриг попытался было встать, чтобы подобрать моток веревки с пола, но епископ сильным движением руки толкнула его обратно в кресло.

— Перестань заниматься ерундой! — сурово сказала она. — Я не шучу! Стоит мне приказать, и…

— Ты не сделаешь этого, — резко заметил Солтерис, — пусть он и считается пленником Святой Церкви, но находится под юрисдикцией Совета Кудесников. Именно поэтому он когда-то принес Совету клятву на верность…

— Ха, клятву, от которой в конце концов сам же и отступился!

— Но разве священник, совершивший грех, лишается из-за этого покровительства Церкви? — живо спросил Солтерис. На какое-то мгновение глаза епископа и архимага встретились. Старик был похож на старого рассерженного лиса, умудренного жизненным опытом, а взгляд Герды напоминал взгляд упрямой свиньи, которую невозможно убедить в чем-либо противоположном ее точке зрения. Но Керис знал, что свинья животное куда более хитрое, чем о нем думают, и потому намного более опасное. А тут, в Башне, Солтерис, как и Антриг, был в ее власти.

— Грех священника касается только самого священника! — тихо ответила женщина. — А вот волшебник, который отступается от данной им клятвы не вмешиваться в естественный ход развития рода человеческого, подвергает опасности не только себя, но и тех, кого он своими недостойными действиями искушает последовать его примеру! Он не только сам представляет опасность, но и делает опасными других людей. Получается, что волшебники не всегда могут контролировать себя!

— А вы все можете себя контролировать? — в тон ей поинтересовался Солтерис. Его загадочно блещущие при свете свечей глаза немигающе смотрели на Герду. — И вообще, вспомни, что если бы не Совет Кудесников, то этим городом правил бы Сураклин, а не ты!

— Но Сураклин был разгромлен армией под предводительством принца!

— Без нашей помощи его армия ничего не смогла бы сделать! Сураклин собирался выждать, пока они зайдут достаточно далеко в эту холмистую местность, чтобы потом попросту вызвать к жизни темные силы земли. Земля разверзлась бы и поглотила всех этих людей! Только наше вмешательство предотвратило это тогда… Солтерис взволнованно поправил широкие рукава своего просторного одеяния. — Я думаю, у меня есть право сказать, что ждет человека, нарушившего клятву верности данную им Совету Кудесников…

Архимаг внезапно повернулся к Антригу, который невозмутимо пил чай и, казалось, потерял всякий интерес к тем двоим, от кого зависели его жизнь и смерть.

— Послушай, Антриг, — начал архимаг, — скажи мне, в последние недели было какое-нибудь движение через Пустоту?

— Как же, оно должно было быть, если вы там заметили пришельца из другого мира, — аргументы узника башни были неоспоримы. Подняв чашку с чаем на уровень глаз, он задумчиво посмотрел на нее и спросил неожиданно: — Как вы думаете,

заклятья, что наложены на Башню, — они что, и на чайные листья тоже воздействуют?

— По-моему, ты мне лжешь, — тихо сказал архимаг, глядя в сторону.

— Послушай, я готов поклясться, — воскликнул удивленный Антриг, — что за последние семь лет я не чувствовал Пустоты. Я ведь изолирован от мира!

Солтерис опустил руки на заваленную бумагами столешницу и долгим изучающим взглядом уставился в закрытые стеклами очков глаза Антрига.

— И все-таки ты лжешь, — сказал он упрямо, — даже не знаю, почему!

— Неужели? — тут их взгляды встретились: взгляд Солтериса, осторожный и испытующий, и Антрига — испуганный. Архимаг перевел глаза на епископа, и внезапно его лицо смягчилось. Он встал и с высоты своего роста поглядел на все еще сидевшего за столом пленника. Залитый каплями воска подсвечник отбрасывал на стены комнаты уродливые тени.

Вдруг Антриг тоже поднялся на ноги.

— Ну что же, Солтерис, — сказал он, — мне было очень приятно поболтать с тобой, но у всех нас есть какие-то дела. — Он с неожиданной поспешностью отодвинул чайник и чашки на угол стола, красноречиво прикрыв всю посуду стопками бумаг. Затем он продолжал: — Герда, а почему бы тебе не дать в распоряжение архимага отряд своих славных воинов? Солтерис… — он увернулся от испепеляющего взгляда епископа, посмотрев на архимага, и его глаза стали вновь совершенно осмысленными. Печальным голосом он произнес: — Мне кажется, самое первое место, куда вам нужно заглянуть, — это Цитадель Сураклина! Не мне говорить тебе, что она выстроена на месте скрещения линий! Если есть какие-то неизвестные еще силы, то на этих линиях они должны ощущаться!

— Тут я с тобой полностью согласен! — понимающе кивнул Солтерис. Несколько мгновений оба волшебника безмолвно смотрели друг на друга. И за эти несколько мгновений молчания Керис еще раз поразился, насколько тихо было в Башне. Снаружи сюда не проникали совершенно никакие звуки, только где-то в вентиляционных отдушинах печально завывал ветер. И все, больше ничего не чувствовалось — ни смены погоды, ни смены времени суток. Конечно, Антриг не был молод, но и стариком его назвать было тоже никак нельзя. Керис к тому же был уверен, что волшебники могли жить сколь угодно долго. Неужели эта комната и каморка наверху — все, что Антриг сможет видеть следующие лет пятьдесят? Хотя он знал, что такое этот Антриг,

воин тем не менее почувствовал жалость к этому седому, нескладному чудаку с безумными глазами.

— Спасибо тебе, Антриг! — поблагодарил Солтерис, — перед тем, как покинуть Кимил, я к тебе обязательно загляну! Кое-что обсудим!

Пленник улыбнулся какой-то безумной улыбкой:

— Я постараюсь, чтобы в следующий раз нам все-таки подали икру! Приходи запросто в любой день, я всегда дома между тремя и четырьмя, — подумав, маг добавил, — как, впрочем, и в любое другое время!

— Неужели? — спросил архимаг так тихо, что Керис едва расслышал его слова. Затем он развернулся и в сопровождении епископа и ее воинов направился к выходу. В следующее мгновение они уже спускались по ступенькам.

Потом они ушли со двора и направились обратно по старой дороге, вымощенной потрескавшимися, ушедшими в землю плитами. За это время здесь прошел дождь, и теперь запах озона витал в воздухе. Дышалось очень легко. И дед, и внук шли молча. Наконец, когда впереди показался город, архимаг тихо произнес:

— И все-таки он лгал!

— Он лгал, — произнес и Керис. Дед только взглянул на него и шевельнул кустистыми бровями.

Керис поднял голову, словно разглядывая тучи:

— Он сказал, что не может чувствовать Пустоту! Но я слышал, как он сказал этой женщине, что сегодня будет дождь! И дождь прошел!

Мимо путешественников вдруг протарахтела карета епископа. Керис успел заметить сквозь стекла экипажа и саму женщину, которая задумалась над чем-то. На запятках кареты стояли двое послушников. Сама Герда даже не посмотрела на недавних собеседников, с которыми еще пятнадцать минут назад разговаривала в Башне Тишины.

Солтерис вздохнул и кивнул:

— Да. Он все-таки и вправду солгал. Знаешь, Керис, что-то он скрывает! Или он что-то знает, или просто есть что-то такое, о чем он никак не хочет говорить!

Налетевший порыв ветра стал яростно трепать волосы путешественников, как бы побуждая их к дальнейшим рассуждениям.

Пока они шли, Керис больше ничего не говорил. Он теперь думал, с какой легкостью Антригу удалось создать напряженность между епископом и архимагом, отвести их внимание от себя и втравить их в перебранку. И еще он вспомнил, что узник Башни особенно напирал на то, что они с Солтерисом не виделись уже

несколько лет.

Молодой человек задумчиво оглянулся на Башню, сложенную из местного серого камня, которая теперь снова торчала, как одинокий предостерегающий палец, — окружающие ее здания и стену загораживали холмы. Эта серая башня очень хорошо гармонировала с таким же серым неприветливым небом. Вдруг, вспомнив, Керис сунул руку в свой кожаный кошель, притороченный к поясу, достал из него лайпу и вернул ее деду. Какое-то шестое чувство (это чувство послушники развивали в себе специальными тренировками) подсказывало ему, что именно теперь лайпа нужна старику.

Глава 4

После жужжания принтера тишина была совершенно неожиданной — Джоанна подняла голову, словно раздался какой-то неожиданный шум.

Но единственный шум, который был слышен, — это жужжание кондиционера, причем это жужжание она помнила со своего первого дня работы здесь.

Вокруг нее все было спокойно, торжественно и пусто.

Испытав нечто вроде паники, девушка лихорадочно посмотрела на часы.

6:45.

Джоанна облегченно вздохнула — это было не столь позднее время.

— Нельзя все время работать, — твердила она себе, покачивая обутой в кроссовку ногой и поворачиваясь из стороны в сторону на своем винтовом кресле. Наконец она развернула компьютерную распечатку на зеленоватой бумаге и прочла: «От „СПЕКТРА“ на этой неделе должны поступить результаты испытаний».

Все, подумала девушка, после этого всем придется сидеть сверхурочно. И самой отказаться от этой работы никак нельзя на том основании, что снова может появиться какой-нибудь взломщик!

Не глядя, она сложила распечатку вдоль и швырнула ее в сторону, на груду бумаг.

Между тем она продолжала думать, что все-таки придется снова задерживаться в вечернее время. Ничего, ведь *это* случилось две недели назад. Если они даже не нашли его, то все равно — человек просто не может прожить в здании столько времени, беспрестанно где-то прячась. Здание уже раз десять обшаривали вдоль и поперек.

Но, роясь в бумагах в поисках каких-то данных, она снова наткнулась на тот самый молоток, который, можно сказать, две недели назад спас ей жизнь. Один или два раза за эти две недели, оставаясь на вечернюю работу, она испытывала странное чувство, что за ней кто-то наблюдает. Она думала об этом и знала, что в здании номер шесть сколько угодно разных закоулков, где можно с успехом спрятаться без риска быть обнаруженным. Корпуса аналитического и испытательного центров были двухэтажными, остальные здания — одноэтажными. Что было на крыше этих зданий, она и понятия не имела. А ведь они были плоскими, там тоже можно было укрыться! Интересно, искали ли охранники

нападавшего там? Джоанне несколько раз самой хотелось пробраться на крышу и проверить, но ее останавливал страх снова столкнуться с незнакомцем. Но Дигби Клейтон — один тронутый из отдела программирования — поднимался туда, как он сказал, для медитации и видел людей, но все это были его коллеги или сотрудники других отделов.

И это не единственное укрытое место, думала девушка, ступая по ярко освещенному коридору. К примеру, взять гараж, в котором стояли электромобили и микроавтобусы. Попасть туда можно было через двери возле стены складов. А уж если у тебя в кармане полно разменной монеты, то и питаться можно, бросая их в торговые автоматы. Во всяком случае до тех пор, подумала девушка, пока однообразное питание не прискучит. Она позволила себе даже улыбнуться, несмотря на все свои страхи. Ведь даже в самых хорошо охраняемых сооружениях, как сообщил ей один из сотрудников охраны, крадут все что угодно — от канцелярских скрепок до компьютеров. А уж что стоит спрятаться здесь, в каком-нибудь подходящем закоулке, и выждать!

Для чего? Для чего, спросила себя Джоанна и тут же замедлила шаг. Если это был вор, то ему совсем не было смысла задерживаться здесь, он должен был уйти тем же путем, что и проник сюда. Ведь пока что никому в Сан-Серано даже в голову не приходило забираться в какое-то здание, сидеть там неделями и лишь после того душить совершенно незнакомого человека.

Но ведь каким нелогичным представлялось ей поведение многих людей, которые ни с того ни с сего забирались на пожарные вышки и начинали отстреливать отошедших от дел рок-музыкантов и прочих звезд. Какой логикой можно было объяснить такие поступки? А ведь газетные заголовки, возвещающие о подобных безумствах, появляются в газетах чуть ли не каждый день!

Нет, можно и параноиком стать, если все время думать об одном и том же, сказала себе девушка.

Но почему именно ты — параноик, а не тот, кто сюда тогда пробрался? Мысли на другие, более спокойные темы не желали лезть ей в голову, и Джоанна думала только об одном, беспрестанно оглядываясь по сторонам и назад.

Временами на девушку нападала непонятная вялость. Особенно страшно было ей проходить мимо темных комнат и тех коридоров, которые соединялись с этим, главным. В них тоже не везде горел свет. Хотя она даже не знала, чего именно так боялась. Наконец на разветвлении главного коридора она остановилась и, держа свой огромный кошель с вложенным внутрь молотком, остановилась, прислушиваясь. В этом месте

стены были отделаны панелями орехового дерева, на которых в аккуратных рамках были развешаны фотографии, повествующие о строительстве и истории существования сан-серанского центра. Что интересно, подметила девушка, так это то, что фотографы всегда старались, чтобы в кадр при съемках не попали парковочные стоянки, колючая проволока или смоговые облака над не столь уж далеким Лос-Анджелесом. И благодаря стараниям этих людей всех этих повседневностей бытия на фото не было.

Дальше по коридору справа находился главный компьютерный терминал.

Освещение было полностью включено, хотя не доносилось ни единого голоса. На металлической двери терминала не металась ни единая тень. После ночного нападения Джоанна каждый день заглядывала в зал терминала, но тут все время было полно людей, занятых своей работой. Некоторые из них удивленно смотрели на нее, но ничего не говорили и не спрашивали. Однако ее постоянно неудержимо влекло сюда — может быть, это было то самое, что она не сказала охранникам, потому что это было слишком абсурдно. Она была уверена, что ее поднимут на смех, но себе-то самой она могла верить!

Теперь потребовалось гораздо большее усилие воли, чтобы заставить себя пройти дальше, по неосвещенному участку коридора. Джоанна знала, что по натуре она робка, и потому любопытство, а не мужество толкнуло ее вперед.

А вся беда в том, говорила она себе, упорно шагая дальше по коридору, что страхи не всегда неуместны. Иногда они оказываются даже очень полезными — для предупреждения об опасности, для встряски души. Это как в кино — только там твой собственный страх заменяет пугающая музыка, которая предсказывает, что сейчас что-то должно случиться.

Компьютер не был включен. Во мраке комнаты он возвышался, точно Великая китайская стена, отмеченный мигающими или ровно светящимися электрическими лампочками. Лампочки горели и на пультах операторов, и на блоках дополнительно памяти, сияли даже оба шестифутовых монитора — в темноте это было очень эффектное зрелище. Помнится, Дигби Клейтон все заверял ее, что играть на таком компьютере — сплошное удовольствие.

На спинке стула висел серо-белый синтетический пиджак, и Джоанна с каким-то щемящим чувством в груди узнала в нем пиджак Гэри Фейрчайлда. Она подумала, что ей лучше поскорее убраться отсюда, пока он не возвратился и не задал резонного вопроса, что она тут делает. Тем более, что она знала о своем

неумении давать правдоподобные объяснения. А уж Гэри так и вовсе не поймет ее!

Она сделала еще несколько шагов в глубь комнаты и опустилась на колени на том самом месте, где в свое время лежала. Кстати, если бы ее вдруг кто-то сейчас застал, она могла объяснить, что ищет потерянные контактные линзы или что-то в этом роде. Так, вон на том пульте стояла свеча в старомодном подсвечнике. Свечу охранники так и не нашли. В принципе, охранники не отвергали наличие свечи — пользование ею было разумным, поскольку незнакомец, включи он свет, бесспорно мог встревожить охранника, проходящего в определенное время по улице. Поэтому он и воспользовался свечой. Но почему свечой — ведь обычный карманный фонарь в таком случае куда удобнее. А вон на той стене, кажется, была какая-то темная тень.

Да, точно, здесь, подумала девушка, внимательно оглядывая участок стены.

Конечно, сейчас там ничего не было.

Джоанна поднялась на ноги, чувствуя себя неловко. Отряхивая брюки на коленях, девушка подошла к двери. Да, вот тут, на гладкой металлической поверхности, она видела отблеск пламени свечи. Потом она стояла вон там, а то, что было потом, было окутано кошмаром, ужасом. В любом случае, теперь на двери ничего не было.

Она повернулась и снова стала смотреть на стену, где она видела тень; подсознание говорило, что при другом угле зрения она сможет разглядеть что-то такое, чего не смогла увидеть, стоя на коленях.

Нет, ничего не видно.

И вдруг ее словно подбросило — ведь уборщики наверняка протирали стену. Но стоп, разве тут вообще протирают стены? Скорее всего — да, ведь в эту комнату частенько наведывается начальство!

Но что она собиралась тут увидеть? Профиль какого-нибудь чудовища из романа Альфреда Хичкока? Или творения Джорджа Лукаса — ТНХ-1138? Или же след гигантской собаки Баскервилей?

Кто-то вдруг прорычал за ее спиной: «Уууу!» Она чуть снова не упала в обморок! Дни непрестанного страха и так уже превратили ее нервы в натянутые струны, поэтому она среагировала моментально. Ее руки ринулись в спасительный кошель, где лежало единственное ее оружие — молоток, который однажды уже выручил ее. Еще секунда — и она нанесла бы удар, но вовремя сдержалась — перед ней стоял улыбающийся Гэри Фейрчайлд.

— Эй, успокойся, — примирительно сказал он, — неужели я и вправду так тебя напугал?

Девушку сотрясала крупная дрожь, но, к ее собственному удивлению, голос не дрожал, а звучал даже с надлежащим гневом:

— Как? А ты что, и вправду собрался меня напугать? Для чего тебе это понадобилось?

Гэри был явно застигнут врасплох.

— Я… я… — забормотал он. — Да не сходи ты с ума! Я же хотел… Но ты знаешь… — она действительно все поняла, но Гэри предпочел быстренько сменить тему разговора. — Послушай, а ты не меня случайно искала?

Ей очень хотелось сказать что-нибудь типа: «С какой это стати мне нужно искать кого-то, кто ударился в детство со своими глупыми шутками?» Но ведь она пришла сюда не скандалить с этим парнем! Иначе он начнет рассыпаться в извинениях, и тогда она может действительно разозлиться, слушая его глупую болтовню. И потому она просто сказала:

— Нет, я просто пришла сюда в надежде, что преступник вдруг вернется на место преступления.

— Но, малышка, — удивился Гэри, — это было Бог знает когда! Ты что же, думаешь, что он все это время ошивался тут неподалеку?

Ругая себя за такой промах, девушка весело, насколько это у нее получилось, рассмеялась:

— Ага, попался на мою шутку, признайся, что поверил?

Парень тоже с готовностью рассмеялся.

Задумчиво глядя на его мускулистое тело, обтянутое белыми джинсами и гавайской рубашкой, Джоанна вдруг задумалась о том, понравился бы он ей, если бы сейчас она встретила бы его в первый раз, или нет.

Несмотря на то, что она знала Гэри вот уже два года, она не могла сказать о нем ничего подозрительного. Так, веселый парень, вот и все.

— Кстати, — сказала она, лихорадочно запихивая молоток в глубь кошеля, в мешанину вырезок, расчески, монет, авторучек, записных книжек, купюр и пудреницы, — ведь он запросто мог сюда вернуться! Если он собирался что-то стащить отсюда, то почему бы…

— Но, крошка, — сказал Гэри напористо, — что ему тут красть? Ему уж лучше вытащить из компьютера какую-либо запчасть, чем рыться тут — и бирок инвентарных нет, и тащить удобнее, да и сбыть…

Джоанна знала, что Гэри говорит чистую правду. Кому как не

ей было знать, как резонно он иногда может рассуждать. Порой, работая с компьютерной сетью, он выходил на такие данные, которые сан-серанское руководство с уверенностью считало недоступным ни для кого, поскольку они были защищены ключевыми словами особой секретности. А сейчас, когда начали устанавливать систему нового поколения, Гэри с головой ушел в ее изучение, резонно полагая, что, шагая в ногу со временем, ты одновременно крепко держишься за высокооплачиваемую работу.

Но почему же все-таки вор забрался сюда?

— Послушай, Джоанна, — нарушил вдруг тишину Гэри, — я через пару минут закончу со всей этой галиматьей! Давай, я тебя потом провожу? Мы можем пойти куда-нибудь…

В ответ она только покачала головой:

— Спасибо, но все нормально, — конечно, ей одной было страшно ходить по пустынным коридорам, но если уж она вбила себе в голову что-то о заплутавшем маньяке, то и Гэри от этого не спасет. И потому она сказала: — Ну ладно, завтра увидимся. Хорошо?

Он подошел и обнял ее за талию, явно ожидая поцелуя. В конце концов она все-таки его поцеловала. Как обычно, он неверно истолковал этот поцелуй, а потому спросил:

— Слушай, ты, конечно, придешь ко мне в субботу? Я пригласил весь отдел.

Ну что же, тогда еще легче отказаться от предложения, подумала она и тихо сказала:

— Право, не знаю, Гэри.

— А я обзавелся четырьмя новыми компьютерными играми, и пивко у меня имеется великолепное! Кстати, вино тоже есть, если ты его очень любишь… Так что… — И парень многозначительно посмотрел на нее.

Джоанна вздохнула. Уже не только отдельные личности из среднего звена управленческого персонала, но и этот Гэри постоянно навязывал ей свое общество. Ей совсем неприятно было думать о том, что на этой вечеринке все напьются, станут говорить разную чушь… С другой стороны, на вечеринках она бывала не столь часто, но знала, что вечеринки — это такая вещь, которая вроде бы должна приносить людям веселье и наслаждение.

— До тебя так далеко ехать, — начала она.

— Только десять минут отсюда, — с жаром воскликнул Гэри, — основная часть гостей прибудет днем. Посидим у озера, может, позагораем, врубим музыку погромче… Что за жизнь, каждый день жуткое однообразие, когда-нибудь нужно и оттянуться как следует! Очевидно, сейчас Гэри передавал ей

слова из какого-нибудь фильма-мелодрамы или чего-то в этом духе. А поскольку она имела некоторое представление о музыкальных пристрастиях Гэри — тяжелый рок типа «Хаоса» или «Падших Ангелов», — желания поехать к нему на выходные становилось у девушки все меньше и меньше.

— Если бы ты знала, какая чудная графика в этих новых компьютерных играх! — продолжал подзадоривать он. — Ну пожалуйста, — продолжил Гэри, видя, что девушка не слишком-то поддается на его рекламу. Он нервно ухмыльнулся — именно эту ухмылку в нем Джоанна терпеть не могла — и проговорил: — Ну ты же знаешь, что я без ума от тебя! Помнишь, да? Ты же моя любовь, — тут он придвинулся ближе, явно ожидая нового поцелуя, — мне просто хочется, чтобы ты была со мной…

— Гэри! — с внезапной решимостью и твердостью сказала она, — если ты еще хоть раз попросишь меня переехать к тебе, я вообще перестану с тобой разговаривать! Я же тебе уже сказала, что не знаю…

— Но почему нет, деточка? — спросил он с некоторой долей упрека. — У меня же полно места! И до работы тебе будет легче от меня добираться, не нужно будет тратить на дорогу так много времени! Ты вообще сэкономишь кучу денег — и на бензине, и на квартплате! — Ну, это уж точно было из телепрограммы, она могла ручаться. — Ну приезжай в субботу, я прошу тебя! Или у тебя в субботу какие-то дела?

В субботу она была не занята, но об этом лучше было молчать, и потому она сказала:

— Даже не знаю, Гэри! Кое-какие мои знакомые собирались вытащить меня в одно место…

— А ты с ними приезжай! — тут же нашелся парень. — Кто они? Тоже тут работают?

Чувствуя, что от него так просто не отвяжешься, Джоанна вздохнула:

— Ладно, постараюсь приехать.

Тут в глазах настырного ухажера загорелся довольный огонек. Явно в предвкушении.

— Отлично, детка! — воскликнул Гэри. — Послушай, а сейчас ты действительно занята? Постой, пятнадцать минут — и твоя программа будет готова! И вот тогда-то мы…

Джоанна поколебалась несколько мгновений, размышляя, не ведет ли она себя слишком эгоистично и не составить ли этому парню компанию, даже если потом он обязательно потащит ее в какую-нибудь забегаловку… Но щедростью Гэри обычно не отличался. К тому же она знала, сколько продлятся обещанные им пять минут — однажды пять минут растянулись у него на

полтора часа.

— Вообще-то я собиралась сделать совсем другое, — сказала она, — я хотела пойти домой, посидеть подольше в ванне и лечь спать. Но завтра мы увидимся.

Не обращая внимания на его протестующие: «Но, детка!», она переложила в другую руку свой знаменитый громадный кошель-ридикюль и поцеловала Гэри — скорее, подчиняясь правилам приличия, нежели душевному порыву. Да, скорее действительно приличия ради, думала она, шагая навстречу гигантскому прямоугольнику главного коридора. Отделавшись так ловко от Гэри, она чувствовала облегчение и вдруг подумала, что было бы, если бы она в самом деле любила его.

А в самом деле, любила ли она его? Если это любовь, то разве была бы такая механистичность, такая обыденность при переходе от состояния невинной девушки к состоянию женщины, уже кое-что познавшей? Здесь, на работе, Гэри был первым мужчиной, который обратил на нее внимание, стараясь оторвать ее от книжной жизни. Когда она только пришла работать сюда, в Сан-Серано, два года назад, Гэри пригласил ее сначала на завтрак, потом на обед, а потом довез ее до дома.

Гэри всегда хотел, чтобы она жила с ним. Позднее он начал прямо-таки допекать ее с этой идеей — и Джоанна подозревала, что просит он потому, что в возрасте тридцати четырех лет человек просто уже чувствует физическую потребность жить с кем-то. В ожидании ее согласия Гэри даже прикупил домик в удобном месте — десять минут езды до работы — и постоянно напоминал ей об этом. Впрочем, честен этот парень был редко — ведь каждым человеком в той или иной степени движут собственнические инстинкты, вот он и желал заполучить ее в свою собственность.

Вздохнув, девушка постояла, огляделась и зашагала дальше по коридору. Два раза за эту неделю ей чудился один и тот же кошмар: она как бы вновь переживала то самое нападение. И в эти минуты ловила себя на мысли, что начинает задумываться о браке с Гэри — но совсем не из-за любви к нему, а просто потому, что ей не хотелось оставаться одной, не хотелось ходить одной по пустынным коридорам. Тем более, что постоянное общение с таким жизнерадостным человеком заставит ее позабыть все свои страхи и неприятности. Жизнь с Гэри казалась ей чем-то вроде катания на карусели — летишь вместе с кем-то не известно куда, а вокруг тебя мелькают лица, мелькает жизнь…

И тут вдруг она подумала, какова бы сейчас была ее жизнь, если бы она с самого начала поддалась на его уговоры и переехала к нему.

Ну, подумала Джоанна, работала бы она еще точно здесь. А если нет? Если бы ей наскучило жить тут? Значит, Гэри согласился бы переехать с ней в другой город? Оставил бы свой пруд, свой дом стоимостью в двести тысяч долларов с его гордостью — комнатой, сплошь заставленной видеокассетами, компьютер с шестисотмегабайтным диском? Интересно, как бы у них все сложилось — что бы выбрал Этот Гэри — ее или свой налаженный быт?

Не успела она предположить, что выбрал бы Гэри, как свет в коридоре почему-то погас.

Джоанна остановилась и стала затравленно оглядываться по сторонам, одновременно чувствуя, что в ее жилах буквально стынет кровь. Она посмотрела назад — все пусто, в темноте матовым глянцем отсвечивал не покрытый у стен ковровой дорожкой пол, сбоку через стеклянные стены виднелись огни далекого шоссе, а впереди еще на двадцать метров протянулся коридор. Дальше должен быть свет в главном вестибюле… Наверное, замыкание. Но если замыкание, то только на этом участке, дальше все должно быть нормально, там с освещением наверняка все в порядке.

Вдруг ее охватил ужас — подобно тому, как в распахнутую ненароком дверь врывается холодный ветер. Джоанна едва сдержалась, чтобы не помчаться в панике прочь, не разбирая дороги. Так не пойдет! Это же всего лишь замыкание, повторяла она себе побелевшими губами, а чего бояться замыкания. Скоро будет освещенный вестибюль, там все нормально…

Откуда-то слева, из одного из ответвлений, донеслись шаркающие шаги.

Гэри, подумала она, хотя знала, что у того походка совсем не такая. Она бросилась вперед, а рука инстинктивно рванулась к рукоятке заветного молотка. Нет, здесь что-то было явно не так, и она постоянно чувствовала это, чувствовала инстинктивно.

Неужели я бегу, судорожно спрашивала она себя, или я просто начинаю сходить с ума? Или это переживания последних двух недель дали о себе знать?

Но теперь конец коридора тонул в непроницаемой тьме. Очевидно, замыкание распространялось и на этот отрезок. Но как только она подумала об этом, другая мысль обожгла ее мозг — при обычном замыкании не бывает такой тьмы. Тьма была совершенно непроницаемой, даже близлежащие стены с фотографиями Сан-Серано стали абсолютно неразличимы. Словно она сидела в темном колодце и смотрела на небо, где совершенно не было звезд. Стоять на месте ей не хотелось, но и бежать вперед, в эту густую тьму, у нее тоже не было никакого

желания.

Перестань глупить, повторяла она себе, чувствуя, как по вискам струится холодный пот, там ведь ничего нет, охрана сто раз все проверила.

Но там все-таки что-то было. Там явно было какое-то движение. Ноздри девушки уловили какой-то совершенно незнакомый запах, отчего ее рассудок наполнился отупляющим ужасом.

Она развернулась и направилась назад, одновременно вспоминая, каким из примыкающих к главному коридоров можно попасть в главный вестибюль. Как все это глупо, думала она, стараясь в то же время шагать неслышно. Она успокаивала себя, говоря: к чему весь этот кошмар, если она в данный момент даже не спит, а только пытается уйти с работы?

Коридор вел ее в испытательный корпус.

Даже не ощущая, для чего она это делает, девушка как во сне открыла ручку единственной двери в стене рядом, проскользнула в комнату и захлопнула дверь за собой. Комната эта оказалась каморкой для уборщиков, тут воняло аммиаком и мокрыми тряпками. Как только она захлопнула за собой дверь, слабо мерцавшая под потолком шестисвечная лампа, мигнув, погасла. Но даже это не испугало Джоанну. Уже достаточно уверенно ориентируясь в темноте, девушка щелкнула замком, запирая дверь. Она едва перевела дух…

И поняла, что в коридоре действительно кто-то есть.

Но что это были за звуки, она так и не смогла понять. Хотя обычно, когда человек живет один, он отлично разбирается в звуках. К примеру, у себя она могла ночью и с закрытыми глазами обойти свой дом — она знала: тут стоит холодильник (не удариться бы об острое ребро!), там диван, там журнальный столик.

А этот мягкий, словно крадущийся шум был похож на тот, который издают осторожно ступающие ноги. И еще этот шелест… похожий на шелест того балахона, той ткани, в которой был одет напавший на нее в ту ночь… Она подумала вдруг, не слышит ли идущий по коридору бешенный стук ее сердца.

У девушки вспыхнула отчаянная надежда — а вдруг этот кто-то пройдет мимо? Она слышала эти легкие шаги: шаг, другой, шаг, другой, шаг, другой. Стоп!

Неужели этот кто-то догадался, что она здесь?

В нижней части двери было нечто вроде небольших жалюзи, через которые проникала тонкая струйка свежего воздуха и бледный свет. Теперь этот свет полностью померк — какая-то тень заслонила его. Джоанна держалась за дверную ручку, но та

вдруг начала осторожно поворачиваться.

Она так крепко стиснула пальцы на ручке и челюсти от страха, что даже в этот страшный момент почувствовала боль. Крики ужаса застряли у нее в горле — теперь она чувствовала тот самый легкий запах, который так напугал ее в коридоре, — пахло дымом, горящим деревом и шерстяной одеждой. Ручка снова стала поворачиваться, но девушка вцепилась в нее мертвой хваткой — нужно было, чтобы незнакомец подумал, что дверь заперта. Позднее она увидит, что обе ее сжатые руки взмокли от пота, но сейчас она совершенно не ощущала этого — было совсем не до того. Джоанна понимала, что если бы у нее была хоть капля мужества, то ей следовало бы неожиданно распахнуть дверь и встретиться с ночным гостем лицом к лицу. В конце концов, что он сможет сделать ей тут, в таком оживленном месте? Стоит ей только крикнуть, как тут же прибудет помощь. Но какой-то голосок постепенно нашептывал все громче: «если ты откроешь дверь и выйдешь, тогда ты точно умрешь!»

Неужели у нее начались галлюцинации на почве страха? Но голос продолжал звучать в ней столь настойчиво, что девушка решила все-таки не открывать дверь и не высовываться в коридор — возможно, в ней говорил голос рассудка.

Бледный свет снова заструился сквозь отверстия в двери. То, что стояло у входа, несомненно ушло.

Нет, оно все еще там, думала девушка, оно ждет меня. Оно специально притаилось и поджидает, пока я потеряю осторожность и высунусь.

Что?

Где?

Что?

Она не помнила, сколько времени простояла в тишине, напоенной незнакомым прежде запахом. У нее уже стали затекать ноги, а тело охватила невыразимая слабость. Тут в голове девушки завертелась мысль — надо пройти пятьдесят метров по коридору, свернуть в боковой коридор, выйти в коридор, параллельный главному, а оттуда можно запросто попасть в главный вестибюль! Но колени у нее тряслись так сильно, что она сомневалась, сможет ли идти, не говоря уже о том, что нужно было не идти, а бежать.

Какая-то часть ее сознания, еще сохранявшая самообладание, говорила ей: «Что ты, куда тебе бежать! Ты и так уже наговорила охране о человеке, который, по ее мнению, тут не был — он не оставил после себя даже отпечатков пальцев! И вообще не было никаких признаков его пребывания здесь — разве что ссадины на твоем горле, но их мог оставить кто угодно. К тому же

сотрудники охраны не нашли следов взлома, проникновения в здание. Что ты собираешься сказать им, когда с визгом ворвешься в главный вестибюль? Они, конечно, поищут и снова никого не обнаружат. И что тогда? Что они должны будут о тебе подумать?»

Вчера, по лестнице спускаясь
А я хочу найти ответ.
Я с незнакомцем повстречалась.
Сегодня же его здесь нет,

Чтобы открыть дверь, Джоанне потребовалось мобилизовать все оставшееся у нее мужество. Темный коридор оказался совершенно пустым. В десятке метров от нее находился главный вестибюль — хорошо освещенный, но пустынный, как и все помещения в общественных местах, особенно в такое время. Затем она буквально заставила себя пойти в направлении вестибюля. Пулей промчавшись через него, кинулась к машине. Все дальнейшие действия она выполняла чисто механически и очнулась только тогда, когда рука ее выключила ночник на столике возле кровати.

Глава 5

Керис оставался с послушниками в Доме Волшебников еще примерно неделю. Утром и днем он ходил вместе с ними на тренировки — отрабатывать приемы владения оружием, изучать новые, закреплять старые навыки. Особенно ему нравилось то, что люди тут были новыми — интересно было черпать знания под руководством нового наставника, изображать учебные бои с новыми соперниками. Каждое лето всем послушникам, независимо от того, кому они принадлежали — магам ли, Церкви ли, или это были воины знатных людей, — полагалось выходить в общий поход на природу, чтобы показать свои знания и умения. Керис тоже всегда принимал участие в таких походах — как и все, он охотился на волков, ходил по топким болотам. Разбившись на отряды, они воевали друг с другом — наглядное обучение самое лучшее, это всем известно. Однажды в такой шутливой схватке Ле так полоснула его деревянным мечом, что Керису показалось, будто по его телу прошлись стальным клинком. Возвращались послушники с занятий запыленные, в синяках и ссадинах, но довольные.

На той неделе у Кериса случился роман с девушкой, служанкой из таверны. Она была из тех немногих, кто, узнав, кто он, сразу спрашивала, широко раскрыв глаза: «Так ты служишь у магов? А правда ли, что…» И обычно пересказывала какую-нибудь сплетню о происходящих у магов оргиях или чем-нибудь в этом роде. Роман их был коротким, зато бурным — когда Керис вдруг неожиданно почувствовал, что его волшебство продолжает иссякать, он сорвал зло на девушке, и они поссорились. Поссорились, в сущности, глупо. Когда Керис уходил из ее комнаты и захлопывал за собой дверь, он слышал ее плач. Но в этом неожиданно бесцветном, скучном мире он не видел необходимости возвращаться назад и успокаивать ее. А потом, устыдившись собственной черствости, он вообще не пошел к девушке, поскольку утешать ее было уже слишком поздно.

Эту неделю он видел деда урывками. Но Кериса это не беспокоило — ведь архимаг должен был посещать заседания епископата. Нужны были и многочасовые беседы с епископом, поскольку Герда считалась главным духовным лицом Империи. А в свободное от всех этих церемоний время старик без устали рыскал по окрестным деревням, дотошно выспрашивая у местных жителей обо всем странном, что случилось здесь в последнее время. Кое-что рассказывала и Ле — когда они сидели возле дома, разведя костер и глядя на потрескивающие дрова. Она

говорила о каких-то белых силуэтах, мелькавших между березами в роще, о перерезанном ночью стаде овец, причем такие отметины не могли оставить зубы собаки или волка, о трех крестьянах, в полнолуние неожиданно сошедших с ума — причем в одно и то же время.

— А это случайно никак не связано с Цитаделью Сураклина? — спросил Керис, когда они, свободные от службы, шагали среди мрачных кирпичных строений рынка в самом центре города.

Вокруг них была целая какофония звуков и запахов — аромат фиалок и роз смешивался с вонью полутухлого мяса и сыра, лучшие благовония из далеких стран забивали дух гниющей рыбы. Шоколад из города Ангельской Руки, тонкие хлопковые ткани с мануфактур Феллеринхэма и самого Кимила, кинжалы, пряжки для башмаков, дешевая оловянная и фаянсовая посуда, разные притирания и мази, часы с детскую голову величиной, шелк, чай — привезенное на кораблях и караванах со всех концов света, все это можно было найти здесь. Керис и Ле купили по большой теплой ватрушке и теперь ели, оглядывая разноцветье торговых рядов.

Ле пожала плечами и откусила от своей ватрушки порядочный кусок.

— Я вроде не так все это слышала! — отозвалась она.

Короткая стрижка и перебитый нос делали ее похожей на задиру-мальчишку; впечатление усиливала черная куртка, штаны из грубой материи такого же цвета и меч вороненой стали на поясе.

— Крепость была срыта волшебниками и войсками, — пояснила она, — все, что осталось от нее, так это несколько полуразрушенных стен и какая-то дыра в земле. Это все где-то там, за холмами!

— А ты не хочешь съездить туда вместе со мной? — поинтересовался Керис.

Девушка заколебалась — но этого колебания Керис и ожидал, ведь похожим образом колебались все, стоило только завести разговор о том, что имело хоть какое-то отношение к Темному Волшебнику. Затем она кивнула:

— Если только мы вернемся обратно к четырем часам!

Керис кивнул — он знал, что у нее сегодня дежурство, к тому же у Ле тут была подруга.

Сразу за Башней Тишины началась более старая дорога, по обеим ее сторонам высились черные камни-указатели, столь ненавистные жителям Кимила. Временами Керис проверял свое умение ориентироваться и запоминать — он пытался отыскать

здесь знаки, которые когда-то оставил его дед, но ничего подходящего обнаружить так и не смог. Да, ему и в самом деле еще многому предстояло научиться! Дорога теперь уже не только вилась между холмами, но и взбиралась на них. С тех, которые были выше остальных, можно было видеть весь открывающийся пейзаж. Кругом холмы, холмы… Только к востоку холмы редели. Где-то там лежала загадочная страна Сикерст, малонаселенная и неизведанная.

Ветер свистел в ушах и трепал волосы людей и конские гривы, по небу двигались мрачные тучи, очертаниями схожими с самыми диковинными существами. Но тишина просто угнетала Кериса!

— Честное слово, это не должно быть слишком далеко! — сказал он, больше желая ободрить себя самого. Глядя на эти бледные холмы, он не мог поверить, что здесь кто-то когда-то жил. И жил ли вообще?

— Надо проехать еще несколько холмов! — невозмутимо отозвалась Ле. — К тому же отсюда мы ничего не увидим, ведь холмы все заслоняют!

Керис вздрогнул — он внезапно осознал, какое ничтожество человек в сравнении с этими холмами, с тучами, вообще с природой. Непонятно зачем, воин стал оглядываться. Да, на этой земле наверняка все еще лежат заклятья Темного Волшебника. На дальнем холме он углядел еще один вертикально поставленный камень — очевидно, еще один указатель. Антриг сказал деду, что Цитадель выстроили на месте пересечения каких-то линий. Те жалкие остатки волшебства, которые еще не ушли из его души, могли уловить ток волшебной энергии по этой старой дороге. Нет, эта Цитадель наверняка была выстроена не Сураклином, а людьми куда более сведущими в том, какая энергия матери-земли и в каком направлении течет.

Вообще-то волшебники называли это линиями мест. Мало кто понимал, какой смысл вкладывается в это понятие, и никто не знал, для чего эти линии существуют. Но они все-таки существовали, эти самые линии, — и наверняка по какой-то специальной схеме, подвластной высшему разуму, по этим линиям текла волшебная энергия. Все волшебство и вся жизнь вообще протекала по таким вот линиям — так пояснил ему дед. Дом Волшебников в Кимиле стоял на такой линии. Несомненно, на такой линии находилось аналогичное сооружение и в городе Ангельской Руки. Там, кстати, было еще одно довольно одиозное сооружение, тоже поставленное над током волшебной энергии — та самая цепочка камней, которую называли Чертовой Дорогой. Подобно прикосновению ветра к коже, молодой человек

чувствовал душой, как течет своим путем куда-то волшебство. Ток тут явно был очень сильным — даже его лошадь, и та прядала ушами.

Прославленная Цитадель Сураклина находилась в чашеобразной долине между холмами. Руины позволяли определить, что в свое время это было грандиозное сооружение, которое трудно было взять штурмом. Впрочем, у него не было оснований не верить архимагу, что без помощи Совета Кудесников имперские войска не смогли бы справиться с крепостью и ее защитниками. И хотя сам Сураклин был вот уже двадцать пять лет мертв, но все-таки наложенное им заклятье продолжало витать над этим местом. Керис не слишком понимал это, но вдруг Ле пронзительно закричала:

— Керис, берегись!

И воин словно очнулся от какого-то дурманящего сновидения. Он находился совсем недалеко от края громадной ямы, которая, видимо, осталась тут еще с прежних времен, поскольку вся заросла сплетшимися между собой кустами ежевики. Повсюду валялись оплетенные побегами ежевики камни различной величины.

— Иногда такое на меня тоже находит! — пришпорив коня, девушка подъехала к Керису, и вместе они осторожно приблизились к краю огромной выемки в земле.

— Осторожно, — предупредила Ле, — не свались, яма старая, край может осыпаться!

Тут она обернулась — наверное, так, на всякий случай, но при этом схватилась за рукоять меча.

Лошади, пробираясь среди опутанных ежевикой руин Цитадели, тоже то и дело нервно прядали ушами. Керис хорошо понимал их беспокойство — ему тоже не нравились эти развалины, этот зловещий свист ветра. Кое-где по остаткам стен можно было угадать то, что тут было раньше — вот башня, это зал, там что-то вроде мастерских. Трава упорно пробивалась среди щелей на бывшем просторном дворе, мощенном камнями. Но во многих местах виднелись громадные ямы — следы ярости Кудесников, которые и помогли снести Цитадель с лица земли.

— Наверное, они тоже боялись его! — мягко сказала Ле. — Посмотри, как они здесь неистовствовали — камня на камне не осталось. Впрочем, это понятно! Ты не жил в этих местах в то время, когда тут еще стояла эта Цитадель! Говорили, будто его шпионы были повсюду, и никогда нельзя было быть уверенным, что твои слова не станут известны Темному Волшебнику. Мой дядя Веллигер был одним из той группы, которая собиралась обратиться к архимагу; там все люди доверяли друг другу. Там

были те, кого Темный Волшебник ограбил или погубил кого-то из семьи. Но Веллигер ослеп, еще не доходя до города Ангельской Руки…

Поднявшийся ветер швырнул Керису за ворот пригоршню каменной пыли и вновь стих. Тучи вновь стали наползать на солнце. Заглянув в одну из исполинских ям, Керис увидел несколько слоев земли — песок, камни, глину. Все это было оплетено ежевикой и плющом. На дне ямы лежало несколько белых камней, похожих на выбитые зубы. Это гнев его деда, выразившийся в молнии, ударил в землю и сделал эту яму! Очень странно было представить себе, что такой хрупкий человек, как его дед, мог так гневаться, что от его недовольства в землю били такие молнии.

Меж камнями продолжал свистеть ветер — как далекий отголосок заклятий Сураклина. И только по этому свисту Керис понял, что должно произойти нечто необычное.

Молодой человек осторожно посмотрел вбок — на Ле. Она начала было рассказывать о чем-то еще, слышанном от стариков, но Керис взмахом руки попросил ее замолчать. Хотя Ле была старше его по званию и по возрасту, она все-таки повиновалась ему. Спешившись, оба взяли лошадей под уздцы и поспешно повели их в неглубокую яму — видимо, раньше здесь располагался подвал. Теперь это было единственное место, где можно было бы более-менее надежно укрыться. Через некоторое время до них донеслись голоса и звуки — сначала стук копыт по камням, а потом и голоса людей, которые нисколько не заглушал даже пронзительно завывавший здесь ветер.

— Наши люди следили за ним трижды на этой неделе, мой господин! — говорил один из всадников.

— Вот как! — этот голос принадлежал второму, он был более резок и высок.

Керис почувствовал, что Ле посмотрела на него. Неслышно, как кошка, парень подобрался к самому краю ямы. Встав на валявшийся под ногами камень, он осторожно высунул голову и поглядел в ту сторону, откуда доносились голоса пришельцев.

Там между тем разговаривали:

— Конечно, можно задать резонный вопрос — зачем? Но в последнее время во всех областях наблюдаются неприятные явления!

Тут первый участник разговора, одетый в серое, в накинутом на плечи сером плаще, в чем Керис с упавшим сердцем признал знакомую форму Святой Инквизиции, сказал уже несколько другим тоном:

— Эти неприятные явления наблюдаются уже несколько

недель, мой господин! Они начались еще до того, как архимаг прибыл в Кимил!

— Он волшебник! — продолжал второй собеседник. Он повернул голову, и Керис сразу узнал аскетичный профиль и седые космы, прикрытые шляпой с широкими полями. Это был Сергий Костолом, главный специалист по поиску ведьм при Святой Инквизиции. И воин почувствовал, как холодок змейкой пополз по его спине.

Костолом продолжал своим резким голосом:

— Говорят, что маги могут вбирать в себя энергию подземных потоков волшебства и потому покрывать расстояния в сотни миль за один только день. Так что расстояния для них — вообще не помеха! — тут Костолом замолчал и стал вглядываться в хмурое небо, как будто надеясь получить от него какой-то ответ. Налетевший порыв ветра принялся яростно трепать его космы и поля шляпы. Конь старика испуганно заржал. Рука Сергия властно дернула уздечку, принуждая коня стоять спокойно.

— Господин мой! — подал голос напарник Костолома, видимо, тоже специалист по ведьмам. — Но ведь именно благодаря архимагу было разрушено это поганое укрепление, разгромлен Темный Волшебник. Так что можно даже усомниться в том, что…

— Усомниться можно в чем угодно! — резко прервал его старик. — Старые легенды говорят о необычайной и загадочной силе этого места, которая существовала еще до того, как Темный Волшебник возвел здесь свою Цитадель! А теперь к этой силе добавились и различные заклятья! А повсюду множатся разные странные явления! Это должно побудить регента дать нам власть, в которой мы так нуждаемся! Нужно искоренить в империи ересь! Искоренить навечно!

И оба всадника направили лошадей дальше через руины. Керис неслышно возвратился обратно к Ле. Девушка держала руку на морде своей лошади и смотрела жестко и отчужденно. Кериса трясло — и от такой беспардонной клеветы на деда, и от спокойного тона Сергия Костолома. Как рядовой послушник Совета Кудесников, он не имел права ничего делать и вообще выказывать своих чувств. И потому он просто сказал:

— Поехали! Нужно рассказать обо всем этом архимагу!

Послушники вывели своих лошадей и, продираясь сквозь колючие кусты ежевики, стали выбираться на дорогу. Керис то и дело оглядывался. Честное слово, он мог поклясться, что два всадника все-таки тоже оглянулись и заметили их, а потом, пришпорив лошадей, скрылись за холмами.

— Мой господин! Моя госпожа! Пожалуйста, остановитесь!

Заклинаю вас! Керис рванулся было в другую сторону, чтобы нанести удар чудищу, пока оно не опомнилось, но тут его ноги заскользили по грязи. Впрочем, он это предугадал, а вот подумали ли об этом крестьяне? Керис оглянулся, чтобы крикнуть им об опасности, но тех уже и след простыл. Он не винил их за трусость — ведь они были безоружны, и даже если бы у них и было какое-то оружие, они не знали бы, что с ним делать. Он сам, хоть и считался неплохим рубакой, не мог справиться с этим непонятным хищником. Мало того, что чудовище обладало несколькими парами подвижных щупальцев, оно было еще и поразительно маневренно. К тому же, когда он в очередной раз ударил в более толстый участок щупальца, обнаружилось, что лезвие скользит по кости. Бог мой, и это меч, который запросто может отсечь человеческую ногу, если им хорошенько размахнуться! К тому же от удара у него заныла рука — ощущение было такое, что он ударил по железной решетке! Значит, он отсек от щупальцев только хрящи и мякоть, а кости пока оставались нетронуты! И тут он, отступая, провалился по пояс в озерный ил. Холодеющий ум подсказал ему, что его может засосать это полуозеро-полуболото. Возможно, тут уже тонули люди — ведь подобные слухи доходили до архимага!

Заслышав крики, Керис натянул поводья лошади, удивленно уставился на группу из трех или четырех мужчин и женщин, которые отчаянно карабкались вверх по крутому скату дороги. При виде незнакомых людей лошадь захрапела, и Керис понял, что животное испугалось. Он автоматически посмотрел на другую сторону дороги, чтобы удостовериться, что это не засада. Конечно, устраивать на них засаду никому не было смысла, но послушник на то и послушник, чтобы знать заранее, что можно ждать от окружающих. Наконец крестьяне подобрались поближе к ним.

— Вы послушники! — выдохнул один из крестьян, мальчик лет шестнадцати, на котором из одежды были только короткие штаны — видимо, крестьяне убирали тут сено, — вы просто обязаны нам помочь! Умоляем вас, пожалуйста! Там, в болоте… В болоте — эта самая вещь…

— Но мы не можем задерживаться! — холодно сказала Ле. — Ведь мы послушники, мы не можем предпринимать что-то без распоряжения наших господ!

Керис поднял руку вверх и изогнулся в седле:

— Что у вас там такое стряслось?

— Там зло… Там страшное… — одна из женщин, рослая и пышнотелая, в короткой юбке, с вымазанными грязью ногами, схватилась за поводья лошади Кериса. Это очень встревожило

молодого человека, хотя он и знал, что засады тут никак не могло быть. — Ах, Господи, там наш Шебна пропадает!

— Керис! — сказала Ле парню, который уже соскочил с седла и схватился за меч. — Керис, перестань, ведь мы здесь совсем ни при чем!

— Я уверен, что мой дед обязательно бы приказал мне помочь тому человеку! — крикнул Керис. — Я это знаю! Ведь от главы Совета…

— Не тебе принимать такие решения! — голос Ле звучал резко и отрывисто. Керис знал, что она, вообще-то, права. А девушка между тем решительно продолжала: — Не тебе решать, когда вытаскивать меч!

— Заклинаю вас! Пожалуйста! — зарыдала одна из женщин.

— Заткнись, бессердечная сука! — столь ласковые слова один из крестьян адресовал Ле.

Керис резко схватил этого крестьянина за костлявое плечо:

— Нет! Ты не прав! Она говорит верно, но я все равно пойду с вами! Ле! А ты известишь кого-нибудь, архимага или Нандихэрроу — безразлично, кого, — тут молодой воин посмотрел в искаженные страхом лица крестьян. Он почувствовал, что его сердце начинает усиленно биться.

— Ле, поезжай! — сказал Керис. Девушка заколебалась — боязнь оставить его одного боролась в ней с внутренней дисциплиной, ведь она не должна была тут останавливаться. Тем временем Керис уже вопрошал:

— Показывайте, где это?

Молодому человеку было интересно проверить себя в деле. Его захлестнуло неизведанное ранее волнение, но все-таки голова Кериса соображала отменно. Крестьяне повели его от дороги через заросли ивы. Под ногами хлюпала вода. Целых пять лет он обучался военному делу и обучался довольно прилежно, но только сейчас ему пришло в голову, что до сих пор он не участвовал ни в одной серьезной схватке, где была бы одна ставка — жизнь одного из участников поединка. Сейчас в Империи царила тишь и гладь, а Керис, как многие послушники, совсем не стремился пробовать свои силы в драках в многочисленных тавернах. Где-то позади него слышалось рыдание и приглушенные слова:

— Это все из-за заклятья Темного Волшебника! Он проклял эту землю! Его черти просто лежат на дне наших озер! Тут нельзя жить!

Запах болота и густые рои комаров напомнили Керису о том, как он и сам в детстве помогал родителям заготавливать сено. Тут была высокая, в человеческий рост, трава, и потому парню

приходилось держать меч наготове в левой руке, правой раздвигая траву. Да, если тут и где-то есть опасность, то можно и самому запросто пасть ее жертвой!

— Нет, это же дьявол! — то и дело восклицал тот крестьянин, который сказал нелестные слова Ле. — Тут верно дьявол, нужно было послать за епископом к служителям Святой Инквизиции!

— Прекрати ныть! — раздраженно бросил Керис. — Возможно… — он не договорил и принялся раздвигать ветви ивы.

Его глазам открылось озеро, уже начавшее превращаться в болото, с коричневатой водой, одна сторона его была уже обкошена, и там… стерня, свежескошенное сено, даже листья и ветки ближайшего ивового куста были густо забрызганы кровью. Тут же, на скошенной траве, лежали два человека с разбитыми головами. А по ту сторону озерца чудовище — иначе Это никак нельзя было назвать — держало в своих челюстях и лапах третью жертву — девочку лет тринадцати. Тело чудовища было сплошь забрызгано кровью. Керис чисто механически поднял меч, и блеснувший на солнце клинок привлек внимание страшилища. Тварь подняла рачью голову и, увидев неожиданно появившегося противника, устремилась на него. Керис еще ничего не успел сообразить, но удрать уже никак не мог, — чудище, несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, двигалось чрезвычайно проворно. Тварь с размаху плюхнулась в воду озерка, подняв целую тучу брызг и грязи. Еще мгновение — и страшилище, выпучив глаза, выбралось на берег и устремилось на него. Ум Кериса парализовал холодный ужас, но тело, приученное за пять лет упорных тренировок встречать любую опасность как бы автоматически, действовало независимо от рассудка — как только адское создание выбралось на берег и занесло клешню, чтобы покончить с этим двуногим одним ударом, Керис ловко отпрыгнул в сторону, и клешня просвистела в воздухе. Тут Керис окончательно пришел в себя — подняв меч, он рубанул, целя в шею, или что там это такое было. Но удар пришелся по щупальцу страшного создания. Меч был добрый — щупальце сразу отлетело в сторону, а воина обдало целым фонтаном отвратительной жидкости, похожей на гной. Ответом был жуткий рев и новый рывок, но Керис, извернувшись, подскочил с другой стороны и снова рубанул мечом по некому подобию пасти. Но удар отсек другое щупальце. Впрочем, и это тоже было очень неплохо.

Что-то всплеснуло и прокатилось под его ногами по покрытому илом дну, пока он продолжал размахивать мечом, не оставляя попыток вырваться на твердую землю. А страшилище бешено билось на мелководье, обдавая Кериса жидкой грязью, и он почувствовал, как его затягивает в глубину. Вода замедляла

его движение, набухшая от воды и ила одежда заметно снижала маневренность. Ему удалось нанести по одному из тянувшихся к нему щупальцев такой сильный удар, что даже от такой прочной кости, как у этой твари, отлетел порядочный кусок. Но его рука от удара совсем онемела, к тому же из глубокой раны потоком хлынула отвратительная слизь, которая не только не растворялась в воде, но и оставалась в виде пленки на ее поверхности. Кериса чуть не стошнило. Он дернулся было в сторону, но тут его нога попала в какую-то яму, и он опрокинулся навзничь. В следующую секунду отвратительные щупальца уже опутали его плечи.

Стоя по пояс в воде, полузадохшийся от нестерпимого смрада, который испускало чудовище, он почти инстинктивно выхватил кинжал, хотя ему уже начинало казаться, что жизнь его сейчас завершится. В довершение всего его нога запуталась в затонувших ветвях, так что теперь он не мог двигаться. Но тут Керису неожиданно помогло само чудовище — мощным рывком щупальцев оно вырвало его из петли. Керис взвился в воздух, а тут он увидел, что щупальца несут его прямо навстречу раскрывшейся с готовностью пасти. Собрав последние силы, он ударил мечом куда-то вперед, даже не глядя, куда. Вдруг хватка, стальными обручами сжимавшая его тело, ослабла. Парень с размаху шлепнулся в мутную жижу, которая на мгновенье ослепила его. Он уже приготовился к смерти, но щупальца почему-то больше не тянулись к нему. Очистив кое-как от ила глаза, он увидел неподвижно растянувшееся на водной глади страшилище, из спины которого торчали обыкновенные вилы, брошенные, видимо, в самый последний момент одним из косарей. Чудовище из последних сил пошевелилось, но Керис проворно скользнул в сторону, всколыхнув обильно подкрашенную кровью мутную озерную воду. Он заметил, что на берегу собралось множество людей. И откуда они только успели появиться? Краем глаза он успел заметить на топком берегу озерца Ле, епископа Герду и архимага…

До его ушей донесся ясный голос Солтериса, который сразу же отрезвил парня: «Быстрее вылезай из воды!» Чудовище извернулось и снова устремилось на него — у твари явно открылось второе дыхание. Так что предупреждение деда было совсем нелишним. Но из пасти твари выливалась какая-то темно-коричневая жидкость, крестьянские вилы дергались в такт движениям чудища. Керис, все еще продолжая судорожно сжимать меч, в изнеможении выполз на берег, а потом покатился по земле, подальше от страшного водоема. Опомнился он только тогда, когда ударился о ствол какого-то дерева.

Он видел, как Солтерис, вытянув вперед руку, рванулся с места. Лицо его было сосредоточенным, а глаза сверкали каким-то нечеловеческим блеском. Казалось, что он собирает в эту вытянутую руку какую-то силу, как собирал ее когда-то против Сураклина. Вдруг на небе загрохотал гром и ударила молния. Запахло озоном. От раската грома у Кериса в первый момент совершенно заложило уши. Потом слух постепенно стал возвращаться к нему. Снова ударил гром, и голубая молния полоснула по воде озера. Чудовище в это время еще шевелилось в воде. Когда молния ударила в воду, электрический разряд титанической силы прошел по телу этого исчадия ада. Страшилище затряслось в конвульсиях, усеянная острыми зубами пасть жадно ловила воздух, щупальца бороздили водную гладь, а хвост бешено колотил по воде. Отвратительный запах наполнил легкие Кериса. Чудище тем временем вдруг принялось подпрыгивать на воде — очевидно, смерть все-таки брала над ним верх.

Наконец тварь прекратила прыжки — только ее щупальца вздрагивали и шевелились, но этого можно было не бояться. Вся поверхность озера была залита вытекшей из чудища жидкостью, от воды несло, как от выгребной ямы.

Керис почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Он схватил пучок пахнущего лягушками сена и прижал к лицу, чтобы хоть как-то перебить невыносимую вонь. Ему вдруг стало очень холодно в мокрой одежде, заляпанной озерным илом. Керис затрясся — его била крупная дрожь. Дали о себе знать и ссадины на плечах, оставленные смертоносными щупальцами твари. Он чудом остался жив!

Послышался звук приближающихся шагов. Тело Кериса ломило, но разве настоящий воин-послушник позволит себе бездумно лежать, когда слышит подозрительные звуки? А вдруг это опасность? И, собрав последние силы, Керис вскочил на ноги, сжимая меч.

Это была Ле — как, впрочем, он и ожидал. Вместе с нею подходил тот мальчик, который указал ему место, уведя с дороги. Керис даже подозревал, что именно этот мальчик-крестьянин спас ему жизнь, метнув в страшилище вилы, чем отвлек его на несколько драгоценных мгновений. Керис почувствовал, что ноги его подкашиваются. Мальчик и Ле быстро подхватили его под руки, не давая повалиться на землю. Но Керис упрямо высвободился из их объятий и, наклонившись, подобрал свой меч, как и одежда, облепленный илом и грязью, смешанными с вонючей слизью. Шатаясь, как полузадохшаяся крыса, парень направился обратно к озеру.

Епископ Герда все еще стояла на прежнем месте в окружении своих послушников, оцепенев от ужаса. Керис увидел ее застывшее лицо, отчетливо выделявшееся на фоне ризы из серого бархата.

Стоя на самом краю озера, архимаг пристально вглядывался в еще трепещущее тело твари. Глаза его были очень тревожны. Выражение беспокойства в глазах сменилось участием только тогда, когда Керис подошел к нему. «С тобой все в порядке, дитя мое?» — осведомился старик.

Керис кивнул в ответ. Несколько мгновений он неподвижно рассматривал туловище поверженного врага, и вдруг его пронзила мысль: «Как я только осмелился сражаться с таким чудовищем!» И в самом деле — создание это было раза в два больше обычной лошади. Все тело юноши сейчас было сплошной раной, как впрочем, и душа — ведь он, заглядывая в готовую проглотить его пасть чудища, по сути, заглянул в лицо смерти. А какой отвратительный запах испускала эта мерзость!

— Дед, а что это было? — поинтересовался вдруг Керис, оглядывая чудовище.

— Не знаю, дитя мое! — покачал головой старик. А потом тихо добавил: — Но я подозреваю, *кто* мог бы нам тут показаться! Я подозреваю!

Глава 6

Они застали Антрига в комнате для охраны, в самом нижнем ярусе Башни Тишины. Маг и начальник охраны разыгрывали шутливую дуэль друг с другом, сражаясь мечами из бамбука. Они так были поглощены этим занятием, что не заметили посетителей.

Путешествие от болота до Башни вернуло епископу ее обычное расположение духа и самообладание — уже на полпути она затеяла с Солтерисом какой-то спор. Они продолжали свою перебранку даже дойдя до сражавшихся друг с другом при свете дюжины факелов. Нижняя рубашка и куртка начальника охраны, а также свободное одеяние Антрига были мокры от пота, а отражавшийся на их вспотевших лицах огонь факелов придавал им какое-то зловещее выражение.

Керис с удивлением отметил, что сумасшедший чародей в этот раз не надел очков, но, как ни странно, это совсем не мешало ему двигаться поразительно ловко и грациозно. Керису довелось на прошлой неделе участвовать в учебной схватке с начальником стражи — это был высокий человек, даже выше самого Антрига, довольно полный, но при этом очень гибкий, способный при атаке подавить сопротивление противника одним лишь своим весом. И возможно именно из-за безумия Антрига Керис совсем не ожидал обнаружить в нем умение довольно-таки искусно владеть оружием и тактикой боя.

Глядя на это странное лицо в обрамлении всклокоченных волос, широко раскрытые серые глаза, в которых и впрямь можно было прочесть безумие, внук архимага вдруг подумал, что в один прекрасный день, явившись на очередную тренировку, он обнаружит этого безумного чародея в числе своих наставников.

Позади него раздался испуганный шепот епископа:

— Нет, этого я никак не могу допустить!

И после этого Солтерис нетерпеливо произнес:

— Не беспокойся, я не собираюсь подстрекать его к побегу!

— Я? Беспокоиться? — даже не поворачивая головы, Керис ясно представил себе холодный блеск голубых глазах Герды. — Он же учился у тебя, Солтерис Соларис! Только благодаря твоему активному противодействию его не казнили, как это все-таки следовало сделать. Он начал вмешиваться в чужие дела как раз во время восстания в Меллидэйне! Церковь терпит ваш Совет Кудесников только потому, что вы занимаетесь своими делами, но не сманиваете к себе нашу паству, не лезете в нашу жизнь. Так пусть все останется как есть! И впредь не вмешивайтесь в наши

дела, иначе гнев Святой Церкви может обратиться на вас, подобно тому, как это случилось пятьсот лет назад на Стеллитовом поле!

— Так ты смеешь…

Керис уловил в голосе деда нотку, какой до сего дня не слыхивал. Молодой человек повернул голову назад так резко, что притихшие было раны вновь напомнили о себе. Он увидел, что глаза старика горели дикой яростью и высокомерной гордостью, в полумраке башни они светились влажным янтарем, как светятся в темноте глаза волка. Напуганная неожиданным гневом старика, епископ отступила назад. Еле слышным шепотом архимаг повторил: «Так ты смеешь мне угрожать?»

Изливая и свой гнев, Герда злобно выдохнула:

— Я смею и буду сметь угрожать всякому, кто только покусится нарушить нормальный ход вещей!

Солтерис открыл было рот, чтобы гаркнуть что-нибудь приличествующее случаю, но Антриг благоразумно прекратил перебранку. Он сказал епископше как бы от имени Солтериса:

— В таком случае в следующий раз мы поручим именно тебе разбираться с разными чудовищами на сенокосе! Посмотрим, что у тебя получится! — Непонятным образом, совершенно незаметно, Антриг оказался возле Кериса. В руках он все еще держал свое шуточное оружие. Лицо его блестело от пота, он тяжело дышал, но выглядел очень довольным.

Епископ сурово взглянула на него.

— Что тебе известно обо всем этом? — грозно поинтересовалась она, хватая Антрига за полы одежды. Ее лицо было свекольно-багровым от гнева.

Антриг неспешно водрузил на нос очки и уставился на пришедших с непомерным удивлением.

— Наверное, опять произошло нечто из ряда вон выходящее, не слишком приятное, раз вы врываетесь в мою тихую обитель, словно завоеватели в павшую крепость. Глядите, Керис даже переодеться не успел!

Керис с удивлением стал рассматривать свою и в самом деле не первой свежести одежду, хотя он довольно тщательно ополоснул от смеси ила со слизью волосы, лицо и руки.

— С чем бы Керис ни сражался, это все равно произошло в болоте, и в болоте где-то возле одного из многочисленных местных сенокосов! Честное слово, Герда, ты меня очень удивляешь — ведь ты всегда обычно так хорошо замечаешь очевидное…

Пленник Башни начал было отворачиваться, но епископ твердой рукой снова схватила его за одежду, заставив повернуться к себе лицом. Свет факелов отблескивал на лице и в

глазах женщины, но теперь это придавало ей не загадочный, а зловещий вид.

— Поберегитесь, Антриг! — прошипела Герда, еще раз для ясности дергая его за одежду.

— А чего мне бояться? — спокойно заметил он. — Стены в Башне толстые, я думаю, что они уж как-нибудь защитят меня! Это вам всем нужно разбираться со всякими вашими трудностями, которых у вас, как я погляжу, просто пруд пруди. Ты не подержишь вот это? — и Антриг протянул ей свой деревянный меч. Удивленная Герда приняла оружие, выпустив наконец одежду Антрига из своей мертвой хватки. Антриг сказал «Спасибо!» и исчез в темноте, которая окутывала узкую лестницу наверх.

Лицо Герды вновь побагровело, и она рванулась было вверх по лестнице, но Солтерис движением руки остановил ее.

— Нет! — тихо сказал он. — Там уж ты от него точно ничего не добьешься! Не ходи!

— Но мы можем его заставить…

Тут в голосе архимага зазвучали металлические нотки:

— Ни один служитель Церкви, — слышишь, ни один! — не имеет права и пальцем тронуть того, кто однажды принес клятву на верность Совету Кудесников!

— Но сейчас совсем не та обстановка! — яростно сказала Герда. — Все эти страшные явления…

— Обстановка не изменилась!

Какое-то время они стояли, глядя в глаза друг друга. Керис видел в глазах старика смесь гордости и гнева — так, стоя возле печки, которая закрыта заслонкой, чувствуешь тепло, но не видишь света. Герда шевельнула было губами, и архимаг как будто понял, что тут, в Башне, лишенные своего волшебства, они находятся целиком и полностью во власти Церкви.

— Пойдем, Керис! — сказал старик. — Тут все равно ничему хорошему не научишься! И узнать мы ничего не узнаем! Но, Герда Кимильская, послушай! Если ты, или твой Костолом, или кто там у тебя еще подвизается в Инквизиции… Если вы без моего ведома тронете хоть волос на голове Антрига… Я в конце концов все узнаю об этом, и вот тогда… — Глядя на янтарное пламя коптящих факелов, старик уже тихо сказал: «Тогда вам всем придется иметь дело со мной!»

Только когда они уже спускались с холма в синеве сгущающихся сумерек, Керис осмелился заговорить. Архимаг шагал так широко, что его черные одежды развевались. Вывихнутая в болоте лодыжка Кериса ныла при каждом шаге, но не эта боль и не уставшие в страшной битве мышцы угнетали его

— ему не нравилась тишина, казавшаяся тяжелой жидкостью, в которой им предстояло плыть.

Наконец, когда они спустились с холма, на котором стояла Башня, Керис не выдержал и задал один-единственный: «Почему?»

Старик испытующе поглядел на него. Наконец, как будто он в первый раз обратил на внука внимание, Солтерис сказал:

— Дитя мое, с тобой все в порядке? Я-то, старый, совсем забыл, что ты ранен!

Керис нетерпеливо дернул головой:

— Почему ты вдруг кинулся защищать его? Он определенно знает больше, чем рассказывает тебе! Если бы им удалось разговорить его…

— Нет, — вздохнул архимаг, — с одной стороны, он куда упрямее, чем кажется, этот сумасшедший, К тому же он не такой простак! Никогда нельзя быть уверенным, что именно в этот момент он говорит правду. Скажу больше — он сам не осознает, когда говорит правду, а когда начинает лгать. С другой же стороны… — Архимаг замолчал, оглянувшись на Башню. — Они ведь только этого и дожидаются! Епископ и этот Костолом — им нужен только повод, чтобы подчинить нас своей воле! Потому-то мне и нужно столь осторожно обращаться с Антригом!

Как кусочек какой-то другой жизни, Керис вдруг вспомнил заросшие плющом и ежевикой руины Цитадели Темного Волшебника и холодный голос Сергия Костолома.

— А может быть так, что все эти кошмары подстроил сам Антриг? — поинтересовался Керис.

Несколько мгновений старик шагал безмолвно, сурово сдвинув седые брови, и на лице его лежала печать какой-то странной растерянности, чего раньше внуку никогда не доводилось видеть.

— Я не знаю! — наконец негромко вымолвил Солтерис. Он с трудом переставлял обутые в тяжелые башмаки ноги по заросшей травой древней дороге. — Право, я не могу себе представить, как бы он мог… Да и сам я… — помолчав, архимаг упрямо покачал головой. — Мне такие вещи на практике пока еще не встречались! Хотя мне и приходилось пересекать Пустоту, я все же не умею ощущать ее как Антриг! Во всяком случае, как он умел это раньше! — Тонкие губы Солтериса сжались в недоброй ухмылке. — Может быть так, что они попадают сюда через Пустоту, а он просто как-то переделывает их или что-то в этом роде! Но в любом случае — сидя в Башне, он не в состоянии ни контактировать с Пустотой, ни вообще заниматься волшебством! Если бы он мог это делать, его бы уже давно не было в Башне

Тишины!

— Да? — вдруг спросил Керис. Он задумчиво посмотрел на черную рукоять своего меча, а потом с сильным сомнением в голосе сказал деду: — Как мне кажется, комната с открытой дверью не похожа на тюремную камеру!

Повисла долгая тишина. В лице архимага Керис сумел угадать безграничное удивление. Затем дед кивнул, словно самому себе:

— Послушникам надо верить! Как известно, под лампой — темнее всего, там и прятаться лучше! Я совсем забыл, что Антригу это всегда блестяще удавалось. Если он действительно нашел какую-то возможность заниматься волшебством, то благодаря наложенным на Башню заклятьям ни один волшебник не в состоянии узнать об этом! — Тут старику пришла еще одна мысль, он задумчиво пнул камешек под ногами и решительно сказал: — Нет, этого просто не может быть!

— Уж и не может? — настаивал на своем Керис. Вообще-то дисциплина, культивировавшаяся среди послушников, запрещала спорить с самим архимагом, а уж тем более говорить с ним в подобном тоне, но сознание того, что он находится на верном пути, заставило Кериса не слишком церемониться с разными уверениями. Ведь к тому же их учили, что правда — превыше всего! И молодой человек продолжал: — Ты ведь сам сказал, что не слишком хорошо разбираешься в Пустоте! Но он-то наверняка все понимает в этом! А может, он даже не вызывает этих тварей через пустоту, а просто творит их здесь, на месте? Ведь может быть такое?

Они продолжали шагать вперед, не останавливаясь, и наконец старик заговорил:

— Говорят, Сураклин умел вызывать каких-то духов и давать им поручения! Он даже одевал их человеческой плотью, так что стороннему наблюдателю казалось, будто перед ним — настоящие, живые люди. И они действовали, как люди, а не как духи, которые просто стучат в стену или опрокидывают посуду! Но, если бы все заключалось только в этом, — продолжал старик, подавая Керису руку, чтобы тот помог ему перебраться через пересекавший дорогу ручей, — я не смог бы убить эту тварь молнией! А это у меня получилось!

— Но как тебе удалось убить ее? — поинтересовался Керис. Рука деда, изборожденная рубцами и шрамами, показалась ему странно хрупкой и нежной. Архимаг осторожно ступал по выступавшим из воды участкам мостовой. Стоял конец лета, и воды в ручье было не так много, в основном жидкая грязь.

Старик задумался — он, видимо, вспоминал, как ему удалось

убить гадину. Глядя на его ставшее таким кротким и сосредоточенным лицо, Керис не мог поверить, что именно этот человек вызвал молнию, что именно он устроил так, что силы Темного Волшебника помогли ему.

— Обычным электричеством! — старик наконец разлепил губы.

— Электричеством? — Удивление внука было неподдельным.

Старик широко улыбнулся.

— Кажется, вот неплохое местечко! — забормотал он, сворачивая с дороги к двум насыпанным в незапамятные времена неведомо кем курганам. Трава тут была куда выше и сочнее, и потому архимаг ступал с большей осторожностью. Керис, прихрамывая, последовал за дедом — как в детстве, он шел за ним, даже не спрашивая, куда и зачем тот идет. За курганами оказалась небольшая лощина. Оглянувшись на дорогу, Керис заметил, что сумерки уже совсем сгустились и теперь напоминали дымчато-серый шелк.

— Доктор Нарвал Скипфраг уже несколько лет экспериментирует с электричеством, — невозмутимо продолжал архимаг, глядя при этом себе под ноги, — собственно, именно из-за своих изысканий он впервые заговорил со мной. Хотя, разумеется, до того мы неоднократно встречались в императорском дворце в городе Ангельской Руки! Во время конфликта с Сураклином я подружился с принцем Харальдом. Когда принц стал королем, то он уделял нам столько же внимания, сколько самой Церкви, и потому его влияние укрепилось. С того времени я стал часто бывать во дворце и познакомился со многими придворными. Там столько интересных людей!

Они стали спускаться в лощину, на дне которой тоже журчала вода. И там все было опутано зарослями ежевики и дикой розы. Откуда-то слышалось жужжание пчел — то ли самые работящие, то ли самые жадные еще не закончили собирать нектар, несмотря на поздний час. Помогая деду переправиться и через эту водную преграду, Керис вдруг понял, что такое хорошее знание окружающей Кимил местности дед наверняка приобрел во время сражений с Сураклином. Теперь он знал тут каждую кочку и каждый ручей, и потому уверенно чувствовал себя даже в темноте. Следуя за архимагом, Керис устыдился — и своих ноющих мышц, и какого-то подсознательного страха перед этой местностью. Вон дед — на что старый, а шагает без устали! Темнота сгущалась; он стал вспоминать сегодняшнюю схватку с чудовищем. Оно, как выяснилось, пришло ниоткуда. Но тогда как оно вообще появилось здесь — ведь прежде такие существа в

Империи не водились!

Пять лет Керис вел тяжелую, но достаточно беззаботную жизнь. А теперь за один день все разом изменилось: он пришел в незнакомую местность, он сражался с неведомым чудовищем, убить которое оказалось возможно только с помощью невиданного оружия разрушительной силы. Раньше ему казалось, что меч есть самое страшное оружие, но сегодня он убедился, что, к примеру, против костей убитого в болоте чудовища меч абсолютно бессилен. Тем временем они все шли и шли.

Архимаг вновь нарушил тишину:

— Нарвал рассказывал мне, что вода отлично проводит электричество, проводит его и металл. Но иногда они могут принимать на себя электрический разряд. Кстати, молния — это и есть электричество! — Солтерис скупо улыбнулся. — Я обязательно повидаюсь с ним и расскажу о том, что результаты его опытов блестяще подтверждены практикой. То-то он будет доволен!

— А чудовище? — невинно спросил Керис.

Старик вздохнул в ответ, и улыбку с его лица словно водой смыло.

— Чудовище, — непонятно к чему сказал архимаг, — да, чудовище!

Снова повисла тишина, и мысли Кериса возвратились к пленнику Башни Тишины — к полубезумному волшебнику с всклокоченными волосами и бородой, с блистающими глазами, полускрытыми толстыми линзами очков. Неужели человек, семь лет просидев в тюрьме, способен скрывать свою безумную энергию, да так ловко, что о ней никто и понятия не имеет? Керис в свои девятнадцать лет еще не встречал ничего подобного. Нет, думал воин, что-то здесь все-таки не то! Затем Керис стал думать о своем убывающем волшебстве. Ну как вынести такое человеку, чей дед считается самым могущественным чародеем Империи?

Неужели эти переживания в конце концов сведут его с ума?

Или это произойдет, как какое-нибудь неприятное наваждение?

Керис обернулся назад, чтобы попытаться угадать над вершинами холмов темную Башню.

— Ну вот мы и пришли! — радостно заметил архимаг. Керис удивленно посмотрел на яму в земле, на поваленный памятный камень. Камень теперь тоже был оплетен ежевичными кустами. Соседний холм порос какими-то деревьями, там слышалось хлопанье птичьих крыльев, а в траве неподалеку кормились дикие кролики. Они некоторое время настороженно глядели на путников, но, убедившись, что это явно не охотники, продолжили

свое занятие. Керис присел на край поваленного камня.

— Мы подождем здесь, — донесся до воина голос архимага, — пока темнота полностью не опустится на землю!

В темноте Керис мог различить только силуэт деда, особенно заметны были его белые руки и лицо в обрамлении копны седых волос. Архимаг тем временем продолжал:

— А потом, дитя мое, мы возвратимся в Башню Тишины, и я сам постараюсь поговорить с Антригом Виндроузом!

Старик присел на камень рядом с внуком. Он извлек откуда-то пару черных перчаток, подаренных ему прежним императором еще до того, как он сошел с ума. Солтерис принялся было надевать их, но вдруг передумал и запихнул обратно в карман.

— Ты что, замерз? — спросил деда Керис, но тот отрицательно покачал головой.

— Только устал! — сказал архимаг. Он снял со спины котомку и достал из нее краюху хлеба, головку сыра и два зеленых яблока. Хотя послушнику не положено есть во время службы — а Керис считал, что он сейчас на дежурстве, — он тем не менее с благодарностью принял еду от деда.

Архимаг продолжал между тем:

— Ты, дитя мое, находишься в куда более сложной ситуации, чем я! Извини меня, дитя, но я все-таки должен поговорить с Антригом с глазу на глаз, без свидетелей. И сделать это мне нужно как можно скорее. Если ему известно обо всех этих странных явлениях, то мне нужно все разузнать у него. Иначе Святая Инквизиция воспользуется этим как подходящим предлогом и быстро расправится со всеми нами! Ты же слышал, что они говорили сегодня…

Керис чуть не подавился ломтем хлеба.

— И в самом деле, слышал! — признался он. — Но я даже не подозревал, что ты там тоже был!

— Меня там не было! — Старик улыбнулся. — Но, понимаешь ли, волшебник может слушать все, что говорится возле подземных токов энергии! К тому же я старался в последние дни не спускать глаз с Костолома! — Вздохнув, архимаг стал жевать кусок сыра. — Это моя старая проблема, — он снова вздохнул, — а причина стара, как мир, — желание Церкви во что бы то ни стало подчинить нас своей воле! Потому-то они и ищут любого предлога! А кто ищет — тот всегда найдет! Они уже начали говорить, что в обществе, которое использует машины и чуть ли не каждый месяц изобретает новые орудия труда, не может быть места волшебству, что это просто фикция! Но, дитя мое, чтобы разрушить машину, нужно так мало волшебства! В волшебстве скопилась мудрость целых тысячелетий, и вдруг кто-то заявляет,

что эти знания не нужны! Все началось тогда, когда была выстроена Башня Тишины! Тогда-то и появились все эти заклятия, самого разного назначения! Там есть такие, которые могут без труда сделать любого человека абсолютно нечувствительным к воздействию оружия и огня. Там есть и противозаклятья — то есть заклятья, действующие против других заклятий!

Архимаг снова печально вздохнул.

— Единый Бог Святой Церкви — не Бог для волшебников, — сказал он грустно, — как послушнику при Совете Кудесников, тебе совсем не нужно проявлять внимание к тому, что свято для этой Церкви! В свое время Церковь взлелеяла собственную плеяду волшебников — *хасу* — и использовала их магическую силу для того, чтобы разгромить кудесников на Стеллитовом поле. Это случилось пятьсот лет назад. Им помогали другие волшебники. С одним из постулатов Церкви я согласен и горячо его поддерживаю — нужно пожертвовать благом немногих во имя блага всеобщего. И теперь, когда дают обет верности Совету, подразумевается именно это!

Керис задумчиво посмотрел в темноту, а архимаг продолжал:

— И с того времени… Боюсь, они действительно правы! Человечество с тех пор достигло очень многого. На мануфактурах города Ангельской Руки, Кимила, Парчастена стоят сотни машин, которые сами ткут различные ткани. Кто-то начинает заговаривать о возможности создания машин, которые будут приводиться в движение силой пара. Ведомо ли было такое раньше? Говорят, что эти машины тоже будут использоваться в мастерских и на мануфактурах! Я даже уже видел молотилки, которые приводятся в движение паром, причем они намолачивают больше зерна, чем смогли бы люди. Есть даже паровые мельницы! Их пока мало, и они считаются диковиной, но кто знает, что будет потом? Они наверняка распространятся повсюду и станут такой же повседневной реальностью, как кремневые пистолеты или оловянные тарелки. А потом… Я не знаю, что принесет будущее, но вот, например, что будет, если поставить такой двигатель на тяге пара на корабль? Он будет тогда двигаться намного быстрее, чем современные корабли! Сколько есть еще неоткрытых земель! Мы же слышали в детстве сказки о неисчислимых заокеанских странах, которые ждут не дождутся, чтобы их открыли!

— Но не все так просто! — воскликнул Керис, словно раздраженный печальным тоном деда. — Не все ведь просто в этом мире! Нужны еще деньги — много денег, чтобы построить такие корабли! И не в одних деньгах дело!

Некоторое время ответом Керису была только ночная

тишина. Где-то на болотах во все горло квакали лягушки, кричали цапли. Но даже со своим небольшим остатком волшебного дара Керис уловил кое-что еще: под землей струится волшебная энергия. Нет, такое просто нельзя игнорировать. Человечество не сможет отречься от волшебства целиком и полностью, как бы быстро оно ни развивалось и ни богатело! Самому ему было очень жаль того, что он лишится волшебства, которое неумолимо продолжало угасать в нем.

— Все взаимосвязано в этом мире! — сказал Солтерис загадочно. — Сила воли — пламя — стремление! Конечно, все это отрицают, я знаю! Тех же, кто обнаруживает, что такие вещи действительно существуют, немедленно объявляют безумцами, дураками, умалишенными или как там все это еще называется!

— А Сураклин?

Это имя Керис произнес почти что шепотом — ему не хотелось громко говорить его тут, среди холмов, когда-то бывших территорией Темного Волшебника. Недалеко была и Башня Тишины, именно в ней когда-то Темный Волшебник, скованный цепями, ожидал смерти. Снова прозвучал вздох архимага, и через некоторое время старик ответил:

— Сураклин был последним из величайших! Последним из королей волшебства. Он был последним, кто умел управлять энергией мысли и воли! Его сила была и в том, что многие, кто подчинялся ему — из преданности ли, в силу родства или по каким-то другим причинам, — просто не верили в существование какого-либо иного волшебства! А его магия была величайшей — и в самом деле величайшей! Это я доподлинно знаю! Он без труда мог бы стать архимагом, если бы члены Совета не отвергли его из-за мрака его души!

Повернувшись, старик внимательно посмотрел в лицо Кериса.

— Вот чего я теперь боюсь, — сказал он тихо. — Что Антриг учился еще и у Сураклина!

Несколько мгновений Керис, разинув от удивления рот, смотрел на деда. Целую неделю он жил, в сущности, в тесном соседстве с легендами, окружавшими Темного Волшебника. Сама здешняя земля словно впитала память о Сураклине. Трудно было поверить в то, что еще живы люди, лично знавшие Темного Волшебника, хотя Керис был уверен, что его дед точно был одним из них. Неужели и вправду полубезумный пленник Башни Тишины мог быть учеником самого… Тут Керис нашелся:

— Но ведь епископ сказала, что этот Антриг был твоим учеником!

— Я нашел его два года спустя после разгрома Цитадели Сураклина! — пояснил Солтерис. — Он скрывался в одном

монастыре в земле Сикерст! Ему тогда было девятнадцать лет, как тебе сейчас. Он уже тогда был слегка помешан, дитя мое! Да, я обучал его, хотя учиться ему тогда уже было почти нечему. Мы с ним очень много путешествовали, он был выбран в Совет Кудесников, но я всегда чувствовал, что глубины его души раскрылись передо мной не до конца. Одно время я любил его, как родного сына. Но, признаюсь, я никогда его не недооценивал! Я знал, что он на многое способен!

— Тогда не нужно делать этого сейчас! — сказал Керис, глядя на деда с легкой досадой. — Тебе не следует оставаться с ним один на один!

Но в Башне он не представляет для меня опасности! — заметил Солтерис.

— Ты не можешь этого знать!

— Керис… — голос старика звучал так ласково-убеждающе, как будто парень был не воином, а маленьким ребенком, — ты что же, собираешься защищать меня? Даже если предположить, что всеми этими напастями мы все-таки обязаны Антригу… Даже если именно он застрелил Тирле, а потом сбежал через Пустоту… Он все равно не способен причинить мне вред! И мне все равно так или иначе нужно переговорить с ним!

— Но ведь охранники тебя не впустят в Башню одного, без епископа!

Солтерис рассмеялся, и зубы его заблестели в темноте:

— А охранники меня и не увидят! Конечно, внутри Башни волшебства не сотворишь, но во дворе Башни я смогу навеять им кое-какие иллюзии!

Ту архимаг встал, стряхнул с колен хлебные крошки и сказал внуку:

— Пойдем со мной, посмотришь, что я делаю!

Даже два года службы в качестве послушника Совета Кудесников не смогли подготовить Кериса к мысли, что архимаг сможет преспокойно войти в Башню. Едва оба путника показались из темноты, часовые почтительно поприветствовали их. Солтерис вежливо извинился за беспокойство и сказал начальнику охраны, что видел на холме нечто такое, что вынуждает его возвратиться и еще раз поговорить с заключенным. Начальник охраны закусил усы — он явно почувствовал себя в крайне неловкой ситуации и теперь раздумывал, как бы получше из нее выйти. С мечом наперевес он бросился на эту опасность, но холодная пропасть поглотила и его…

— Извините меня, милостивый государь, — сказал наконец начальник, — но в отсутствие епископа мне приказано никого не впускать к пленнику!

— Очень хорошо! — тихо сказал архимаг. — Тогда будь любезен, пошли за ней поскорее!

Начальник караула раскрыл было рот, чтобы возразить, но что-то заставило его промолчать. Повернувшись, он распорядился:

— Горн! Быстро седлай коня! — тут он повернулся к Солтерису и сказал: — Но в таком случае придется подождать. Час, самое малое!

— Я понимаю вас, капитан! — кротко ответил старик, вежливо наклоняя голову. — Но дело чрезвычайной важности, иначе я не решился бы потревожить ее святейшество до утра! Все очень серьезно!

Начальник охраны понимающе улыбнулся и сказал:

— Ничего страшного! Только вам придется скоротать это время. Там, в караульной, есть вино!

— Возможно! — архимаг был сама изысканность манер. — Только кроме вина там есть еще и туча табачного дыма, на который я не хотел бы поменять этот чудесный воздух, запах летней ночи! Пока не холодно, мы можем подождать и на улице! — И старик тяжело опустился на каменную скамью у самого окна караульной.

— Как вам будет угодно! — отозвался начальник караула. — Если вдруг вам чего-то захочется — вина ли, еды, чаю ли — немедленно скажите. А ты, — он повернулся к уже готовому выехать гонцу, — помни, что если ты встретишь ее святейшество по пути, то это одно. Если она изволит ужинать или отдыхать, вести себя нужно по-другому! Сориентируйся на месте, чтобы потом мне не пришлось за тебя краснеть! А теперь давай, пошевеливайся, пошел!

По дороге, мощенной камнем, застучали подковы, потом все стихло. Два стражника закрыли ворота. Керис присел возле деда на скамейку. Через окно слышались восклицания свободных от службы стражников, которые азартно резались в карты и то и дело подзадоривая друг друга.

Через приоткрытую дверь можно было видеть и кое-кого из игроков. И тут Керис понял, что дед специально сел здесь, чтобы видеть, что происходит в караульном помещении, и знать, как вести себя и какую роль играть.

— Очень хорошо! — теперь эти слова предназначались одному только Керису. — Итак, до приезда Герды у нас есть приблизительно час!

Архимаг сложил руки и прислонился спиной к грубо отесанным камням кладки стены. Как будто приготовился к долгому ожиданию, подумал парень. Тем временем в караульном

помещении возникла перебранка — кто-то кого-то обвинял в нечестной игре. Слышались возгласы: «Карты на стол!» и «Мошенник!» Все это было добросовестно пересыпано самыми отборными ругательствами. Начальник охраны стоял, прислонившись к двери, и наблюдал за игрой, но Керис заметил, что краем глаза он все-таки наблюдает за нежданными гостями.

Керис вытащил из котомки кусок кожи грубой выделки и принялся вычищать из углублений узора на рукояти своего меча застывший ил и слизь. И тут дед пробормотал ему в ухо:

— Ну, дитя мое, насколько ты силен в искусстве поддерживать учтивую беседу?

Керис удивленно посмотрел на него, но снова увидел блеск белых зубов архимага — он весело улыбался.

— Керис, ты можешь разговаривать разными голосами, изображая беседу двух людей? Нужно, чтобы они думали, что я по-прежнему сижу возле тебя?

— То есть, говорить с самим собой?

— Именно так! Говори долгими тирадами от себя, а потом делай краткие замечания с моей стороны, как будто бы ты что-то мне рассказываешь! Только ни в коем случае не заглядывай в караульное помещение! — добавил старик, видя, как парень то и дело подозрительно посматривает на начальника охраны. И Керис послушно уставился на рукоять меча.

— Но поможет ли это? — удивился молодой человек. — Ведь все равно на тебя падает свет!

— Ну и что, он и будет видеть меня при этом свете! — успокоил его Солтерис. — Это же будет просто иллюзия! К тому же я думаю, что управлюсь быстро!

— Но…

— Со мной все будет в порядке! — предвосхитил предостережение архимаг. — А ты поможешь мне как раз тем, что будешь маскировать мое отсутствие! Я постараюсь быстро разобраться с Антригом! Он, как мне кажется даже в этой Башне, не столь уж беспомощен, как настойчиво старается нам внушить! Ну что же, я готов договориться с ним!

— Но эта печать на двери…

— Я разберусь и с печатью! — улыбнулся старик. — Главное ты, дитя мое, сиди здесь и изображай содержательный разговор. Но только не таратрь слишком быстро, иначе это будет выглядеть очень уж фальшиво! А через полчаса я снова буду здесь! Но если через полчаса меня не будет… — тут старик замолчал.

— Что?

— Если я к тому времени не вернусь, — голос деда сразу

посерьезнел, — лучше не рискуй и не суйся к Антригу! Лучше отправляйся к другим волшебникам и веди их сюда! — И старик стал подниматься.

Керис едва сдержал себя, чтобы не схватить его за рукав, не остановить, не крикнуть: «Куда ты, не надо!» Но вместо этого он прошептал: «Подожди!» Архимаг выжидательно уставился на него. «Ты не оставишь мне эту лайпу?» — выдохнул молодой человек.

Солтерис помедлил, а потом сказал:

— Думаю, что на этот раз нет! Если оправдаются мои самые худшие опасения, то она потребуется мне самому!

И исчез.

Керис некоторое время сидел молча, соображая, что бы все это значило. Возможно, дед действительно хотел встретиться с Антригом без свидетелей. Значит, на то у него были основания. Но тут он спохватился — что это он застыл, как истукан, ведь начальник охраны наверняка сейчас наблюдает за ним. И все-таки парня терзала одна мысль — что же заставило архимага пойти на столь большой риск? Именно после того, как им встретилась та самая болотная тварь? Неужели Антриг и в самом деле сумел доставить сюда адское существо из какой-то неведомой вселенной?

Керис не мог ответить на этот вопрос и терялся в догадках.

Нет, прочь подозрительное молчание! И Керис начал изображать разговор: «Э-э-э… я не рассказывал тебе, как мы с моим двоюродным братом Трестой украли быка?» — воин даже сел вполоборота к «деду», чтобы все казалось как можно более натуральным. Невдалеке виднелась облитая молочно-белым лунным светом стена. Вдруг мелькнула тень — это пролетела летучая мышь. Отсюда Керису была отлично видна дверь в Башню, возле которой недвижимо застыли два закутанных в черное охранника. Кое-какое пока остающееся в юноше волшебство давало ему возможность увидеть в темноте некую тень — возможно, это и был Солтерис, пробиравшийся к заветному входу в темницу. Когда тень архимага проходила между часовыми, один из них чихнул, а второй испуганно встрепенулся. Керису даже показалось, что дверь открывается. А потом все разом прекратилось — видение исчезло. Керис моргнул, протер глаза, но больше так ничего и не увидел.

Керис содрогнулся — он вспомнил ту самую печать, которая была нацелена против волшебных сил. Но дед явно знал, как действовать даже при наличии этой хваленой печати, — во всяком случае, он точно знал, как можно проникнуть в Башню. Но тогда напрашивался вполне закономерный вывод, что если

Солтерис знает, как войти в Башню и выйти из нее, не обращая внимания на печать, то почему этого не может знать и Антриг? Он мог бы даже и догадаться — ведь сколько времени он провел в Башне!

Вспомнив, какую роль он должен играть, Керис быстро проговорил: «Да, дедушка… э-э-э… все это потрясающе интересно… А вот скажи-ка мне, как это Нарвал Скипфраг стал заниматься электричеством?»

Но страх Кериса за деда не проходил — его мысли то и дело возвращались к одному. Нервы его были на пределе, он все думал о двери, которая должна быть не только закрыта на надежный замок, но и крепко запечатана волшебной печатью. Что-то не давало ему покоя, что-то такое он чувствовал раньше — это было предчувствие чего-то недоброго. Какая-то страшная опасность, которую простым мечом не возьмешь…

Вдруг под аркой, ведущей во двор, послышалось какое-то движение. Керис глянул — и его чуть не хватил удар. Быстрым шагом прямо в его сторону направлялся церковный послушник — хасу. Сомнений быть не могло — только они носили балахоны красного цвета. Это было их своеобразным отличительным знаком.

Воин закусил губы, стараясь держать себя в руках и не показывать тревоги. Ведь хасу, как правило, тоже обладали волшебным даром. Ему ничего не стоит заметить, что Керис сидит на лавке в одиночестве. Впрочем, он не знал, что тут должно сидеть обязательно два человека. Парень приготовился к обеим ожидаемым развязкам ситуации — либо пуститься в как можно более долгие объяснения, либо без объяснений вступить в драку. Но хасу, не обращая внимания на Кериса, быстрым шагом прошел мимо него и остановился возле начальника караула. Пламя бросало багровые отблески на бритый затылок церковного послушника, на красную рясу. Он явно тоже почуял опасность, только он не мог определить, откуда эта опасность исходит, и потому-то тон его был таким обеспокоенным, даже испуганным.

Он тоже ощущает *это* , подумал Керис. Предчувствие неведомой пока беды вовсю бушевало в его душе. Почему-то особенно пугала темнота в уголках двора. Тут Керис поймал себя на мысли, что ощущает точно такой же страх, как в ту ночь, когда стал невольным свидетелем убийства Тирле. Как если бы он стоял на пороге опасности.

И вдруг он понял, что происходит сейчас в Башне Тишины.

Ощущение было такое, будто земля разверзлась у него под ногами и Керис свалился в бушующий поток ледяной воды. Вскочив на ноги, парень схватился за рукоятку меча и яростно

закричал: «Нет! Нет!»

Начальник караула живо обернулся к нему, и Керис увидел, как тщательно сработанная дедом иллюзия рушится и у офицера точно пелена падает с глаз. Отшвырнув в сторону замешкавшегося хасу, начальник подскочил к Керису и открыл рот:

— А где же…

Керис уже во весь опор мчался через двор, размахивая мечом.

— Ловушка! — закричал он громко. — Этот Антриг заманил его в ловушку!

Возле двери в Башню его схватили охранники. Керис яростно бился в их объятиях.

— Немедленно впустите меня в Башню! — закричал он во все горло. — Архимаг уже давно там, он прошел мимо, а вы его прошляпили! — Тут он замолчал, чувствуя, что возле двери чувство опасности в его подсознании еще больше обострилось. Ему казалось, что вечность Пустоты дышит ему в лицо холодом, подобно смерти. Удивленные, по-рыбьи выпученные глаза охранников вконец разозлили парня. — Неужели вы не понимаете меня? Он подумал, что Антриг лжет потому, что не хочет говорить в присутствии епископа! Неужели вы сами совсем ничего не ощущаете? Антриг хотел, чтобы архимаг в одиночку вошел в его камеру. Впустите меня!

Сзади к нему подскочил хасу, тяжело дыша. «Это чувство чужого в воздухе!» — несмело сказал он. Видимо, по своей молодости он стеснялся высказать подозрения.

— Впустите меня в Башню!

Некоторое время предводитель отряда смотрел на Кериса немигающими глазами. Затем, видимо, решившись, он распорядился: «Откройте дверь!»

— Но…

— Немедленно отпереть дверь, олухи! Он же архимаг! Вы все равно уже проштрафились, не заметив, как он пробрался в Башню! После драки кулаками не машут!

Теперь Керису повсюду чудилось холодное дыхание Пустоты. Один из стражников снял с двери волшебную печать, другой заскрежетал в замке тяжелым кованым ключом. Керис оглянулся — пугающая темнота по-прежнему лежала в уголках двора. На пороге караульного помещения стояли встревоженные часовые свободной смены. Наконец дверь со скрипом отворилась, и Керис, прыгая через несколько ступенек, помчался вверх по винтовой лестнице.

— Дедушка! — закричал Керис изо всех сил. «А-а-а!» — гулко разнеслось под сводами.

Непроницаемая тьма царила в кабинете Антрига. Глаза Кериса уже успели привыкнуть к темноте, поэтому он сумел различить контуры заваленного книгами стола, перевернутого стула. Возле стены высился небольшой очаг. Керис подошел к нему. На очаге лежала одна из перчаток деда… Керис трясущимися руками зажег свечу, но она горела странным белым пламенем и почему-то не разгоняла тьму. Пламя свечи было подобно светлячку. Молодой человек мог поклясться, что видел, словно далеко-далеко, уплетающий в неизвестность силуэт человека. Наконец непроницаемая тьма стала понемногу рассеиваться, и огонь свечи стал выхватывать из мрака окружающие предметы. Только на противоположной стене все еще почему-то ничего не было видно, там вообще не было ничего, кроме непроницаемой тьмы, кроме пустоты… Пустоты!

— Нет! — снова закричал Керис.

Глава 7

Ночь была мягкой, как шелк, и теплой, как вода в бане. Керис посмотрел вверх — звезды были ему знакомы. На гребне холмов виднелась яркая звезда Феникс. Острие Косы все еще указывало на сердце небес. Воздух был сухим и пах теплой пылью, к которой примешивался металлический привкус. Впрочем, этот металлический привкус ощущался в его собственном горле.

Наконец-то он в безопасности!

Довольно продолжительное время осознание окружающей действительности заключалось только в этом. Стоя на коленях в пожухлой траве, Керис боролся с неприятным ощущением, которое грозило выбросить из желудка все, что он съел с дедом за ужином. В стремительном полете через какие-то холодные пропасти было что-то страшное. Он потерял чувство времени и пространства. Он летел и знал, что затеряется в этой бесконечности, будет лететь в ней вечно, всю жизнь. Ему казалось, что неведомая волшебная сила открыла дыру-тоннель во времени и пространстве. А куда он теперь делся? Теперь нужно было вести себя осторожно — так осторожно, как он не вел себя еще никогда. Еще чувствовалось усталость после утреннего сражения с болотной тварью — хотя сегодня ли утром это было? Не вчера? Не на прошлой неделе? Теперь то состояние казалось просто младенческой беззащитностью по сравнению с его настоящим положением — ведь там он был в своем мире, окружен знакомыми людьми, он знал, как они будут вести себя. К тому же там с ним был архимаг.

Теперь ему хотелось только одного — лечь прямо на сухую траву и забыться, заснуть эдак на недельку!

Но Кодекс Чести послушников велел ему подниматься и идти вперед.

Усилием воли Керис заставил себя поднять голову.

Он лежал у подножия какого-то холма, который отбрасывал серповидную тень. В небе стояла молодая луна, которая обливала прозрачным светом покрытый уже довольно зеленой травой склон. Освещала луна и то, что было выше. Там, на самом гребне, возвышалась фигура Антрига Виндроуза, у ног которого лежало бесчувственное тело молодого человека.

Керис понял, что его не видно с холма только потому, что он лежит в тени. Стараясь не шуметь, воин скатился с откоса на несколько метров вниз, в заросли какой-то высокой травы. По запаху он определил, что это была полынь. Когда глаза Кериса окончательно привыкли к темноте, он увидел, что почти весь

склон зарос полынью.

Значит, подумал он, климат тут довольно теплый. Это заключение послушник сделал на основании того, что тут росла полынь. Такие заросли попадались в степях к югу-востоку от Кимила, по пути в Саарик. Но если судить по расположению звезд, то они находились далеко к югу от Кимила. Архимаг что-то говорил о других мирах, куда можно попасть через Пустоту. Интересно, там тоже такие же звезды на небе?

Впрочем, это было уже не столь важно. Ведь от послушника требовалось не задавать глупые вопросы, а выполнять задания. Поразительно но в его руке был по-прежнему зажат меч. Керис пополз в соседние, более густые заросли полыни. Антриг склонился над телом лежащего у его ног человека и стал щупать ему пульс. Человек этот был почти полностью обнажен — на нем были только какие-то короткие штанишки и плетеные сандалии. Впрочем, подумал Керис, ничего удивительного в этом нет — ведь здесь так тепло!

Вдруг человек встрепенулся и шевельнул рукой, которую тут же подхватил Антриг. До Кериса донесся голос беглеца из Башни: «С тобой все в порядке?»

Неужели мы все еще в своем мире, подумал Керис удивленно, ведь вряд ли жители другого мира общаются на нашем языке! Но он прекрасно понимал, что в любом случае они совсем не там, где они были прежде. А может, Антриг задавал такие вопросы просто в силу своего сумасшествия. И тут молодой человек заговорил — но говорил он на каком-то чужом наречии. Впрочем, Антриг, видимо, наложил на него какое-то заклятье, поскольку даже Керис понимал, о чем тот говорит.

— Ох! — сказал очнувшийся. — Иисус Христос, смилуйся надо мной! А ты кто такой, что ты тут делаешь?

— Ты хорошо себя чувствуешь? — упрямо продолжал Антриг, глядя на него.

— Иисус с тобой, нет! — молодой человек попытался сесть, и Антриг, угадав его намерение, подхватил его под мышки и помог ему приподняться. Голос незнакомца звучал слабо, как будто после попойки или какого-нибудь дурмана, и слегка удивленно — должно быть, подумал Керис, он не заметил, что Антриг разговаривает, не раскрывая рта. — После такого пунша чувствуешь себя, словно в аду. — Тут в его более просветлевшем взгляде мелькнуло удивление странным видом беглого мага — спутанные полуседые волосы и борода, рваное одеяние, похожее на рубище нищего, подобие хрустального ожерелья на шее. И человек рассмеялся, но смех его звучал довольно нервно: — Да, я должно быть, перебрал! Ты, наверное, один из тех, которых…

которых я там видел?

— Нет! — признался Антриг. — Я волшебник из другой вселенной! Я прибыл сюда, чтобы спасти твой — теперь и мой мир — от ужасной судьбы. Ты можешь сидеть?

Человек рассмеялся и сказал рассеянно:

— Я, наверное, уже спятил!

— Да, я тоже спятил. — Волшебник помог ему подняться на ноги, но поскольку парень был еще слаб, то опирался на плечо Антрига, и все еще продолжая глупо смеяться.

— Парень, у тебя, похоже, галлюцинации, — бормотал бывший заключенный Башни Тишины, — наверное, ты попробовал какой-то наркотик.

— Да, да! — бормотал очнувшийся, закидывая руку на плечо волшебника. — Меня зовут Дигби. Дигби Клейтон! Может, пойдем обратно на вечеринку, примем по рюмашке?

Керис, не шевелясь, внимательно наблюдал за этими людьми.

Из своего укрытия Керис проследил, как они вышли на покрытую пылью полосу, которая все расширялась и в конце концов превратилась в некое подобие дороги. Дорога вела к видневшемуся вдали домику Г-образной формы, возле которого было небольшое озерцо. Домик был красиво подсвечен яркими огнями. Но это явно были не огни костра или свечей — слишком яркие, ровные, немигающие. Тут явно не обошлось без магии, но Керис знал, что этого просто не может быть. Даже скудные остатки его волшебства подсказали ему, что в этом мире магии нет и в помине. Его небольшое волшебство не чувствовало здесь тяжести заклятий, запечатывавших, к примеру, Башню Тишины. Здесь ничего этого попросту не существовало.

Но ведь только волшебством и ничем иным можно было объяснить освещение этого странного дома! Рядом с домом было то самое озеро, которое он уже заметил. На воде играли световые блики. Керис, приглядевшись, заметил, что здание окружено низенькой — больше для украшения, нежели для защиты — изгородью, возле которой росли какие-то темные растения. И тут из дома высыпала большая группа людей, почти обнаженных, только кое-как прикрытых яркими тряпочками. Они принялись бегать по берегу озера, кричать, прыгать в воду и плавать там. Их радостные голоса звонко разносились над холмами. Керис был так поражен, что не мог пошевелиться, во все глаза наблюдая за происходящим. Можно было подобраться еще ближе, под защиту изгороди. Конечно, она освещена лунным светом и не слишком хорошо будет маскировать его, но все эти люди пьяны и вряд ли кто-нибудь обратит на него внимание, решил парень. К тому же яркие огни дома не дадут им возможность увидеть то, что

находится в темноте.

Керис спрятал меч в ножны, но тем не менее был готов выхватить его в любую минуту. Тихо, стараясь даже не шелестеть травой, он последовал за ними, но они, похоже, совершенно не интересовались тем, что происходит вокруг.

У самого дома шум оказался просто невыносимым — странная громкая музыка буквально хлестала по нервам. Воздух был напоен запахом пролитого пива, каким-то горящим дурманом (кажется, это был наркотик). Керис знал, что обычно этот наркотик курят в деревнях крестьяне, когда у них нет денег на выпивку. Но тут выпивка была, и была в изобилии — Керис видел множество бутылок, пустых и еще полных, валявшихся или стоявших на земле. Раздался пьяный голос Дигби: «Нет, ребята, это же просто галлюцинация, галлюцинация чистейшей воды!» Несколько человек одобрительно смотрели на него, причем самым довольным был Антриг, который стоял среди этих людей.

Несмотря на недостаточный теперь волшебный дар, Керис догадался, что Антриг каким-то образом пронес его через Пустоту в другой мир. Бархат ночи был украшен огоньками, драгоценным камнем блестела вода, люди радостно кричали и смеялись. Да, все это было реально — чуткие ноздри молодого человека уловили характерный металлический запах воды, он увидел беспорядочно разбросанную во дворе одежду. До него долетали обрывки разговора плещущихся в воде, и благодаря умению Антрига делать понятными все языки, Керис понимал, о чем они говорят. Впрочем, мелькали и какие-то странные слова, о которых он доселе и понятия не имел, — графика и видео, спецэффекты и карбюратор, микроволны и республиканцы. Через громадную стеклянную стену дома можно было рассмотреть кое-какие детали интерьера, но не всю обстановку, поскольку внутри дом был освещен недостаточно хорошо. Ему бросилось в глаза некое подобие прямоугольного зеркала, по поверхности которого бегали какие-то цветные точки. И всюду — полные и порожние бутылки, недоеденные куски, брошенная впопыхах одежда. Но венцом всего этого беспорядка была, конечно, музыка.

Какая-то женщина в красном коротком платье в обтяжку, шатаясь, подошла к Антригу и, вцепившись в его руку, спросила: «Так вы друг Дигби?»

— Да нет, вообще-то я чародей из другой вселенной! — беглец поправил очки и повнимательнее глянул на свою собеседницу.

— Из Средиземья, что ли?

Керис понятия не имел, где находится это самое Средиземье. Судя по растерянному виду, не знал этого и Антриг, но он,

широко улыбнувшись, не растерялся.

— Да, я как раз оттуда, — отозвался он.

Женщина вдруг придвинулась к нему всем телом и сказала:

— Вообще-то я без предрассудков. Чего ходить вокруг да около.

Антрига явно озадачил такой ответ — он задумался, что она имела в виду. Наконец он, видимо, призвав на помощь всю свою сообразительность, ответил:

— С точки зрения… э-э-э… банальной эрудиции… можно, конечно, предположить, что я ходил вокруг да около, пока добрался сюда.

— Эй, Дигби, это твой друг? — голос женщины уже раздавался недалеко от притаившегося Кериса. Выглянув, он заметил эту женщину, которая, словно в изнеможении привалилась к стеклянной стене. Какая-то девушка стояла на пороге, держа в руках толстый свиток зеленоватой бумаги. Именно эта девушка — Керису это было очень хорошо видно — смотрела на Антрига с явным подозрением.

— Нет, Джоанна, — отозвался тот, кого звали Дигби, — я же уже сказал, что это самая обычная галлюцинация. Ну и набрались мы все. Мне вообще показалось, что этот парень вышел из какой-то дыры в воздухе. — Тут Дигби взмахнул рукой, в которой был зажат высокий стакан из стекла. — Слушай, Гэри тебя везде разыскивает.

— Я знаю, — сказала девушка устало. — Потому-то я спустилась поболтать с тобой. Моя программа должна запуститься через полтора часа, и он, кажется, пошел разыскивать меня в компьютерную.

— Ага, — весело воскликнул Дигби, словно не замечая недовольства в голосе девушки. Тем временем женщина в красном платье висла на руке Антрига, говоря ему пьяным голосом:

— Ну, пойдем, продемонстрируешь мне… свою магию.

Антриг уже в дверях обернулся, с явным интересом разглядывая это веселье. На его губах играла безумная улыбка. Возле Антрига стояла Джоанна, которая с тем же подозрением смотрела на него. И Керис понял, что здесь что-то явно не так. Вдруг откуда-то из темноты внутренних помещений дома высунулась рука и утянула Антрига с собой. Но в последний момент Антриг посмотрел в ту сторону, где лежал в своем укрытии Керис. На мгновение их глаза встретились. Керис понял, что все это время его видели.

Возможно, подумал Керис, Антриг знал заранее, что он следует за ним по пятам. Или же он заметил его уже здесь?

Может быть, именно поэтому Антриг с такой легкостью дал увести себя в дом? Пока Керис будет сторожить его у главного входа, Антриг возьмет да и улизнет через заднюю дверь, он ведь такой коварный.

Лежа возле изгороди и ощупывая свои ноющие раны, Керис вдруг почувствовал холодок ужаса, прошедший по телу. Он внезапно осознал, что только Антриг связывал его с родным миром. Он и только он. Этот мир был другим, пугающим и страшным. Даже то чудовище, с которым он сражался в болоте, не казалось ему таким жутким, как этот, подсвеченный огнями неизвестного происхождения, дом и его не в меру веселые обитатели. Потерять из виду Антрига значило не только потерять след деда, но и остаться в этом шумном, неволшебном мире навечно, без ясной перспективы вернуться назад.

Осторожно привстав, Керис решил обойти дом по периметру, чтобы не дать Антригу удрать, если маг вдруг пожелает выскользнуть через другой ход.

Здесь оказалось на удивление много дверей, больших и малых. Одни были настолько узки, что в них невозможно было протиснуть даже его не отличавшееся тучностью тело, а в иные ходы могла запросто пройти лошадь. Возле дома стояли странные железные ящики на колесах — по виду экипажи, хотя лошадей здесь не было и следа. Неужели, думал Керис, это все-таки волшебство? Неужели он поторопился с выводом о том, что здесь нет волшебства и магии? Южнее, за гребнями холмов, можно было различить какое-то красноватое сияние — возможно, там занималась заря.

Двигаясь тихо, как тень, стараясь не шуметь, Керис обошел весь дом. Тропинка от ворота сада вела между холмами к некоему подобию сарая. Именно там Керис услышал резкие голоса — той самой белокурой девушки, Джоанны, и какого-то самоуверенного молодого человека, который принял столько вина, что еле держался на ногах — от него за милю несло перегаром.

— Ну, Джоанна. Извини меня за эти слова. Я имел в виду вовсе не это…

— Неужели? Конечно, ты единственный мужчина, который проявлял ко мне неподдельный интерес, и наверняка останешься единственным, кто будет интересоваться мною в дальнейшем. Я признаю это, но мне совсем не хотелось бы, чтобы об этом говорилось в присутствии коллег по работе…

— Но я имею в виду… Ты ведь знаешь… — через полуоткрытые ворота был виден большой нос этого парня и его горящие от возбуждения глаза. Керису почему-то казалось, что он говорит правду, но в то же время ему совсем не хотелось, чтобы

так вот обижали девушку. Ему не хотелось вспоминать, как он сам на этой неделе обидел девушку — ту, что служила в таверне.

— Ну хорошо, детка. Извини. Скажи только, сколько я должен извиняться перед тобой?

Лунный свет хорошо демонстрировал этого нагловатого субъекта — на его мускулистой фигуре была только какая-то тряпица, обтягивающая его пояс. Впрочем, так выглядели все присутствующие. На теле парня блестели капельки воды — видимо, он только что выбрался из озера. А девушка была одной из немногих одетых. На ней были голубоватые штаны и цветастая майка. Впрочем, подумал Керис, это все равно лучше, чем те скупые кусочки ткани, которыми прикрывала свои телеса большая часть присутствующих.

Между тем голос парня звучал все более холодно.

— Да. Сколько раз?

Она отвечала, впрочем, в том же тоне:

— Можешь повторять это, сколько твоей душе будет угодно, но только не думай при этом, будто доставляешь мне удовольствие. А себя можешь утешать сколько влезет.

— Но, девочка моя, что все это значит? Зачем такая грубость, ты же знаешь, что я тебя люблю.

— Ха, я быстрее поверила бы этому, если бы ты не выставлял меня на посмешище. Я не собираюсь никого развлекать таким образом.

Надо же, подумал Керис, неслышно продвигаясь в душной тьме — как похожи переживания людей в этом мире на то, что испытывали люди в его мире.

Сам дом состоял из двух этажей. К дому было пристроено крыло — в котором и скрылся Антриг. Почти все окна строения были обращены во двор, а все двери можно было просматривать с восточной стороны крыши. Керис решил, что здесь вряд ли кто-нибудь обратит на него внимание, даже если и заметит сидящего на крыше — ведь Антриг в своем странном одеянии не сумел возбудить в них подозрений. Впрочем, было маловероятно, что они углядят его на крыше.

Один из странных металлических экипажей стоял достаточно близко к стене дома, чтобы с него можно было попытаться забраться наверх. Когда он залез на крышу экипажа, та легонько прогнулась. Крыша была плоской, слегка покатой в одну сторону — в точности, как дома в Меллидэйне, где никогда не шел снег. Башмаки воина заскользили по каким-то странным пластинкам, которыми была покрыта кровля. Керис тихо пополз к краю крыши, чтобы быть полностью уверенным, что случайно не провалится вниз — стены должны были принять часть его веса.

Наконец он удобно устроился на крыше и стал разглядывать то, что было внизу. Из окна на землю падал тускло-желтый свет, который искрился на лакированных поверхностях безлошадных карет. Музыка стала играть немного тише. И тут до ушей Кериса донесся разговор.

— …так можно было просто докончить это дело, но только у тебя бы наверняка высвечивалась Б-ДОС, это и есть та самая ошибка.

— И что, ты думаешь, теперь все потеряно? Вон в Альта-Кларе вообще целая система на куски разлетелась, и то не так переживают.

— Клянусь чем хочешь, но этот парень ведет какую-то двойную игру.

— Я до двух часов ночи работаю. Ты ее все равно не заставишь в это поверить, но она самый способный программист в Сан-Серано.

— Неужто ты и вправду думаешь, что Гэри знает различие между этим немецким словом и тем именем?

— …вообще супергерой и даже играет роль наемника, но это его странное хобби, написание детских книжек…

— …возможно, Дигби прав насчет того, что здание номер шесть выстроено в неком подобии Бермудского треугольника. Иногда, когда находишься в этом домике, и вправду становится как-то не по себе.

— Нет, я ничего такого там не чувствую, но бывает, что наваливается дикая усталость.

— Ха, если бы я занимался такой работенкой, представляю, какую усталость я бы ощущал.

Керис почувствовал, что перипетии сегодняшнего дня все-таки берут над ним верх и он начинает засыпать. Из последних сил послушник поднял голову — ни в коем случае нельзя позволить, чтобы сон сморил его. В довершение всего ему захотелось есть. Он даже начал подумывать о том, чтобы спуститься вниз, к продуктовому изобилию, и чем-нибудь подкрепиться, но потом, несмотря на соблазн, отбросил эту идею — это было чересчур опасно. К тому же Антриг наверняка только и ждет, чтобы он отвлекся.

Тут его внезапно заинтересовало, как же движутся эти странные экипажи. Вдруг один такой экипаж зарычал, из передних и задних фонариков вырвались лучи желтого света, на далекое расстояние пронизавшие тьму. Запахло неприятным дымом — явно от этих карет. Настоящие металлические чудища! Несколько раз острый взгляд Кериса выхватывал из темноты какие-то красные огоньки. При этом слышался громоподобный

рев, отчего душа у парня уходила в пятки. Но, странное дело, ни один из присутствующих на ночном пиршестве гостей не обращал внимания на эти устрашающие звуки. С чего бы это? Да, в этой вселенной наверняка полно странностей. Но рев продолжал раздаваться и затихать, и каждый раз ему становилось страшно. Как только они тут живут?

Кериса все еще мучили раны, к тому же усталость давала знать о себе все настойчивее. Но годы, проведенные в послушниках, тоже чего-то стоили — Кериса не покидала мысль, что он, как поклявшихся хранить на верность Совету Кудесников, должен сделать сейчас одно — ни в коем случае не дать Антригу безнаказанно скрыться.

Вдруг в одном из больших окон на втором этаже главного крыла дома вспыхнул яркий свет. Керис весь вжался в покрытие кровли — ведь теперь свет падал и на него. Его можно запросто заметить из любой комнаты, где не горит свет — стоит только подойти к окну.

Но в той комнате возле окна стоял один-единственный человек. Он задумался, снял с носа очки и принялся протирать их тряпочкой. Тут Керис снова удивился — эти люди тоже носили очки, они тоже страдали близорукостью. Причем кое-какие очки вообще не отличались от очков Антрига. Керису почему-то бросились в глаза закатанные по локоть рукава рубашки этого парня. В ярком свете были хорошо заметны какие-то странные буквы серебристого цвета, начертанные на ткани. Он явно не заметил Кериса и продолжал задумчиво протирать очки.

В комнате появился второй силуэт, и первый человек быстро отвернулся от окна. В прибывшем Керис узнал ту девушку, к которой все обращались «Джоанна».

— Так это был ты, — сказала девушка кому-то. Голос при этом звучал не очень громко.

Вдруг рубиново-красный огонь во дворе привлек внимание Кериса. Как оказалось, это был не огонь, а та самая женщина в красном платье, но Антрига возле нее теперь не было. Проклиная свою невнимательность, Керис дождался, пока парень и девушка в комнате на втором этаже отвернутся от окна, и по-кошачьи спрыгнул вниз. Он упал прямо возле того странного механического экипажа, с которого взбирался на крышу.

Попутно он заметил, что в комнатах нижнего этажа никого не осталось.

Кериса охватила ярость — на самого себя. Хороший же из него получился послушник. Попал в другую вселенную и сразу же забыл все, чему его обучали все эти годы. Что теперь делать?

Его охватил ужас. Нет, нет, прочь все страхи, иначе можно и

вовсе раскиснуть и остаться в этом чужом мире со всеми его диковинами навечно.

Он вспомнил, как утром его пронзила внезапная мысль, что ему еще не приходилось сражаться за собственную жизнь. Ему не приходилось еще красться, вслушиваясь в тишину, оглядываясь, испытывая беспокойство за жизнь, за здоровье. Теперь его на каждом шагу подстерегала опасность. А последствия могли оказаться самыми ужасными.

Стараясь быть максимально внимательным, Керис принялся оглядываться по сторонам стараясь угадать движение в неосвещенных комнатах. Не помогала даже его феноменальная способность видеть в темноте — сколько он ни всматривался в комнаты через окна, но так и не смог обнаружить даже следа исчезнувшего чародея. Антриг как сквозь землю провалился. Антриг был не только чародеем, но и, в свое время принеся клятву верности Совету Кудесников, прошел все стадии послушничества. Керис уже видел, как Антриг демонстрировал приобретенные в тот период навыки. И потому он мог сказать — в отличие от других магов Антриг отлично владел приемами борьбы.

Подумав, Керис решил осмотреть все заново. К тому же не мешало обратить внимание на следы на земле — отпечатки башмаков Антрига наверняка будут выделяться среди отпечатков обуви этих людей. Тем более, что пыли тут было предостаточно. Кстати, с крыши дома Керис успел заметить дорогу, по которой время от времени проносились такие же безлошадные кареты, помигивая в темноте красными огоньками фонарей-глазков.

От участка узенькая тропинка вела к какому-то стоявшему на отшибе сараю. Вокруг сарая валялись остатки давно рухнувшей изгороди. Сам сарай стоял на плоской вершине одного из холмов, как раз напротив дома. Керис внимательно присмотрелся к отпечаткам ног, оставшимся на ведущей в сарай тропинке, и понял, что несмотря на кажущуюся заброшенность этого помещения, им все время кто-то пользовался — следы одной и той же обуви покрывали тропинку, причем вели они в обоих направлениях. Возможно, сарай навещали ежедневно. Но несмотря на то, что тропинка была отлично освещена лунным светом, на ней не было видно ни единого отпечатка башмаков беглого Антрига. Не было и характерных полос, какие обычно оставляют волочащиеся по земле края длинного одеяния.

Керис неожиданно для себя понял, что его начинает охватывать страх.

Вдруг послышалось угрожающее рычание — прямо на него мчался один из страшных механических экипажей. Карета

мчалась, не разбирая дороги. Керис опрометью бросился в кусты. Бросив взгляд на ворота, через которые на территорию этого хозяйства в первый раз вошли Дигби Клейтон и Антриг, послушник услышал сдавленный смех, а потом какая-то девушка слабым голосом спросила:

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

Керис решил отойти подальше от дома, то и дело поглядывая на звезды, чтобы знать потом, куда в случае чего идти. Если эти не в меру развеселившиеся люди случайно наткнутся на него, то посыплются вопросы, и как следствие их — отвлечение внимания, а Керис ни в коем случае не мог себе позволить отвлекаться. Осторожность не покидала его ни на минуту, но спать хотелось ужасно. Нет, так он долго не протянет. А уж если Антриг уже проскочил обратно через Пустоту, и он пока еще не знает об этом… Нет, прочь такие мысли.

И вдруг он снова ощутил *это* — холодный ужас, чувство опасности, даже запах иных, неведомых миров, лежащих где-то в неизвестности. Парня трясло крупной дрожью. Итак, Пустота опять открылась.

Его охватила паника — он понимал, что это, в сущности, последний шанс, вот только понятия не имел о том, что он должен делать.

«Куда бежать?» — свербила одна-единственная мысль. Взгляд Кериса отчаянно заметался по однообразным холмам, облитым лунным светом, как будто они могли подсказать ему, что предпринять.

И вдруг острый глаз внука архимага выхватил из полумрака человеческую фигуру, быстрым шагом направляющуюся к сараю.

Это был тот самый человек в очках, который беседовал с Джоанной в комнате наверху. Свет луны серебрил странные буквы, которые покрывали его одежду и отражался от стекол очков.

Глядя на этого человека, на его легкую, как у танцора, походку, Керис вдруг внезапно догадался, кто перед ним.

Что там говорил Солтерис? Послушникам постоянно вдалбливали в головы, что самое темное место — под фонарем, и потому там лучше всего прятаться. А уж на этом Антриг просто собаку съел. К тому же тут у бежавшего чародея все возможности были под руками — тут и там валялись охапки одежды гостей, можно было подобрать себе что-нибудь соответственно росту и телосложению. А без бороды и длинных волос Антрига и подавно никак невозможно узнать. Антриг наверняка и рассчитывал на то, что потеряв его из виду, Керис бросится искать следы в округе, а он тем временем спрячется где-нибудь, хотя бы в этом сарае.

Тут страхи Кериса превратились в безумный гнев на этого хитреца, который завлек его в чужой неприглядный мир с его странными обитателями и теперь явно вознамерился бросить тут как нежелательного преследователя. К тому же парня злило и то, что он в какой-то степени все равно попался на удочку мага. И теперь желание отомстить наполняло его душу, затмевая то глубокое потрясение, которое пережил Керис после путешествия через Пустоту.

Трава отливала в свете луны зловещим блеском. Антриг то и дело с беспокойством оглядывался по сторонам. Он явно понимал, что его все равно заметили, и теперь призывал на помощь все свое умение, чтобы запутать след. Керис рванулся вперед, превозмогая сразу же напомнившую о себе боль в лодыжке.

Антриг же тем временем продолжал двигаться к сараю. Керис подумал: возможно, в этом сарае скрыт вход в Пустоту. У Антрига было явное преимущество — он был ближе к сараю, у него было больше сил и наверняка не было никаких ран. Но Кериса охватил азарт погони, и он с еще большим пылом бросился вперед. На бегу он выхватил болтавшийся в ножнах меч.

В сарае было темно, хоть глаз выколи. Даже способность Кериса видеть в темноте позволяла ему замечать только то, что было от него в нескольких шагах. Тут пахло пылью и нефтью, под ногами валялись части самодвижущихся экипажей. Но дальше, у стены, угадывалась некая пропасть, в которой не существовало ничего — ни пространства, ни времени. Там вились только потоки воздуха, те, что носятся от вселенной к вселенной.

Издав полный боли и ярости рев, Керис очертя голову ринулся в эту тьму.

Глава 8

Джоанна проснулась в кромешной темноте. Поначалу она вообще ничего не могла припомнить, кроме того, что все это время ощущала холод, ломоту в теле и боялась чего-то, что ускользнуло из ее памяти. Она лежала на чем-то узком и неудобном, совершенно незнакомом. Ее голые руки ощущали некое подобие валика, обтянутого материей. Девушка вздохнула и тут же почувствовала саднящую боль в горле — там опять была ссадина, причем очень серьезная.

Ее снова охватил ужас.

В голову ей вдруг пришла нелепая мысль: эти отметки на стене…

Нечто подобное было и в помещении компьютерного терминала, где на нее напал незнакомец — человек, которого там вроде бы и не было, как заверяла охрана.

Сегодня его там тоже не было… И вдруг, как вспышка света, в ее сознании мелькнул высокий, худой человек в очках, который своими длинными пальцами вывел на двери комнаты Гэри точно такой же знак, какой был там, на той двери.

Конечно, она знала, кто именно это был — знакомый Дигби, он же галлюцинация Дигби. Только в этот раз у него не было бороды, а так… А еще он переоделся, может потому что тоже ее узнал?

Джоанна никак не могла понять, что же все-таки происходит. Ушел ли он после того, как она поговорила с ним в комнате на втором этаже? Кажется, он и в самом деле ушел, но ее память была сейчас словно окутана туманом, и ничего нельзя было утверждать с уверенностью. Все события перемешались, теперь даже нельзя было вспомнить их последовательность. Кажется, она пришла туда, чтобы забрать свою программу и уйти с вечеринки — ей до смерти надоел Гэри, который то и дело домогался близости с ней. Помнится, она даже решила отключить дома телефон, чтобы этот дурак больше ей не звонил.

Незнакомец уже находился в комнате, когда она туда вошла. Она тогда еще подумала, что у Дигби весьма странные галлюцинации. Он все твердил, что этот человек вышел из дыры в воздухе.

Но не подобную ли дыру она видела в Сан-Серано?

Джоанна полагала, что он ушел, что она сидит в одиночестве возле громадного компьютера Гэри марки IBM. Она еще ждала, когда же закончится программа, и вдруг эта железная хватка на ее шее, злобный рев, и страх, страх…

А теперь она здесь.

Она осторожно пошевелила ногами. Одета Джоанна была все так же, как и на вечеринке у Гэри — в голубые джинсы, белую рубашку и кроссовки. Тут Джоанна застонала, представив себе, что могла в бессознательном состоянии находиться в чьей-то власти. Впрочем, кроме ссадин на шее, никаких повреждений на своем теле она не обнаружила. Она медленно опустила руку, чтобы ощупать, на чем она лежит. Как ребенок, который боится, что сейчас из-под кровати высунутся руки и схватят его, подумала она с горечью.

Но внизу рука девушки нащупала только пол — каменный и очень холодный.

«Камень?» — подумала она. Джоанна села, чувствуя легкое головокружение. Она осмотрела свое ложе — некое подобие шезлонга, каких изображали на картинках из жизни восемнадцатого века. Еще точнее — кушетка. Вся она была покрыта затейливой резьбой. Джоанну почему-то поразили изогнутые ножки этого предмета мебели. Тут рука наткнулась на лежащий на полу ее родной кошель, и девушка издала вздох облегчения — пустяк, а все равно приятно.

Но тот, кто притащил ее сюда, наверняка находится где-то поблизости.

Тут пальцы девушки извлекли из кошеля приличествующий случаю предмет — тонкий электрический фонарик. Подрагивающий рукой Джоанна зажгла фонарь и провела тоненьким желтым лучиком по комнате.

О, Боже мой, испуганно подумала девушка. Кругом сплошной камень, окон нет, комната крошечная. Такое ощущение, что она попала в темницу в башне средневекового замка. Если не замка, то подобного сооружения. Свет фонарика обнаружил, что кушетка позолочена, а обивка — настоящий шелк легкомысленного розового цвета.

— Что за наваждение, — пробормотала Джоанна, рывком вскакивая с ложа. Но тут на нее снова напала слабость и даже легкая тошнота. Удивленная девушка в изнеможении опустилась на кушетку. А в кино показывают, что попавшие в непривычную и загадочную обстановку девушки тут же смело бросаются исследовать, в чем дело. Какая же пропасть лежит между кино и жестокой реальностью!

Тут она заметила дверь — единственную дверь в комнате. Она находилась всего в нескольких шагах и была заперта снаружи. Впрочем, это почему-то совсем не удивило Джоанну. Ну что же, тюрьма так тюрьма.

Девушка снова уселась на кушетку и задумалась.

Одновременно она почувствовала слабость в коленях.

Только без паники, никакого страха, то и дело повторяла она самой себе, ничего страшного не произошло. Иначе за что ни возьмешься, ничего путного не сделаешь, если будешь при этом паниковать. Но ее рассудок просто кричал: «Где я? Почему именно я?»

Ну что же, над этим можно будет подумать и позже, заверила себя девушка. Руки сами потянулись к кошелю-ридикюлю и нащупали там приятную тяжесть молотка. Ну вот, теперь можно и успокоиться. Положив молоток рядом, чтобы он всегда был, как говорится, под рукой, Джоанна проверила, что еще находится в ее арсенале. К своей вящей радости она нашла штык-нож швейцарской армии, несколько жестяных и пластмассовых коробочек, рулетку, ножницы, калькулятор, бумажник, чековую книжку, связку ключей, записную книжкой, зеркальце, запасную зубную щетку, тюбик крема для загара, треснувший пластмассовый стаканчик, булавки, кусочек резины, губную помаду, которой она, кстати сказать, никогда не пользовалась, набор швейных игл, моточек цветной проволоки в пластиковой оболочке, клипсы и сережки, причем одна из них была непарной.

Ну что же, кое-чем тут можно воспользоваться. Джоанна выбрала молоток, взяла швейцарский нож, хороший тем, что у него кроме колюще-режущего лезвия имеется масса всевозможных других приспособлений, вытащила из него лезвие-отвертку и со всем этим устрашающим вооружением подошла к двери. Впрочем, конкретно ее интересовала не дверь, а замок на ней.

Так, дверь должна открываться внутрь. Ее внимание привлекли массивные петли кованого железа — ну, точно, прямо как в старину где-нибудь в Европе. Джоанна нахмурилась, исследуя петли: с них дверь не очень-то снимешь. Нет, хозяин этого дома явно перестарался с петлями, каким бы любителем средневекового стиля он ни был.

Она снова осветила фонариком всю комнату. Конечно, в Южной Калифорнии сколько угодно каменных зданий старой постройки, но такого…

Позже, позже об этом подумаешь, снова сказала она себе упрямо. А пока нужно думать только о том, как выбраться из этой проклятой комнаты. А теперь… И тут ее пронзила мысль — отверткой нужно не в замке ковыряться, а вывинтить шурупы, которые держат петли. Так, умница. Джоанна нащупала первый шуруп и повернула отвертку…

Но тут же остановилась, поскольку задвижка на двери с той стороны глухо лязгнула, отодвигаясь.

Шагов она не слышала. Впрочем, это не имело значения — она ведь не знала, какой толщины стены. Должно быть, очень толстые, раз не слышно ни звуков шагов, ни грохота автомобилей, ни рева двигателей самолетов. Тут в висках у нее запульсировала кровь, и Джоанна отступила, занеся молоток над головой. Он был очень высоким, думала девушка, и потому нужно ударить как можно выше…

Дверь отворилась…

Он, казалось, ждал этого удара молотком и потому ловко увернулся, хотя Джоанна все-таки ухитрилась ударить его по плечу. Как и большинство женщин, она не могла бороться с мужчиной чересчур долго, и потому все сразу решила сила его рук. Он тоже обнаружил некоторое знакомство с болевыми приемами — указательным пальцем пришелец нажал на точку на запястье девушки, явно добиваясь, чтобы она выронила молоток. Одновременно он повернулся к девушке боком, чтобы она не ударила его ногой в пах. Впрочем, борьба эта длилась секунды. Когда незнакомец снова повернулся спиной к двери, то что-то вдруг бросилось на него из темноты, как разъяренная пума. Чья-то властная нога уверенно прижала его ступни к полу, не давая им рвануться. До Джоанны донеслись глубокие вздохи; казалось, нападавший схватил ее обидчика сзади за волосы, оттянул его голову назад и в довершение всего приставил нож к горлу.

Тот, кто вошел в комнату первым, разжал пальцы, и девушка быстро выскользнула из его рук.

— С вами все в порядке? — Молодой человек бросил на нее быстрый взгляд. В скупом желтом свете фонарика Джоанна заметила его волевое лицо, отмеченное печатью усталости, даже истощения. Под глазами темнели круги — он явно не спал по меньшей мере двое суток.

— По-моему, со мной все нормально, — бойко ответила девушка, оглядывая незнакомца, своего нежданного спасителя.

Тем временем молодой человек продолжал держать нож у горла худого мужчины — тот явно насолил не только Джоанне. Наконец спаситель девушки сказал своему пленнику:

— Негодяй, что ты сделал с архимагом? Быстро отвечай, иначе я за себя не ручаюсь.

Пленник, еще несколько минут назад выступавший в роли нападающего, неподвижно стоял на коленях на каменном полу. Пот струился по его лицу и горлу, которое ходило ходуном, чувствуя острие ножа.

— Ничего я с ним не сделал, — прошептал пленник. — Керис, послушай меня… — Вдруг его голос оборвался, а по лезвию ножа тонкой нитью потекла кровь.

— Я уже достаточно наслушался тебя, Антриг Виндроуз, — гневно сказал парень, явно желая, чтобы и Джоанна поняла его. — Девушка, у меня за поясом заткнут шелковый прочный шнур. Распутай его и свяжи ему руки, да покрепче.

— Керис, не надо! — кадык новоиспеченного узника вздрагивал. — Ведь тебе лучше поскорее выбраться отсюда. Тут страшная опасность…

Джоанна, не обращая внимания на всхлипывания и причитания этого хищного волка, который теперь рядился в овечью шкуру, проворно спутывала шелковым шнуром его руки. Ей было даже приятно, что человек, который недавно заставлял вздрагивать ее, теперь трясется, как пойманная в капкан крыса, и срывающимся голосом молит о пощаде.

Попутно девушка разглядывала своего нечаянного спасителя — он был закутан во все черное, на его боку в черных ножнах висел меч вороненой стали. Одежда его была порвана во многих местах и вся измазана грязью и какой-то слизью. В этой одежде он напоминал ей какого-нибудь ниндзя или самурая. Она также обратила внимание на то, что этот парень, которого нападавший звал Керисом, тоже был покрыт синяками и ссадинами. Ему где-то хорошо досталось.

Наконец девушка закончила связывать пленника у колен и посмотрела на парня.

— Послушайте, — сказала она, — я просто… Я просто не знаю, как вас благодарить за помощь. Право, я первый раз в… в такой ситуации. Но, может, вы мне объясните, что все это означает?

Керис толкнул злобного Антрига коленом в спину.

— Этот человек — развенчанный чародей, бывший кудесник, — пояснил он. — Это его стараниями у нас тут появилось столько всяких ужасов. Только за это его уже следует изрубить в лапшу.

— Э-э-э, — сказала Джоанна, тактично давая понять, что ничего не поняла.

— Керис, — облизал Антриг пересохшие губы, — к исчезновению твоего деда я не имею никакого отношения. Верь, я клянусь тебе в этом.

— Ага, но тогда откуда ты знаешь, что мой дед куда-то запропастился?

— Но послушай, — связанный повернул голову, просительно заглядывая воину в глаза, — на все это просто нет времени. Надвигается такая жуткая опасность, по сравнению с которой чудовище, с которым ты сражался в болоте, — смирный ягненок. Тебе лучше спасаться.

— Но откуда ты…

— Уж я-то знаю, — злобно выпалил пленник. А затем, уже более жалобно, он проговорил: — Верь мне, — тут его пальцы ухватили кисть руки Джоанны. — Ладно, пусть я буду вашим пленником, я согласен, делайте со мной что хотите, но только давайте поскорее уйдем отсюда.

Джоанна чувствовала, как трясутся его руки. Впрочем, это еще ни о чем не говорило — ее руки тоже тряслись от усталости, наконец, от нервного, перенапряжения. К тому же у этого Антрига была достаточная причина дрожать, подобно осиновому листу, — к его горлу все еще был приставлен нож. Но тут установилась тишина — и девушка в самом деле почувствовала приближающуюся опасность. Нет, звуков никаких не было, но она испытывала точно такое же беспокойство, как когда блуждала по коридорам здания номер шесть. Возможно, это было предчувствие Зла, которое уже приближалось к ним. По сравнению с этим злом даже этот помешанный на убийствах в средневековом стиле маньяк Антриг казался невинным младенцем.

— Керис, вообще-то я не знаю, куда я попала и что тут вообще такое, — сказала Джоанна тихо, — но мне все-таки кажется, что на сей раз он не врет.

Керис метнул в нее проницательный взгляд, но сказал только, чтобы она вытащила меч из его ножен.

Девушка так и сделала. Она не понимала, что тут затевалось, но чувствовала, что все это не причинит ей неприятностей. Ей казалось, что тишина, эта зловещая тишина стала живой. И девушка удержалась от искушения попросить парня поскорее вывести ее из этой своеобразной тюрьмы. Так же, как и тогда в Сан-Серано, она чувствовала, что за дверью находится нечто страшнее самой смерти. Что именно — она пока не представляла себе.

Керис, взяв в руки меч, сразу почувствовал себя уверенно, настолько уверенно, что даже убрал от горла пленника кинжал.

— Поднимайся, — хмуро приказал он Антригу, — но только сразу предупреждаю, что если ты попробуешь выкинуть еще какой-нибудь фокус, то я моментально проколю тебе горло, церемониться больше не стану, так и знай.

Пленник поспешно вскочил на ноги, утирая рукавом кровь с шеи. На его лице без труда был заметен страх, хотя Джоанна сомневалась, что он так боится именно Кериса. Но Керис не обращал на это никакого внимания — он не спускал с Антрига глаз.

— Тихо, не шевелись, — прошипел Керис кудеснику-клятвопреступнику. Повернувшись, молодой воин осторожно

выглянул в коридор, словно проверяя, все ли там в порядке. Сам же Антриг наблюдал за действиями своего победителя с нескрываемым раздражением.

Понимая, что выход из этой комнаты может быть только один, Джоанна вдруг вызвалась:

— Я сейчас сама посмотрю, — хотя ее холодило предчувствие, что она может увидеть в коридоре. Одна мысль пульсировала в ее мозгу, настоятельно советовала ей не показывать отсюда носа. Но голос разума говорил девушке, что на сей раз Антригу все же следует поверить, а Керис проявляет неразумное упрямство.

Сжимая в руке молоток, пользы от которого все равно оказалось не слишком много, Джоанна осторожно приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Справа, дальше по коридору, чернела непроглядная тьма. В ней явно было что-то зловещее. Слева, кажется, находились двери, а вот за ними что-то было: слышался легкий посвист ветра. Может, выход наружу? Или это то самое Зло, о появлении которого предостерегал Антриг и которое уже появилось? И теперь их поджидает? Кроме посвиста ветра больше ничего не было слышно. Девушке вдруг захотелось услышать хоть какой-нибудь звук, лишь бы нарушилась эта зловещая тишина, от которой можно было ждать чего угодно.

Еще раз поглядев направо и налево, девушка проворно заскочила обратно. При свете своего фонарика она заметила, что Антриг даже осунулся от переживаний; он был бледен, как бумага. А Керис явно из последних сил боролся со своим инстинктом самосохранения, понукавшим его: «Беги! Беги! Беги!». Джоанна сглотнула слюну и сказала голосом, в котором почему-то не слышно было радости:

— Там ничего нет.

— Отлично, — пробормотал Антриг. Несмотря на свое положение пленника, он явно брал на себя роль предводителя их небольшого отряда. — Джоанна, я бы хотел попросить тебя погасить фонарик, если тебя это, конечно же, не затруднит.

Джоанна, которая в этот момент освещала стены комнаты, надеясь увидеть вторую дверь или хотя бы какое-нибудь не замеченное ею прежде окно, удивленно поглядела в глаза чародею.

— Но ведь фонарь все-таки можно погасить, — упорствовал Антриг, — не так ли?

Ты и это знаешь, подумала она. Но он был испуган, этот Антриг, испуган до такой степени, что изъяснялся на языке доиндустриального общества. Ну в самом деле, кто же говорит:

«Погаси фонарь»? Если бы он сказал: «Выруби свет», это звучало бы более правдоподобно.

Еще видя сомнение в ее глазах, отставной член Совета Кудесников добавил:

— Я вижу *это* в темноте. Впрочем, Керис тоже немного видит, не правда ли?

Керис с готовностью кивнул — видимо, он и сам много над этим думал.

И только тут девушка поняла, что зашла слишком далеко, ее занесло куда-то значительно выше, чем охваченное ее познанием. Теперь она не понимала, что именно ее пугает. Даже не кто, а именно что. Оно могло быть чем угодно. Нет, только не думать об этом, снова стала она повторять себе, все решится потом, сначала нужно как-то выбраться отсюда. Взяв кошель-ридикюль под мышку, девушка схватилась пальцем за петлю для ремня на джинсах Антрига и наконец погасила фонарь. Тишина стала еще более невыносимой.

Наступило полное торжество тьмы. Смутный инстинкт подсказывал ей, что нужно с кем-нибудь заговорить, чтобы не возникало чувство потерянности и заброшенности. Но Антриг дважды пытался удавить ее, похитил прямо из дома Гэри, притащил сюда. Так что собеседник из него был не самый приятный. А Кериса нельзя было отвлекать пустой болтовней, иначе пленник обязательно этим воспользовался бы, от него можно было ожидать чего угодно. Поэтому она довольствовалась тем, что периодически дергала за петельку джинсов, получая доказательство того, что она все-таки здесь не одна.

Вдруг рука Антрига дружески хлопнула ее по руке, как бы говоря, что особенно убиваться не стоит. Видимо, он понимал, что она сейчас чувствует. Наконец, постояв немного и прислушавшись, они тихо вышли в коридор.

К великой радости Джоанны, они свернули налево, продвигаясь достаточно быстро и уверенно. Она вытянула свободную руку в сторону и ощутила все тот же холодный камень стен. Антриг, очевидно, если даже не видел в темноте, использовал эту стену как ориентир, продвигаясь вдоль нее. Временами девушка слышала шелест плаща и скрип кожи — это Керис поворачивался, чтобы убедиться в отсутствии опасности сзади. Она и сама отважилась посмотреть назад, но, хотя ничего подходящего там она не увидела, все равно ей стало не по себе, и она решила, что уж лучше не щекотать нервы и не заглядывать туда, куда не следует.

Там всего-навсего обычная темнота, повторяла она себе, точно такая же, как темнота впереди, через которую мы проходим

сейчас. А темнота — это ничто. Но все-таки она знала, что все это далеко не так. Иначе бы у нее сейчас не было такого страха перед темнотой, и ей не казалось бы, что там через нее кто-то движется. И тут она дала себе слово, что если ей суждено будет выбраться отсюда, то она уедет из Сан-Серано первым же автобусом. Хватит кошмаров! Она поменяет телефонный номер, квартиру, если будет нужно — даже работу.

Но вот загвоздка — Антриг теперь отлично знал ее. Антриг был частью Этого. Чего — Этого? Не вел ли сейчас ее этот клятвопреступник сквозь тьму к чему-то более ужасному? Может быть, темнота — это просто прелюдия к еще более жутким кошмарам?

Но все могло обстоять иначе, ее ждет спасение, твердила девушке другая догадка. И от всех страхов и подозрений кружилась голова и подкашивались ноги.

Вдруг в темноте явно обозначилось какое-то движение. Волосы девушки растрепал ветер. Ветер был холодный, на нее поистине веяло ужасом. Джоанна все-таки не выдержала и оглянулась. Она могла поклясться чем угодно, что видела позади какое-то свечение. И в этот момент раздался трагический шепот Кериса:

— Антриг!

Вдруг рука Антрига обняла ее и вытолкнула вперед. Ей показалось, что Кериса отставной кудесник толкнул в том же направлении. Антриг прошептал:

— Бегите!

В его голосе слышался неподдельный ужас. Она даже не увидела, а почувствовала, как Керис бросился бежать.

Девушка не могла потом вспомнить, как долго они бежали. Она не помнила даже, когда именно камень под ее ногами сменился землей, а земля утоптанной дороги превратилась в покрытый шелковистой травой дерн. Она спотыкалась, но какая-то сила резко поднимала ее на ноги, понуждая бежать и бежать, не позволяя чувствовать усталость, которая обязательно должна была появиться. В голове у нее не было никаких мыслей, можно сказать, что и там царила тьма. Потом она внезапно почувствовала, что кладбищенская тишина успела смениться воем свежего ветра, а затхлость каменного мешка — запахом свежескошенной травы. Она начала спотыкаться и падать, поскольку тут были бесчисленные кочки. Но сильная рука всякий раз поднимала ее и толкала вперед, вперед… Незаметно Джоанна разглядела тонкую полоску, которая несомненно была горизонтом и отделяла темную землю от не менее темного неба. И тут она, споткнувшись окончательно, полетела куда-то в

непроницаемую темноту…

Проснулась она незадолго до рассвета. Потянувшись, Джоанна неожиданно для себя чихнула. Воздух был напоен ароматом скошенной травы, запахом близкой воды, коров и кваканьем лягушек. Поначалу она не поняла, где находится. В горле продолжало саднить, а все тело ломило от бешеной ночной гонки. И еще — чудовищно хотелось есть. — Не беспокойся. Мы отведем его в Дом Волшебников, в Кимил. Если возникнет необходимость, то Нандихэрроу, глава Дома, пошлет за представителями Святой Инквизиции. Все его постыдные деяния лишили его покровительства Совета Кудесников. Там его заставят заговорить. Он расскажет, куда запрятал архимага. И как только мой дед отыщется, он отправит тебя обратно домой.

Подняв голову, она с удивлением обнаружила, что Антриг сидит, привалившись спиной к копне сена. Сама она видела копны только на картинках. Антриг не спал — задумчивым взглядом он наблюдал, как небо на востоке начинает потихоньку светлеть. А рядом с ним, крепко сжимая в руке меч, храпел Керис.

Окружающий мир, казалось, наслаждался предрассветной тишиной. Джоанна села и стала выбирать набившиеся в волосы травинки. Она чувствовала себя как-то нереально, хотя холод был явлением вполне реальным и осязаемым. Окружающие холмы все еще окутывала ночная тьма, но было понятно, что долго она все равно не продержится. Лягушки заквакали сильнее — где-то поблизости тут явно находилось болото. Странно, что ниоткуда не доносилось гудения большегрузных автомобилей, не слышался рев авиационных моторов и стук колес вагонов о рельсы.

Тут Антриг заметил, что она не спит.

— Замерзла? — поинтересовался он. Но девушка покачала головой.

— Не слишком сильно.

Ответ был весьма неоднозначным.

Улыбнувшись, он схватил свою рубашку — серую, с серебристыми буквами и эмблемой прошлогоднего рок-фестиваля. Джоанна вспомнила, что вообще-то рубашка эта принадлежала до сегодняшнего вечера Тому Бентли — восходящей звезде тяжелого рока, а пока тоже сотруднику сан-серанского комплекса.

— Если бы я знал, что все будет так, — виноватым тоном проговорил Антриг, — я бы поосновательнее разжился там одежонкой.

Затем, перехватив ее направленный на Кериса взгляд, чародей-клятвопреступник добавил:

— Вообще-то было бы не слишком прилично убегать, пока он

спит. Тем более, в таком положении. Он ведь мог бы стоять и сторожить меня еще, и тем более, что за последние двадцать четыре часа он проделал большую работу. Но мне все же хочется спокойно понаблюдать восход солнца. Я так давно не видел его.

Без бороды, с которой Джоанна увидела его впервые на вечеринке, Антриг выглядел если не молодым, то помолодевшим. Поглядев на него, девушка попыталась определить возраст этого человека. На вид ему теперь можно было дать лет сорок, но вот спутанная шевелюра была обильно пронизана сединой — ее там было едва ли не больше половины. За стеклами очков светились серые глаза — слегка безумные, но взгляд был вполне осмысленным и спокойным. Несмотря на то, что он дважды душил ее, Джоанна почувствовала, как ее страх перед этим человеком убывает.

— Послушай, — сказала Джоанна, продолжая сосредоточенно выбирать травинки из волос, — может быть, ты все-таки мне скажешь, как понимать происходящее?

Несколько мгновений умные глаза Антрига смотрели на нее с легким подозрением. Наконец он тихо спросил:

— А ты разве ничего не знаешь?

— Если бы я знала, — вздохнула девушка, — я бы не боялась прошлой ночью так сильно.

Антриг задумчиво рассматривал свои руки. Девушка перехватила его взгляд и заметила, что руки перепачканы чернилами и имеют неестественно белый цвет, как будто годами не видели солнечного света.

— Я думаю, что ты могла испугаться и гораздо сильнее, — вежливо ответил лишенный сана кудесник, — да вот только все это теперь не имеет уже значения.

— Но где мы? — Она осмотрелась окинув недоуменным взором окрашенные розоватым отблеском восходящего солнца еще дремлющие поля и холмы. — И почему это вы все время меня куда-то толкали? Что это вообще была за дурацкая игра? К чему такой продолжительный кросс? Прямо-таки марафонская дистанция.

— А что, тебя действительно толкали? — виновато осведомился он.

— Но тогда я вообще не знаю, как все это назвать, — нервно сказала девушка. — Все это, что началось еще в Сан-Серано. Это охота за мной.

— Это не игра и не дурацкая, — подал голос Керис, глядя на Антрига. Он вытер покрытое уже успевшей выпасть росой лезвие меча об одежду и с легким вжиканьем загнал оружие в ножны. Откинув со лба прядь русых волос, он посмотрел на Джоанну. —

Вообще-то, боюсь, мне будет трудно все объяснить, поскольку в твоем мире волшебства не существует. Но скажу просто: тебя перенесло в наш мир, в империю Феррит, только я не знаю, для чего. А случилось это по воле этого человека. Зовут его Антриг Виндроуз, он отлучен от Совета Кудесников за клятвопреступление. И я клянусь всеми обетами, которые я дал перед Советом, что я доставлю его на суд справедливости за все то зло, которое он натворил.

Джоанна некоторое время удивленно смотрела на него, видимо, ничего не понимая.

— Да ты просто сумасшедший! — воскликнула наконец она.

— Нет, сумасшедший вообще-то я, — тихо сказал Антриг. — Керис все перепутал. Прав он в том, как это ни прискорбно, что ты уже действительно не находишься в своем мире. Неужели ты не чувствуешь, что здесь даже воздух пахнет по-другому?

Джоанна заколебалась, не зная, как реагировать на такой довод. К примеру, в долине Сан-Иоаквин было полным-полно уголков, где не ощущалось и следа промышленного загрязнения атмосферы, особенно дальше на север, но, как она знала, в любое время года, кроме лета. И к тому же, если она действительно перенеслась куда-то, на это должно было уйти много времени… Девушка схватила свой кошель и принялась рыться в нем. Так, вот и часы. Ну-ка, посмотрим, что у нас тут. Она нажала кнопку, и загорелась подсветка циферблата. Часы показывали 30 августа, а вечеринка у Гэри была 29-го, это точно. Она с досадой бросила часы на прежнее место и стала лихорадочно соображать, что же на самом деле могло с нею произойти. Вообще-то все это было похоже на один из рассказов серии «В мире фантастики». Обычно там путешествовали из мира в мир, из одного периода времени в другой…

Эта местность очень смахивала на какую-нибудь из калифорнийских долин — сенокосные угодья, болота, пустынные холмы, серебристая лента реки вдали. Только гор что-то не было видно, даже на успевшем окончательно просветлеть горизонте.

Рядом уже довольно миролюбиво беседовали друг с другом ее похититель и ее спаситель. Спаситель, Керис, очень напоминал обаятельного принца из сказки. Этот образ отчасти разрушал полуторадюймовый шрам, который пересекал щеку молодого человека. Шрам этот придавал ему несомненное сходство с одним из тех бравых молодцов, которые обычно рекламируют в рекламных роликах джинсы. Именно этот шрам не давал покоя Джоанне. Сначала она не понимала, почему именно, но затем до нее дошло — ведь в наши дни любой шрам можно убрать с помощью пластической хирургии. К тому же Керис хоть и был

моложе двадцати одного года, но выглядел при этом все равно старше. Вообще-то Джоанна не слишком жаловала молодых людей этого возраста за их безоглядную самонадеянность и самолюбие, но в Керисе эти черты вроде бы отсутствовали. Во всяком случае, раскрыться они еще не успели. Сосредоточенное лицо парня говорило о том, что у него есть дела поважнее, нежели ходить и показывать, какой он крутой.

Вдруг Керис обратился к отставному кудеснику с довольно резонным вопросом:

— Для чего ты притащил ее в наш мир?

Антриг некоторое время неподвижно смотрел в одну точку, а потом словно нехотя отозвался:

— Я и представить себе не могу, как это получилось. Может быть, Джоанна сама объяснит это? Послушай, Джоанна…

Раздраженный Керис сильно встряхнул своего собеседника за плечо, когда тот начал поворачиваться к девушке.

— Нечего прикидываться невинной овечкой, — крикнул парень, — сначала ты убил Тирле, потом похитил архимага, а теперь и эту девушку. Вот и объясни, для чего ты все это сделал.

— Если сказать честно, то меня и самого это занимает, — пробормотал Антриг, убирая с плеча руку Кериса, — но я только могу предположить, что бедняга Тирле был убит потому, что он увидел ведущие в Пустоту ворота. Или же потому, что заметил того, кто из этих ворот выходил.

— Но ворота, вообще-то, многие успели увидеть, — сказал Керис. — Вот я, к примеру.

— Но ты при этом не знал, что это такое.

— Зато тетушка Мин знает. И мой дедушка тоже.

— Ладно, если уж об этом зашла речь, то были и другие свидетели. И вообще, здесь не просто важно то, что кто-то что-то увидел. Джоанна, дорогая моя, кому это — и с какой целью — могло понадобиться похищать тебя? — Тут Виндроуз посмотрел на девушку. — Кто ты такая и чем занимаешься?

— Смотри, осторожнее, — поспешно предупредил ее Керис, — он, конечно, сумасшедший, но при этом еще и чертовски хитер. Возможно, он притащил тебя сюда, чтобы что-то у тебя разузнать.

— Но я действительно ничего не знаю, — воскликнула девушка, глядя то в темные глаза послушника, то в серые глаза чародея и потом переводя взгляд обратно, — даже если предположить, что ему понадобилась какая-нибудь компьютерная программа, то у нас полно куда более сильных программистов, нежели я. Но я уже пару недель чувствовала, что за мной следят, — она повернулась к Антригу. — Что это за отметки вы

оставляли на стене? Одна была в доме, еще одну я заметила тогда в Сан-Серано, в ту ночь, когда вы пытались удавить меня.

— Но, дорогая моя, — поежился Антриг, — честное слово, это был вовсе не я.

— Может, ты еще скажешь, что все эти аномалии, всех этих чудовищ вызвал к жизни не ты? — саркастически усмехнулся Керис. — Только попробуй сказать мне, что это не ты похитил моего деда.

— Конечно, не я.

— Но я видел одну из его перчаток в твоей комнате. Так что нечего заливать.

— Но он оставил перчатку в тот раз, когда вы приходили ко мне.

— Э, нет. В тот вечер обе перчатки были у него на руках. Я сам видел.

— Ты видел обе перчатки?

— Ты все продолжаешь лгать и изворачиваться, — гневно воскликнул Керис, и глаза его сузились от ярости. — Вся твоя жизнь — сплошное вранье.

— Конечно, вся моя жизнь — вранье, — неожиданно согласился Антриг. — Если бы только епископ или кто-то из ее окружения заподозрил, что дорога в Пустоту открыта…

— Что же тогда?

— Как раз из этих ворот и появляются разные чудища, — вздохнул Антриг, — когда раскрываются ворота, то воздух как бы ослабевает, разреживается, и в них может без труда влезть что угодно. И не только с нашей стороны, но и из другого мира. Наверняка, что-то такое страшное двигалось в направлении нашего мира еще за месяцы до того, как был застрелен Тирле. И когда раскрываются ворота, то появляется дыра… Дыра из одного мира в другой. И через эту дыру может проскочить что угодно в любом направлении. Часто бывает так, что попавшие в другой мир существа просто-напросто погибают, не находя привычной пищи или врагов, которых у них в новом мире хоть отбавляй. Но иногда им удается выжить. Я давно это знал, но поделать ничего не мог, поскольку изнутри Башни до Пустоты мне все равно никак невозможно дотянуться.

— Надо же, — рассмеялся Керис. — Кто бы мог подумать.

— Но знал я также и то, — невозмутимо продолжал Антриг, пропуская мимо ушей шпильку послушника, — что рано или поздно Пустота доберется и до моей Башни. Я мог только сидеть и ждать. Я даже должен признаться, что если бы я и не был сумасшедшим, то Пустота все равно сделала бы меня таким.

— Так тебе все было известно, — тихо сказал Керис, — и ты

знал, откуда появляются страшилища, но архимагу все-таки ничего не сказал.

— А что бы он мог поделать? — Виндроуз даже рукой взмахнул от избытка чувств. — Он все равно бы не смог остановить их проникновение к нам. К тому же они наверняка заковали бы меня в цепи, решив, что я чего доброго и убежать от них смогу. Керис, я и так уже целых семь лет просидел в Башне Тишины. Я не видел солнечного света с того момента, как ты дал клятву на верность Совету.

Джоанна слушала этот разговор, переводя взгляд с одного собеседника на другого. Слово «клятва» ей почему-то не слишком понравилось. И вдруг она поняла, что говорили они совсем не на том языке, который был ее родным языком. Ведь она пришла в чужой мир. И тем не менее все ей было странным образом понятно. С чего бы?

Тем временем солнечный свет, которого Антриг не видел семь лет, озарил всю землю. Заблестели воды находящегося неподалеку озерка. С болота, хлопая крыльями и крякая, поднимались целые стаи черных и серых диких уток.

Только тут девушка почувствовала, как сказались на ней последние переживания — ее тошнило, мутило, вообще ломило все тело. Она почувствовала себя так, как чувствует себя ребенок, который впервые пришел в школу, в совершенно незнакомый класс, где все чужие и все чужое.

— Для чего вы привели меня сюда? — закричала Джоанна пронзительно.

Керис и Антриг молчали, поскольку они чувствовали, что их спутница взывает не о помощи, не о разъяснении, а просто об утешении. Сейчас ею двигало чувство острого отчаяния, безысходности.

Наконец заговорил отставной чародей. В голосе его не было ни негодования, ни упрека, с которым он прежде обращался к Керису.

— Мне и в самом деле очень неловко, дорогая моя, — промолвил он, — но я все равно настаиваю на том, что это были не мы.

— Но вы можете доставить меня обратно?

Антриг замолчал, сосредоточенно уставившись в землю. Наконец он заговорил:

— Боюсь, что нет. Даже Керис может подтвердить тебе, что я не могу заниматься волшебством. Иначе другие волшебники, которые чувствуют подземные энергетические линии быстро догадаются, что я выбрался из Башни. К тому же я не могу просто так прикоснуться к Пустоте. Тот… тот, кто тебя похитил, знает

теперь, что ты здесь. И он же будет ожидать, когда я снова прикоснусь к Пустоте, чтобы обнаружить меня. А потом он уничтожит меня, да и вас тоже.

Джоанна с отчаянием заглянула в печальные серые глаза чародея и вдруг увидела в них не безумие, а вполне осмысленное выражение. Даже космы полуседых волос теперь не придавали этому человеку вид сумасшедшего.

— Приятно слышать, — нервно рассмеялся Керис, — но скажи, если не ты ее похитил, то тогда кто же это мог сделать? Даже мой дед, хотя и был архимагом, и то знал о Пустоте и ее свойствах не слишком много. Он говорил, что, кроме тебя, в этом никто больше не разбирается, — стремительно поднявшись на ноги, Керис нервно прошелся к тому месту, где на ворохе сена сжалась помертвевшая от ужаса девушка.

Керис положил успокаивающе руку на плечо Джоанны:

Глава 9

Они шли все утро и весь день. Наконец, когда на землю уже стали опускаться сумерки, путешественники добрались до Кимила.

Таким длинным день еще никогда не казался Джоанне. Она поняла, что этот самый Кимил находился далеко к северу от Лос-Анджелеса. В путешествие они отправились рано утром — в те часы, когда обычно так сладко спится. Вспомнив слова Антрига о том, что он не видел восхода солнца уже семь лет, она подумала, что сама примерно столько же времени не видела рассвета. Кому охота вставать в такую рань?

Сам Антриг вел себя, точно ребенок, которого впервые вывезли за город, — он поминутно останавливался, глядя то на лягушек греющихся в солнечном свете на берегах озер возле дороги, то на косарей. Для него все это было как бы в новинку. На Джоанну же вид крестьян с косами подействовал особенно угнетающе — возможно, именно в эту минуту она действительно поняла, что попала в чужой мир. Какой современный человек вдруг ни с того ни с сего станет облачаться в странное рубище, подниматься ни свет ни заря и косить траву косой, а не обычной косилкой? И для чего вообще?

— Разве тебе не нужна защита от солнечного света? — спросила девушка Антрига, когда они остановились на длинном деревянном мосту через узкое болото и залитый водой луг. Она принялась рыться в своем знаменитом кошеле-ридикюле. — Тебе же нужно что-нибудь от ожогов или от солнечного удара.

— Спасибо, — печально буркнул Антриг, недоуменно изучая поданный ему тюбик, — после семи лет, которые я прожил в темноте, как гриб в теплице, я и в самом деле чувствую себя не совсем уютно. Но к концу дня я пообвыкнусь.

Странно, подумала Джоанна, ей легче говорить с похитителем, нежели со своим спасителем. Возможно, потому, что она всегда испытывала некоторое недоверие к симпатичным молодым людям. К тому же Керис почти все время был сосредоточен, девушке не хотелось мешать ему думать. В кошеле же Джоанна обнаружила плитку спрессованных орехов и изюма. Разорвав обертку, она разломила плитку на три части и предложила по куску своим спутникам. Керис мгновенно проглотил свою порцию, но Антриг разломил свой ломтик еще на две части и подал один кусок Керису.

— Я думаю, что парню нужно больше еды, тем более что он потерял за эти два дня столько сил, — проговорил отставной

чародей.

— Но почему? — удивилась Джоанна, непонимающе глядя на них. — Что же случилось два дня назад?

— В одном болоте объявилось жуткое чудище, — отозвался Керис. Он дотронулся до синяка, который высвечивал сквозь разорванную куртку и рубашку. Тут Керис посмотрел на Антрига и сказал: — Вот он знает, где это все было.

— Конечно, все это мне хорошо известно, — отозвался чародей. — Я почувствовал, как раскрывается Пустота. К тому же, когда я увидел тебя с этими синяками и царапинами, мне сразу все стало ясно.

— У тебя на все сразу находится объяснение, — не сдержался Керис.

— В конце концов, быстро обо всем догадываться — не слишком хорошо, как оказалось, — пожал плечами Виндроуз. — К тому же, если бы я не догадался, это все равно бы не сняло ваших подозрений, — тут Антриг подал Джоанне обертку от съеденного лакомства. — Скажи мне одну вещь, Керис: какие еще волшебники были на улице в ночь, когда был убит Тирле?

— Откуда ты знаешь, что на улице был кто-то из них, — Керис затрясся от негодования, — если ты утверждаешь, что тебе ничего не известно?

— А если это моя очередная догадка? Твой дед был одним из них.

— Нет! — мотнул головой Керис, но подозрение в его глазах не исчезло. Помолчав, он добавил, слегка нахмурившись: — Госпожа Розамунда…

— И что?

Послушник поколебался и решился.

— Да ничего особенного. Вот только… Она была уже полностью одета, явно не наспех… И появилась почти сразу после выстрелов. У тетушки Мин, например, волосы были спутаны, она и расчесаться не успела, было видно, что она прямо из кровати. А госпожа Розамунда словно не спала, а гуляла где-то.

— Так же, как и ты сам, — тихо заметил Антриг, и Джоанна увидела, как молодой человек поспешно отвернулся. — Так что тебя разбудило?

— Ничего, — выпалил Керис несколько раздраженно, — обычные сны, самые нормальные. Ничего, что имело бы хоть какое-то отношение к смерти Тирле.

— Как сказать. Все явления взаимосвязаны, — живо возразил Виндроуз, засовывая руки в карманы джинсов и отфутболивая ногой камешек с дороги. — Это ведь один из главных постулатов волшебства.

— Это что, вы о колдовстве говорите, что ли? — не поняла Джоанна.

— Пусть будет о колдовстве, если тебе это больше нравится, — ухмыльнулся отставной кудесник.

— Но почему же тогда, — начала было девушка, задумалась, но все-таки докончила фразу, — почему вы говорите о волшебстве, но не хотите использовать это волшебство для того, чтобы спастись?

Керис отчего-то пришел в негодование и даже схватился за рукоять меча. А ухмылка Антрига стала еще более вызывающей.

— На это есть две веских причины, — пояснил бывший узник Башни Тишины. — Я думаю, что смогу убедить Нандихэрроу и кое-каких других членов Совета в правдоподобии своего рассказа. Мне вообще-то кажется, что я чувствовал бы себя намного безопаснее в качестве узника Совета Кудесников, нежели в качестве беглеца от Святой Церкви. По крайней мере, Совет согласится меня выслушать. А потом, — уже более печально закончил Виндроуз, — если бы я воспользовался для спасения волшебством, то маги, будь они членами Совета или Церкви, все равно отследили бы меня по подземным линиям волшебной энергии.

— Но ты забыл еще одну, третью причину, — мрачно напомнил Керис. — Если ты попытаешься удрать от меня, я тебя сразу убью.

— Да нет, — спокойно ответил Антриг, — этого я не забываю, просто это уже не совсем то, что я имею в виду.

В отличие от мрачного и погруженного в себя Кериса, Антриг был внимательным слушателем и интересным рассказчиком. К тому же он постоянно озирался по сторонам — его занимало буквально все. Вообще-то Джоанна не слишком любила разговаривать с мужчинами, но постепенно втянулась в разговор и стала рассказывать не только о компьютерах, мыльных операх и неполадках в работе коммунальных служб Лос-Анджелеса, но и о своей матери Рут, кошках и Гэри.

— Ах, этот Гэри, — говорила девушка, — от него просто не отвяжешься.

— Да, Гэри, — поддакнул Антриг, — жестокий молодой человек.

Джоанна прикусила язык — Антриг явно был одним из немногих, кто услышал едкое замечание Гэри в ее адрес.

— Возможно, он думал, что это удачная шутка, — только сказала она.

— Может, так оно и было, я даже уверен в этом, — согласился чародей, протирая рукавом рубашки стекла очков, —

и вообще, это самое худшее, что о нем можно сказать.

Такой неожиданно быстрый поворот в суждениях удивил девушку, но она ничего не сказала.

Тут солнце достигло зенита, возвестив о полудне. Керис затеял переговоры с косарями — он желал купить у них провизию и питье. Наконец он договорился и о порции, и о цене. Все трое уселись на подгнивший ствол поваленного дерева и принялись жадно поглощать небогатое угощение. По соседству было одно из многочисленных местных болот, на котором водилось несметное множество комаров. Джоанне хлеб показался черствым и каким-то замусоленным. Да и мука, из которой был испечен хлеб, была крупного помола, как в старину, когда пользовались водяными мельницами.

— Послушай, — обратилась девушка к Антригу, который пил из глиняного кувшина травяной настой, — ты ведь волшебник, неужели ты не можешь превратить этот черствый хлеб в пирожные?

— Да нет, не все так просто, — отозвался кудесник-расстрига, передавая бутыль Керису, который даже за едой не спускал с него глаз, стараясь не отдалять правую руку от рукояти своего меча. Керис отрицательно покачал головой, и маг передал фляжку Джоанне. Она попробовала напиток на вкус — слаще и немного приятнее, чем обычное пиво. Маг же продолжал: — Я мог бы использовать свое волшебство для того, чтобы создать иллюзию, что вы едите пирожные. Но в желудках у вас все равно была бы самая обычная хлебная масса. А после того, как сила моего заклятья ослабла бы, вы оба наверняка почувствовали бы, что во рту у вас еще сохранились хлебные крошки. Есть волшебники и заклятья, которые умеют превращать одни вещи в другие — обычный хлеб в обычные пирожные или даже в золото, — но на это уходит столько энергии, что нет смысла делать это.

— Не говоря уже о том, — вмешался Керис, — что не стоит вмешиваться в реальный ход вещей.

— Да, — согласился Антриг мрачно, — в этом тоже есть зерно истины.

А пришли они сюда, как вскользь упомянул Керис, из юго-восточной области Болот, оттуда, где Болота граничили с холмами Сикерста. Но им еще предстоял долгий путь до Кимила. Довольно часто им на пути встречались работающие крестьяне — работали они споро и быстро, не было и намека на безделье. И еще Джоанне бросилось в глаза, что крестьяне все время бросали на них испуганно-вороватые взгляды. Неужели они крали эту траву? Но она слишком устала, чтобы спрашивать об этом своих спутников. Они шли весь день, и хотя не торопились, устать

девушка успела основательно. Вообще-то она не отличалась полнотой, но просто столь продолжительные пешие прогулки были для нее делом непривычным. Обычно она ходила от порога дома до машины и от машины до работы, а потом в обратном порядке. Когда перевалило далеко за полдень, в ней стало закипать негодование на меланхоличного Кериса, который явно не устал от столь долгого перехода и продолжал тащить ее и Антрига за собой. Антриг, заметила Джоанна, тоже устал — ведь он тоже годами не делал дальних переходов. Когда она заговорила о том, что можно бы немного сбавить темп, Керис буркнул что-то нечленораздельное о том, что они все равно не успеют засветло добраться до пункта назначения.

И действительно — по пустынным улицам давно уснувшего Кимила они шли уже глубокой ночью. Девушке бросилось в глаза великое множество комаров, которые с гудением пикировали на них. Улицы города были вымощены булыжником, из придорожных канав несло помоями и экскрементами. Когда они только входили в город, девушке бросились в глаза исполинские ворота, скупо освещенные факелами закрепленными по бокам от створок, Керис позаимствовал у одного из охранников (который самым бессовестным образом спал на посту) факел, который теперь им очень пригодился, потому что темнота была очень густая, хоть глаз выколи. И нигде по пути им не встретилось ни одного подвыпившего гуляки. Джоанна с сарказмом подумала, что если и есть в империи Феррит город, подобный Лас-Вегасу в Америке, то это уж точно не Кимил.

Дом Волшебства был освещен только сверху, скупым лунным светом, а стены его были темны, резные башенки зловеще выступали из темноты. Возле входа стояло четверо стражей-послушников, которые с подозрением смотрели на неожиданных ночных гостей.

Керис некоторое время вглядывался в лица стражников, а потом с легким удивлением заметил, что это послушники церкви.

Они отошли к темной стене, и Антриг подтвердил, что это действительно люди Церкви. Они тихонько отошли по темной грязной улочке, которая окольным путем вела на другую сторону площади. Из какого-то хлева доносилось хрюканье сонных свиней.

Вдруг они оказались подле маленькой, незаметной двери. Возле нее, словно кого-то ожидая, тоже сидели вооруженные люди. Они сидели возле небольшого костерка — ночь была довольно холодной. В свете факела стало видно обеспокоенное лицо Кериса.

— Что-то в Доме не видно огней? — сказал он озабоченно.

— И даже в помещении для послушников темно, — прошептал в ответ Антриг. Он мотнул головой, и на его лицо упала прядь густых седых волос. Легким движением руки отставной член Совета смахнул прядь в сторону. Джоанна поняла, что отсутствие света в этом большом здании обеспокоила обоих ее спутников. Что бы это могло означать?

— Значит, внутри дома стражников нет, — сказал Керис задумчиво. Он посмотрел в небо, поверх безмолвных крыш Кимила. — Потому-то все так спокойно. Они не могли не… — и послушник замолчал, соображая.

— Ты сам сказал, что появление этих чудовищ не дает мне теперь права на покровительство Совета Кудесников, — пробормотал Антриг, — но, возможно, Церковь тоже пришла к этому выводу.

— Ладно, — заметил внук архимага, — мы можем перелезть через изгородь в сад, а потом перебраться на следующую улицу, там мы ни на кого не наткнемся.

Джоанна вдруг подумала, что такое обычно случается в книгах и кино — в нужное место попадают или, наоборот, покидают его через забор. Она с ужасом посмотрела на стену трехметровой высоты из толстых сосновых бревен. Интересно, как это в кино герои и героини запросто спускаются из окон замков и беззаботно преодолевают крепостные стены?

Она подумала, что ей сейчас придется лезть через эту стену куда-то в темноту, и уже от одной мысли ноги у девушки подкосились.

— Там изнутри вбиты в стену специальные скобы для лазания, — прошептал Антриг. — Керис, ты лезь первым, а я подниму Джоанну.

Керис, вернее, его темный силуэт, резко повернулся, и Джоанна увидела, что его глаза заблестели подозрением и беспокойством.

— Не беспокойся, я не собираюсь удрать от тебя в тот момент, когда ты будешь сидеть на стене, — нетерпеливо сказал Виндроуз. — Мне, так же как и тебе, нужно разузнать, что же такое произошло.

Керис открыл было рот, чтобы возразить, но раздумал и потому промолчал. Повернувшись, внук архимага нащупал сук на бревне стены и поставил на него ногу, словно примеряясь, можно ли на этот выступ опереться, Убедившись, что опора достаточно надежная, молодой человек схватился за другой, верхний, выступ, а потом, дотянувшись до верха забора, подтянулся и оказался на гребне изгороди.

— А откуда ты знаешь, что на той стороне забора вбиты

скобы? — поинтересовалась Джоанна, наблюдая, как Керис по-кошачьи озирался с высоты своего положения. — Или это тоже какая-то счастливая догадка?

— Да нет… Просто семь лет назад я был… Впрочем, несущественно, кем я был… э-э-э, в общем, я был членом сообщества волшебников, — тут туча отошла от луны, и свет сразу залил изгородь и трех путешественников. Серебристые буквы на рубашке Антрига засияли. Перехватив ее взгляд, чародей сказал: — Ну что, теперь полезай ты.

Вообще Джоанна всегда ненавидела высоту и разные физические упражнения и вообще не любила делать то, что было ей не под силу. Когда она лезла на стену, в ее ладони впилось несколько заноз. Она ожидала, что Керис начнет подшучивать над ней, но он просто изучающе смотрел на нее. Керис вовсе не думал смеяться — он только помог ей спуститься вниз. Только тут девушка обратила внимание, что ночной воздух напоен ароматом каких-то деревьев — запах был очень похож на запах лаврового листа. Возможно, тут действительно росли лавры. Через мгновенье стена слегка зашаталась — это лез Антриг. Наконец и он перевалил через забор. Теперь вся группа была в сборе.

— Интересно, сильно ли мы будем рисковать, если зажжем свет? — прошептал Виндроуз, когда они зашагали по саду. — Вообще-то ближайшая дверь за углом. Там вход в бараки.

Керис кивнул. Джоанна сунулась было в свой кошель, чтобы достать оттуда спички, как Антриг опередил ее — стремительно сжав ладонь, он вдруг раскрыл ее, и на ладони заплясал крошечный голубой огонек. Огонек этот слетел с руки отставного кудесника и полетел впереди них, невысоко над землей. Девушка удивленно поглядела на него — и Антриг улыбнулся, словно нашкодивший чертенок.

— Я не стану спрашивать, что это такое, — прошептала девушка. Она и так уже поняла, что это наверняка что-то из области магии.

— Вот и хорошо, — сказал Виндроуз, — потому что я и сам не знаю, что это.

— Сюда, — прошептал Керис, выглядывая из полуоткрытой двери.

Из темноты коридора Джоанна увидела справа огромную комнату. Через широкие окна в нее свободно вливался лунный свет. Словно куски светлого шелка, он лежал на стоящих в беспорядке столах и опрокинутых скамейках. А в комнате, куда их провел Керис, царил еще больший беспорядок — почти вся мебель перевернута, на полу груды книг, какие-то медные приборы, глобусы. Ряд тоненьких резных столбиков поддерживал

нечто вроде антресолей, на которых тоже были двери — наверняка в другие помещения.

— Все понятно, это дело рук Церкви, — бормотал Керис по мере того, как он обследовал комнату и открывал двери в помещения на антресолях, чтобы убедиться в том, что там царит не меньший беспорядок. — Только они могли устроить здесь разгром.

Шарик голубоватого света все это время послушно плыл впереди них, освещая путь. Антриг шел за внуком архимага, изредка наклоняясь, чтобы поднять одну из множества сваленных в кучи книг.

— Ага, так они очень спешили, — пробормотал маг-клятвопреступник. Вдруг он остановился, рассматривая следы уже засохшей крови на своих пальцах. — Нандихэрроу, — прошептал он, — но только мне понятно, почему…

Тем временем из одной комнаты вышел Керис, держа в руках пистолет. Послушник сразу направил оружие в грудь мага.

— Подойди-ка сюда! — тихо позвал он.

Антриг застыл как вкопанный, а Джоанна поспешно передвинулась поближе к Керису, чтобы не угодить послушнику под горячую руку.

— И не думай, что тебе удастся направить выстрел в другую сторону или вызвать осечку! — важно сказал Керис. — Все будет сделано как надо! Джоанна, там в комнате есть цепи! Принеси-ка их сюда!

Хорошее отношение Джоанны к отставному члену Совета заставило ее минуту колебаться. Наконец она принесла цепи, которые оказались не столь тяжелыми. Они были с дугами для захвата руки или ноги человека и замками.

— Но послушай, — начал Антриг, — по-моему, не слишком-то необходимо…

— А ну, заложи руки вот за этот столб! — грозно отозвался Керис. — Джоанна!

Думая каждую минуту о пистолете в руках Кериса, девушка надела кандалы на руки мага и ловко защелкнула их. Щелчок получился отчетливым, резким, даже холодным. Керис удовлетворенно осмотрел работу Джоанны и довольно кивнул ей — все в порядке.

— Керис, не глупи…

— Я и не глуплю! — послушник ткнул Виндроуза пистолетом в грудь. — И вообще, я не уверен в том, не должен ли я по долгу службы убить тебя здесь, прямо сейчас! Я не знаю, что здесь такое произошло, но в одном точно уверен — волшебники в городе Ангельской Руки должны быть вовремя оповещены!

— Ах, как же ты глуп, если думаешь, что сможешь вовремя их предупредить, даже если и поскачешь на самой быстрой лошади! — простонал Антриг. — У Церкви есть маги, которые хоть и клянутся, что не пользуются камнями-вещунами, но я-то отлично знаю, что они лгут на сей счет! Если епископ получила от регента разрешение на арест всех магов, то только потому, что смогла его убедить в том, что твой дед похитил меня из Башни Тишины ради достижения каких-то своих целей! И уж наверняка это мероприятие проведено во всей Империи — я отлично знаю Герду, женщина основательная! К тому же она снисходительно относится к волшебству лишь тогда, когда речь идет о его использовании в интересах Церкви!

— Ну что же, — тихо сказал Керис, — но выход все равно можно найти. — Подойдя к Антригу, послушник наставил дуло пистолета прямо ему в висок: — Ну признайся, не это ли была твоя задумка — использовать епископа в качестве своего оружия, чтобы избавиться ее руками от всех волшебников? Разве не так? Как раз после того, как ты удостоверился, что моего деда там не будет, и он таким образом, не сможет воспрепятствовать епископу применять такую меру? Или все это простое совпадение, как всегда? Не потому ли ты так беззаботно согласился стать моим пленником? И почему это ты так настойчиво стремился увести нас подальше от того места, где я обнаружил Джоанну — откуда, где ты держал архимага?

Антриг, чья голова была прижата пистолетным дулом к сухому дереву столба, удивленно смотрел на послушника. Но при скупом свете синего огонька Джоанна видела, что лицо волшебника покрылось капельками пота.

— Я вообще не имею ко всему этому никакого отношения, — прохрипел Виндроуз.

Вдруг раздалось клацанье — Керис взвел курок.

— Ну, — угрожающе потребовал он, — отвечай, где теперь находится мой дед?

— Через минуту они явятся сюда и зададут этот самый вопрос уже тебе, — тихо ответил бывший кудесник, — если ты выстрелишь. А я тогда точно не смогу дать ответ на этот вопрос — ни тебе, ни им!

Джоанна оцепенела от ужаса — ей показалось, что вконец разозленный Керис сейчас все-таки возьмет и выстрелит. К тому же она видела искаженное гневом лицо послушника — он явно был готов на любой отчаянный шаг. Затем Керис бессильно опустил пистолет и отвернулся, глядя в затянутое бычьим пузырем окно.

Только тут девушка заметила, как Антриг испустил вздох

облегчения.

— Послушай, Керис, — вмешалась Джоанна, — я не знаю, имею ли я здесь право голоса, к тому же я не знаю, почему схватили всех ваших волшебников и куда исчез твой дед. Но одно я могу сказать наверняка: этот Антриг — моя единственная надежда на возвращение домой!

Тут Керис повернулся к ней, и Джоанна увидела в его глазах нетерпеливый блеск — так блестят глаза человека, которому приходится выслушивать более слабого. Но Джоанна набрала в легкие воздуха и продолжила:

— Вообще-то я ничего не знаю об этой вашей Святой Церкви, но почему-то мне кажется, что если Антриг попадет в лапы этого епископа, то тогда он уж точно не сможет тебе поведать, где искать твоего деда. Я хочу сказать, что если бы я была епископом и захотела искоренить всех волшебников, то я бы не стала возвращать архимага обратно в Империю!

Повисла тишина — Керис обдумывал слова девушки, и глаза его загорелись иным огнем.

— Да, — сказал он тихо, — ты права, Джоанна! Церковь ни за что не захочет упустить такой шанс! — Затем послушник снова замолчал. Девушка поняла, что, несмотря на свою тренированность и стойкость в бою, ему до сих пор ни разу не приходилось обдумывать стратегию борьбы. Вздохнув, парень вытер рукавом рубашки вспотевший лоб — похоже, он перенапряг свои мозги.

— Простите меня за слабость, — сказал Керис виновато, — этот мир для тебя, Джоанна, наверняка так же странен и чужд, как твой мир был для меня!

«Наверняка, — возмущенно подумала девушка, — в моем мире нет Инквизиции и улицы не утопают в конском навозе! Конечно, у нас есть свои недостатки — разное страшное оружие, бомбы с ракетами, всякие коммунальные службы, которые работают спустя рукава…»

— Как сказать… — неопределенно заметила Джоанна, чтобы не молчать.

— Э-э-э… — начал было Керис, но вовремя спохватился — воину не положено жаловаться на жизнь. Затем он сказал: — По-моему, самое лучшее, что мы сейчас мы можем сделать, — это отправиться в город Ангельской Руки. Другие члены Совета…

— Уже арестованы или забились в норы! — докончил за него Антриг. Цепи на его руках тоненько позвякивали. — Наверняка епископ уже давно известила епископа города Ангельской Руки! А с регентом все эти аресты загодя согласованы!

— Ну тогда мы пойдем прямо к регенту, — упрямо сказал

Керис, — ведь Нарвал Скипфраг — друг деда! Он наверняка замолвит перед регентом словечко за меня, и я смогу объяснить ему истинное положение вещей! А уж потом пусть Инквизиция попробует разобраться с нами! Или пусть разбирается с тобой!

— А! — видя такое упрямство, пренебрежительно сказал Виндроуз, бессильно прислонясь к столбу. — Но скажи, в чем заключается правда, которую ты хочешь донести до регента?

В свете луны было видно, как сжались губы Кериса.

— Правда, — тихо промолвил он, — это то, что Инквизиция сможет выжать из тебя. — Повернувшись к Джоанне, парень передал ей пистолет и сказал: — Присмотри за ним! А перед уходом я еще раз погляжу, что тут такое, — и, повернувшись, Керис направился в темноту внутренних комнат.

Антриг снова вздохнул и прислонился лбом к столбу, постукивая по дереву костяшками пальцев, — казалось, что он медитирует.

Держа пистолет наведенным на старого мага, Джоанна пододвинула перевернутый стул тяжелого резного дуба и уселась. Только опустившись на обитое кожей сиденье, она почувствовала, как устала за день. Помолчав, она вдруг поинтересовалась:

— Но если ты действительно волшебник, тогда почему же ты не разорвешь эти цепи, не сломаешь замки?

Виндроуз посмотрел на нее и устало улыбнулся:

— Я мог бы сделать это! И замки мне открыть не трудно! Но у Церкви есть свои маги. Как только я применю свою силу, они сразу же поймут, где именно я нахожусь! И тогда они не замедлят явиться сюда. А потом… — подумав, Антриг Виндроуз явно решил не говорить, что последует потом.

Джоанна положила ногу на ногу.

— Но ведь ты уже был пленником Церкви, — сказала она недоуменно, — с какой стати им браться за тебя именно теперь?

— Вообще-то я был пленником Совета Кудесников, хоть и под охраной Церкви. Архимаг… — тут отставной кудесник поколебался, а затем продолжил, архимаг боролся за мою жизнь, как лев!

— Это дедушка Кериса?

— Да, Солтерис Соларис, так его еще зовут!

Джоанна нахмурилась, подумала немного, а затем выпалила:

— Так это с ним ты скрылся из… из тюрьмы?

— Вовсе не с ним! — неожиданно тихо возразил Антриг. — Я вообще его там не видел! Он туда и не входил, — но при этом Антриг не смотрел девушке в глаза, и поэтому она почувствовала — лжет.

В воздухе снова повисла неловкая тишина. Стояла глубокая

ночь, но холодно в помещении не было. Девушка вдруг почувствовала головную боль — от голода. Оно и понятно — кусок хлеба, овечий сыр и травяной настой, проглоченные десять часов назад, придают не слишком много сил. Так, подумала она, сейчас ночь, воскресенье. Тут же она вспомнила, как ей не хотелось выходить на работу в понедельник. Что ж, ее желание исполнилось.

Но выходить на работу ей не хотелось потому, что она знала: за нею следят. И вот теперь она здесь, с человеком, который следил за ней. Следил там, на работе, и в доме Гэри. Более того…

— Но почему? — тихо спросила она. — Почему я? Я уже спрашивала об этом раньше…

Антриг спокойно оглядел ее и отозвался:

— Дорогая моя Джоанна! Если бы только я знал это, я и сам бы чувствовал себя немного счастливее!

Вдруг Виндроуз предостерегающе поднял перехваченную цепью руку — какой-то звук в тишине этого разгромленного дома привлек его внимание.

— Что такое… — начала было девушка, но Антриг быстро поднес пальцы к губам, приказывая ей молчать. Джоанна тут же превратилась в слух, но сколько ни напрягала уши, услышать ничего, за исключением шороха листьев на ветру во дворе, не могла. Синий огонек Антрига погас, установилась непроницаемая тьма.

Голосом тихим, как шелест шелка, Антриг прошептал:

— Инквизиторы!

Джоанна бесшумно соскользнула со своего уже насиженного кресла и приблизилась к чародею. Она теперь была так близко к нему, что могла ощутить запах сена, которым пропиталась его одежда.

— Но я ничего не слышу! — удивилась девушка. Ответом послужил лишь пренебрежительный вздох.

— На том конце дома! Они поймали Кериса! В верхнем ящике стола лежит ключ — Нандихэрроу всегда держал его там!

Джоанна заколебалась. Ведь сама она, как ни старалась, не слышала ни единого звука. Керис наверняка убьет ее, если она позволит обвести себя вокруг пальца, особенно если так просто. Вот Сэм Спейд на ее месте сощурил бы презрительно глаза и брякнул: «Перестань молоть ерунду, Мерлин!», или что-нибудь в этом роде. Но что же тогда делать? Стараясь говорить не слишком громко, она поинтересовалась:

— А с какой это стати Керис может понадобиться Инквизиции?

Закрыв глаза, Виндроуз в изнеможении прислонился лбом к

столбу.

— Им нужен архимаг, — тихо сказал он. — Они думают, что Керису известно его местонахождение! Быстрее давай сюда ключ! — вдруг яростно прошептал он. — Клянусь, чем хочешь, что это не обман! Керис…

Она в точности, как Антриг за две минуты до этого, подняла руку, требуя тишины, и прошептала:

— Я должна сама в этом убедиться!

Он было протестующе открыл рот, но девушка уже успела отвернуться, а издавать звуки для привлечения ее внимания теперь не имело смысла.

Может быть, это уже убедило Джоанну в правоте отставного кудесника. Но как только она проскользнула в дальний конец здания, она действительно услышала там приглушенные голоса. Джоанна была ярой поклонницей шпионских романов, и потому она сразу вспомнила, какие советы там подавали авторы. Теперь почерпнутые из книг знания явно пригодились ей — она двигалась вдоль стены, чтобы не скрипели половицы, к тому же у стены наверняка не было поваленной мебели, которую в такой темноте не разглядишь до тех пор, пока на нее не наткнешься. В свете луны она увидела большой опрокинутый на пол сосуд и сразу же почувствовала запах разлитого красного вина. Постепенно она прошла в дальний конец этой длинной комнаты. Там оказался еще один выход.

— Но мой дед не имеет никакого отношения к этому исчезновению! Если бы он мог что-то сделать, он ни за что не дал бы ему скрыться!

— Послушай, мальчик! Независимо от того, имеет ли печать воздействие или не имеет, — сказал чей-то тонкий, холодный голос, — если Антриг Виндроуз оказался способен утащить за собой архимага, то сам архимаг тем более мог помешать Антригу скрыться!

Джоанна тихо переложила пистолет в другую руку и посмотрела через дверной проем в соседнее помещение, из которого и доносились голоса. Там пылал огонь — в небольшом очаге. После темноты этого дома пламя казалось неестественно ярким. Комната, судя по всему, была библиотекой — все четыре ее стены были сплошь покрыты полками, книги с которых либо валялись на полу, либо были свалены возле камина, отчего в нем и пылал огонь. Керис сидел на стуле с высокой спинкой неподалеку от огня, и девушка разглядела, что послушник крепко-накрепко привязан к стулу. Даже при столь скупом освещении Джоанна разглядела, что губы его разбиты ударом чьего-то мощного кулака. Меч Кериса и все три его кинжала

лежали на низеньком столике, который стоял за его креслом. Тут же стояли еще три послушника в одеждах, чем-то напоминавших одежду Кериса. Возле камина стоял высокий худой человек в сером одеянии с капюшоном. Он заложил руки — маленькие, но сильные — за спину, и в этой позе было что-то угрожающее. На лице человека играли красные отблески полыхавших в камине книг библиотеки. Джоанна подумала, что в юности этот человек был недурен собой, но позже фанатичная вера в собственную непогрешимость наложило на лицо печать презрительно-высокомерного отношения к людям. Рядом стоял человек в подобном же одеянии. Девушка услышала, как один сказал другому тихо:

— Когда он наконец выложит, где искать Антрига, прикончи его! Нечего с такими церемониться!

Второй согласно кивнул, как бы говоря, что бешеных собак действительно нужно истреблять. Значит, они собирались убить Антрига.

— А с ним что делать? — показал один из одетых в серое на Кериса.

Инквизитор внимательно посмотрел на Кериса.

— О да, его, разумеется, тоже в расход, — поспешно сказал он, словно вспоминая какой-то забытый пустяк, — но только после того, как мы узнаем от него, где может находиться Солтерис. Почти все крупные птицы уже в наших руках, остался только Солтерис. Но поскольку нам попался его внук, мы сможем использовать его как приманку. Я уверен в успехе!

Джоанну задели за живое не столько эти людоедские слова, сколько спокойный, холодно-расчетливый тон. Как будто речь шла о вещах, а не о живых людях. Стараясь не шуметь, девушка отступила назад, чтобы ее случайно не заметили.

Когда она проскользнула обратно в первоначальное укрытие, то Антриг встретил ее настороженным взглядом. Он облегченно вздохнул, когда узнал Джоанну. При этом он стоял как вкопанный, стараясь не звенеть цепями. Если он — волшебник — мог слышать голоса, негромко звучавшие на другом конце здания, то маги Церкви наверняка также могли слышать каждый посторонний звук в этом доме. Джоанна же после секундного колебания сунула пистолет в свой кошель и, пристегнув к петелькам ремешок, повесила кошель на плечо. Когда она тихо, медленно и бесшумно выдвигала верхний ящик стола, то вдруг подумала, как поведет себя Керис или хотя бы догадается ли он о том, что если Инквизиция доберется до Антрига, то тогда он уже ни за что на свете не сможет узнать, куда исчез его дед.

Подойдя к Антригу с ключом в руке, Джоанна выразительно

поднесла палец к губам, требуя соблюдать тишину. Затем она, расстегнув рубашку отставного кудесника, тихонько сняла ее через голову и сдвинула на руки, на запястья, закрыв рубашкой замки, — чтобы ткань смягчала лязг железа. Теперь дело оставалось за малым — вставить ключ в замок и повернуть, что она и не замедлила сделать. Когда Виндроуз оказался свободен, девушка кивком указала на дверь и вопросительно посмотрела на него.

— Костолом! — выразительно прошептал чародей. — Главный охотник за ведьмами, начальник Инквизиции. — Легким движением он снова натянул рубашку. — Этот человек идеально подходит для своей работы, но вот на обеды и торжественные приемы его почему-то не слишком часто приглашают. Впрочем, он тоже не слишком на них стремится!

Джоанна безмолвно проследовала за Виндроузом в маленькую мастерскую или ее подобие — комнатка была отделена от общей залы рваной занавеской.

Окна этого помещения выходили на ту сторону, куда лунный свет не падал, и потому тут была непроницаемая тьма. Антриг снова запалил свой огонек, который плыл теперь на уровне плеча. Расстрига-кудесник изучал шкафы и полки.

— Так я и думал, — пробормотал он наконец, — люди Церкви обшарили здесь все, но брать ничего не стали. Возможно, боялись. Я еще удивляюсь, как это они набрались храбрости зайти в помещение, где они заслышали шаги Кериса, — говоря это, Антриг снимал и клал в карман разные штучки, как-то: пакетики с порошком, какую-то безделушку, похожую на заводную игрушку, маленькую коробочку, крепко-накрепко перевязанную веревочками. Джоанна нервно подумала, что эта комната может стать для них ловушкой, если вдруг противник захочет блокировать двери, — единственное окошко тут было столь мало, что даже она при всей своей хрупкости не могла бы туда пролезть.

— Мы должны выручить его, — прошептала девушка, забывая, что у Антрига как раз есть все основания этого не делать.

— Если он попал в лапы Инквизиции, то это само собой разумеется, — прошелестел Виндроуз. Он вертел в руках при свете огонька нечто, похожее на часовой механизм, отделяя собственно механизм от футляра.

— Это что такое? — заинтересовалась Джоанна, подходя ближе. — Вроде бы похоже на внутренность часов?

— Вроде, — в тон отозвался кудесник, — как и все волшебники, Нандихэрроу интересовался не только тем, что

называется чистым волшебством! Эта штука называется механизмом музыкальной шкатулки. Она приводится в действие пружиной от часов. Дорогая, ты, случайно, не захватила с собой мои славные кандалы?

Джоанна резко покачала головой — это уже становилось интересно. А Антриг тем временем раздраженно крякнул — как будто она забыла захватить деньги, отправляясь за покупками. Чародей схватил с одного стула квадратный маленький коврик и подал его девушке. Она вдруг почувствовала себя неуютно в этой комнате, освещенной лишь колдовским пламенем. Она понимала, что если инквизиторы сцапали Кериса, то они обязательно будут прочесывать здание и в конце концов обнаружат их в этой каморке — это было только делом времени. Она поняла, что должна сделать — выйдя в зал, девушка подобрала стул, на котором сидела, и потащила его в комнатку. И испуганно замерла — до нее донеслись приближающиеся шаги. Они пока что раздавались в трапезной, но ее все равно пронзил ужас. Джоанна с трудом удержалась, чтобы не броситься со всех ног обратно к Антригу.

Тихо прокравшись обратно, она сообщила бывшему члену Совета Кудесников:

— Они идут сюда!

Виндроуз безмолвно кивнул и направился к дальней темной стене, одновременно выводя в воздухе какую-то замысловатую фигуру — в точности как тогда, в компьютерной комнате Гэри, когда благодаря этому жесту на двери появился серебристый значок-символ. И вдруг Виндроуз неслышно толкнул воздух, и вместо него изменилась сама стена — в ней образовался провал. Огонек, который снова освещал им путь, вспыхнул ярче и устремился к провалу, обнаруживая своим скупым светом старые выщербленные ступеньки. Остановившись, Антриг передал девушке часовой механизм, пакетики и коробочку и, к ее ужасу, вдруг круто развернулся и ринулся с быстротой молнии обратно в кабинет-зал. Но страхи ее были напрасны — в следующий момент чародей уже стоял возле нее, запихивая в карман джинсов какой-то кожаный мешочек.

— Что это? — полюбопытствовала Джоанна, пока Антриг вел ее по тайной лестнице.

— Деньги, — последовал ответ, — Нандихэрроу обычно держит казну под нижней полкой одного книжного шкафа. Утром эти деньги нам потребуются!

— Но для чего? — Тем временем они уже поднимались по ступенькам — деревянным, как и вся утварь в доме. Ступеньки были настолько крутыми, что одна мысль о том, что с них можно

свалиться, казалась девушке неимоверно ужасной. Куда ведет эта лестница?

— Конечно, для того чтобы купить еды! Я и так уже умираю с голоду! Дорогуша, нет ли у тебя ниточки или тонкой проволочки? Она нам сейчас понадобится!

Джоанна, ни слова не говоря, пошарила в ридикюле и вытащила комплект швейных игл и ниток. Антриг, проворно схватив нитки, отмотал около пяти футов и привязал нить одним концом прямо к среднему звену цепи, а другим концом обмотал какую-то деталь в том самом часовом механизме, который возбудил любопытство Джоанны. Девушка тем временем содрогнулась — оттуда, откуда они только что пришли, слышались какие-то звуки.

— Вот так! — прошептал Виндроуз. — Милочка, тебе не составит труда отнести и положить эту цепь на несколько ступенек вниз? Спасибо! Просто положи цепь на ступеньку, вот и вся работа, — отставной кудесник снова завозился с часовым механизмом, что-то подкручивая и подлаживая. Потом он выпрямился и подал руку девушке. Она подошла к нему, стараясь не наступить в темноте на нить. Одновременно она быстрым движением закинула за плечо свой кошель. Тяжесть ридикюля напомнила ей о пистолете — Антригу ведь ничего не стоило схватить оружие и использовать пистолет против нее. Но, видимо, Антриг совершенно не помышлял об этом. Тем же неуловимым движением руки Виндроуз открыл в стене новый проем, и там снова оказалась лестница. Беглецы немедленно пролезли туда. Там было не так темно — на одной из стен находились окна, и потому с освещением проблемы не было. Лестница тут была каменной, а наверху виднелась массивная дубовая дверь.

Антриг тем временем закрыл за ними проем. Теперь даже в лунном свете Джоанна затруднялась увидеть, в каком именно месте находилась потайная дверь. Взяв ее за руку, чародей повел девушку к стене. Они уже выбрались обратно в зал, когда до слуха Джоанны донеслось звяканье цепи.

— Потайная лестница похожа на колодец с эхом! — прошептал Антриг, когда они уже дошли до конца зала. — Звук слышно хорошо, только вот невозможно определить, откуда он исходит. Колеса музыкальной шкатулки будут тянуть за нитку, и цепь будет звенеть, так что некоторое время они будут разыскивать источник звука!

— Откуда такая уверенность? — спросила девушка, одновременно перебрасывая ридикюль с одного плеча на другой (один пистолет чего стоит!). Они уже прошли весь зал и теперь шли в темноту, черную и мягкую, точно бархат.

— Я же тебе уже сказал, что мне неоднократно приходилось бывать в этом доме. Вообще сейчас мало таких людей, которые уже родились с чувством волшебства. В основном все знания приобретаются позже, — тут Виндроуз высунулся из высокого стрельчатого окна. Он напомнил девушке огромного паука.

— Нам повезло, — сообщил чародей шепотом, — поскольку я не могу пользоваться своим волшебством, зато могу воспользоваться волшебством чужим! Вот! — Тут он вытащил что-то из кармана. И девушка увидела, что это та самая веревочка, которая связывала коробку. — Можешь теперь думать, что угодно, — сказал чародей, — но это уже начинается! А ты просто иди за мной. Хорошо?

— Хорошо! — выдохнула она.

— Ну молодец, хорошая девушка! — и чародей улыбнулся улыбкой этакого бесшабашного злодея. Вдруг, круто развернувшись, он швырнул коробочку куда-то в глубину сада. А потом, схватив Джоанну за руку, поспешно направился вниз по лестнице.

Они успели спуститься ровно на три ступеньки, когда Джоанна услышала то, что так ее напугало.

— Джоанна! Джоанна! — настойчиво звал чей-то голос. Никаких сомнений быть не могло — этот голос принадлежал Гэри!

Вдруг внизу послышалась какая-то возня, голос Гэри закричал:

— Нет! Нет! — а потом раздался такой звук, как будто что-то упало. Антриг остановился и удержал Джоанну. Они стояли на лестнице и видели, как два человека в черной одежде послушников торопливо пробежали куда-то вбок. Через несколько мгновений раздался треск сучьев — эти же послушники теперь блуждали по саду, а Антриг тем временем увлекал ее вниз по лестнице. Вот теперь пришла пора бежать что есть духу.

В библиотеке, куда они заскочили, Керис отчаянно пытался разорвать стягивающие его веревки. Лицо его было искажено отчаянием.

— Мой дед там! — прокричал он яростно, а Антриг тем временем схватил со стола один из кинжалов. — Но я должен…

— Это просто крикун! — пояснил Виндроуз, ударом ножа рассекая узлы пут. Он резко дернул Кериса за собой к дверям. — Это просто обычная иллюзия! Пойдем скорее!

— Но… — Керис был потрясен. Впрочем, потрясение не помешало ему на ходу схватить со стола свой меч.

— Ну как же, я ведь слышала голос Гэри, — вмешалась Джоанна. Они уже мчались к широкому окну. Сзади них по

дубовым половицам загремели чьи-то шаги, потом кто-то побежал. Антриг ударом ноги распахнул окно и спрыгнул вниз, за ним, схватившись руками за свой драгоценный кошель, очертя голову прыгнула Джоанна. Приземлилась она прямо в чьи-то крепкие объятия.

Антриг увлекал ее за собой в темные заросли кустов, когда из окна наконец выскочил Керис. Тут девушке ударил в нос сладковатый запах цветущих камелий. Аромат был особенно сильным потому, что ночь была довольно теплой и безветренной. Керис, прихрамывая (боль в лодыжке все еще давала о себе знать), бросился за ними. Джоанна вдруг вспомнила, что им наверняка снова придется перелезать через забор, и ей стало дурно. Но ее привела в чувство другая мысль — воспоминание о том, как холодно звучал в библиотеке голос инквизитора. Теперь она хорошо понимала тех животных, которые, попадая в капкан, предпочитают отгрызть себе лапу, но вырваться на свободу.

— Они там, снаружи, поджидают, пока мы перелезем через забор, — прошептал Керис. И действительно — за забором на улице слышались пронзительные крики. Антриг выхватил из кармана джинсов один из пакетов, оторвал зубами уголок, высыпал на ладонь немного порошка и бережно убрал пакетик обратно в карман. Потом он сорвал с кустика цветок камелии и растер его вместе с порошком на ладони. Затем он сорвал второй цветок, который просто окунул в полученную смесь.

Оглянувшись на окно, Виндроуз швырнул цветок за забор. Как только цветок взлетел над забором, он сразу превратился в огненный шар. Крики снаружи усилились, теперь к ним примешивались удивленные вопли тех, кто находился позади них, в доме. Они бросились в сторону, и Джоанна краем глаза успела заметить, как один из послушников указывал другому на огненный шар над забором.

А Антриг тем временем, подведя своих спутников обратно к дому, открыл очередную потайную дверцу и ввел их в разгромленную церковниками приемную. Пересекая комнату, они обратили внимание на царивший тут беспорядок. Затем через большую дверь они вышли на соседнюю, безопасную улицу, где их явно никто не ждал.

Да, действительно, Церковь не расставила здесь часовых. Пройдя метров десять по улице, они свернули в мощенный булыжником, совершенно темный переулок, где могли позволить себе перевести дух.

Глава 10

— Да ты просто глупец! — Керис нервно оглядел помещение харчевни «Застенчивый единорог». В это время женщина-прислужница в грязном переднике поставила перед ними на стол тарелки с жареным мясом и хлебом. — Мы ведь могли давно быть в пути!

— Независимо от того, как скоро мы отправились бы в путь, конные патрули все равно настигли бы нас. — Антриг спокойно налил себе из глиняного кувшина вина и посмотрел на матовый стеклянный фонарь, отбрасывавший длинные оранжевые полосы света, — ведь все эти воины ни за что не станут рисковать быть пойманными в таверне во время столь ответственных поисков! Даже не лучшие служаки, которых оставили охранять квартал Староверов, — тут Виндроуз поднял оловянную чарку и произнес тост: — Итак, выпьем за то, чтобы наши преследователи сбились с пути! И за то, чтобы наш общий враг потерпел неудачу!

— А у нас что, есть общий враг? — рука Кериса с чаркой повисла в воздухе.

— Я более чем уверен, что он есть, если хорошенько поискать, — улыбнулся расстрига-кудесник. — Или же мне надлежит сказать «Выпьем за здоровье императора?»

На другом конце зала какой-то подвыпивший человек в зеленом плаще громким голосом обсуждал насущные проблемы со своими двумя собутыльниками. Их стол был уставлен опустошенными кувшинами и бутылками. С улицы уже слышался скрип повозок, крики домашней птицы и визг свиней, которых волокли на рынок.

Керис, ничего не говоря, осушил чарку. Джоанна, сидя на скамье между двумя своими спутниками, резала изогнутым ножом, словно позаимствованным у какого-то пирата, свою порцию жаркого. Конечно, ей тоже не слишком хотелось задерживаться в Кимиле, но она была очень довольна тем, что Антриг настоял на задержке в городе — тут можно было хотя бы более-менее сносно позавтракать.

Из Дома Волшебников Антриг повел их, как ни странно, в круглосуточно работавшую общественную баню.

— Ну скажите, кто подумает, что беглецы от Инквизиции могут плескаться в общественной бане, где всегда полно народу? — вопрошал Виндроуз. Джоанна промолчала, а Керис заметил, что это довольно двусмысленный аргумент. Когда Джоанна, смыв с себя грязь последних дней, вышла из благоухавшей кедровым деревом парилки, то ее ожидал сюрприз

— розовая кофточка, голубая юбка и чепец. Все это за время ее отсутствия Антриг приобрел у торговца одеждой, который предлагал свой немудреный товар прямо в бане. Проявил он заботу и о Керисе — послушник теперь непривычно щеголял в коротких крестьянских штанах, серых чулках и кафтане из грубой ткани.

Антриг ожидал их неподалеку от входа в баню — он тоже предусмотрительно переоделся в одежду, которая в местных условиях не так бросалась в глаза, как джинсы или рубашка с названием рок-группы. Впрочем, на нем остались те самые башмаки, которыми Антриг обзавелся на вечеринке у Гэри.

— Ты, наверное, уже готов преодолеть большой участок пути, как волк зимой, — обратился чародей к Керису, — но я не готов, да и Джоанна, наверняка тоже! Подожди, к вечеру все, кто сейчас прочесывает местность, устанут до черта, да и народу на улицах будет больше! Так что мы не привлечем к себе лишнего внимания! Вот тогда-то и можно будет отправляться!

Керис посмотрел на Антрига, но ничего не ответил. Джоанна вдруг подумала: Керис уже понял, что он больше не предводитель их небольшого отряда, но все же старается держаться начеку — его недоверие к чародею еще не улеглось. К тому же Антриг все еще считался как бы его пленником. Вот только в данный момент он не мог никуда доставить Антрига — Совета Кудесников наверняка больше не существовало. Керис еще раз, растерянно, взглянул на отставного кудесника, который невозмутимо откусывал от громадного ломтя хлеба, намазанного медом.

— Очень полезная штука, этот мед, — сказал Виндроуз, — а вы знаете, что в Меллидэйне ученые варят из меда вещество, в котором консервируют разные живые диковинки, чтобы они хранились для последующего изучения? — Тут он согнул руку с хлебом под таким углом, чтобы видеть, как солнце освещает золотистую поверхность медового слоя. — Древние сааряне полагали, что мед — это слезы богини Хелибитар. Они смешивали мед с кусочками золота и миррой, принося это в жертву богине. Мед используется и в других целях. Вы, конечно же, знаете, что люди Церкви разыскивают и послушника архимага, который сражался с чудовищем на болоте. А разыскать его они смогут по этому вот признаку, — и Антриг вдруг притронулся рукой к шраму на щеке Кериса.

Парень отшатнулся от неожиданности.

— Но на моем плаще есть капюшон! — пробормотал он растерянно.

— Интересно, носят ли нормальные люди в теплую летнюю погоду капюшон, — вздохнул Антриг.

— Ты в самом деле сражался с чудовищем? — спросила Джоанна Кериса, вспоминая синяки, которые просвечивали через дыры в его одежде. — И убил его?

Девушка чувствовала некоторую неловкость. Ни один ее знакомый в жизни не убил никого крупнее обычного таракана. По крайней мере, так они говорили.

— Не совсем так, — сказал послушник, отхлебывая пива из глиняной кружки, — вообще-то это чудовище убил мой дедушка! Он сделал так, что в воду болота ударила молния, которая на самом деле называется электричеством. Послушай, а в вашем мире существует электричество?

— Ну конечно! — Джоанна старательно пережевывала жесткий кусок говядины. Горячая баня и сытная пища влили в нее свежие силы. Она не спала уже целые сутки, к тому же большую часть этого времени пришлось провести на ногах — шагая ли по дороге или убегая от преследователей. И тут она вдруг подумала — а уж не принял ли Антриг во внимание и то обстоятельство, когда сказал, что нужно выждать и пока не отправляться в путь? Но вслух продолжала:

— Весь наш мир зависит от электричества! Электричество управляет всем — освещением, радио, телевидением, компьютерами. Что не возьми, почти все делается при помощи электричества!

— И та самая музыка? — осторожно поинтересовался Керис.

— И музыка тоже! — рассмеялась девушка. — Только мне кажется, что Иоганн Себастьян Бах очень сильно оскорбился бы, если вдруг кто-то при нем назвал этот набор звуков музыкой. Но, впрочем, звуки тут ни при чем. Просто инструменты также работают за счет электричества. А звуки создаются электрической силой, смешиваются и записываются опять же электричеством. Вот как! От человека зависит только, в какой последовательности эти звуки сменяют друг друга!

Все три путешественника снова сидели в той же харчевне. На противоположном конце обеденного зала двое собутыльников ушли по своим делам, оставив третьего сидеть наедине с пивными кружками и винными бутылками. Третий набрался столь основательно, что, казалось, у него не хватит сил подняться с места. Вдруг в полуоткрытую дверь ворвался ветер, взъерошивший волосы Керису. Послушник инстинктивно резко обернулся назад, чтобы убедиться, что в харчевню не вошел никто подозрительный. Хотя с улицы и несло конским навозом и отбросами, этот воздух все равно был свежее душной атмосферы харчевни.

— Постой! — удивленно уставился на нее Керис. — Как это?

Записывать звуки? Значит, их можно потом воспроизвести заново в любое время?

— Да, — кивнула в ответ девушка, — но ведь и у вас есть примерно то же самое! Этот вот Крикун, или как там вы его называете?

— Это не совсем то, что ты думаешь! — вмешался Антриг. — Крикун звуков не записывает. Он просто силой своей энергии создает в твоем воображении ассоциацию, которую ты воспринимаешь как звук! Примерно так, как действует язык, издавая звук, который потом слышит ухо, передавая в рассудок. А тут все минует язык и ухо — восприятие передается сразу из ума в ум. Есть еще заклятья, которые воспроизводят звуки — Визгун и тому подобное. А есть такие, которые могут нагнать невыразимый ужас, — они не слишком сложны, но довольно действенны. Послушай, милая моя, а среди твоих запасов, случайно, нет широкогорлого сосуда с завинчивающейся пробкой?

Джоанна, ни слова не говоря, протянула ему требуемое. Антриг удостоверился в том, что это — именно то, что ему нужно, а затем начал тонкой струйкой заливать в сосуд мед. Затем волшебник продолжал:

— Вот Керис слышал голос деда, который звал его на помощь, не так ли, Керис? А ты, Джоанна, ты ведь должна была слышать голос своего… э-э-э… любовника?

Слово «любовник» донельзя удивило девушку. Вообще-то она всегда просто считала Гэри «другом». А это слово означает многое — его используют все кому не лень, — от детей до взрослых. И тут она задумалась — почему это слово «любовник» так сильно смутило ее. Возможно, просто потому, что она никогда всерьез не задумывалась, способна ли на близость с Гэри.

Она подумала, что Гэри и в дальнейшем останется для нее просто «другом».

А ведь Гэри наверняка не догадывается, что она давно ушла с его вечеринки. В это время они уже выходили из харчевни. Но только в другом, параллельном, мире. Там, дома, то есть у Гэри, ее машина наверняка все еще стоит на парковочной площадке. Может быть, он обо всем догадался — хотя нет, вряд ли он на это способен. Скорее всего, он решит, что она уехала к кому-нибудь домой на его машине.

Как только Джоанна вспомнила слова Гэри о том, что он — единственный мужчина, проявляющий к ней хоть какой-то интерес, ей почему-то стало немного легче на душе. Ха, теперь он подумает, что он не единственный, кто ей интересуется! И поэтому он не удивится тому, что Джоанна весь вчерашний день не отвечала на его телефонные звонки. Вчера было воскресенье. А

сегодня он, конечно, пошел на работу с желанием увидеться с ней, предложить поехать к нему, чтобы там она смогла пересесть и отогнать домой свою машину. Конечно, он наверняка брякнул бы что-нибудь вроде «Давай пообедаем вместе» или «Может, проведем интересный вечерок» (при этом подразумевая ночь). Может быть, только на работе он и поймет, что она куда-то исчезла. Ну, день-два ему понадобится на то, чтобы связаться с Рут. Потом они вдвоем ринутся прослушивать ее автоответчик. И венцом их совместных усилий станет заключение, что никто с вечера субботы не видел Джоанну. А потом…

Эта мысль была уже не столь приятна.

Прохладный воздух улицы приятно освежил Джоанну и разогнал остатки сонливости. Она обратила внимание на то, что, хоть солнце еще не взошло, воздух был уже теплым. Можно было себе представить, как жарко будет днем!

Вдруг девушка подумала, что сейчас самое подходящее время удрать от Антрига, вот только была одна загвоздка — тут, в этом мире, ей было совершенно некуда бежать. Это будет подобно бегству из шлюпки посреди океана. Нет, лучше всего остаться вместе с чародеем и Керисом и надеяться, что в конце концов они все-таки доберутся до этого Совета Кудесников. А может, Антриг и сам сможет отправить ее домой.

Тут Антриг повернул в узкую улочку, которая отделяла два угловых здания — харчевню и ту самую общественную баню, в которой они скрывались, — от Инквизиции. Керис плелся следом за ними — он не слишком удобно чувствовал себя в незнакомой одежде, да и оружие ему пришлось спрятать, чтобы не возбудить подозрений — ведь крестьяне нигде не разгуливают по улицам с мечами! Пистолет он спрятал под плащом. Джоанна же, подобрав длинную юбку, осторожно шагала через грязь и лужи.

В переулке Антриг, воровато оглядываясь, откупорил сосудик с медом и начал смачивать вязкой жидкостью вытащенный из кармана хлеб. Хлеб он стал размягчать ладонями. Теперь дело оставалось за малым — грязь, которой под ногами было сколько угодно, должна была придать получившейся массе нужный цвет. И эту мазь, своеобразный грим, отставной кудесник принялся наносить на лицо Кериса, маскируя шрам на его щеке.

— Так, — бормотал чародей, доставая из другого кармана пустую бутылку из-под джина. Он вылил пахучие остатки на одежду Кериса, забивая таким образом запах меда. Керис явно был полон негодования, но ничего не сказал. А Виндроуз между тем невозмутимо продолжал:

— Жаль. Жаль. Жаль, что в лавке тряпичника не продается одежда послушника. Она бы так подошла Джоанне. Тогда она бы

могла спокойно нести твой меч. А теперь нам, видно, придется привязывать его к твоему телу. Другого выхода нет!

Джоанна посмотрела на большой сверток, содержавший ее одежду, кроссовки, знаменитый кошель-ридикюль, изношенную одежду Кериса и его обувь, два свободных одеяния с капюшонами, которыми вполне можно было пользоваться как одеялами, если погода будет чересчур холодной. Сверток был привязан к концу длинной палки, к ней же был примотан и обоюдоострый меч Кериса. Но все равно такая маскировка выглядела не слишком убедительной.

— Подумаешь, мы всегда можем сказать, что меч принадлежит моему брату, — сказала Джоанна, — к тому же инквизиторы наверняка ищут одного, ну, может, двух человек. А ты не мог бы выдать себя за послушника, свободного от службы?

— Свободный от службы послушник — человек подозрительный, это просто нереально! — заметил Керис, смотрясь в лужу. — Считается, что послушник занят службой во всякое время суток! Об этом говорится в клятве, которую дает каждый, кто решил стать послушником! По сути дела, послушник считается оружием, собственностью того, на верность кому он принес присягу!

Джоанна взвалила на плечо шест со свертком и прошлась с ним взад-вперед, примериваясь. Вдруг девушку передернуло — на дороге валялись позеленевшие кишки какого-то животного, на которых роились мухи. Да, местные жители явно не утруждали себя вывозом отходов на свалку!

— Ну, а как быть с тобой? — спросила она Кериса.

Молодой человек резко выпрямился. Он забыл, что ему нужно притворяться подгулявшим выпивохой.

— Моими господами были и всегда будут члены Совета Кудесников, — сказал он гордо. Теперь он был похож на статую древнегреческого атлета. — И вообще, мой дед жив!

— Да? — тихо спросил Антриг.

Керис остановился и, резко повернувшись, внимательно заглянул в глаза чародею.

— Жив он или же мертв, — проговорил он тихо, но ясно, — тебе, Антриг Виндроуз, это доподлинно известно!

— Как это, Керис? — неожиданно спросил экс-член Совета Кудесников. — Он ведь был и моим учителем тоже! Мы очень часто путешествовали с ним! Где только мы не были! Неужели ты и в самом деле думаешь, что мне известно, где он находится?

Вдруг Керис сказал, как отрубил:

— Не был он твоим учителем! А обучал тебя Сураклин!

— И он тоже, — вздохнул Антриг, сворачивая в другую

улочку, — и он тоже!

Наконец трое беглецов вышли на главную улицу. На улице было теперь совершенно светло, хотя солнце еще не успело подняться в зенит. Солнечные зайчики играли на черепице крыш, но возле стен домов еще лежали голубоватые ночные тени. Джоанна несказанно удивилась — по ее расчетам, было около пяти утра, но на улицах было полным-полно народу. Мужчины, женщины, дети — все направлялись по своим делам, стуча башмаками по булыжной мостовой. Слуги тащили корзины с провизией — готовить завтрак своим господам. На бойких местах стояли, как обычно, нищие, выпрашивая подаяние. Встречались и весьма нарядно одетые люди — это была публика побогаче: торговцы и менялы, спешившие открывать свои лавки. Суматошно носились в воздухе голуби, дополняя картину сутолоки. На город налетали порывы свежего ветра с полей, приносившие аромат скошенной на болотах травы. Большинство же людей, одетых не слишком богато, тоже торопились по своим делам — добывать пропитание, скорее всего. Им-то уж точно не было дела до запаха травы, солнечных зайчиков и прочей лирики.

Они стали выходить на дорогу, которая вела из Кимила. Тут было особенно оживленное движение — одни повозки въезжали в город, другие выезжали из него. Скрипели колеса, стучали подковы, ржали лошади. Повозки были загружены уже собранным сеном, клетками с домашней птицей, лукошками с яйцами, кадками с маслом, свежей рыбой, фруктами и овощами, привезенными на продажу сельчанами. Можно было даже определить, в какой повозке что везут — за телегой мясника летели тучи мух, те же, где везли мед, сопровождали пчелы. Подпрыгивали перестеленные соломой бочонки с пивом. Тут же Джоанна заметила мальчика, который шел впереди и метлой разметал навоз, а за ним медленно шествовали две хорошо одетых женщины. Одна из дам, заметив такое усердие, бросила пареньку монетку. Он подхватил ее с завидной ловкостью и продолжил свое занятие с еще большим усердием, явно надеясь на более щедрые чаевые.

Джоанна, раскрыв рот, остановилась, разглядывая невиданную прежде картину. Она явно не ожидала увидеть такого. Керис и Антриг удивленно уставились на нее, явно не понимая, что могло так заворожить девушку.

— В чем дело? — наконец поинтересовался Антриг, оглядываясь по сторонам.

— Но… но это как-то все… прямо как в средние века!

— А, — рассмеялся Антриг, — ты, наверное, не представляла, что в такую эпоху могут встречаться кудесники?

Джоанна посмотрела направо, потом налево. Слева виднелось массивное каменное здание мануфактуры, в раскрытые ворота вливались толпы людей. На лицах некоторых было написано отчетливое нежелание работать. Ну прямо совсем как в ее мире, подумала девушка.

— Вот потому-то у нас не слишком привечают волшебников! — проговорил ей на ухо Керис. — Чтобы они не мешали естественному ходу вещей! — Тут послушник потянул Джоанну за собой. — Ладно, нам пора идти!

Они направились дальше по улице, и Джоанна, оглянувшись, увидела, как в ворота мануфактуры входила группа детей.

— Это льнопрядильня, — перехватил ее взгляд Керис, — я думаю, что они будут работать до семи-восьми вечера, пока не начнет темнеть. Они получают по два пенса в неделю. Хозяевам выгоднее нанимать их, чем взрослых мужчин! К тому же для того, чтобы смотреть за механической прялкой, не требуется большой физической силы!

Взглянув в это время в лицо Антрига, Джоанна заметила сожаление — она могла поклясться, что кудесник сожалеет о том, что никак не может облегчить страдания этих детей и принужден быть только их свидетелем.

— Они называют это промышленностью, — сказал Виндроуз, — которая призвана работать на всеобщее благо, на облегчение жизненных условий людей! Нельзя использовать волшебство в политике, в производстве, в торговле. Магию можно творить только там, где она не соприкасается с жизнью людей! Так что мы, выходит, не слишком нужны в этом мире!

— Ну и хорошо! — холодно сказал Керис. — Все хорошо знают, как правил городом твой учитель. Годами он держал всех под страхом смерти! Ты наверняка стал бы достойным его преемником!

Антриг только вздохнул, и в лице его отразилось единственное чувство — знание глубины человеческого горя.

— Может быть, — сказал он, — но я что-то не видел, чтобы промышленность, технологии и о чем еще так любят поговорить приносили всем без исключения ощутимую пользу! Возьми хотя бы тех, кто на этих машинах работает! Джоанна, я знаю, что твой мир называется миром технологий. Он лежит по ту сторону Пустоты. Скажи, там люди получают от них какую-нибудь пользу?

Джоанна помолчала, продолжая сосредоточенно шагать вперед.

— Если ты спрашиваешь, становится ли лучше, — наконец сказала она медленно, — то я отвечу — да. Но для этого должны смениться шесть-семь поколений тех работников, которых мы

только что видели входящими в мануфактуру!

— Неужели им тут так плохо? А потом будет лучше? — в его голосе чувствовалось беспокойство за своих потомков, людей, которых ему не суждено было увидеть.

— Я думаю, что да!

Над городом поплыл колокольный звон — церкви созывали прихожан на утреннюю службу. Мимо промчались две женщины явно сельского вида. Одна тащила ведро молока, вторая — поднос с рыбой, запах которой путники учуяли еще издалека. Но глаза у обеих молодок были голодные. В конце улицы, увидела Джоанна, возле башен городских ворот царила та же утренняя сумятица. Шпили башен, освещенные ярким солнцем, отбрасывали на землю солнечные зайчики.

— Вообще, интересно получается, — нарушил тишину Антриг, — выходит, что только через семь-восемь поколений люди почувствуют результаты того, что делается сегодня!

Джоанна, глядя на идущих навстречу людей, подумала, что их потомки изобрели атомную бомбу. Так все ли было хорошо в жизни последующих поколений? Уж не покривила ли она душой, говоря, что в будущем всех ждет всеобщее благо?

— Может быть, — призналась девушка, — в будущем и будут какие-то особенные трудности!

Ответом ей были удивленные взгляды обоих спутников. Перед воротами была большая площадь, от которой солнечными лучами расходились улицы. Честное слово, тут царил самый настоящий городской шум, только в средневековом варианте!

— Иногда мне кажется, что было бы лучше, если бы я не родился с волшебным даром, — тихо сказал Виндроуз, — поскольку я вижу, что происходит вокруг, но не могу использовать свое умение для того, чтобы исправить несправедливость! А сколько у нас несправедливых законов, которые наполняют жизнь неправотой! А иногда встречаются столь вопиющие случаи, что просто сердце кровью обливается!

И вдруг отчаяние, которое Джоанна переживала два-три раза в течение этой недели, нахлынуло на нее океанской волной. Она вдруг поняла, что Антриг, говоря о своем мире, говорит и о том мире, в котором живет она. Она почувствовала, что и сама бессильна против всех несправедливостей, которые творятся там на каждом шагу. Ее мир тоже часто был чужим — ведь должно пройти несколько дней, прежде чем ее подруга и друг (ей все-таки не хотелось думать о Гэри как о любовнике) хватятся ее…

Джоанна вдруг обратила внимание на массивные городские ворота, сложенные из необработанного камня. Камень был серый, скучный. Мрачность ворот немного скрашивалась многоцветными

большими часами, укрепленными высоко на башне. А между тем все три путешественника отчетливо ощущали, как перенесенные тяготы такими же серыми валунами лежат на их плечах. Сколько же можно — они и так провели без сна ровно двадцать четыре часа. Тут Джоанна заметила охранников-послушников — на их строго-черных одеждах алели печати — знаки принадлежности к Святой Церкви. Рядом с послушниками стояли мужчины в серых одеждах с капюшонами — представители Инквизиции. Вдруг девушка вспомнила того инквизитора, которого называли Костоломом, и ее наполнил холодный ужас. Да, такому уж лучше не попадаться!

Не успела она и рта раскрыть, как Керис вдруг остановился, а затем шмыгнул в ближайший переулок. Девушка заметила, как лицо послушника побледнело.

— Мне все это не нравится! — прошептал Керис.

Джоанна удовлетворенно покачала головой — ей явно было приятно, что ее собственные страхи подтвердились и профессиональное чутье воина.

— Мы можем спрятаться где-нибудь в квартале староверов, — встрепенулся Керис, — иначе я боюсь, что они все-таки меня узнают!

— Керис, перестань говорить глупости, — Антриг потряс внука архимага за плечи, — они же не нашли нас на дорогах и теперь наверняка сосредоточат свои усилия на прочесывании городских кварталов! — Но в голосе расстриги-кудесника было еще что-то такое, что Джоанна уловила, но не смогла определить — какая-то особенная нотка.

— Но мы все равно не сможем спастись! — быстро заговорил Керис. — Они уже наверняка схватили Совет в полном составе и теперь будут вырезать всех волшебников, магов, чародеев! Мы могли выбраться отсюда — я собирался использовать заклятье, которое заставило бы их не обратить на нас внимания, это заклятье — немногое из уже известного мне волшебства! Но теперь… — Керис замолчал, явно борясь с приступами паники и отчаяния, — давайте лучше вернемся! — И воин направился было в глубину переулка, но Виндроуз неожиданно резко схватил его за отворот куртки.

— Нет! — только и сказал маг.

Разъяренный вконец Керис потянулся свободной рукой к пистолету, но Антриг и ее сжал стальной хваткой.

— У тебя ведь больше не осталось его, — тихо поинтересовался Виндроуз, — оно от тебя ушло, твое волшебство?

— Нет! — отшатнулся Керис. — Не двигайся, или я…

— Что ты сделаешь, интересно знать? Застрелишь меня? В пятидесяти шагах от часовых на городских воротах?

Так они и стояли друг напротив друга, злобно смотря собеседнику в глаза. Губы послушника изогнулись в хищной гримасе, и рука его дернулась к ножу, который он держал в голенище. Все это время Джоанна наблюдала за ними, стоя поодаль, делая вид, что не имеет никакого отношения к двум задирам, пожелавшим выяснить отношения в общественном месте. Ее занимала еще одна мысль: было ли съеденное ею в харчевне мясо достаточно прожарено, чтобы в нем не осталось какой-нибудь заразы? Ведь в средние века подобным мелочам уделяли так мало внимания! В конце концов Антриг перехватил руку Кериса, которая уже готова была ухватиться за рукоять ножа. Но это было уже не столь существенно. Позади них, на главной улице, раздался истошный вопль, который сразу же привлек всеобщее внимание.

Оказалось, что одна из женщин швырнула мелкую монетку мальчику, разметавшему мусор перед ее ногами. Монетка покатилась по мостовой и оказалась прямо на пути телеги. И ловкость на сей раз изменила мальчугану — он успел добраться до монетки раньше своих конкурентов, но вовремя выскочить не сумел. И теперь сидел на бордюрном камне, с плачем держась за кровоточащую ногу, по которой проехалось окованное железом тяжелое колесо. Возница яростно кричал на паренька, а прохожие равнодушно взирали на происходящее — видимо, такие происшествия тут случались, хоть и не каждый день.

Что-то подсказывало девушке, что она должна немедленно что-то сделать, что нельзя стоять на месте и глядеть на чужую беду, но все это казалось ей нереальным, словно она смотрела телевизор. И чувствовала она себя странно голодной, хотя голод на сей раз был не физическим, а душевным. И на душе было скверно.

Тем временем в воротах города стражники сгрудились возле человека в длинной черной одежде, заплетенными в косички волосами, которые указывали на его принадлежность к культу староверов.

— Это Треман, — сказал Керис, безучастно глядя в ту сторону, — один из волшебников! Нет, нам не спастись! Нас обязательно схватят!

— Не схватят! — упорно сказал Антриг, энергично встряхивая Кериса, точно стараясь привести его в чувство. — Не схватят потому, что мы не используем волшебство, чтобы проскочить мимо охранников! Неужели ты до сих пор ничего не понял? Не тебя одного оставило волшебство! И ты не единственный, кто

испытывает страшное отчаяние!

Керис непонимающе уставился на Антрига:

— Что? Что ты сказал?

— А ну, облокотись на меня! — бодро сказал Виндроуз Керису. — Ты ведь пьян!

— Никогда…

— Я оглушу тебя одним ударом по голове и потащу на себе, если ты сейчас же не сделаешь так, как я тебе приказал!

Керис собирался было запетушиться, но потом вдруг осознал, что здесь явно не место демонстрировать свой строптивый нрав. Он облокотился на плечо ученика архимага и замотал головой, в самом деле изображая пьяного.

— Я… Я не знаю, — забормотал Керис, — что со мной произошло! Как будто… — Но они уже шагали вперед, а за ними шла Джоанна с узелком на шесте.

— Я тоже чувствую себя не очень хорошо, не как всегда! — пробормотал Антриг. — Но что бы ни случилось, это должно подействовать и на часовых!

— Но может и не подействовать! — забеспокоился послушник, вцепляясь в руку сопровождающего. — Это все только потому, что волшебство мое медленно, но верно уменьшается! Оно уменьшается уже не одну неделю! И это не касается никого, кроме меня!

Как только они приблизились к воротам, Джоанна почувствовала, что ей даже трудно дышать — страх обручами сдавил грудь. Ведь это их ищут, ради них Церковь выставила усиленные посты стражников! Даже если Инквизиция не схватит ее, то уж ее спутники как пить дать попадут в лапы Святой Церкви. И тогда она принуждена будет остаться в этом мире, с его грязью и опасностями, она не сможет жить здесь, но и домой тоже не сможет вернуться! Тут ее взгляд затуманили горькие слезы. Ее так и подмывало броситься назад, в один из переулков, и раствориться в лабиринте этого города. Лишь вера в Антрига заставила девушку шагать дальше. Они просто должны вырваться из этих проклятых ворот!

Послушники Церкви тем временем все стояли возле человека, которого Керис назвал Треманом. Лицо схваченного было искажено ужасом, но вместе с тем на нем читалось какое-то безразличие к своей судьбе. Вдруг один из стражников ударил Тремана по лицу. Часовые теперь совершенно не обращали внимания на тех, кто входил в ворота или выходил из них. Тем временем трое беглецов проскользнули незамеченными под сводами ворот (там было холодно, несмотря на жаркий летний день) и вышли на мост, переброшенный через ров. Они сделали

еще не менее сотни шагов, и только тогда Джоанна вдруг осознала, что им посчастливилось вырваться из Кимила.

— Послушай, Джоанна, — обратился к ней тихо Антриг, — а ведь ты тоже наверняка это ощущаешь! И ощущала это последние несколько недель!

Все трое пошли по дороге, петлявшей между холмами и болотами.

Девушка только кивнула в ответ — ее занимало, откуда он мог это узнать. Они уже отошли от ворот на безопасное расстояние, и Керис, распрямившись, взял из рук Джоанны палку с узелком. Но напряжение не уходило — послушник шагал, словно деревянный.

Тем временем Антриг продолжал:

— Я сомневаюсь, что та женщина бросила бы монету под копыта коней так небрежно, — даже если бы подобная мысль пришла ей в голову, то она проделала бы это иначе! А мальчишка тоже хорош — бросился под колеса. Не имеешь ловкости — так нечего и бравировать! — тут чародей по-петушиному склонил голову на бок, — что, ты не поняла?

Тут путешественников обдала пылью колонна вооруженных послушников. Пыль сразу же облепила вспотевшие лица беглецов. Джоанна заметила, как измученная работой крестьянка и ее ребенок поспешно шарахнулись с дороги, уступая место колонне. Джоанна осуждающе покачала головой, но говорить ничего не стала.

– *Это* пожирает жизнь, — нарушил тишину Виндроуз. — *Это* пожирает и волшебство! Страшно, что при этом иссякает поддерживающая жизнь энергия!

— Что пожирает жизнь и волшебство? — спросил Керис, зевая. Его одолевал сон.

– *Это!* — упрямо воскликнул Антриг. — То самое, что я собираюсь найти!

Глава 11

Целых три дня они монотонно шагали через долины и холмы. Керис называл эту местность Сикерстом. Но постепенно холмы начали редеть уступая место равнинам.

Путники окончательно избавились от страха погони только на исходе первого дня путешествия. Переночевали они (теперь уже спокойно) в стоге сена. Какое это было блаженство — здоровый сон в безопасности! Джоанне приснился странный сон — как будто бы насильно выдавали замуж за Гэри, причем никого не волновали ее протесты. Кто выдавал — так и осталось для нее тайной. Бывают же такие дурацкие сновидения, подумала девушка, просыпаясь среди ночи. Ведь она отлично знала, что вообще не собирается замуж. Тут ее передернуло — девушка вспомнила, как Гэри с кривой ухмылкой говорил, что она все равно прибежит к нему рано или поздно. Проснувшись, она обнаружила, что это всего лишь сон, и у нее как гора свалилась с плеч. Вздохнув, она снова погрузилась в сон. На третий день, когда они шагали по дороге, страдая от неимоверной духоты, девушка вдруг спросила Антрига:

— И что, твое волшебство тоже пострадало, как и волшебство Кериса?

— Я давно почувствовал это, — признался расстрига-кудесник, доставая из своих бездонных карманов три больших яблока и бросая по одному своим спутникам, — но не все ушло из меня вместе с надеждами. Понимаете ли, у помешательства, оказывается, есть и хорошие стороны!

— Так ты хочешь сказать, что волшебство зависит от… от надежды, от веры? — недоверчиво спросила Джоанна. — Я вот сама почувствовала, как из меня вышли все надежды… Я словно осталась у разбитого корыта!

Несколько мгновений Антриг, удивленно подняв брови, смотрел на девушку — очевидно, он не ожидал, что она так быстро поймет, что он имел в виду.

— Да, — сказал он тихо, — от надежды… От веры в жизнь. Мы слепо, как новорожденные котята, движемся от секунды к секунде, от минуты к минуте, не понимая, что это и есть наша жизнь, что второй точно такой же секунды не будет! А надежда и волшебство взаимосвязаны в человеческой душе! Я даже могу сказать больше — и надежда, и волшебство — это что-то вроде умопомешательства!

— У помешательства действительно есть свои преимущества! — заговорил молчавший до сих пор Керис,

засовывая пистолет за пояс. — Иногда такой человек начинает доискиваться до сути вещей, которые обычных людей просто не интересуют из-за своей обыденности! Вот Антриг считается помешанным, но в отличие от нормальных волшебников он не потерял своей силы!

— А это и в самом деле удобно, не правда ли? — польщенно улыбнулся Виндроуз, швыряя огрызок яблока в придорожную канаву. — Ведь этого наверняка никто и предугадать не мог! И вот что вышло!

Керис и Джоанна невольно улыбнулись.

— Но вот что не дает мне покоя все это время, — продолжал кудесник после минутного молчания, — или, точнее, даже целый сноп таких загадок. Во-первых, почему это происходит везде? Я вот вдруг подумал о детях на фабрике — что-то словно отнимает у них осторожность, заставляет их не думать об опасности… Я думаю…

Мысль Антрига о неосторожности людей вообще и детей в частности ужаснула Джоанну — ведь сама она жила в мире, где даже простым нажатием не той кнопки можно было натворить великих бед.

— Вот смотри, — сказала она Виндроузу, — стоит мне на своей работе что-то недосмотреть, как в программах и в производственной документации будет просто море ошибок!

— В документации?

Джоанна задумалась, соображая, как бы лучше пояснить собеседникам, что такое компьютеры и программы к ним, что такое документация. Ведь они даже об электричестве имели самое примитивное представление — электричеством в их понятии могла быть только молния. Но ведь волшебник, в конце концов, — они сами сказали — на то и волшебник, чтобы интересоваться всем на свете, даже самым невероятным. И на протяжении нескольких миль девушка как можно более доходчиво объясняла, что такое программирование, рассказывала о языках программирования, о винчестерах, дисплеях и клавиатуре, компьютерной памяти и тому подобном. Налетали порывы ветра, день клонился к закату, но она ничего не замечала, погруженная в привычный и такой уютный мир компьютерной техники.

— Так, говоришь, эти твои… компьютеры… они даже думать умеют? — спросил Керис с сомнением в голосе. Послушник уже больше не следил за Антригом, не следовал постоянно за его спиной с пистолетом наготове.

Джоанна покачала головой.

— Компьютеры, — снова пустилась в объяснения она, —

могут только программироваться, чтобы совершать кое-какие мыслительные операции. Одна операция сменяет другую. Полученный результат используется для совершения другой операции, и наконец получаются нужные данные. Теперь тебе все понятно?

Керис явно ничего не понял. Антриг же высказал свое суждение так:

— Значит, компьютеры подобны музыкальным шкатулкам! Там тоже все зависит от человека — повернет ли он ключ или не повернет! И еще — специальное колесико регулирует, какую именно мелодию нужно играть!

— Но компьютеры действуют в тысячи раз быстрее! — заверила его девушка. — Они совершают в секунду столько операций, сколько простому человеку или вашей хваленой музыкальной шкатулке не под силу! Компьютер действует так же быстро, как мысли сменяют друг друга! Но обычно компьютеры делают только то и думают только о том, что мы им приказываем! А мысли в голове могут проноситься какие угодно и в любом порядке! И получается, что это одновременно и достоинство, и недостаток компьютера! Если ты вдруг допустил какую-то ошибку, даже самую незначительную, они часами могут выдавать тебе на экран разную чушь, не имеющую никакого смысла! Бывает так, что они запросто выдают кому попало строжайшие государственные тайны. Они даже могут помочь тебе совершить кражу, если только тебе известен нужный код, то есть ключевое слово или цифра. А уж если кто-то разбирается в компьютерах, то ему иногда ничего не стоит узнать этот код!

— Красть помогают? — Керис еще сильнее нахмурился. Уже начинало темнеть, и послушник с беспокойством оглядывался по сторонам. Керис на ходу сумел даже побриться, причесаться. Единственное, что ему теперь было нужно, — выспаться, поскольку круги от усталости под его глазами стали напоминать синяки. Джоанна задумалась вдруг, спал ли он, когда они на исходе первого спокойного дня заночевали в стогу. Вряд ли он спал — наверняка все продолжал караулить несчастного Антрига, который и не помышлял о бегстве!

— А я-то подумал, что эти компьютеры — простые коробки, которые стоят и не движутся, — протянул Керис.

— А им вовсе и не нужно двигаться, — пожала плечами девушка, — все остальное делается при помощи обычного телефона! Как и все в нашем мире! Вот у меня в Сан-Серано есть друг, который сумел по телефону проникнуть через автоответчик в компьютер и получить нужную информацию! И это несмотря на степень защиты! Я даже подозреваю, что он добрался до

компьютеров некоторых компаний, которые используют аналогичные программы! И если случается нечто такое, то сидишь часами и просматриваешь все файлы, прежде чем догадаешься, что именно помогло злоумышленнику! И изъян обязательно нужно устранить — чтобы начальство осталось довольно, иначе на тебя могут свалить вообще все промахи! Так и с работы можно вылететь с волчьим билетом! А уж если из компьютера вытащили какие-то данные, то их там вообще больше не будет, как будто никогда и не было! И это тоже нужно не проглядеть! Так что всегда требуется повышенная внимательность! Мой друг Гэри тоже часто ломает голову над этими ухищрениями!

— Но у злоумышленников отсутствует даже храбрость обычного вора, который куда-то лезет! Ведь он знает, что его все равно не поймают! — заметил Керис. В нем явно говорило воспитываемое годами презрение к трусам.

Джоанна согласилась с этим. Путешественники на время сошли с дороги, чтобы пропустить пастуха с его стадом. Проходя, овцы и коровы подняли облако пыли, которое еще долго не оседало.

— Но компании заранее включают в свои бюджеты расходы на компенсацию ущерба от компьютерного пиратства, так что они не очень страдают! — продолжала рассказывать девушка, но спутники ее вряд ли поняли, что она хотела донести до них этими словами.

— Но Гэри-то наверняка теряет! — возразил Антриг, прекращая созерцание удаляющегося стада. — Он и время теряет. Трудно все-таки защищаться от такого варварства! Внимания нужно даже больше, чем обычному сторожу!

— Гэри, — отпарировала Джоанна, — как раз за это и получает деньги. А все расходы, как водится, несет организация!

Уже позднее, вспоминая об этих нескольких днях пути из Кимила, она поражалась той легкости, с которой смогла найти общий язык со своими похитителем и освободителем. Ведь она всегда испытывала к мужчинам глубочайшее недоверие — она знала, что мужчины обычно рассматривают женщин как инструмент удовлетворения своих потребностей, не больше. Но эти двое обращались с нею как с равной. Керис, возможно, в большей степени потому, что он все продолжал наблюдать за Антригом, а Антриг — из-за своей сосредоточенности на поставленной цели.

— Я не знаю, что у него на уме, — признался Керис, когда они устраивались на ночь в конюшне постоялого двора, — ведь он при желании мог бы уже давно удрать от меня! — Керис снова

принялся сосредоточенно скрести щеки бритвой. Затем он с яростным фырканьем окатил себя водой из ведра и встряхнулся, точно собака после купания. Прошлой ночью Антриг в самом деле мог убежать — Керис задремал, не удержался. Но велико же было его изумление, когда он, с ужасом очнувшись, увидел отставного члена Совета Кудесников спящим как ни в чем не бывало! Потом Керис, дав себе слово не спать, задремал снова, и поутру был разбужен Виндроузом. Внук архимага вообще едва не лишился дара речи.

Тогда Джоанна не смогла сдержать улыбки.

— Антриг не убежал от нас потому, что не хотел остаться без завтрака! — сообщила она Керису с серьезным видом. — Он себя еще покажет!

Но Керис как-то хмуро посмотрел на нее, и девушке сразу стало ясно, что шутки тут не слишком уместны.

— Просто он по своим причинам тоже хочет добраться до города Ангельской Руки, — пояснил внук архимага. Они уже заканчивали ужин — на сей раз Бог послал им каравай ржаного хлеба, овечий сыр и огурцы. Керис продолжал: — Довольно легко поверить в его невиновность! В жизни случаются самые невероятные вещи! Но, Джоанна, тебя-то он принес сюда по какой-то только ему известной причине. Возможно, он не убегает именно потому, что не хочет тебя потерять!

Поутру, когда они проснулись, их уже ждал свежий хлеб, принесенный от хозяев Антригом. Вообще-то они уже давно истратили деньги, взятые Виндроузом в Доме волшебников, тем более что там их было не слишком много. А средства на еду зарабатывал все тот же Антриг — он предсказывал судьбу платежеспособным людям, которым не терпелось узнать, что ждет их в будущем. Кериса этот промысел почему-то особенно раздражал, хотя он кормился только благодаря ему.

— Госпожа Розамунда все-таки была права, — с горечью сказал послушник, глядя, как Антриг вдалеке что-то бормочет торговцу, глядя на его широкую ладонь, — и в самом деле, шарлатанство!

Пусть хоть шарлатан, подумала Джоанна, ведь результат-то его деятельности налицо — они имеют возможность неплохо поужинать. Странно только, что Керису не пришла в голову такая простая мысль.

День выдался очень трудный. Хотя девушка уже стала привыкать к тому, что они все светлое время суток проводят в пути, усталость каждый вечер напоминала о себе ломотой в ногах и спине. Лицо, плечи и руки ее обгорели на ярком солнце. А последние две ночи спать пришлось в стогах — Джоанна только

мысленно поблагодарила Бога, что не страдает сенной лихорадкой. Впрочем, в книгах и фильмах героини тоже не имели аллергий. Хотя на холмах Сикерста не было никаких селений и там бродили только пастухи со своими стадами, дорога была очень оживленной — в направлении Кимила двигались груженные глиной повозки, доставляя сырье многочисленным гончарным мастерским, в том же направлении продвигались громоздкие крестьянские фуры с провизией для рынка. Иногда, бренча медными частями и стеклами, проносилась почтовая коляска-дилижанс с пассажирами — женами зажиточных крестьян, торговцами, чиновниками и людьми неопределенного рода занятий. Иногда путешественников обгоняли кареты знати. Такие экипажи обычно неслись во весь опор — господам было явно некогда.

Один раз им пришлось сойти с дороги и отойти подальше, на холмы — там двигался отряд послушников Церкви. Воины, закутанные в черные с золотым шитьем одежды, выглядели каменно-сосредоточенными. Когда воины прошли и беглецы снова выбрались на дорогу, Керис сказал:

— Нет, это не церковники, это воины принца-регента!

— И что тебя удивляет? — спросил Антриг, отряхивая пыль с одежды. Вскоре они сделали остановку в небольшой березовой роще. Холмы стали постепенно уступать место равнине — все это говорило о том, что они приближаются к городу Ангельской Руки. — Принц-регент всегда ненавидел чародеев! — продолжал Виндроуз. — Так что нет ничего удивительного в том, что он отрядил своих воинов, чтобы они присоединились к охоте на нас! В конце концов, такое случается не часто!

Губы Кериса изогнулись в гримасе, а рука непроизвольно нашарила под плащом пистолет. Дальше по дороге молодой крестьянин и его жена тщетно пытались выгнать из придорожной канавы своего осла, которого они согнали туда, чтобы дать дорогу имперским воинам. Джоанна поняла, что власть в этой стране пользовалась действительно большим авторитетом.

Сидя теперь у стены здания государственной почты, девушка наблюдала, как Антриг неподвижным взором уставился в чашку с чаем. Неровный свет подвешенной к потолку стеклянной лампы отбрасывал причудливые отблески на чародея и сидевшую возле него женщину. Антриг предсказывал, что ждет ее в будущем. Его слушали и другие люди, которым случилось оказаться в полутемном зале в этот час. Джоанна не слышала, что Антриг говорил женщине, зато отлично слышала слова и смех рослого мужчины, явно мужа той женщины, который говорил:

— Ну, Эмми, признайся, что ты не веришь всей этой чепухе?

— Это не чепуха! — женщина выхватила чашку из рук Антрига и уставилась в нее, как будто хотела в расположении чаинок углядеть и понять, что же с ней будет.

Какой-то человек, судя по одежде — крестьянин, стал рассказывать случайным собеседникам:

— Я вот тоже пошел как-то к одному предсказателю…

— Да ну? — поддразнила его румяная девушка. — Уж не за приворотным ли зельем?

Рассказчик сразу же залился краской смущения.

— Хаживал я и за этим, — признался он и тут же ухмыльнулся, показывая желтые зубы, — но зато готов поклясться, что потом та деваха не смотрела ни на кого, кроме меня!

— Может быть, потому, что другие просто не ходили к волшебнику? — предположил Антриг под всеобщий хохот.

— Может, кто-то потом и болтал нечто подобное!

— А вот Сураклин… — начал какой-то незаметный человечек, одетый в изношенные до дыр одежды. По виду это был типичный мелкий чиновник.

Муж Эмми усмехнулся:

— А мне кажется, что этот Сураклин был просто ловким пройдохой! Там, где он ничего не мог сделать подкупом или угрозами, он использовал яд! Он просто умел пользоваться обстановкой, и потому его окрестили волшебником! Ведь многие его противники погибли, упав с лестницы или в колодец, кто-то ослеп, кто-то просто умер! Меня никто не убедит, что это нельзя сделать без помощи волшебства!

— Но именно в этом, в отсутствии доказательств, — сказал Антриг, приближаясь с двумя кружками пива к Джоанне, — как раз и заключалась его сила! Ведь в большинстве своем люди не верили в то, что он обладает волшебной силой, а не ждущих опасности и потому беспечных легче подчинить своей воле!

— Ты прав! — воскликнула Джоанна, глядя на Виндроуза в неярком свете лампы.

Антриг присел на скамью возле девушки. Кериса с ними не было — он ушел спать.

Окна обеденного зала почты были раскрыты, чтобы прохлада ночи хоть как-то освежила людей. Но свежего воздуха почему-то все равно было мало. В довершение всего вокруг лампы вилось целое облако комаров и мотыльков. Иногда комары выбирали себе какую-нибудь жертву, и тотчас же раздавался звучный шлепок и замысловатое ругательство. Но даже это не огорчало Джоанну — ведь пока что в этом параллельном мире с нею не случилось ничего ужасного.

— Часто бывает так, — нарушил тишину Виндроуз, — что люди именно на это и рассчитывают!

— Что? — встрепенулась Джоанна, отвлекаясь от своих раздумий.

— Ну вот вы с Керисом подумали, что ваша проблема заключается в вас самих. Так же точно может подумать любой из сидящих тут, — и широким жестом отставной член Совета Кудесников обвел присутствующих, — может быть, это еще одно преимущество человека перед остальными существами. Мы чувствуем, но можем еще и обдумать, как вести себя. Зато у животных никогда не возникает проблема выбора — инстинкт сразу подсказывает им, что нужно делать в той или иной ситуации!

Джоанна некоторое время безмолвно смотрела на Антрига, а затем тихо спросила:

— Послушай, а ты и в самом деле сумасшедший? Многие говорят это, но я пока что не видела, чтобы ты совершил нечто безумное!

— И в самом деле не видела? — Глаза чародея странно блеснули. — Все знатоки твердят об этом вот уже двадцать пять лет. А я просто всегда был несдержан! Сураклин называл меня легкомысленным, хотя я, честно говоря, не отношу постоянство к достоинствам человеческого характера. Я и сам постепенно поверил в то, что я безумен. Однако я всегда старался делать то, чего требовал от меня учитель. Но…

И Джоанна в первый раз услышала, как о Темном Волшебнике говорили не со страхом и ненавистью, а как об обычном человеке. Любопытство все сильнее одолевало ее.

— Скажи, — поинтересовалась она, — ты его любил?

Антриг повернул голову, глядя на девушку как-то странно:

— О да! Вообще-то я занимал промежуточное положение между рабом и сыном. Все началось с того времени, как мне исполнилось девять лет и я почувствовал, что во мне есть волшебная сила. Вообще-то волшебные силы я почувствовал в себе очень рано. Когда я пришел к Сураклину, я думал, что он просто подчинит меня своей воле, поскольку мне трудно было привыкнуть к послушанию. Но я привык… Я был предан ему, я был готов исполнить любое его пожелание, — теперь глаза Виндроуза были устремлены в окно, но он видел не темноту ночи, а давние события.

— Но что в конце концов отвратило тебя от него? — тотчас спросила девушка.

— Я никогда не отказывался от него! — резко сказал чародей. — Никогда! — Он откинулся назад, прислоняясь к грубо

побеленной печке. — Я бежал от него однажды и спрятался, но чувствовал и знал, что он разыскивает меня! Даже тогда, когда годы спустя Солтерис разыскал меня и сказал, что Сураклина больше нет… Мне говорили, что он умел воздействовать на людей, подчиняя их своей воле. Но я все равно его любил! Может быть, потому все и обернулось так трагически…

Джоанна ни о чем больше не спрашивала. Она думала — А она в своей жизни любила кого-нибудь?

— Он хорошо к тебе относился? — даже самой девушке этот вопрос показался глупым. Возможно, она задала его, чтобы только не молчать.

По лицу Антрига пробежала какая-то неуловимая тень.

— Не совсем так, — признался расстрига-кудесник, — люди с таким характером обычно очень властны. А его самомнение росло с каждым годом! Даже когда я отлучался, убегая на холмы, чтобы побыть наедине с самим собой, он воспринимал это как непочтение к себе!

Эмми и ее муж поднимались по скрипучей лестнице наверх — спать. Обтрепанный и незаметный чиновник заказал хозяину последнюю кружку пива. Людей в зале становилось все меньше и меньше. Какой-то здоровяк позвал Антрига к себе — видимо, и ему тоже не терпелось узнать, что ждет его в будущем. Чародей улыбнулся Джоанне.

— Смешно получается, — промолвил он, — стоит только кому-нибудь узнать, что ты имеешь отношение к волшебству, как тебя наперебой начинают упрашивать предсказать им будущее. Как будто это им чем-то может помочь! Может, они думают, что последующими молитвами Богу смогут упросить его избавить их от каких-то известных трудностей? — Антриг поставил на стол опустошенную пивную кружку и поднялся со скамейки. Джоанна тоже встала — от долгого сидения у нее затекли ноги.

Вдруг, глядя на Виндроуза, она вспомнила свои собственные страхи в Сан-Серано — тогда ей даже казалось, что она находится на грани сумасшествия. Интересно, не чувствовала ли она себя также, как и этот загадочный человек, по чьей воле она оказалась тут, который дважды пытался ее удавить и который мог отправить ее обратно, в ее привычный мир компьютеров и радиотелефонов? Тут она спросила:

— Скажи, Антриг, а ты сам когда-нибудь молился Богу? Просил, чтобы он избавил тебя от трудностей? Хоть раз?

— Ах, частенько бывало! — беззаботно отозвался тот, больше самому себе, даже не глядя на собеседницу. — Да, часто! Послушай, может быть, ты хочешь, чтобы я и тебе предсказал судьбу?

Джоанна не ответила, она вдруг поняла, что маг сумел околдовать и ее. Вдруг по булыжному покрытию двора застучали копыта, потом послышались крики. Антриг мгновенно повернулся к двери, но было уже поздно — один из воинов-послушников заскочил в помещение, за ним — еще несколько.

На этих воинах было обмундирование черного цвета с золотым шитьем — знак того, что они принадлежали к отряду принца-регента. Золотое шитье загадочно поблескивало в тусклом свете ламп. Затем снова раздался стук чего-то по брусчатке — и девушка поняла, что сюда же подъехала карета. Снаружи у задней двери тоже послышались голоса. Джоанна как раз остановилась на полпути к двери, куда она кинулась было, повинуясь инстинкту самосохранения. Вдруг она встала как вкопанная — Антрига рядом с ней не было! Но тут она заметила чародея — он, чтобы не привлекать внимания и не возбуждать криком подозрений, отодвинулся в самую тень, которую отбрасывала печь, примыкавшая к стене. На мгновенье их взгляды встретились — и девушка поняла, что Виндроуз всеми силами заклинает ее хранить спокойствие.

Вдруг одетая в перчатку рука схватила ее за запястье — хватка была, словно железная. Резко повернувшись, Джоанна увидела, что перед ней громадного роста женщина с искаженным от злобы лицом. Она тоже была одета в мундир гвардейца. Тут задняя дверь распахнулась, через нее в помещение гурьбой ввалилась солдаты, их сменили облаченные в красные ливреи люди — видимо, слуги. А потом вошел человек, осанка и надменное выражение лица которого говорили о том, что это наверняка и есть тот самый принц.

— Она пыталась удрать через заднюю дверь! — сказала женщина, поймавшая Джоанну.

Голубые глаза принца блеснули стальным огоньком.

— Она и в самом деле пыталась убежать? — холодно поинтересовался он. Постояльцы, досидевшие до этой минуты за столами, словно застыли под его ледяным взглядом. В воздухе повисла зловещая тишина, слышно было, как гудели комары.

— Ну так, дитя мое, — обратился принц к Джоанне, — у вас, наверное, не слишком чиста совесть? Или лишь безграничная скромность мешает вам предстать, как говорят придворные, перед моими светлыми очами?

Девушка инстинктивно рванулась в сторону, но ретивая женщина-воин снова перехватила ее. Черный бархат облачения принца был столь обильно расшит золотом, что даже в скупом свете дешевой лампы принц сиял и переливался, словно рождественская елка. Но это великолепие не могло скрыть

истины — когда принц слегка приподнял ее подбородок белой маленькой рукой, влажной от пота, Джоанна заметила, что кожа на его лице дряблая, под слоем пудры угадывался нездоровый матовый оттенок, какой бывает у людей, много времени проводящих в закрытых помещениях. Волосы были зачесаны и даже посыпаны чем-то вроде золотистой пудры, но они были жидкими и явно ломкими. Запудренные придворными косметистами круги под глазами указывали не только на то, что этому человеку уже давно за тридцать, но и на то, что его мучает бессонница. Даже губы у этого человека были накрашены — но помада все равно не смогла скрыть того, что принц часто кусал их, возможно, до крови. Что-то его заставляло это делать! Так что совесть была нечиста не только у Джоанны!

Если бы в ее мире на улице или в любом другом общественном месте появился человек таких лет и со слоем косметики на лице, он несомненно вызвал бы нездоровый интерес. Одни его глаза чего стоили — глаза или сумасшедшего, или наркомана, которому уже все равно.

И тут девушка почувствовала, что ее начинает сотрясать дрожь.

Вдруг принц сжал подбородок Джоанны своими холодными и скользкими от пота пальцами.

— Отвечай, дитя мое! — сказал он, окидывая ее новым взглядом, полным холодного безразличия. Принц выжидательно уставился на нее — он знал, что рано или поздно все равно получит ответ на свой вопрос.

Джоанна чувствовала, как по ее спине ручьем льет холодный пот. Наконец она разомкнула ставшие такими непослушными губы:

— Я вовсе не пыталась бежать от вас, ваше… — она силилась вспомнить, как же нужно обращаться к принцам, — ваше… э-э-э… высочество! Поверьте, не пыталась! То есть я действительно бежала, но не от вас! Просто я тут кое с кем поссорилась, вот и все! Я не хотела больше оставаться в одной комнате с этим человеком! — Конечно, это была не слишком убедительная отговорка, она это и сама отлично понимала, но это было лучшее, что могла создать ее фантазия за столь короткий срок. Кто-то из воинов прыснул, показывая, что отговорка и в самом деле гроша ломаного не стоит. Принц улыбнулся и скользнул рукой по ее шее.

— Ссориться? С такой очаровательной девушкой, как вы? Как гнусно со стороны вашего обидчика!

Инстинктивно она отпрянула назад, стараясь избежать прикосновения этой холодной руки, но принц схватил ее за

одежду, не давая отойти дальше. Джоанна вдруг подумала, большой ли будет скандал, если она возьмет да и ударит его как следует, чтобы не распускал руки. Вдруг случилось непредвиденное — Антриг поднялся с места и отчетливо проговорил:

— Фарос, отпусти женщину, ты ведь все равно, кажется, их не слишком любишь?

Все застыли, как завороженные. Первым опомнился принц — он отшвырнул Джоанну в сторону. Он так и кипел яростью! Шелестя бархатным облачением и позвякивая многочисленными драгоценными украшениями, принц рванулся туда, где два дюжих воина уже схватили Виндроуза за руки. Про Джоанну все словно забыли, и она просто отступила в тень большого дубового шкафа. Да, Антриг спас ее, он давал ей шанс убежать. Но девушка знала, что этим шансом она все равно не воспользуется.

Все это происходило в глубокой тишине, и потому даже сказанные вполголоса принцем три слова — «как ты смеешь…» — прозвучали, словно выстрел.

Воины еще крепче вцепились в Антрига, но тот и не думал сопротивляться. Однако можно было понять, что он сейчас чувствует, — по его лицу струился пот. Принц, посмотрев на Антрига полным ненависти взглядом, вдруг сделал неожиданное — снял с него очки! Очки тут же с силой ударились в камень печи, брызнув в разные стороны осколками стекла. Затем Фарос вытянул в сторону руку, и подбежавший слуга в красной ливрее с готовностью вложил в нее плеть.

Все, находившиеся в этой просторной комнате, буквально затаили дыхание.

И тут принц ударил — явно с удовольствием, с садистским удовольствием — по лицу беззащитной жертвы. Каждый раз во время удара он удовлетворенно крякал. В это кряканье и удары он вкладывал всю накопившуюся у него злобу неизвестно на кого, на свою человеческую и мужскую неполноценность. Заглянув на мгновенье в глаза принца, Джоанна поняла, что он будет бить до тех пор, пока силы не оставят его или не пройдет вспышка бешенства, причем второе было маловероятно. Вдруг по лицу Антрига потекла кровь, которой лампа сразу же придала рубиновый оттенок. И вдруг девушку пронзила мысль:

— Ты должна бежать… Ведь он специально не оказывает сопротивления, чтобы ты могла спастись! — И она действительно сделала шаг, но только шаг этот был не к свободной задней двери, а вперед…

Третьего удара не случилось. Едва занеся руку с плетью для размаха, принц вдруг осел и икнул словно от удара ногой в

живот. Плеть отлетела в сторону и с глухим стуком ударилась о печь. Один из державших Антрига воинов выпустил руку чародея, бросившись к своему повелителю, чтобы не дать ему свалиться на грязный, заплеванный пол. Его примеру последовали другие воины и слуги. Сразу возникла сумятица — каждый челядинец хотел первым подхватить господина. Один из воинов продолжал держать Антрига за руку. И вдруг Виндроуз сказал солдату:

— Быстрее неси сюда ушат! Сейчас ему будет плохо! — И воин, скорее по привычке, повинуясь начальственному тону, рванулся в кухню, сразу же загремев стоявшей там утварью.

Антриг, вытащив из кармана запасные очки и водрузив их на нос, быстро прошел по комнате — паника была ему только на руку.

— Быстрее пошли отсюда! — тихо сказал он Джоанне, хватая ее за руку, — надо спешить! — Через неохраняемую больше заднюю дверь они вышли во двор, залитый лунным светом.

— Что ты сделал?

— Сильная головная боль! Психопаты вообще часто страдают от нее!

Беглецы заскочили в конюшню, глаза испуганных шумом лошадей мерцали зеленоватым светом. Одолев половину лестницы, ведущей на сеновал, Антриг зашептал:

— Керис! Керис! Где ты там?

— Я тут!

Джоанна буквально подпрыгнула от испуга — Керис был не на сеновале, а в одном из пустых стойл! Антриг мгновенно спрыгнул с лестницы — было понятно, что он отлично владеет собой в критических ситуациях.

Керис был вооружен — не только пистолетом. В руке он сжимал меч. Видимо, шум в доме донесся и до его ушей. Он подготовился не только к сражению, но и к отходу — сумка с их небогатыми пожитками была приторочена к спине послушника. Джоанна вдруг подумала, что он наверняка подготовился уже в тот момент, когда воины принца въезжали во двор.

— Это и был регент? — шепотом поинтересовалась Джоанна, пока Антриг уводил их от постоялого двора по руслу обмелевшего за лето ручья. Позади них уже раздавались крики — пленников хватились. Антриг кивнул.

— Он вдруг пристал к нашей Джоанне, — сообщил Виндроуз Керису, — возможно, даже если бы она и не направилась к задней двери, он все равно привязался бы к ней! Впрочем, даже если бы она все-таки выскользнула за дверь, она не ушла бы далеко — откуда ей было знать, что воины заблаговременно окружили постоялый двор, конюшни и почту? Принц подозревает всех и во

всем. Император только формально считается правителем, на самом деле всем заправляет Фарос! В его руках сосредоточена власть в стране! Я боюсь только, что он узнал меня, когда стащил с меня очки! — Остановившись, отставной кудесник прислушался и через мгновенье сказал с облегчением: — Фу, хоть сейчас вроде не гонятся!

Они взошли на холм, и Джоанна, обернувшись, заметила огоньки постоялого двора. Там же были и движущиеся огоньки — это были люди с факелами, но в их сторону они не направлялись.

— Они что же, не организуют погоню? — недоверчиво спросила девушка.

— Пока нет! Ну-ка, посмотрите туда! — По дороге, что вилась у подножия холма, по направлению к Кимилу скакал всадник. Вдали, уже в сторону Парчестена, мчался другой гонец. Экс-кудесник продолжал: — Теперь нам следует уйти отсюда как можно дальше и так быстро как это вообще возможно. И вообще, теперь нужно держаться подальше от дорог!

— Ничего не понимаю, — сказал Керис, карабкаясь выше. Джоанна последовала за ним, проклиная средневековую моду, которая обязывала женщин носить столь тяжелые и длинные платья, — но почему же они не преследуют нас сейчас?

— Потому что Фарос наверняка подозревает, что здесь какая-то ловушка! Возможно, он думает, что мы специально решили заманить его людей подальше, чтобы уже в здании постоялого двора напасть на его драгоценную августейшую особу! Я даже подозреваю, что это епископ подняла его в дорогу, сообщив, что волшебники устроили заговор, а она этот заговор вовремя раскрыла! Так что он даже думает, наверное, что волшебники охотятся за ним по всей Империи!

— Надо же, я так и думала! — воскликнула Джоанна. — Как раз с того самого момента, когда ты так грубо обратил на себя его внимание. А он мог узнать тебя без очков?

— Да, мог!

Тем временем Джоанна достала из своего необъятного кошеля флакончик лосьона и, смочив тряпочку пахучей жидкостью, тщательно протерла пораненное лицо чародея. Тем временем Антриг продолжал:

— Вообще-то волшебники очков не носят. Ведь еще с детства, открыв в себе магический дар волшебников, мы начинаем излечивать себя от разных недугов! Просто мои глаза стали хуже видеть от беспрестанного сидения в Башне! При тамошнем освещении можно ослепнуть! Если бы не мой с волшебный дар, я вообще бы ничего не видел! Как какой-нибудь крот! И был бы слепым с десятилетнего возраста.

Тут он замолчал и оглянулся. Увидеть их со стороны постоялого двора теперь было никак не возможно, но даже Джоанна слышала какой-то неясный шум — погоню без сомнения, все-таки организовали.

— К утру он наверняка получит подкрепление из Кимила и города Ангельской Руки, — сказал Антриг, — и тогда они начнут прочесывать округу. Хорошо еще, что я неплохо знаю эту местность!

— Ну, это само собой разумеется, — буркнул Керис, — ты все-таки ученик Сураклина!

— Возможно! — миролюбиво отозвался Антриг. — Но только что касается предсказания судьбы, то этим может заниматься кто угодно! Джоанна, осторожно, откос скользкий!

Девушка, балансируя руками, осторожно спускалась вниз. Керис и Антриг поддерживали ее, не давая поскользнуться.

Наконец Керис не выдержал:

— Джоанна, Антриг притащил тебя в этот мир! Ты зачем-то понадобилась ему! Так что можешь быть спокойна — он будет тебя защищать и охранять от всех невзгод и напастей!

Виндроуз улыбнулся, и его зубы сверкнули в темноте.

— Ну, Керис, — протянул он, — ты снова за свое! — И, больше ничего не говоря, отставной кудесник стал спускаться дальше.

Они спасались бегством, стараясь отойти как можно дальше от опасного места, подобно лисам. Вскоре Джоанна опять почувствовала, что выбивается из сил. Они двигались огромными зигзагами, чтобы запутать следы. Антриг вел их в Глидден — так называлась равнинная местность, заросшая, как заверили девушку спутники, густейшими лесами. Там были и деревни, в которых можно найти надежное убежище. Там они не пропадут! Джоанне казалось, что она так и умрет в пути — тело ее ломило от усталости, ноги уже не ощущали боли. Но она не жаловалась и продолжала шагать вперед — ей было стыдно сознавать, что она и без того задерживает своих товарищей, снижает скорость их продвижения. А потерять их никак было нельзя — если она останется одна, то ей уже в любом случае не суждено будет вернуться назад. Они шли и днем, и ночью, останавливаясь, чтобы поспать, только под утро. Но даже спать приходилось чутко, улавливая каждый посторонний или необычный звук.

И как-то поутру Джоанна снова почувствовала уже знакомое странное ощущение пустоты — ей казалось, что из ее души вытекла последняя энергия, последняя сила, которая там еще оставалась. В отчаянии она подумала даже, что можно попытаться уйти от Кериса и этого безумного мага и добраться до дома

самостоятельно. Хорошо еще, что благоразумие тогда возобладало. К тому же всякий раз, когда она вспоминала потные пальцы принца-регента и холодный голос Костолома, у нее сразу открывалось второе дыхание, и желание идти вперед разгоралось с новой силой. Они теперь продвигались равниной. Местность была почти вся распахана. Чувствуя порой слабость, беглецы вдруг понимали, что это странное ощущение испытывают не только они — в такие минуты и работавшие на полях крестьяне ссорились и бранились по самым ничтожным поводам. То кого-то вдруг не устраивал испокон веков стоящий межевой камень, то кто-то начинал обвинять соседа в краже инструментов и так далее. На небе же в это время собирались тучи. В тот день это длилось до самого полудня. Очевидно, подумала Джоанна, тот, кто наслал на них это состояние, уже достиг какой-то своей цели, им неизвестной. Вдруг девушка задумалась о том, какое влияние могла бы оказать эта злая сила на ее собственный мир. Наверняка уличные бандиты и политики, работники атомных электростанций и продавцы, военные и даже министры вели бы себя не так, как обычно. Во всяком случае, не лучше, это уж точно.

На исходе дня они сделали короткий привал — нужно было отдохнуть. Невыносимый зной предвещал сильную грозу. Антриг сначала собирал какие-то травы, а потом, свернув свой плащ и положив на него голову, забылся тревожным сном. Керис примостился рядом, прислонившись спиной к стволу дерева. Когда Джоанна вернулась от ручья, где она позволила себе немного поплескаться, Керис уже тоже спал как убитый. Послушник никогда не жаловался на усталость, но ведь и он не был сделан из железа!

Какое-то время девушка молча стояла, глядя на своих попутчиков. Лицо Кериса было покрыто пылью и цветочной пыльцой. Спал он неспокойно, моргая во сне. Зато Антриг….

Виндроуз покрыл свое лицо смесью из измельченных во рту трав — он хотел излечить следы удара плети принца-регента. На лицо его было страшно смотреть. Вообще-то Джоанна не выносила вида страшных ран и страданий, но в этот раз, как ни странно она никак не реагировала на раны мага — видимо, превратности путешествия закалили ее не только физически, но и морально. Единственное, что она сейчас ощущала, — это сострадание к чародею, ведь он наверняка испытывал нешуточную боль. Да и плетью по лицу он получил по ее вине, это она навлекла на себя гнев регента.

Но тот или то, что непонятно для чего похищает девушек, не заслуживает сочувствия. А действительно ли она попала сюда по

вине Антрига?

Но тут Джоанна напомнила себе, что этот полубезумец знает куда больше, чем говорит. Да и в город Ангельской Руки он направляется по какой-то своей причине, которую ни за что не желает объяснить ни ей, ни Керису. Она отлично понимала, что, несмотря на свою кажущуюся болтливость и желание рассказать девушке об Империи и ее природе, населении и культуре, Виндроуз ни словом не обмолвился о местечке возле Кимила, где Керис впервые обнаружил ее. И тот же Керис догадался, что Антриг просто уводит их подальше от того места, где они встретились. Значит, он просто боялся, что внук архимага, обследуя это место повнимательнее, что-нибудь там обнаружит? «Могло ли быть такое?» — думала Джоанна, глядя на спящего кудесника.

Вздохнув, девушка подошла к Керису и осторожно вытащила из его руки пистолет, который парень сжимал даже во сне. Послушник не шелохнулся, только его дыхание участилось. Как сильно он утомился! Джоанна порадовалась, что была достаточно осторожна, чтобы не разбудить парня. И тут девушка подумала, что может не спать, а посидеть просто так, подумать, посторожить. К тому же у нее давно не было возможности побыть наедине с собой. Подобрав длинный подол платья, к которому она уже стала привыкать, Джоанна села на землю. Где-то неподалеку журчал ручеек. Джоанна, взглянув на небо, по которому плыли пухлые облака, со вздохом поглядела на Антрига, который спал совсем как ребенок, несмотря на то, что в отличие от ребенка жизненного опыта ему было не занимать.

А почему он тогда сказал Дигби: «…Чтобы спасти мой мир… и ваш тоже… от ужасной судьбы»? Что он подразумевал под этой судьбой?

Может быть, пустоту, которая оставалась после ухода жизненной энергии?

Или Промышленный Переворот, который затягивал и этих людей, подобно стремительному горному потоку?

Или нечто иное, что подсказывал ему полубольной рассудок?

Но что?

Вдруг где-то сбоку, в пойме ручья, в воздух поднялась стая испуганных птиц, а следом послышалось лошадиное фырканье.

Джоанна почувствовала, как внутри у нее все похолодело.

Стараясь не шуметь и не шелестеть травой, девушка, продолжая сжимать пистолет, легла на траву, надеясь, что ее не заметят. К тому же путники благоразумно расположились под ивой, а ее ветви спускались почти до земли. Но больше никаких звуков не было. Джоанна не стерпела — она по-пластунски

поползла к берегу. Колючие кусты ежевики царапали ей руки. Она молила Бога, чтобы случайно не заползти в заросли сумаха. Наконец она увидела виновника беспокойства — это был одетый в черное воин-послушник. Нашитая на одежду красная эмблема выдавала его принадлежность к Церкви. Начинающее медленно заходить солнце светило девушке прямо в глаза, поэтому она не могла разобрать черт церковника-гвардейца.

Вдруг сзади какой-то голос тихо сказал: «Вон они!».

Повернув голову, стараясь не шелестеть стеблями травы, Джоанна посмотрела туда, откуда слышался голос. Из зарослей кустарника вышел еще один гвардеец, с ним был одетый в серое человек — инквизитор. Послушник вел под уздцы двух лошадей. Они подошли к спящим. Сначала они молча смотрели на них, затем инквизитор пробормотал:

— Это — послушник самого архимага! Три дня назад он удрал из Кимила при помощи волшебных чар. Что бы они ни замышляли, архимаг все равно в этом замешан! Но ничего, теперь Костолом будет доволен!

И инквизитор вытащил из седельной сумки пистолет. Он был уверен, что капкан захлопнулся.

В голове Джоанны вихрем проносились мысли, причем самые противоречивые. «Ты не имеешь к этому никакого отношения! — говорила одна мысль. — Ведь тебя просто похитили! Ты вовсе не собиралась играть в эти их игры!». Затем пошла другая мысль: «Но у этого человека в сером только один пистолет! И ничегошеньки больше!» Инквизитор снова повернулся к лошади, чтобы вынуть из переметных сум что-то еще. Теперь он представлял собой просто идеальную цель! И тут до ее слуха донеслось тоненькое позвякивание цепи. Он еще и свои инструменты сюда захватил!

Ну что, стрелять — так стрелять, — пронзила ее новая мысль. А что, если она промахнется? Боязнь промазать повергла девушку в состояние, близкое к панике.

От волнения кровь стучала у нее в висках. А может, просто лежать здесь, и ее не заметят?

Но могут и заметить!

Послушник направился к берегу ручья, обернувшись назад. Он сказал инквизитору:

— Его высочество тоже будет доволен! — Гвардеец взмахнул рукой — это был условный сигнал. Джоанна тут же услышала плеск воды — второй воин начал на лошади переправляться через ручей.

— Кажется, с ними была какая-то девчонка?

Джоанна особенно остро почувствовала особый, ни с чем не

сравнимый запах цветущей ежевики. Неуловимый, но такой неповторимый. Одновременно рука, начиная неметь, напомнила ей, что она по-прежнему сжимает два фунта металла — все тот же пистолет. Неужели придется пустить его в ход? Но почему, почему именно она должна это делать?

Встав на колени в траве, но все еще продолжая оставаться невидимой, она подняла пистолет на уровень глаз, прицелилась, вздохнула, как всегда делали в таких случаях герои вестернов и выстрелила. Расстояние до цели составляло не более двенадцати футов.

Отдача толкнула ее назад. Ствол пистолета изрыгнул черный дым. Джоанна успела заметить, как инквизитор ничком повалился на землю, его лошадь с громким ржанием встала на дыбы. Тут же повеяло характерным запахом — запахом крови. Керис вскочил, как ужаленный, хватая свой меч, предусмотрительно положенный рядом. Не успела Джоанна понять, что происходит, как внук архимага уже накинулся на послушника Церкви.

Тот воин, что переходил ручей и уже выбрался было на берег, заученным приемом соскочил с лошади и распластался на земле, ожидая новых выстрелов. Тут он увидел Джоанну, которая сидела и равнодушно сжимала в руке разрядившийся пистолет. Выхватив из ножен меч, послушник бросился к ней, сразу поняв, в чем дело. В его глазах горела решимость разрубить девушку на куски. Словно во сне, Джоанна вскочила на ноги и спряталась за ствол ближайшего дерева. Размахивая мечом, гвардеец бросился за ней. Девушка, задыхаясь, кинулась туда, где серым холмиком лежало тело застреленного инквизитора. Но ноги плохо слушались ее, к тому же длинный подол платья все время цеплялся за кусты. Вдруг ее точно холодной водой окатили — в голове сразу установилась ясность. «Я должна успеть первой, первой!» — повторяла себе она. Неожиданно рука преследователя ухватила Джоанну за локоть. Девушка, рванувшись из последних сил, упала прямо на тело своей жертвы. Она схватила окровавленный пистолет инквизитора за несколько секунд до того, как разъяренный гвардеец навис над нею.

Девушка мгновенно вскочила на ноги, сжимая пистолет в руках. Солнечные лучи играли и преломлялись на блестящей поверхности меча послушника. Увернуться времени не оставалось — теперь все должны были решить доли секунды.

Словно во сне, она нажала на курок. Пуля впилась прямо в лоб преследователя всего в полуметре от нее. Лицо девушки обдало струей горячей крови. Джоанна рванулась в сторону, поскольку тело убитого гвардейца стало валиться прямо на нее.

Труп упал на тело инквизитора. Джоанна посмотрела на Кериса в тот момент, когда он уже выдергивал клинок своего меча из тела третьего гвардейца.

Все сражение заняло около восьми секунд, но показалось целой вечностью.

В воздухе стоял приторный запах крови. Джоанна, сорвав пук травы, стала вытирать кровь со своего лица и волос, чувствуя непреодолимое отвращение. Руки у нее болели ужасно, внутри словно что-то надломилось.

Вдруг перед глазами у нее появилась серая пелена, ноги ослабели. Как будто земля уходила из-под ног девушки. Она почувствовала, что теряет сознание.

— Джоанна! — сквозь серую пелену прорвался знакомый голос. Сильные руки удержали ее в вертикальном положении. Она почувствовала, как по руке больно хлестнула ветка дерева, затем кожа ощутила приятную прохладу воды — это был ручей.

— Что? Что такое? — забормотала она. Сильная рука зажала ей ноздри, и голова девушки погрузилась под воду. Затем Джоанна вынырнула и жадно вдохнула свежий воздух. С ее волос текла вода. Но зато в голове теперь было ясно.

Открыв глаза, Джоанна увидела, что возле нее по пояс в воде стоит Антриг. Рубашка чародея облепила тело, но глаза немигающе смотрели на девушку.

— Джоанна, Джоанна, — более требовательно повторил он, — ответь, с тобой все в порядке?

Джоанна молча кивнула. Вода более-менее смыла чужую кровь с ее лица и волос. Она чувствовала себя как-то отрешенно, как человек, которому сутками не дают спать. Девушка вымученно улыбнулась и попробовала пошутить:

— Я крестилась кровью человека Церкви, не означает ли это, что я теперь тоже к ней принадлежу?

Беспокойство в глазах чародея сразу сменилось добродушным весельем. Антриг зачерпнул в горсть воды и плеснул ей в лицо.

— Боюсь, — протянул он с деланным сожалением, — что ты, красавица моя, все равно пока остаешься некрещеной! Впрочем, признаюсь: может, у них там и крестятся кровью жертв! А на тебе два трупа — но до епископа ты пока что не дотягиваешь!

— Ах, ничего! — ее голос показался слабым даже ей самой. Как будто после бани!

С берега раздался голос Кериса:

— Давайте быстрее! Нельзя терять ни минуты!

Виндроуз дружески потрепал девушку по голове, но довольно тревожно взглянул ей в лицо. Джоанна почувствовала, что ей хочется разрыдаться — переживания и потрясения только

начинали сказываться. Но Керис был прав — времени терять нельзя, выстрелы и так уже переполошили всю округу. И потому девушка, собрав все силы, просто поблагодарила Виндроуза за заботу. Теперь нужно было отправляться в путь.

Отставной кудесник выбрался на берег и подал руку Джоанне. Керис тоже не терял времени даром — он успел перезарядить оба пистолета и засунуть их за пояс, очистить от крови поверженного врага меч и убрать его в ножны. Он был спокоен и уравновешен, казалось, что схватка на него никак не подействовала.

Только глубокой ночью, когда они расположились на ночлег после особенно утомительного дня, полного бегства от дозоров, которые были теперь повсюду, Джоанна по-настоящему осознала, что же сегодня произошло. Заночевали они на сеновале одной фермы. Джоанна долго лежала на пахучем сене с открытыми глазами, мысленно прокручивая, словно видеокассету, события прошедшего дня. Лежать было особенно приятно — по крыше барабанил дождь, негромко давал о себе знать гром. Было приятно наслаждаться теплом и запахом душистого сена. Ее запястья все ныли — железная хватка убитого гвардейца еще давала о себе знать. Но это были пустяки по сравнению с брызгами крови на лице. Раньше ей приходилось часто наблюдать убийства по телевизору. Таких сцен она видела тысячи, без преувеличения. Но они ее совершенно не трогали. Зато происшедшее сегодня было просто кошмаром.

«Да, я и вправду убила сегодня человека!» — подумала девушка и повторила эту простую фразу несколько раз, пытаясь вдуматься в ее смысл. Вдруг ее обожгло: не одного, а двоих она сегодня лишила жизни.

Она знала, чувствовала, что Антриг уже давно спит. Девушка едва удержалась от соблазна разбудить его — частично потому, что знала, как этот человек устал сегодня. Но только частично… А еще почему — она не могла сказать точно. Возможно, что ей захотелось поделиться горем с этим разумным человеком — ведь по природе она была неимоверно замкнутой, никогда ни с кем не делилась переживаниями, как бы ей ни было больно. Но теперь в ней вдруг возникла такая потребность. Не спал Керис, но это было уже не то, и девушка постаралась подавить рвущиеся из груди рыдания.

Вдруг некоторое время спустя голос парня спросил из кромешной тьмы:

— Джоанна?

После этого сразу послышался хруст сена, как будто кто-то приминал его тяжестью своего тела. К плечу Джоанны

прикоснулась теплая рука послушника.

— С тобой все в порядке?

Удивительно, что Керис тоже был не чужд подобных чувств! Джоанна сглотнула подступивший к горлу комок и, надеясь, что ее слезы никак не повлияют на тембр голоса, вымолвила:

— Ты, наверное, подумаешь, что все это невероятно глупо. Но… скажи, сколько тебе было лет, когда ты… когда ты в первый раз убил человека?

Установилась глубокая тишина, которую нарушал только монотонный негромкий стук дождя по крыше. И, казалось, сено тоже вдруг запахло чуть сильнее.

— Пятнадцать, — сказал наконец Керис, — но вообще-то на тренировках начинают не с этого! Вот потом, когда отработаны приемы владения оружием, уже можно и убить кого-нибудь! Поначалу ты убиваешь связанного преступника. Только после третьего года обучения можно сражаться с осужденными на смерть преступником, который действует как твой полноправный противник. Но все равно — лезвие меча должно с самого начала знать вкус крови!

— Ох! — только и смогла сказать Джоанна.

Она догадалась, что именно это Керис и хотел ей сказать. Неудивительно, что ее переживания наверняка показались бы привыкшему ко всему внуку архимага детским лепетом, достойным осмеяния. Но когда Керис вдруг заговорил снова, она поняла, что длинная пауза возникла потому, что послушник подбирал слова, чтобы озвучить свои мысли, ему не хотелось ненароком обидеть девушку. Потому-то он и говорил небыстро, словно взвешивая каждое сказанное слово.

— Но мне никогда еще не приходилось убивать человека в настоящем бою! — продолжал Керис. — В таком бою, в котором я не знал бы, что точно останусь в живых. Это был первый серьезный бой в моей жизни. Вообще-то нас основательно тренируют, готовят к сражениям… Но они происходят нечасто! — Снова повисла тишина. А затем Керис сказал: — Знаешь, что Инквизиция сделала бы со мной и с Антригом… да и с тобой, как с нашей соучастницей?

Джоанна лишь покачала в темноте головой — она могла только догадываться.

И тогда Керис пустился в обстоятельное разъяснение, тщательно описывая каждую деталь возможной расплаты.

— Вот так и получается, — сказал Керис тихо, — ты ведь сделала это не нарочно, так сложились обстоятельства. Ты не отняла две жизни, ты спасла две, нет, три! А может быть, и больше! А мне вот, похоже, предстоит доставить Антрига живым к

регенту, но я сделаю это не как сообщник Виндроуза, в чем меня беспрестанно обвиняет Инквизиция, а по своей воле. Как того требует справедливость! Иногда нельзя позволять себе думать чересчур много! Нужно делать и то, что делать не хочешь, но вынужден!

Странным образом эти слова успокоили Джоанну, и она не проронила больше ни слова.

Глава 12

Наутро Кериса разбудило мычание коровы. Прошедшей ночью дождь остудил воздух, и потому спалось им, уставшим за прошедший день от крови и беспокойства, очень хорошо. Но пробуждение было для Кериса не слишком приятным — окончательно высохшая за ночь одежда и чулки прилипли к телу, вызывая ощущение неудобства.

Слегка привстав, послушник несколько мгновений рассматривал своих товарищей.

Он никак не ожидал от Джоанны, что она будет с ними все эти четыре дня, не покинет их. То, что он видел в ее мире, и то, что она рассказала им с Антригом по пути из Кимила, дало внуку архимага повод усомниться в том, что девушка сможет вынести все трудности путешествия. Сам Керис воспитывался, как и положено воину — в суровой простоте, без излишеств. А в мире Джоанны, насколько он понял, абсолютно всю работу выполняли машины — обрабатывали поля, строили дороги и мосты, перевозили грузы, даже воевали. Словом, все делали за человека. Человеку оставалось только думать. Следовательно, люди из ее мира, размышлял послушник, должны быть невероятно умны, но немощны телом. Сама же Джоанна была невероятно стеснительна — Керис даже подозревал, что она больше общается с компьютерами, нежели с людьми. Но вчера, как ни странно, она сработала на удивление чисто. Даже не растерялась в такой обстановке! Если бы Керису заранее сказали, что возникнет такая ситуация, он мог смело спорить на что угодно, что у девушки не хватит смелости нажать на курок.

Хорошо еще, что он ни с кем не заключал такого пари — иначе бы просто проиграл его.

Сейчас, свернувшись калачиком на сене, девушка казалась даже миниатюрнее, изящнее, чем обычно. Ее перепачканную кровью крестьянскую одежду они утопили в озерке по пути, и теперь девушка снова была в привычных ей джинсах и рубашке. Сухие травинки усеивали ее светлые вьющиеся волосы. Руки и плечи Джоанны, коричневые от загара, были почти сплошь покрыты царапинами и пятнышками — следами укусов насекомых. Уже ставшая привычной настороженность даже во сне не сходила с ее лица, отчего она выглядела старше своих лет. Она, кажется, сказала, что ей двадцать шесть. Но на вид… Впрочем, возраст — вещь не слишком существенная, даже для женщины. А еще… Еще она именно сейчас казалась невероятно одинокой.

Неподалеку от девушки, положив голову на свернутую куртку, спал Антриг. Рядом на сене лежали его очки. Скупые лучики света, проникавшие сквозь щели между бревнами стен сарая, преломлялись в хрустальных бусах-подвесках на шее чародея. На лице по-прежнему оставались следы плети принца-регента — хотя опухоль со вчерашнего дня немного спала. Теперь следы плетки стали почти черного цвета — Керис, целых пять лет проведший в школе послушников и хорошо разбирающийся в синяках, знал, что эти отметины причиняют Виндроузу страшную боль. Когда в прошлом году во время очередной тренировки Керису рассекли мечом щеку, от боли он несколько дней подряд не мог спать.

Вот она, жизнь, подумал Керис, присаживаясь. И вдруг его охватил гнев, который сразу же огнем разлился по телу, придавая ему сил. Так ему и надо, этому Антригу, подумал послушник, он заслуживает еще большего наказания — за все то, что он сделал с дедом, за то, что именно по его вине пострадали волшебники.

Снаружи вновь замычала корова. Керис со времен своей жизни в деревне хорошо разбирался в голосах животных — эта корова требовала, чтобы ее подоили. Какая-то темная безысходность, мрачное безразличие к жизни охватило всех обитателей этой долины — весь вчерашний день путникам встречались недоенные коровы, недокошенные травы, несжатые поля. Керис, глядя под потолок сарая, вдруг подумал, что шедший всю ночь дождь наверняка погубил большую часть уже скошенной на сено травы. Стоял конец лета, и сарай должен был бы быть забит сеном, но сено занимало едва ли половину помещения. Нет, что-то явно высасывало всю полезную энергию из селян! Прямо какая-то напасть! Но в чем ее причина?

Однако корова коровой, а вот хлеб, которым они запаслись на постоялом дворе, был съеден без остатка еще вчера вечером. Поглядев на беззаботно спящих товарищей, Керис убрал в ножны меч, готовый в любую минуту вновь выхватить его и вступить в сражение. Прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам, внук архимага осторожно направился к выходу.

Выход из амбара был в сторону леса, возле выхода и стояла корова. Керис приоткрыл дверь пошире, причем дверь отвратительно заскрипела — парню даже стало не по себе. В лесу стояла подозрительная тишина. Поначалу послушник решил, что здесь явная засада, да и корова специально подставлена — для приманки. Но потом он отбросил эту мысль. Ведь если враги знали, что беглецы укрылись в этом сарае, то они наверняка предпочли бы просто вломиться туда и в два счета справиться с тремя выбившимися из сил людьми. Или же они могли бы,

подпалив сарай, просто выкурить и взять их, что называется, тепленькими. Мало ли что могут придумать гвардейцы короля и послушники Церкви, да еще вкупе с Инквизицией! Там ведь прирожденные ловцы людей!

Наконец он обратил внимание и на корову.

Животное стояло в нескольких шагах от двери, и Керис, даже не обладая опытом скотовода, сразу понял, что с коровой что-то не так. На животное было страшно смотреть — кожа да кости. Пегая шкура совсем не лоснилась, как это положено здоровой корове. Корова издала жалобное мычание — и сердце Кериса не выдержало. Внук архимага шагнул вперед. Ничего подозрительного он не заметил, но какое-то шестое чувство заставило его держаться настороже. Едва только он сделал шаг, как животное повернулось к нему боком, и Кериса сразу затошнило, горло свело спазмой. Хорошо еще, что он не завтракал, иначе бы все съеденное мигом очутилась прямо под ногами. И было от чего — к шее коровы присосалось нечто, напоминающее гигантскую пиявку. Очередное чудовище!

Конечно, это существо совсем не напоминало то, с которым ему пришлось сражаться в болоте, но Керис был уверен, что это чудовище — поскольку мог поклясться чем угодно, что в этом мире такие твари не водились. Пиявка извивалась, насасываясь кровью. Один взгляд на эту мерзкое существо вызывал глубочайшее отвращение: тело ее, толщиной с руку взрослого человека, было багрово-фиолетовым, с белым матовым брюхом. Голова страшилища ушла под кожу коровы, вздутие в этом месте ходило ходуном — продолжала высасывать кровь. Корова вновь замычала и поглядела на Кериса полными боли глазами. Керис инстинктивно отшатнулся, но сдержал себя — как настоящий послушник Совета Кудесников, он не мог позволить себе бросить несчастное животное в таком бедственном положении. Но что делать?

Он растерянно посмотрел по сторонам. Стояло приятное солнечное утро, только стены сарая отбрасывали темно-синие тени. Место тут было достаточно укрытое, но дозорные наверняка получили приказ осматривать любое строение, какое им попадется на пути. В сарае возле двери валялась целая груда старого хлама, среди которого Керис отыскал два косовища и полусгнившие полоски сыромятной кожи. При помощи такого ремешка внук архимага привязал к черенку пук сена. Подпалив сено, парень двинулся вперед. Он осторожно приближался к корове, не спуская глаз с паразита. Увидев огонь, корова испуганно задергалась, но у нее было слишком мало сил, чтобы убежать от Кериса. Она осталась стоять, глядя на него

расширившимися от ужаса глазами. Внезапно подскочив к животному, внук архимага схватил его за рог, а второй рукой поднес факел к покрытому слизью телу гигантской пиявки.

Тварь мгновенно изогнулась дугой, разнесся запах паленого мяса, которое к тому же явно было тронуто тлением. Пиявка выбралась из раны на теле коровы и с шипением свалилась на землю.

Слегка приплюснутая голова пиявки, перепачканная кровью и гноем, имела сразу три рта, похожих на жвалы насекомого. Некоторое время пасти еще продолжали делать жевательные движения — видимо, по инерции. Вдруг чудовище резко изогнулось и, подобно змее, поползло к Керису с очевидным желанием вгрызться в его живот.

Как и тогда в болоте, тело Кериса думало раньше его головы. Резко взмахнув шестом, он стукнул пиявку по слизистому телу. Челюсти впились в дерево, которое сразу же беспомощно захрустело. Чудовище, у которого на брюхе обнаружились крохотные лапки, проворно поползло по шесту прямо к груди Кериса. Пораженный ужасом внук архимага отшвырнул шест далеко в сторону и кинулся бежать. Ему казалось, что тело не слушается его, что это чужие ноги внесли его в сарай и чужие руки с треском захлопнули дверь.

— Антриг! — пронзительно закричал Керис. Пусть Виндроуз и был учеником печально известного Сураклина, пусть он был изгнан из Совета Кудесников, но зато он много знал о подобных страшилищах и уж наверняка знал, как следует поступать в таких случаях.

Чародей открыл глаза и, непонимающе моргая, привстал, поспешно водрузив на нос очки. Едва взглянув на Кериса, он спросил:

— Где? — даже не интересуясь, что там такое могло быть. Поднявшись на ноги, он подошел вместе с послушником к двери и заглянул в щель. Через какое-то время он медленно растворил дверь. Керис заметил, что корова, совсем обессилевшая, уже даже не стояла, а лежала на земле. Пиявка снова приползла к ней, на этот раз присосавшись прямо к горлу. На месте прежнего укуса уже роились мухи, спеша отложить в свежую рану яйца.

Вдруг Керис ощутил, что его бьет крупная дрожь.

В полумраке сарая голос Антрига прозвучал тихо и странно:

— Мы ничего не можем сделать для бедной коровки, разве только избавить ее от боли. Но я сомневаюсь, что к ней безопасно приближаться просто так, без всяких предосторожностей!

Сзади к ним подошла Джоанна и высунула голову наружу — ее заинтересовало негромкое обсуждение, которое она услышала

при пробуждении. Едва глянув на незабываемую картину, девушка схватилась руками за горло, не в силах сдержать возгласа отвращения. Но и только — Джоанна явно уже успела привыкнуть ко всем опасностям.

— Это всего лишь чудовище! — пояснил Антриг, очевидно, желая как-то успокоить девушку. — Эта штуковина заползла сюда через открытые ворота в Пустоту! Таких паразитов пришло сюда довольно много, и большая часть пока что жива и здорова!

Антриг внимательно смотрел на пиявку, соображая.

— Мне кажется, что эта тварь уже успела полакомиться чьей-то кровью, — сказал он задумчиво, — возможно, эти паразиты заползли сюда совсем небольшими, но тут просто подходящие условия, все есть, добычи сколько угодно, климат теплый, вот они и разрослись!

Это замечание, сделанное довольно будничным тоном, повергло Кериса в ужас, но Антриг и Джоанна словно не заметили этого. Вдруг внук архимага неожиданно для самого себя углядел между Виндроузом и этой девушкой из другого мира удивительное сходство — оба они были одеты в светлые рубашки и голубые джинсы, у обоих были вьющиеся светлые волосы, загорелые лица. Через несколько секунд экс-кудесник зашел обратно в глубину сарая. На фоне темной груды сена его светлая рубашка казалась почти белой. Тут Керис углядел то, что ему не попалось на глаза вчера вечером, когда они сюда пришли, — в сарае было две двери. Одна, через которую они вошли в помещение, смотрела на лес, а другая выходила на большой луг. Луг был только наполовину выкошен. В оставшейся высокой траве стояли коровы и меланхолично жевали свою жвачку. Одна из коров тоже мычала от боли — там, видимо, была другая пиявка.

— Так я и думал! — донесся до него в этот момент голос Антрига.

Неподалеку от сарая виднелась серая лента дороги. Ну и нашли же они себе местечко для ночлега — с одной стороны дорога, по которой каждую минуту могли прийти солдаты, с другой — чудовища из иных миров, которые ждут не дождутся, чтобы высосать их кровь. Керис подошел к чародею, который задумчиво смотрел из двери.

— У нас нет на это времени! — тихо сказал он. — Нужно как можно скорее уходить отсюда!

— Не говори глупостей! — сердито воскликнул Антриг, отстраняя молодого человека, затем указательным пальцем правой руки поправил очки и осторожно потрогал рубец от плети.

— По крайней мере, — наставительно сказал чародей, — мы

должны разузнать, как обращаться с этими штуковинами! Вот посмотри, как передвигаются эти коровы! Да они все уже заражены! Так что эти пиявки не только в лесу! Нам нельзя бросаться сломя голову, вдруг мы наткнемся на таких же тварей? — Виндроуз спокойно взял свою скатанную в рулон куртку-рубище и, развернув ее, принялся отряхивать от сухих травинок.

Джоанна продолжала стоять возле выхода и глядеть стеклянными от ужаса глазами на луг. О подобных страшилищах ей даже из самых замысловатых фильмов ужасов узнавать не приходилось! Подумать только — стоит сделать десяток-другой шагов, и… Керис был поражен — как во сне, он шел за Антригом. Только в двери, ведущей к лесу, он словно очнулся, но чародей потянул его за рукав. Конечно, молодой человек подозревал, что Виндроуз не прочь удрать от него, но полагал, что тот попытается спастись бегством тогда, когда они доберутся до города Ангельской Руки. А пока он не посмеет оставить их лицом к лицу с опасностями. Но одна только мысль, что им предстоит выйти к умирающей корове и ненасытной пиявке, заставила внука архимага содрогнуться. Он снова остановился.

Но Антриг спокойно, но решительно снова сжал руку Кериса. Выйдя наружу, Виндроуз подобрал валявшийся на земле и погасший факел Кериса и вернулся с ним обратно. Послушник шел за ним с отрешенным видом. Ни корова, ни пиявка не пошевельнулись. Антриг тем временем спокойно отвязал от верхушки шеста ремешок, свернул тугой жгут сена и примотал к шесту. Тут он сурово взглянул на послушника поверх очков. Антриг сказал:

— Керис, выбирай одно из двух — или отдай мне на время твой меч, или пойдем со мной к корове!

Керис в этот момент готов был поклясться, что ад, которым Церковь Единого Бога пугала людей, помещается на лугу. Сам Керис считал себя человеком довольно закаленным — целых пять лет он учился преодолевать всевозможные трудности, смотреть смерти в глаза и всегда быть готовым заколоть мечом любого противника. Но за последние недели ему пришлось столкнуться с опасностями совсем непривычными — то с чудовищем, которое едва не прикончило его, то с полетом через темное пространство под названием Пустота с последующим приземлением в совершенно чужом мире. Ну как послушник может сражаться в такой обстановке, да еще при отсутствии команд! Но сражаться с чудовищем — это одно дело, а шагать через тихую с виду местность, на самом деле кишащую смертоносными паразитами, — совсем другое. То, что на лугу было полно

гигантских пиявок, сомнений не вызывало.

Когда Керис и Антриг медленно ступили на траву луга, со стороны леса повеял легкий ветерок. Но не аромат лесных цветов принес он с собой, а приторный запах крови, от которого Кериса вдруг замутило. Хотя к крови он, как известно, давно успел привыкнуть. Послушника даже затошнило от этого своеобразного запаха. Где-то в траве журчал ручеек, на лугу паслось с полдюжины коров. И на каждой корове было по меньшей мере по одному паразиту. Были и буренки, павшие жертвами двух, а то и трех пиявок, свисавших с их шей и глоток. Это было незабываемое зрелище! Пиявки различались размерами — но было понятно, что кровь животных очень питательна для них, и они росли как на дрожжах.

Керис еще ни разу в жизни не чувствовал себя таким беззащитным. Им овладели страх и слабость, подкашивались ноги, но он усилием воли не упускал из вида Антрига, который, бормоча «Чудно, очаровательно», медленно, но верно продвигался все дальше.

Журчание ручейка слышалось уже где-то совсем рядом, возле него трава была особенно густая и сочная. Антриг поднял руку, привлекая внимание Кериса, и сказал:

— Да, тут их наверняка целый рой!

Вдруг где-то сбоку послышался шелест травы, и Керис, как ужаленный, подпрыгнул в воздух, испуганно смотря себе под ноги.

— Антриг! — простонал внук архимага, не выпуская из рук меч. — Пойдем скорее обратно!

Но Виндроуз, сжимая в руках шест, продолжал осторожно продвигаться вперед, к ручейку. Глаза его стали сосредоточенными, руки не дрожали, как у Кериса.

Послушник лишь мельком успел заметить очередное чудовище в зарослях папоротника, а в следующий миг оно напало на них. Пиявка была длиной около полуметра и метнулась на Антрига так, как обычно кидается на свою жертву кобра. Рука, повинуясь не разуму, а инстинкту, махнула мечом. Керис еще не успел понять, что он такое рубит, а тело пиявки уже билось на земле, рассеченное на две части. Одновременно послушник отпрянул назад, поскольку голова со щелкающими по инерции челюстями полетела прямо на него. Вся трава была забрызгана какой-то мутно-серой слизью, которая разлетелась из распоротого брюха пиявки. Но Керис испуганно завертелся, озираясь по сторонам, поскольку казалось, что вся нескошенная трава на лугу шуршит, раздвигаемая телами кровожадных тварей.

Казалось, какая-то единая сила заставила всех кишащих на

лугу пиявок двигаться по направлению к путешественникам. Трава с каждой секундой шевелилась сильнее и сильнее. Тут вдруг раздался крик — Джоанна даже из амбара заметила, что дело нечисто и что лучше все-таки спасаться бегством.

Буквально в двух шагах от Кериса в высокой траве стоял понурый теленок. Керис позвал его — теленок повернулся к нему, в глазах животного стояли слезы. И было от чего — с шеи малыша свисала пиявка. Но все та же странная сила заставила пиявку оставить свою беззащитную жертву — с шипением отвалившись от раны, из которой сразу тонкой струйкой заструилась кровь, пиявка с шипением бросилась на Кериса. Внук архимага заученным приемом выставил навстречу чудовищу меч, но пиявка, зависнув на лезвии и обхватив его своими покрытыми слизью лапами, тяжестью своего тела стала пригибать меч к земле. Инстинкт самосохранения заставил парня бросить клинок и отскочить — перед его глазами еще стояла картина: пиявка, лезущая по шесту. Но в следующий момент послушник уже проклинал себя за эту слабость — теперь он лишился оружия, своей единственной защиты. Тут Антриг схватил Кериса за рукав, и они во весь опор понеслись назад, хотя знали, что бегство в данной ситуации бесполезно, — рано или поздно пиявки возьмут их в кольцо.

Но этого не случилось. Пиявки накинулись на расплесканную по нескольким квадратным метрам слизь и внутренности рассеченной Керисом твари и принялись жадно их пожирать. Антриг оглянулся назад и увидел только занятые пожиранием останков соплеменницы прожорливые существа. Они торопились — каждый хотел обогнать другого.

Вдруг Керис почувствовал какое-то прикосновение к своей лодыжке. Издав жуткий вопль, он отпрыгнул далеко в сторону. Пиявка. Очень крупная, которая сейчас стремилась к своим сородичам.

Кериса затрясло, а Виндроуз, остановившись, наблюдал — на этот раз лицо его было странно спокойно. Словно он был уверен, что ничего страшного не случится.

— Керис, — как ни в чем не бывало сказал Антриг, — по-моему, на этот раз нами просто побрезговали! — Подхватив валявшийся на земле шест, чародей направился обратно к сараю.

Только когда они подошли к амбару, Керис понял, что Джоанна здесь не одна.

За амбаром стояла повозка, возле нее — группа людей. Кучер в зеленой ливрее сидел на козлах, а на запятках стоял второй сопровождающий, сжимая в руке пику. Взоры людей были прикованы к тому, что происходило сейчас на лугу. Керис

нерешительно остановился на полпути, проклиная себя за легкомыслие, с каким позволил себе потерять оружие. Впрочем, сражаться все равно было бы бесполезно. Он увидел и Джоанну, которая обессиленно прислонилась к стене сарая.

— Чисто сработано! — рассмеялся вдруг Антриг. Все пораженно молчали. Чародей двинулся вперед, понуждая Кериса следовать за ним, чтобы сохранять его в качестве пленника. Молодой человек предпочел двинуться за Антригом.

Человек же, который стоял, пока незамеченный, в тени амбара, вышел на всеобщее обозрение. Керис разинул рот — он в жизни не видел такого диковинного панциря, который защищал хозяина с головы до ног. Словно железная скорлупа, подумал послушник. Кое-где на доспехах виднелась гравировка золотом и серебром, были выведены и какие-то слова — несомненно, заклятия против враждебного волшебства. Керис подумал, что в последний раз такие доспехи применялись в битве на Стеллитовом поле. Весили они никак не меньше пятидесяти килограммов.

У этого латника недоставало только шлема. Удивительное дело, но выше шеи все было довольно-таки современным! Пухлые щеки и двойной подбородок воина красноречиво говорили, какое тело скрывается под этими доспехами. Карие глаза латника горели неподдельным любопытством. Еще послушнику бросились в глаза смоляные кудри этого человека. Возможно, потому, что черноволосых среди его знакомых было не слишком много.

Прямо на груди латника была укреплена до боли знакомая эмблема — герб империи Феррит.

Вообще-то послушникам постоянно вдалбливают в головы, что для них не существует иных господ, кроме их хозяев, но Керис пренебрег этим правилом — наклонив в знак вежливости и уважения голову, он сказал:

— Приветствую вас, Сердик!

Латник пошевелил в ответ рукой.

— Да вы смельчаки! Потрясающая смелость! — проговорил он. Он смотрел то на луг, то на Кериса с Антригом. — Послушайте, насколько я понимаю, вы те самые волшебники, которых люди моего двоюродного братца разыскивают по всей стране?

Керис нахмурился, но Антриг спокойно кивнул:

— Выходит так, ваше сиятельство! — глаза Виндроуза блеснули. — Если мне будет дозволено, я бы предпочел не называть своего имени! Что делать, обстоятельства!

— Ну конечно, что там! — поспешно сказал принц Сердик. — Я вовсе не столь уж любопытен, как иногда кажусь! — Тут он

снова посмотрел на луг, и им овладело беспокойство. — Что вы такое надумали? Мои крестьяне замучили меня жалобами на этих тварей! Настолько надоели, что я напялил это железо, что с незапамятных времен стоит в Зале Врат Дьявола, и приехал сюда, чтобы хоть взглянуть на этот вселенский бич, как люди описывали его. Право, даже не знаю, что бы я делал с этими исчадиями ада!

— А когда их заметили в первый раз? — поинтересовался Антриг.

— Четыре дня назад мне доложили, что один из пастухов видел подобную тварь, — покачал головой принц. — Вообще-то пиявка была маленькой, примерно с сосиску. Она присосалась к корове на пастбище, что возле Чертовой Дороги. Пастух сбил тварь факелом, но она бросилась на него. Он сразу удрал. Видимо, огонь на этих пиявок совсем не действует. Когда пиявок стало много и они обрушились на стада, мы пытались травить их ядом, но тоже бесполезно. Вот если только вы сейчас использовали волшебство…

Керис искоса поглядел на своего «пленника». Антриг с деловым видом поправил очки на носу, будто дотошный учитель, который упорно объясняет ученикам непонятный материал, добиваясь стопроцентного внимания.

— Вообще-то есть одна причина, по которой я никак не могу использовать свое волшебство, — начал чародей виновато, — да и в любом случае на это потребовалось бы некоторое…

Тут Джоанна, словно выйдя из оцепенения, вдруг спросила:

— А какой вид огня вы использовали?

— Как это — какой вид огня? — удивился Сердик. — Огонь он и есть огонь!

— Если бы огонь всегда был огнем, — съязвила девушка, — то ваш меч можно было бы расплавить в кухонном очаге! Вы не пробовали уничтожить этих пиявок при очень высокой температуре? Скажем, если попробовать закинуть пиявок в печь для обжига посуды…

— Или для пережигания извести, — задумчиво протянул Антриг. — Вот в Парчастене есть специальные печи для выплавки настоящей оружейной стали…

— Но отчего же не попробовать и печь для пережигания извести? — ухватился принц за предложение Джоанны. Тут же его энтузиазм схлынул: — А как же засунуть их в печи? Можно, конечно, попробовать подманить их туда, но они могут и не поддаться на уловку! — И Сердик с надеждой глянул на Антрига. — А может, есть заклятье, которое само подманит этих тварей в пламя?

— Боюсь только, — вздохнул кудесник, — что зову этих заклятий подчинятся не только пиявки, но и кое-кто поопаснее пиявок!

— Да и времени у нас не слишком много! — вставила Джоанна, красноречиво кивая в сторону луга, где трава продолжала зловеще шевелиться. — У меня такое ощущение, что они не только быстро все пожирают, но и размножаются чуть ли не на глазах!

— У нас может оказаться куда меньше времени, чем мы предполагаем! — напомнил Антриг, засовывая руки в карманы своих джинсов и чуть наклоняя голову. — Все зависит от того, просто ли это какие-то личинки или же клещи! Если они сейчас проголодаются, то нам несдобровать!

Эти слова не произвели никакого впечатления на Кериса, зато привели в ужас Джоанну. Таким же любознательным тоном, каким он обычно спрашивал что-то у своего деда, Керис поинтересовался:

— Тогда скажи, какая же между ними существует разница?

Чародей спокойно пожал плечами.

— Самое приятное, что можно сказать о клещах, — пояснил он, — это то, что эти твари обычно не нападают на те существа, у которых есть крылья!

Керис в ужасе уставился на бывшего члена Совета Кудесников: только теперь до него дошло, что им все-таки трудно будет вырваться отсюда, если вообще возможно.

— Матерь Божья! — пробормотал внук архимага. — Но если ты не хочешь использовать свое волшебство, а яд не помогает…

Но, говоря это, Керис видел, что в глазах Виндроуза отражаются противоречивые чувства — с одной стороны, ему очень хотелось расправиться с этими тварями, применив магию, но он не слишком хотел, чтобы чародеи Церкви тотчас же установили, где он находится. Принц Сердик молча наблюдал за происходящим, и Керис вдруг подумал, нельзя ли попытаться превратить Сердика из союзника Антрига в своего союзника.

— Послушай, — спросила Антрига Джоанна, — а что тебе нужно для того, чтобы подманить этих пиявок?

— Что? Приманка! Они тянутся к мертвечине, как муравьи стремятся к сахару! Я, конечно, могу попробовать наслать на них иллюзию запаха, которая приведет их в печь для обжига извести! А как только они заползут внутрь, их можно сжечь!

— Мы уже пробовали использовать в этих целях кровь! — заметил Сердик, тревожно глядя на луг. — В кровь мы подмешивали яд, но это не дало никакого результата. Мы вылили литры самого сильного яда! Уже одни только пары отравы

должны были их убить! Но ничего подобного!

— А вы попробуйте мышьяк или ртуть, — посоветовала Джоанна, — ртуть все-таки металл! Неважно, какую природу имеют эти твари, но тяжелые металлы должны как-то замедлить их распространение! Мне еще кажется, что в мертвых соплеменниках кровососы чуют нечто такое, что заставляет их игнорировать все остальное и двигаться прямо туда! Может, там есть какие-то вещества? Которые образуются в мертвой крови?

— Не сказать, чтобы они так уж все игнорировали! — сказал Керис живо. — Одна напала на меня, хотя от меня в этот момент точно не пахло кровью!

— Неужели? — вдруг поинтересовался Виндроуз. — Вообще-то, насколько я помню, пиявка напала на твой меч! Который, конечно же, был перепачкан жидкостью, вытекшей из рассеченного тела паразита! Я скажу вам даже больше: то, что они ищут в крови, они ищут и в земле! По крайней мере, я видел, что земля там вся изрыта их тоннелями!

— Может, какие-то минеральные вещества? — предположила девушка задумчиво. Она принялась выбирать из своих волос травинки, которые набились туда во время ночлега на сеновале. Керис отметил решительность действий Джоанны — в ней явно не осталось и следа от той стеснительной девушки, которая вышла с ними из Кимила. Теперь она уже не стремилась общаться с одними только машинами, и Кериса вдруг озарила догадка — уж не для того ли, чтобы сделать ее более общительной, Антриг похитил Джоанну? — Ведь кровь состоит в основном из воды, соли, протеина, там есть кое-какие минеральные вещества, которые помогают удерживать в ней необходимый организму кислород! Пиявкам явно не нужна вода — вон течет ручей, и они не слишком к нему стремятся! Может, азот…

— Сердик, — повернулся к задумавшемуся принцу отставной кудесник, — тут поблизости случайно нет солянника?

— Солянника? — удивилась Джоанна, — а что это вообще такое?

— Это вкрапление соли в земле, природного происхождения. Обычно такие места очень любит скот!

Принц щелкнул пальцами, и один из его слуг спрыгнул с запяток кареты. От внимательного взгляда Кериса не укрылось, как настороженно этот человек посмотрел на Антрига и с каким неодобрением он смерил взглядом Джоанну — видимо, ему не понравилась женщина в брюках.

— Да, — подтвердил слуга, выслушав вопрос, — тут неподалеку есть один солянник! Вообще-то пастух не слишком приглядывает за коровами, поскольку особой необходимости в

этом нет — коровы уже приучены, они не отходят слишком далеко от дома, а вечером сами возвращаются домой! Пастуху остается только запереть на ночь ворота, а утром отворить их!

— Ну что же, — заметил Антриг, — в таком случае я уверен, что солянника больше нет! Весь берег ручья тоже покрыт тоннелями пиявок!

— Наверное, в этот момент кровопийцы и напали на коров! — сказала Джоанна и повернулась к принцу. — Вот и ответ на ваш вопрос! — Тут, глянув в строгие и внимательные глаза Сердика, девушка вновь почувствовала, как застенчивость начинает охватывать ее. Но она продолжала, хоть и не столь решительно: — Вам нужно попробовать подманить пиявок солью! Соль, вода, чтобы был раствор, подбавьте туда ртути или мышьяка! Даже если они и не погибнут, то потеряют свое проворство, и их можно будет побросать в печь!

Сердик взволнованно схватил руку Джоанны обеими одетыми в позолоченную броню руками и воскликнул:

— Девушка, да вы просто сущий кладезь мудрости!

Джоанна покраснела и сказала тихо:

— Да нет тут ничего такого особенного! Просто нужно искать причину, как ищешь причину ошибки в компьютерной программе!

— А эти… программы! — нахмурился внезапно принц. — Это что, тоже волшебство?

Антриг, видя замешательство девушки, успокаивающе положил руку на ее плечо и ободряюще заметил:

— Да! Ну, как… — И чародей другим, печальным голосом добавил: — Вы, наверное, собираетесь арестовать нас? Я даже надеюсь на это, поскольку мы можем прекратить свое ежедневное бегство неизвестно куда, да и поесть сможем как следует!

Принц вдруг пошатнулся, и все — Керис, слуга, Антриг — спешно подхватили его, чтобы Сердик под тяжестью брони не потерял равновесия и не свалился на землю. Наконец принц выдавил из себя:

— Сударь! Великий маг! Пожалуйста, считай, что вы все арестованы!

— И что теперь будет? Антриг повернулся от высокого прямоугольника окна — он смотрел, как где-то вдалеке в небо поднимались клубы дыма. Там наверняка уже разжигали печи, готовя их для пиявок.

— По-моему, все получилось как нельзя лучше! — улыбнулся чародей, глядя, как Джоанна, закинув на плечо платья и юбки из зеленого муслина, направляется в гардеробную, чтобы подобрать себе наряд.

В комнатах, которые им выделил принц, было довольно

сумрачно, хотя день только начинал клониться к вечеру, и вся растительность под окном была щедро позолочена лучами заходящего солнца.

— Кстати, — снова подал голос Виндроуз, — предложение действительно было гениальное! Джоанна, не отпирайся, у тебя настоящий дар!

Джоанна рассеянно покачала головой, только для того, чтобы хоть как-то среагировать на замечание Антрига. Ее сейчас занимала мысль — для чего принц держал во дворце такие огромные запасы одежды, немалая доля которой была женской?

— Все это просто благодаря моей профессии, — наконец отозвалась она, — ведь когда возишься с программой, особенно, если в ней есть какой-то изъян, то всегда перебираешь каждую мелочь — приходится прощупывать каждый знак, каждый штришок! Отсюда и внимательность к мелочам! — Тут девушка скрылась в гардеробной. Вернувшись через несколько минут, она продолжала: — Это невольно прививает желание во всем искать причину!

— Ну что же, это тоже своего рода волшебство! — тихо сказал Антриг. — Когда составляешь какое-нибудь заклятье, то нужно первоначально проверить на прочность каждую мелочь! Нужно все знать и о том, на что ты это заклятье накладываешь! Спасибо тебе! — неожиданно промолвил чародей. — Ведь ты удержала меня от использования волшебства! А этого мне ни в коем случае нельзя было делать!

Похвала снова заставила Джоанну покраснеть. Девушка не знала, куда деться от смущения. Она была сыта, умыта и успела неплохо отдохнуть. Облачена она была в роскошный наряд светской дамы, который, впрочем, был даже более неудобен, чем то крестьянское платье, которое так мешало ей двигаться. К тому же перипетии путешествия все еще давали о себе знать. Запястья еще ощущали отдачу пистолетов. Ведь это случилось так недавно! Такие потрясения не изглаживаются при помощи одного только здорового сна. К тому же теперь появилась новая проблема — резкое изменение условий. Если еще сутки назад нужно было идти вперед и вперед, каждую минуту быть готовым встретиться с опасностью, то теперь ничего этого не было и в помине. Теперь даже занять себя было нечем. В результате возникло такое эмоциональное напряжение.

Антриг же, с удовлетворением отметила Джоанна, явно чувствовал себя куда лучше. Он тоже успел переодеться в чистую полотняную рубашку с кружевной отделкой, хотя не захотел расстаться ни с длинной бархатной курткой, ни с джинсами. Кровавый отек на его лице стал еще менее заметен.

— Любой программист может и должен все вовремя просчитать! — нарушила возникшую тишину девушка, — но ты все равно прав — ведь все приходится продумывать, поскольку никогда не знаешь, что может случиться! Мы, например, и теперь даже не знаем, что с нами будет, чего следует ждать.

— Нет! — покачал головой Виндроуз. — Не знаем! — При этом в глазах его мелькнула какая-то неуловимая тень — возможно, на этот раз он покривил душой.

— А что будет прямо сейчас?

— Я могу узнать это, разложив карты! — сказал со вздохом чародей. — Но карты сами по себе — тоже большая опасность!

— Ты боишься, что твое волшебство могут тут же почувствовать? И сразу определят, где мы находимся?

— Да нет, волшебства в них не больше, чем в снах. Но карты обладают одним очень неприятным свойством — они предупреждают, что с тобой может произойти такое, что тебе очень не хотелось бы пережить! Ты все время будешь находиться как бы в подвешенном состоянии, все будет валиться из рук! Тогда тебя могут постигнуть куда большие беды, чем те, что предсказаны картами!

Джоанна задумчиво рассматривала диковинный переплет позолоченных оконных рам. Наконец она заметила:

— Но ведь тогда к грозящей беде можно хоть как-то подготовиться!

— Возможно! Но подготовка иногда ускоряет такое событие! Возьми хотя бы войну или ревность! Нет, мне кажется, что легче решать проблемы, когда они всплывают неожиданно!

— Возможно, ты прав! — согласилась девушка, улыбаясь не слишком весело. — Но я все равно не могу заставить себя плыть по течению! — Она упрямо встряхнула головой. — Может быть, это звучит глупо, но у меня есть смутное ощущение, что должно произойти что-то очень нехорошее! И мне хочется поскорее убежать куда-нибудь подальше!

Антриг тоже улыбнулся.

— Это вовсе не так глупо! — заметил он. — У меня иногда тоже появляется желание вернуться в Башню! И вовсе не потому, что мне там жилось неплохо, этого бы я не сказал. Но потому, что там было спокойно, я чувствовал себя там в полнейшей безопасности!

Она вспомнила, о чем думала тогда на берегу ручья:

«Если бы в моих руках не было пистолета, то мне не пришлось бы этого делать!»

— А здесь мы в безопасности? — поинтересовалась вдруг девушка.

Антриг на мгновение задумался.

— Вообще-то я бы не стал этого утверждать, — сказал он осторожно, — уж я-то точно не могу себя чувствовать в безопасности. А что касается тебя… — Повисла тишина. Джоанна все это время неотрывно смотрела в глаза мага. Наконец Антриг нехотя сказал: — Если бы я сам мог твердо знать это!

И девушка сразу же зябко поежилась — она почувствовала себя неуютно в этом огромном дворце, где все было чужое. Не только дворец, весь этот мир был чужд ей!

Как ей жить дальше? Неужто всю жизнь придется проходить в этих дурацких платьях до пят и бегать из одного города в другой?

На какое-то мгновенье глаза Виндроуза и глаза Джоанны встретились.

Вдруг ее охватило какое-то странное чувство — смесь испуга и удивления. Кто бы мог подумать! Чувства было два, да и душа ее тоже как бы разделилась на две части. Одна часть говорила ледяным тоном:

— Все это просто смешно! Не будь дурой! И вообще не забывай, кто он!

Вторая же половина страстно нашептывала:

— Но ведь ты хочешь его, признайся!

Снаружи доносилось беззаботное чириканье птиц. Виндроуз толчком распахнул окно — и в комнату ворвался аромат леса, смешанный с едким запахом горящих печей для пережигания извести. Но ноздри девушки улавливали и запах мыла, который исходил от волос и кожи чародея. Антриг стоял возле окна таким образом, что луч света падал и преломлялся в одной из его хрустальных подвесок. Единственное, что шевелилось сейчас — это край ворота рубашки мага, который трепал легкий ветерок.

Вдруг Джоанне все показалось совершенно ясным, определенным. Все это совершенно не походило на то, как ей приходилось общаться с Гэри. Она теперь не взвешивала без конца все «за» и «против». Теперь она знала только одно — что она хочет его, и это же самое желание угадывалось в глазах Виндроуза.

Вдруг Антриг резко повернулся и прошел в глубину комнаты.

— Я не стану этого делать! — тихо сказал он. Голос его дрожал. — Ты все-таки зависишь от меня и находишься под моей защитой в этом мире! Поэтому я не могу воспользоваться своим положением!

Чародей снова подошел к Джоанне, которая стояла, точно онемев. Антриг еще раз внимательно заглянул ей в глаза, а затем, повернувшись, стремительно вышел из комнаты.

— Только не пытайся притворяться и уверять, будто ты не

знаешь, что он натворил! — Раздраженный Керис мерил шагами комнату, изредка поглядывая на принца, сидевшего за инкрустированным столом красного дерева. — Именно он, а никак не церковь и даже не Инквизиция, враг Совета! Выходя из помещения, Керис в последний раз оглянулся на карты, словно хотел запомнить их комбинацию, которая почему-то так его встревожила. И уставился на седьмую карту, на которой был изображен мертвый человек. В теле его торчали сразу десять мечей, и он одиноко лежал под ночным звездным небом.

Принц ничего не отвечал. Он задумчиво барабанил по столешнице унизанными старомодными перстнями пальцами. Губы Сердика были плотно сжаты. Окна кабинета принца выходили на север. Вообще он явно был поклонником стиля давно минувшей эпохи — мало того, что в комнате было много старинных вещей, но и сама комната была отделана во вкусе того времени. Из окна был виден даже далекий изгиб Чертовой Дороги, которая вилась по вершинам холмов. Дорога была отмечена путевыми камнями, которые торчали, словно редкие зубы во рту старика. Точно такие же столбы стояли по обочинам дороги, которая вела из Кимила к Башне Тишины. Впрочем, камни эти были поставлены на обочинах до того, как была выстроена сама Башня. Камни эти помнили ветры и взгляды путников многих столетий.

Глядя на дорогу, Керис решил, что принц явно не случайно выбрал своей постоянной резиденцией именно это поместье. Послушник же продолжал:

— Именно Виндроуз похитил архимага и дал Церкви и Инквизиции возможность во всеуслышание заявить, что Совет Кудесников оплел империю сетью заговоров и интриг! Вот вам и удобный предлог избавиться от волшебников, от соперников там, где дело касается любви и доверия народа! Может быть, Антриг именно на это и рассчитывал — кто знает! Во всяком случае, он точно повинен в появлении здесь всех этих чудовищ…

— Но это как раз еще нужно доказать! — меланхолично заметил Сердик.

— А что тут доказывать? Он, еще не видев их, предсказывал, что всякая нечисть наводнит нашу землю. И почему он сразу угадывает, с кем мы столкнемся и как с ними нужно бороться? Не слишком ли много совпадений?

Принц ничего не сказал — он задумчиво смотрел на расставленные по полкам шкафа статуэтки двадцати одного Бога Старой Веры. Керис удивился — Сердик держит у себя эти статуэтки — тоже символы давно минувших времен. Не старовер ли он? Нет, сохранившиеся еще в империи староверы обычно

просто записывали имена этих богов на стенах своих домов, а статуэток у них не было и в помине. Керис уже успел рассказать принцу о своем сражении с чудовищем в болоте, о том, что дед рассказывал ему, когда они сидели на поваленном путевом камне, о найденной в комнате Антрига перчатке архимага. Рассказал он и о том, как Виндроуз растворился в Пустоте и перенес его за собой в незнакомый и странный мир. Рассказывая, послушник чувствовал на себе немигающие взгляды двадцати одной статуэтки — псоглавого Ланкреса, богини Тамбет с младенцем-сыном Сигниусом у груди, бога всех магов Кахирета с головой аиста, бога мертвых с рогатой головой, высовывавшейся из погребальной пелены…

— Конечно, я должен быть у судей! — горячо говорил Керис. — Если я доставлю Антрига твоему двоюродному брату регенту при свидетелях — если, конечно, я смогу уйти спокойно — инквизиторы наверняка смогут разузнать что-то нужное! Другое дело, что правда их вряд ли интересует — им нужно всего лишь любой ценой подтвердить свои обвинения. Но если позволить им уничтожить Антрига, то моего деда уж точно никак нельзя будет разыскать, не говоря уже о том, чтобы вернуть его обратно! И тогда авторитет Совета Кудесников невозможно будет восстановить!

Сердик потер лоб рукой.

— Но ведь может быть так, что он действительно говорит правду! — возразил он Керису. — Ведь волшебники могут понимать и чувствовать куда больше, нежели простые смертные вроде нас с тобой!

— Но то, что они способны глубоко чувствовать, не означает одновременно того, что Антриг обязательно говорит правду! — резко сказал внук архимага. — Он все твердит, что кто-то творит здесь злые дела, что кто-то высасывает из людей жизненную энергию, что кто-то тянет сюда через Пустоту всех этих чудищ, что кто-то затащил сюда Джоанну и неизвестно куда услал архимага. Однако он твердит, что это может быть кто угодно, только не он сам! А дед сказал мне, что лишь Антриг способен действовать в Пустоте и переноситься из одного мира в другой! Кроме него, все это сделать больше просто некому!

Свет двенадцатисвечного светильника играл на золотом шитье камзола принца. Только тут Керис заметил, что на полках шкафов кроме статуэток старых богов стоят древние ветхие фолианты — несомненно книги по магии. Кое-какие были у его деда в кабинете, другие он видел прежде в комнатах здания Совета Кудесников. Это были справочники по черной и белой магии, пособия по волхвованию и предсказанию будущего.

Заметив как пристально Кериса смотрит на книжные сокровища, Сердик беспокойно заерзал в кресле, явно не желая, чтобы посторонний человек рассматривал фолианты.

— Во-первых, я не уверен, поможет ли тебе мое ходатайство или заступничество, — начал принц, видимо, что-то надумав, — ведь мой двоюродный брат кругом подозревает измену и заговоры против себя! В последнее время его подозрения останавливаются и на мне. Это и есть одна из причин, по которой я сейчас сижу тут, а не состою членом Суда! Я все равно стараюсь как могу, помогаю волшебникам! Но я чувствую, что в столице за мной все время следят! Это большая глупость, потому что я все равно его наследник. И все равно — мне приходится опасаться за свою жизнь! Однако в любом случае, — тут Сердик помедлил, словно делая логическое ударение, — нам не пристало привлекать волшебников к судам! Ведь когда-то они были нашими священниками, еще при Старой Вере! Они вмещают в себе мудрость веков!

— Что за ерунда! — вспылил Керис. — Ведь староверы — не все маги, а только небольшая их часть!

— Как ты их ни зови, — упорно продолжал Сердик, — они все равно знаются с силами, о существовании которых мы вдруг забыли!! Смертным не всегда уместно вмешиваться в предначертания судьбы и даже пытаться мыслить об их изменении! Говорят, что мой дядя, император, очень уважал Сураклина и даже хаживал в его темницу после пленения. Но он позволил уничтожить этого волшебника, и именно за это, я уверен, его потом постигла беда…

— Неужели двадцать лет спустя?

Принц выразительно сжал губы, давая понять, что вопрос этот кажется ему по меньшей мере странным. И Керис, хотя он знал, что Сердик второй после безумного регента престолонаследник, вдруг испытал жгучее желание изо всех сил ударить по этому напудренному лицу.

— Ему вообще не следовало влезать в дела Темного Волшебника! Тех, кто осмеливается делать это, потом постигают жестокие беды!

Тут внук архимага начал понимать, что многие в этом государстве предпочитают видеть на императорском троне сумасшедшего Фароса, нежели суеверного до крайности и пугливого Сердика. О таких как раз и говорят — ни рыба ни мясо.

— Конечно, тех, кто перешел дорогу Сураклину, постигли беды, — медленно протянул Керис, — но это ведь не означает, что ему нельзя было противиться! Его все равно нужно было остановить! А этот Антриг как раз его ученичок!! Даже

наследник! Он наверняка умеет делать все, что только нужно для совершения темных дел! Но он скрывает это и валит все на кого-то другого!

Сердик, задумчиво разглядывая узор инкрустации на своем столе, вдруг сказал:

— Уж не завидуешь ли ты этому Антригу? Его умению…

— Я? Я? Да нисколько! — Керис даже задохнулся от негодования. Но принц смотрел на него недоверчиво.

— Не нам судить обо всем этом! — решительно заметил принц. — У тебя нет права, поскольку ты послушник! Ты принес клятву на верность, вот и исполняй ее, служи своему господину! Я же загружен своими делами! Если каждый будет заниматься тем, что судьба дала ему в удел, то как прибавится порядка в этом мире! Но я все равно считаю своим долгом помочь волшебникам! И потому я уже предоставил в распоряжение чародея Антрига фаэтон и снабдил его приказом со своей подписью и печатью, по которому он сможет немедленно получать свежих лошадей на всем протяжении пути отсюда до города Ангельской Руки!

— Что?!!

Вежливое лицо принца исказила непонятная гримаса удивления и даже гнева — видимо, ему не слишком часто возражали.

— А возьмет ли он тебя с собой или оставит здесь, зависит от его желания, не от твоего, — уже более твердо сказал Сердик.

Керис сразу же вспомнил, что не он хозяин положения, а потому лучше не навлекать на себя чужой гнев. А в голосе Сердика уже звучали холодные нотки:

— Я даже полагаю, — что ежели у тебя нет должного уважения к волшебникам или хотя бы к старшим по возрасту, то тебе неплохо было бы научиться ему!

Керис в ярости выскочил из комнаты, проклиная себя за чудовищную нерасторопность, — конечно же, Антриг даром времени не терял и успел перетянуть Сердика на свою сторону. Он пересек сводчатый зал, поднялся по винтовой лестнице в отведенную ему комнату и тут понял, что и в самом деле навлек на себя беду. Ведь Сердику ничто не может помешать под любым предлогом поместить его под стражу — до тех пор, пока Виндроуз не удалится отсюда на такое расстояние, что догнать его будет уже невозможно. Принц запросто может и передать его инквизиторам — хотя нет, это он вряд ли сделает! Ведь он не дурак и наверняка понимает, что тогда Керис сразу же выложит Костолому, где он может найти Антрига! А Сердик в этом совсем не заинтересован.

В комнате было темно. Сев в кресло, Керис вдруг подумал, что принцу нет необходимости заключать его под стражу — ведь он и так потерял за разговором с ним достаточно много времени. Возможно, Сердик специально отвлекал его беседами и тянул время, давая Антригу возможность удалиться на безопасное расстояние.

Встав с кресла, внук архимага взволнованно заходил по комнате. Тут же лежала его крестьянская одежда, которую Керис успел сменить на коричневое одеяние, в каких обычно хаживали торговцы средней руки или слуги богатых господ. Тут же, в громоздком балдахине над старомодной кроватью, было спрятано его оружие — и даже меч, который он не забыл подобрать на лугу. Когда Керис переодевался — уже тут, во дворце — слуги унесли под каким-то предлогом его оружие, но Керис выкрал его обратно — ведь наставники при Совете Кудесников говорят, что благоразумная подозрительность — мать безопасности. Керис проверил пистолет — тот был все еще заряжен. И хотя иметь при себе оружие в присутствии членов императорской семьи запрещалось категорически, верный себе Керис все-таки постоянно держал в башмаке небольшой нож. Ощупав ногу — на месте ли нож. — Керис засунул пистолет за пояс, прикрыл его камзолом и, сжимая в руке меч, неслышно двинулся из комнаты.

К своему удивлению, он увидел Антрига все в той же гардеробной. Странно, но сидел чародей в темноте, даже не потрудившись зажечь свет. Впрочем, какой-то слабый свет все-таки падал на столик через окно. Именно на маленьком ломберном столике Виндроуз и раскладывал карты. Он сидел спиной к выходу, и Керис увидел, что плечи чародея безвольно опущены — что-то явно успело утомить его.

Хотя Керис готов был поклясться, что при выходе не издал ни единого звука и его никак нельзя было заметить в кромешной тьме, Антриг вдруг сказал как ни в чем не бывало:

— Входи, входи, Керис! Ты готов отправиться сегодня же вечером?

У Кериса даже челюсть отвисла.

— Так ты и меня берешь с собой? — недоверчиво поинтересовался внук архимага. — Или же тебе просто нужен кто-то, кто сможет ухаживать за лошадьми? Ты что, сам не хочешь править?

— Считай, что так! — Антриг развернулся к молодому человеку, и линзы его очков блеснули в полумраке. Руки его продолжали перебирать карты. — К тому же… я вряд ли смогу убедить Джоанну отправиться со мной, оставив тебя тут!

— А что это вдруг тебя так интересуют ее чувства? Убедить ее

в чем-то не слишком сложно, тем более с твоим умением!

— Странно, но это именно так! — Голос чародея продолжал сохранять странную интонацию. — Ведь никаких сил и умений не хватит на то, чтобы увезти с собой силой молодую женщину да еще при этом управлять упряжкой лошадей! К тому же не время затевать свары! Не забывай, что регент уже держит сюда путь!

Керис нахмурился, но, сделав шаг, вдруг остановился и выпалил:

— Но откуда ты все это можешь знать? Ведь регент собирался в Кимил!

— Я знаю это оттуда, — с ноткой раздражения в голосе заявил Виндроуз, — что он наверняка мог повернуть обратно после того, что у нас с ним произошло на постоялом дворе! Или же епископ с инквизиторами встретили его на полпути и уговорили повернуть! Я более чем уверен в этом! — Тут Антриг закончил раскладывать на столе карты. Карты эти были странные — кроме обычных мастей, тут были свечи, жезлы и другие неожиданные символы. Керис знал, что такие карты называются Таро и используются только для гадания. Сейчас, на комбинации Антрига, фараон динариев. Тут же лежала восьмерка, обозначенная каким-то жезлом, пятерка с мечами, сердца-черви… Антриг бормотал. — И он собирается жениться! Странно, никак не ожидал этого от Фароса, зная его природу! Но зато это по крайней мере хоть что-то объясняет!

Кериса так и подмывало спросить, что это должно объяснять. Но только он раскрыл рот, как Виндроуз выложил последнюю, седьмую, карту, которая изображала смерть, но была перевернута.

— Так, еще более интересно! — выдохнул Антриг.

Керис молча глядел на разложенные карты. Как и положено обычным волшебникам в таком случае, он видел в темноте, но видел черно-белым, поэтому комбинация карт все равно ничего не могла сказать ему, даже если бы он умел гадать. В Совете кудесников волшебники обычно пренебрегали картами, считая их уделом малоквалифицированных магов, даже просто колдовством. Но сейчас расклад вдруг встревожил парня — Керис чувствовал, что на душе у него стало неспокойно. Поколебавшись, он все-таки не удержался и спросил:

— А… перевернутая смерть… означает жизнь?

Антриг резко покачал головой, а потом ответил:

— Нет! Это только застой, косность…

Длинные пальцы бывшего члена Совета ловко собрали карты и перетасовали колоду, причем делал это маг почему-то с закрытыми глазами. Выбрав шесть карт, Антриг выложил их на стол и стал вглядываться в полученную комбинацию. Глянув ему

через плечо, Керис увидел в центре карту с Отшельником, поперек которого лежала Смерть. По бокам же лежали карты с изображением Императора и Священника, а следующие были валет мечей и дама жезлов. Вообще-то, лично для Кериса масти ничего не значили, но он чувствовал, как тело Антрига дернулось в кресле, а затем экс-кудесник протяжно вздохнул и уставился в окно.

Затем Виндроуз извлек из колоды седьмую карту и уставился в нее. Снаружи, из конюшен, слышались голоса конюхов, которые явно закладывали повозку.

— Вот так-то! — прошептал Антриг, поднимаясь на ноги. Его лицо было очень усталым — Керис готов был поклясться, что таким его еще никогда не видел. — Пора уходить!

Путешественники молча покинули комнату.

Глава 13

Лунный свет падал на расставленные вдоль Чертовой Дороги путевые камни, делая одну сторону каждого белой, а вторую чернильно-черной. Камни тянулись бесконечной вереницей, безмолвные свидетели давно минувшего. Вдруг Антриг натянул вожжи — его почему-то заинтересовал один из поваленных камней. Соскочив с повозки, чародей обследовал камень. Упал столб давно — яма, в которой он когда-то стоял, давно заросла травой. Оглянувшись назад, Джоанна вдруг подивилась, прямизне дороги. Впереди же было видно немного — отрезок метров в сто, остальное терялось в черной неизвестности.

— Керис, придержи коней! — негромко сказал Виндроуз. Поколебавшись, Керис подчинился и, соскочив с повозки, схватил лошадей под уздцы.

Джоанна улыбнулась — хотя Антриг все еще считался вроде бы пленником Кериса, но уже давно стал определять стратегию и направление их движения. Причем он даже не считал нужным делиться своими планами с Керисом, не говоря уж о Джоанне. Через какое-то время, подобрав полы длинного платья и запахнув на груди подаренную принцем теплую шаль, Джоанна тоже соскочила на землю. Короткий разговор во дворце с Антригом, во время которого маг вкратце обрисовал ей ситуацию, потряс девушку. Ее удивило не столько содержание разговора, сколько собственное ничтожество перед лицом происходящего. Выходит, ей все-таки придется плыть по течению независимо от желания! К тому же она все еще не могла определить, что же чувствует к Виндроузу. Возможно, Антриг, говоря о своем желании вернуться обратно в Башню, имел при этом в виду и ее чувства. Подсознательно девушка чувствовала, что ее внезапное чувство к Антригу — неимоверная глупость, но сейчас у нее в голове все так перемешалось, что нельзя было отличить глупое от разумного… Вот когда она вернется обратно в свой мир, все сразу станет на свои места.

Если, конечно, вернется.

Сам же Виндроуз тем временем внимательно оглядывал цепочку придорожных столбов. В лунном свете блестели стекла его очков и хрустальные подвески на шее.

Тут Джоанна задумалась — когда она убила двух гвардейцев на берегу ручья, то почувствовала, как пересекла некую черту, которую можно пересечь один-единственный раз. Как человек, прозрев, начинает видеть цвета, а не сплошную серую пелену перед глазами.

Ночь была изумительная — ни ветерка, но не жарко, луна была почти полной, и ее лучи щедро высвечивали не только дорогу, но и все вокруг. Джоанна поправила шаль и тут же добрым словом помянула принца, который дал ей в придачу дюжину самых разных платьев. Заслышав шаги девушки, Антриг обернулся и остановился, поджидая ее.

— Что ты ищешь? — поинтересовалась Джоанна, озираясь по сторонам.

Вместо ответа экс-кудесник указал на землю. На дороге виднелись следы колес, оставленные уже довольно давно, поскольку они были довольно расплывчаты и неясны. Кроме следов колес, были еще какие-то странные следы. Джоанна сосредоточилась, пытаясь понять, какое же животное могло их оставить. Не придя ни к какому решению, она вопросительно уставилась в лицо чародею, ожидая ответа.

Антриг покачал головой.

— Я тоже не знаю, кто это был! — признался он. — Но ты только посмотри, следы начинаются прямо здесь, как будто этот кто-то вышел из двери. И ведут они как раз к поваленному камню! Зверь довольно-таки крупный. Сердик сказал мне, что окрестные жители не слишком часто посещают местные леса, поскольку за ними закрепилась дурная слава. Но мне кажется, что тело гниет где-то неподалеку, а паразиты, которые и сидели на этом теле, расползлись в разные стороны, ища новой поживы!

Джоанна содрогнулась. Налетевший ветерок растрепал ей прическу, но девушка вздрогнула, как будто кто-то чужой схватил ее за волосы.

— Это было неделю назад, — бормотал Виндроуз, — вот когда это было…

— А какова ширина Врат Пустоты? — спросила Джоанна осторожно.

— Обычно несколько сотен метров, — пояснил Антриг, — но эта Пустота явно была обращена к одной из энергетических линий! В старину волшебники вовсю пользовались этими линиями, чтобы беседовать, находясь в то же время за сотни миль друг от друга! — Тут Керис еще раз оглядел колышущуюся под ветром посеребренную луной траву. Маг продолжал: — В определенные ночи крестьяне пасут скот на пастбищах, которые находятся как раз на этих линиях. Это делается в память о Боге Мертвых, хотя все уже давно забыли, кто он такой и в чем его заслуги. Но одно я знаю с уверенностью — пока человек сам не пообщается с этим Богом, он не сможет переговариваться при помощи этих линий и извлекать из них иную пользу!

Тут вдруг Антриг протянул руку и взял ладонь Джоанны.

Девушка поразилась, как могут сочетаться в движении две совершенно неподходящие вещи — довольно уверенная хватка и в то же время нежность, какой-то скрытый смысл. Да он в самом деле волшебник! Сделав несколько шагов, они остановились. Виндроуз заглянул в глаза девушке.

— Послушай, Антриг, — сказала она, — для чего ты собрался в город Ангельской Руки?

По лицу чародея пробежала тень — видимо, он колебался, стоит ли отвечать на такой вопрос. Давала себя знать и природная осторожность этого человека. Наконец он ответил, слегка запинаясь:

— Мне нужно поговорить кое с кем из членов Совета Кудесников! Это очень важно!

Джоанна стояла, раздумывая, что сказать на это. Сомнений быть не могло: Антриг в первый раз ответил ей правду, не увиливая. Но сейчас она хотела услышать от него совсем не это.

— Но ведь они, — нашлась Джоанна, — ведь они все арестованы! Ты же сам говорил!

Виндроуз кивнул.

— Все это так, — заметил он, — но я хочу поговорить с ними! — Причем сказано это было таким тоном, как будто речь шла о междугороднем телефонном разговоре.

— О чем поговорить? Об этих следах? — продолжала допытываться девушка. — Или же о том, что на самом деле случилось с архимагом? — И тут, набравшись храбрости, она вдруг выпалила: — Или о том, кому тебе ли, нет ли, — и для чего я могла понадобиться? Так, да?

В мертвой тишине раздавалось лишь позвякивание упряжи и фырканье застоявшихся лошадей. Губы Антрига сжались в подобие гримасы. Джоанна решила, что теперь-то он уж точно ничего не ответит или в лучшем случае отделается ничего не значащей ерундой, как он делал всегда, рассказывая о древних культах и диковинках местной флоры и фауны. Но Антриг вдруг отозвался:

— Нет, о том, что же в действительности произошло двадцать пять лет назад!

— Что?

— А вот это, — выдохнул он, — я бы и сам хотел знать, иначе бы не ехал туда!

Виндроуз направился было обратно к повозке, но Джоанна, сжав сильнее руку, удержала его на месте. Пальцы у чародея были грубыми и узловатыми, но длинными. Именно благодаря этим пальцам девушке казалось, что она теперь чувствует душу Антрига.

— Я ничего не понимаю! — пожаловалась она.

— Неужели это действительно так? — улыбнулся он. — Ну тогда все просто прекрасно!

Это было сказано не просто ради красного словца, поняла она. Джоанна подумала, как глупо было верить Антригу и еще более глупо проявлять к нему какие-то чувства. Но она любой ценой должна вернуться обратно, в свой собственный мир, и тогда этот Антриг забудется, как будто ничего этого на самом деле и не было. А Виндроуз, должно быть, просто стеснялся обнять ее за плечи. Ох уж эта средневековая церемонность! Девушка сама обняла мага за талию. Прижавшись к его боку, она сразу почувствовала какое-то удовлетворение, уют. Ей даже показалось, что она чувствует его дыхание.

Они не спеша двинулись обратно, туда, где стояла их повозка, возле которой прохаживался Керис в своем облачении слуги. Даже издали можно было заметить, что он недоволен, — внук архимага встал, сложив перед собой руки, едва только заметил своих спутников. Очевидно, его шокировала такая вольность в обращении женщины с мужчиной.

— Послушай, Джоанна, — негромко сказал Антриг, едва они приблизились к повозке, где застоявшиеся лошади меланхолично пощипывали придорожную травку. Даже такой негромкий, голос этого человека прозвучал для девушки самой прекрасной на свете музыкой. Когда он глядел на нее, то линзы очков светили, словно настоящие звезды. Помолчав, маг продолжал: — Я не имею права просить тебя верить мне безоглядно. Я бы даже сказал, что для такой умной девушки, как ты, это было бы просто оскорблением. Но… пожалуйста, верь мне хотя бы в том, что я не веду тебя туда, где тебя может подстерегать зло!

— Я и так всегда верила в это! — отозвалась она. Тут оба они остановились в нескольких шагах от упряжки. Помолчав, она спросила: — Ты отправишь меня обратно в мой мир?

Виндроуз поспешно отвел глаза. После минутного замешательства он сказал:

— Верну, когда смогу!

Затем чародей помог ей подняться в повозку. Устраиваясь поудобнее на обитом коричневой кожей сиденье, девушка продолжала глядеть на него, словно ожидая еще какого-то ответа…

— Я не могу сказать тебе всей правды, Джоанна… — выдавил из себя расстрига-кудесник. — Я и так уже наворотил горы лжи! Я сам слишком часто верил тем, кому не должен был верить! Так что теперь лучше не рисковать! Кстати, от этого и тебе будет спокойнее!

Взобравшись на сиденье, Виндроуз сильными руками ухватил вожжи. Керис, который все это время наблюдал за ними с явным подозрением, проворно запрыгнул на козлы, и они тронулись дальше. Время текло медленно. Джоанна сидела молча, глядя на проносящийся мимо посеребренный лунным светом пейзаж. Она думала, почему собственные слова приводят Антрига в такой ужас. Он не хочет что-то говорить? Да, он сам признался в этом! Кривит душой? Странное дело, но теперь она почему-то еще больше верила чародею. Интересно было одно — что должно было ее напугать, по мнению мага.

Еще целый день, ночь и часть следующего дня они добирались до города Ангельской Руки. Известно, что средневековая дорога — никак не современное шоссе. Этот тракт общеимперского значения совсем не походил на таковой: всюду рытвины, выбоины, даже булыжное покрытие было для Феррита непозволительной роскошью. Поэтому всякий раз, когда коляска подпрыгивала или оседала, в зависимости от характера дорожного повреждения, Джоанна проклинала такие «удобства». Видимо, человек, изобретший рессоры, еще не появился на свет в этой стране. Город Ангельской Руки был неизмеримо крупнее Кимила, еще издали путешественники почуяли запах жженого угля, который шел из труб мастерских и мануфактур, а также морскую свежесть — в городе была крупная гавань. Еще издали, задолго до того, как показался сам город, по обеим сторонам дороги замаячили предместья — многочисленные деревни и феодальные поместья, окруженные парками. В городе особенно поражали воображение жилые доходные дома в несколько этажей — небоскребы средневековья — и кирпичные здания мануфактур. Поначалу, когда они ехали по достаточно пустынному участку дороги, лошадьми правила Джоанна — она научилась этому у Антрига. Теперь же чародей сам взял вожжи в руки — уж на что оживленными были улицы Кимила, но они не шли ни в какое сравнение с улицами города Ангельской Руки, которые до позднего вечера были запружены самыми различными повозками, причем возницы их были столь небрежны в управлении и так пренебрежительно относились к своим коллегам, что даже у не слишком чтившей правила дорожного движения Джоанны их езда вызвала неподдельный ужас. — Тут везде, — быстро подошел Антриг к замершему от изумления Магусу, — столько всякого происходит, что не веришь, где кончается реальность и начинается сказка!

Тем временем они по запруженному людьми мосту въехали на длинный узкий остров, что лежал прямо посреди впадавшей в море реки Глидден. Надо же, подумала Джоанна, прямо как

остров Сите на реке Сене в Париже — ведь этот остров тоже был историческим центром города. Все здания в этом городе были выстроены из сероватого гранита, который добывался в каменоломнях неподалеку (как объяснил Антриг). Девушка подумала, что этот гранит придает городу ощущение тяжести, тесноты и удрученности, чего она не заметила в Кимиле, где большая часть домов была выстроена из дерева. А уж на острове, который назывался Ангельским, царило полное уныние — серые здания тут были еще серее из-за постоянно изрыгаемого из топок мастерских и мануфактур черного угольного дыма. Над всем этим величественно высились зубчатые башни и стены городской крепости. Углядела Джоанна и высокие острые шпили — спутники пояснили, что это церковь.

— Крепость Святого Сира! — перехватил направленный на крепость взгляд Джоанны Керис. — В то же время — резиденция епископа города Ангельской Руки. И она же — тюрьма Святой Инквизиции!

Тут Керис выразительно поглядел на Антрига, который, впрочем, не обратил на это внимания — взгляд чародея был обращен на дорогу, по которой двигалась богатая карета. Не задеть бы, думал Антриг, иначе не миновать скандала! Посмотрев на Кериса, Джоанна увидела в его глазах все то же недоверие, которое он питал к Виндроузу по дороге из Кимила. Девушка сразу почувствовала себя очень неловко.

Можно было сказать, что вынужденное перемирие чародея и внука архимага закончилось — трудности пути были преодолены, они наконец-то достигли своей цели. Теперь каждый из них мог снова пытаться достичь собственных целей. При мысли о том, что Керис притащит Антрига во дворец регента и сдаст его этому безумцу, Джоанна содрогнулась, хотя Антриг не был такой уж невинной жертвой — до сих пор не было веских доказательств того, что это не он похитил архимага и уволок Джоанну в этот непонятный мир. Виндроуз повторял, что он невиновен, но при этом совсем не спешил рассказать спутникам о своих планах, а то, что рассказывал, наверняка было ложью — по крайней мере наполовину!

Девушка вновь уставилась на Виндроуза, который в это время ловко направлял лошадей сквозь уличную толчею на ведущий с острова мост. Этот мост был шире и вообще внушительнее первого, уже при въезде на него сидели многочисленные торговцы различным мелким товаром, нищие и попрошайки, девушки-цветочницы и разносчики горячей лапши. По обеим сторонам моста спешили куда-то по своим делам одетые в ливреи слуги, закутанные в уныло-серые одежды монахи, староверы в

черных балахонах, солдаты и послушники. Казалось, что воздух тут пропитан запахом конского навоза и водорослей. Антриг же, озираясь по сторонам, восхищенно комментировал происходящее, как будто был здесь впервые и в качестве туриста.

И тут Джоанна вспомнила — ведь он целых семь лет просидел в темнице. Естественно, что такому человеку многое может показаться новинками.

Целый час с лишним они пробирались по узким кривым улочкам и бесконечным рыночным площадям, забитым народом. Наконец пошли более спокойные, более богатые кварталы — признак того, что императорский дворец уже недалеко. Зная, что все равно вряд ли она получит ответ на интересующий ее вопрос, Джоанна удержалась от соблазна поинтересоваться, куда же, собственно, они сейчас держат путь. Керис молчал, словно воды в рот набрав, — видимо, перед ответственным моментом ему не хотелось нервировать пленника.

Понятное дело, Антриг ехал не куда глаза глядят, у него была какая-то цель.

Джоанна была очень удивлена, когда Виндроуз неожиданно натянул вожжи прямо на одной из чистеньких площадей — тут были богатые кварталы. Она ожидала, что если Антриг кинется искать убежища, то это будут бедные районы города, где можно без труда затеряться в людском скопище, в тесноте и грязи. Но этот квартал никак нельзя было назвать бедным. Со всех сторон на площадь глядели высокие дома, но это были не доходные дома для бедного люда, а настоящие дворцы, на несколько богатых семей каждый. Каждый дом своею архитектурой не повторял соседа. В самом центре площади росла небольшая купа деревьев, в тени которых гуляли под присмотром нянек нарядные дети. Тут же стояли две кареты. Окна в обоих экипажах были наглухо зашторены, а кучера и форейторы на запятках карет настороженно оглядывались по сторонам. Антриг почему-то ухмыльнулся и встряхнул головой, как будто ему подвернулась большая удача.

— Насколько я вижу, все осталось, как и было, — прокомментировал Антриг виденное. Проворно соскочив с сиденья, он направился к одной из внушительных мраморных лестниц. Привратнику в розовой ливрее, открывшему ему дверь, Антриг сказал: — Пошлите кого-нибудь позаботиться о наших лошадях и передайте Магистру Магусу, что самый великий предсказатель этого мира прибыл на встречу с ним!

Нисколько не удивившись, привратник почтительно произнес:

— Да, господин! — И тут же скрылся в глубине дома.

— Магистр Магус? — спросил Керис. Голос его звучал гневно. В это время другой слуга ввел их по винтовой лестнице в гардеробную, в интерьере которой преобладали розовые, золотистые и черные тона. Керис продолжал твердить: — Это шарлатан! Что все это значит?

— Что-что? А тебе разве тут не приходилось бывать? — по лицу Антрига пробежала легкая тень. В глубине комнаты стояла какая-то облаченная в сиренево-фиолетовый наряд женщина, которая, увидев ливрею Кериса и истрепанную бархатную куртку Антрига, презрительно фыркнула и вышла из комнаты.

Рассматривая обстановку комнаты, Джоанна заметила, что несмотря на неудавшуюся претензию хозяев дома придать комнате восточный колорит, все — от черно-розовых восточных ковров до статуэток старых богов из розоватого камня — было очень хорошего качества и должно было стоить немалых денег. Так что вряд ли хозяином дома был шарлатан, как утверждал Керис, — ведь занимаясь чем-то, долго скрывать шарлатанство нельзя, а тут налицо был явно многолетний достаток.

— Ну конечно же, нет! — вдруг закричал Керис, как будто тот же вопрос, что вертелся в голове Джоанны, задал ему и Антриг. — Это все…

Ему явно хотелось сказать «омерзительно», но Антриг опередил его, сказав:

— Намного лучше, чем у твоего деда, не так ли?

Глаза послушника злобно сузились. Глядя на Виндроуза в упор, он процедил:

— Я вообще не желаю, чтобы ты так говорил обо всех, особенно о моем деде! Считай, что ты коснулся его в разговоре со мной последний раз! Больше этого не будет!

Но Джоанна решила, что раздражение Кериса возникло как раз из-за этого сравнения.

Через несколько мгновений раздался звук гонга, а потом двери, ведущие в другую комнату, растворились. В гардеробную вошла другая женщина в умопомрачительном наряде из парчи и розовых кружев. Явно ручная работа, подумала Джоанна, стоит по меньшей мере четыре тысячи долларов. Женщина легко опиралась на руку стройного высокого мужчины, одетого в черный бархатный камзол. Единственным украшением мужчины была осыпанная бриллиантами серебряная звезда на груди. Возможно, эта звезда несла какую-то смысловую нагрузку, но Джоанна все же решила, что мужчина просто решил оттенить свои черные с проседью волосы. Наконец человек этот заговорил — голос его был спокойным и отчетливым.

— Видите, графиня, вам совершенно не о чем

беспокоиться, — говорил мужчина, — в вашем будущем я углядел одного молодого человека, с которым вы были эмоционально связаны в вашей предыдущей жизни. Так что это или тот самый мужчина, который теперь беспокоит вас, или же еще более подходящий. Но это откроется лишь по воле Бога благодаря стечению обстоятельств. Что же касается вашего мужа, то можете совершенно не тревожиться этим. Имейте терпение и веру, и все само собой устроится. Так же, как со временем исчезают на воде круги от брошенного камня!

Подняв руку, унизанную перстнями с крупными рубинами, человек сделал движение, напоминающее пастырское благословение. Графиня же, встав на одно колено, поцеловала ему руку и затем, поднявшись на ноги, быстро вышла, шурша роскошным платьем.

Затем Магистр Магус повернулся ко второй женщине со словами:

— Моя дорогая маркиза… — Джоанна заметила, что у этой женщины зеленые, глубоко посаженные глаза. Магус тихим голосом продолжал: — Я понимаю, что именно тревожит ваше сердце! Вижу, что вы оказались теперь как бы между двух огней! Но проблема эта образовалась отчасти потому, что сегодня вам выпал несчастливый день, которому к тому же покровительствует звезда Антирбос! Это не тот день, в который какой-либо из полученных советов может оказаться вам полезен! Ступайте домой и уединитесь в своей комнате! Съешьте легкий ужин, выпейте только один бокал вина. А потом можете почитать или подумать о том, как перебороть влияние Черной Звезды, которое печалью легло на ваше сердце. Если печаль завтра утром не оставит вас, придите ко мне снова!

Джоанна подумала, что Магистр говорит слишком уж обтекаемо — под такими словами можно подразумевать что угодно. Но маркиза, подобно своей предшественнице, графине, наклонилась и тоже поцеловала руку предсказателю.

— Из ваших уст, — проговорила посетительница, — даже тишина — и то разумный совет! Все обстоит именно так, как вы сказали.

Магус безмолвно проводил женщину до двери. Маркиза стала спускаться по лестнице, подобрав подол длинного платья, а маг в молчании смотрел ей в след. Вдруг где-то внизу раздалось хлопанье двери — кто-то еще входил в дом.

Подождав, пока посетительница спустится до конца лестницы, Магистр тихо прикрыл двери и со вздохом повернулся к гостям. Он улыбнулся, и белые зубы жемчугами блеснули под его черными усами.

— Антриг, старый хитрец, откуда ты выскочил, из какой табакерки? — Хозяин дома хитро посмотрел на экс-кудесника. Тут они крепко обнялись. — И в самом деле, самый известный предсказатель судьбы, или как ты там себя величаешь! Я рад, что это имя снова звучит в моем доме!

— Ну что же, тогда я вижу, что ты рад моему приходу! — улыбнулся Антриг в ответ. Затем, посерьезнев, он положил руку на плечо друга и сказал, передразнивая его предсказание женщине: — Что же касается вашего мужа, то не беспокойтесь! Я вижу, что в будущем появится молодой человек, приятный во всех отношениях, он окажется на вашем пути и станет общаться с вами так, как того заслуживает подобная вам очаровательная и образованная женщина! Река Вечности плывет в самых разных берегах, а в ее водах плещется рыба самых экзотичных названий! Иногда воды глубоки, иногда река мелка, но всегда…

Предсказатель рассмеялся, явно польщенный.

— И все равно приносит очень приличный доход, очень приличный, — сказал он. Затем Магус посерьезнел: — но ты-то как сюда попал? Только не надо говорить, что ищут кого-то другого, а не тебя!

— Ну что же, — признался Антриг, — действительно, все разыскивают меня. Совет ищет меня за то, что я исчез из Башни, регент — за то, что я немного повздорил с ним в дороге, а Церковь… Почему?

Магистр только покачал головой.

— Это одному Богу ведомо. И, может быть, еще принцу-регенту, — сказал Магус, — на прошлой неделе, как раз в воскресенье, инквизиторы похватали всех магов — членов Совета. Им помогали гвардейцы принца. Честное слово, они носились по кварталу, словно волки в стаде овец! Я все время хотел броситься бежать, но каждый раз сдерживал себя — ведь если бы я побежал, тогда бы они точно меня схватили и задали резонный вопрос: почему я так их испугался? — и Магистр невесело рассмеялся. — А может быть, я был просто слишком испуган, чтобы бежать! Знаешь, ведь иногда бывают ситуации, когда ноги ни в какую не желают слушаться хозяина! И с ними ничего не поделаешь! Кстати, мне сказали, что даже Сердика под каким-то благовидным предлогом выслали из города! — Тут взгляд предсказателя судьбы упал на Кериса, и Магус удивленно спросил: — Так ты что, и телохранителем обзавестись успел?

— Ну, это только образно говоря, — ухмыльнулся Виндроуз, — а я-то смотрю, что торговля идет тут по-прежнему бойко, как и всегда!

— Ха, две клиентки — это бойко, по-твоему? — рассмеялся

Магус. — Знаешь, обычно у меня народу невпроворот! Иной раз начинают приходить чуть ли не с трех часов ночи! И занимают очередь с единственным желанием — поскорее отдать мне круглую сумму денег только за то, чтобы я им сказал то, что они от меня и хотят услышать! Ха, моя популярность того же рода, что и у какого-нибудь модного парикмахера! Сегодня впрочем, только первый день на этой неделе, когда ко мне хоть кто-то пришел! Ведь при нынешних нападках на все волшебство найдется мало желающих навлекать гнев высоких сил на себя.

Магистр вздохнул и замолчал. Теперь он больше не казался важным и импозантным — так, худощавый человек с бриллиантовой звездой на груди, чем-то потрясенный и даже напуганный.

— А твое волшебство тоже ушло от тебя? — вдруг тихо спросил Антриг.

Предсказатель судьбы резко кивнул и ничего не сказал. Впрочем, и так все было ясно.

— Ну конечно, — тихо сказал Виндроуз, — как я мог бы быть хорошим предсказателем судьбы, так и ты мог бы сидеть в Совете Кудесников! Но теперь…

Предсказатель судьбы невесело усмехнулся.

— Много ли пользы принесло бы мне мое умение! — пробормотал он. — Да и для чего. И, Антриг, прошу тебя, не нужно об этом говорить! Инквизиция не трогает меня только потому, что считает меня обыкновенным мошенником! Я якобы говорю от имени тех сил, которые не могут существовать, по мнению Костолома и иже с ним! Но ты, — Магус нахмурился, — с тобой все обстоит по-другому! Откуда ты знаешь… О том… О том… Что мои силы начали постепенно оставлять меня?

— Что? — спокойно спросил Антриг. — Силы? Они убывали словно рывками и по большей части как раз на этой неделе! И ты…

Магистр уставился на Виндроуза, как, должно быть смотрели на него его клиенты, когда ему случалось раскрыть какой-нибудь их секрет.

— Магус, — продолжал экс-кудесник, — но ведь это произошло со всеми волшебниками… Со всеми людьми вообще, да?

Магус покачал головой, словно не веря услышанному.

— Графиня что-то говорила о прошлой неделе… — бормотал он, — они тогда еще постоянно ссорились… Но этого не может быть, чушь! Одна женщина вообще поведала, что очнулась в тот момент, когда с ножом в руке подкрадывалась к комнате мужа! Она даже не помнила, как вообще в ее руке оказался этот нож!

Конечно, она терпеть не может мужа, но такое… Она сказала мне, что боится возможного помешательства…

— Может быть, помешательство тут было, — указал Антриг, — но может быть и так, что ею двигало просто отчаяние! А отчаяние обладает способностью высасывать из человека все жизненные силы, оно разрушает надежду на… На что? Я не знаю, что это такое и как это все можно уладить! Но тем не менее это происходит, и происходит на наших глазах! Ты случайно не знаешь, удалось ли кому-нибудь выскользнуть из сетей Церкви?

— Что? — Подавленный потерей жизненных и волшебных сил предсказатель не сразу сориентировался, что Антриг вдруг резко сменил тему разговора.

— Розамунда? Тетушка Мин? Витвел Симм? Так, так, это уже интересно… — сказал Антриг, больше обращаясь теперь к самому себе. — Особенно интересно то, что кто-то проводит различие между обладающими волшебной силой и теми, кто этой силой не только обладает, но и способен довольно эффективно ее использовать. Прежде всего, конечно, имеются в виду члены Совета Кудесников. Интересно было бы еще узнать, кто принял такое решение…

Предсказатель судьбы только покачал головой.

— Кто его знает, — печально отозвался он, — придумать такое может кто угодно, не так ли? Ведь если хоть кто-то из великих спасется, то потом он в конце концов сможет выручить и остальных! — Тут Магистр повел своих гостей из гардеробной в столовую. Там заблаговременно были наполнены теплой водой рукомойники, положено душистое мыло.

— Да, — задумчиво протянул Антриг, стаскивая куртку и вешая ее на вешалку в углу, — ты, пожалуй, прав!

Магус, направившись было к столу с явным желанием отведать содержимого бутылки красного вина, вдруг остановился. Он посмотрел на стоявшую молча Джоанну и подошел к ней.

— Дорогая моя, тысячу раз прошу у вас извинения, — начал он, церемонно прикладывая руку к левой стороне груди. — Вообще-то обычно мне сразу удается угадать, кого какая проблема мучит, если таковая проблема у человека имеется! Например, ваш так называемый слуга на самом деле послушник, насколько я понимаю! И воин! — Стоявший у дверей Керис весь напрягся. — Но вашу проблему, дитя мое, я почему-то никак не могу угадать! Не будет ли слишком невежливо с моей стороны поинтересоваться, какой камень лежит у вас на душе? И кто вы такая по роду занятий? вы ответите или предпочтете умолчать?

Смутившись, Джоанна опустила глаза и выдавила из себя:

— Я — специалист по компьютерному программированию!

— Джоанна! — Джоанна, — повторил Керис еле слышно, — я пришел попросить тебя о помощи.

Удивленная, она села на кровати, убирая с глаз спутанные во сне волосы. Кровать ее со всех сторон была завешена марлей — для защиты от комаров. Ведь в мрачную эпоху средневековья, разные электрические штучки для отпугивания комаров и прочей кровососущей нечисти еще не были изобретены.

— Кто там? — спросила она, подходя к окну. — Кто?

Часы пробили три часа ночи, но на улицах все еще продолжалась торговая жизнь — торговцы на все лады расхваливали свои товары, в основном съестное и крепкие напитки.

— Керис!

Несмотря на то, что луна стояла довольно высоко и туч не было, на улице было довольно сумрачно. В комнате же единственный свет исходил от крошечного огонька, еле теплившегося в наполненной маслом плошке. Помедлив, Джоанна накинула кружевную пелерину и открыла дверь.

Оказывается, голос раздавался вовсе не с улицы, а из зала за комнатой! В доме все было тихо и спокойно, только слышался храп хозяина, спавшего в соседней комнате. Керис был одет как обычно — в ливрею и прочее, как будто бы вовсе не ложился спать. Странно, но она не помнила, куда подевался вечером Керис. Оба мага после обмена воспоминаниями при ней отправились спать по своим комнатам. А Керис… Куда же пошел он? Куда?

— Можно мне войти?

Она отступила в сторону, освобождая проход. Девушка знала, что еще месяц назад ни за что бы не впустила послушника в свою комнату среди ночи, пусть он хоть трижды спас бы ее от злых волшебников или хищных зверей! Но то было месяц назад — ведь тогда она еще не убила двух человек, и души их не лежали на ее совести!

Джоанна призналась себе, что за последнюю неделю вдруг начала испытывать к внуку архимага симпатию. Для нее это было полной неожиданностью. Раньше она немного побаивалась этого красивого молчаливого парня, поскольку была уверена, что он наверняка потешается в душе над ее трусостью и неумением ориентироваться в этой жизни. Но, подобно Антригу, Керис очень терпимо относился к людям. Он явно не ожидал от Джоанны умения лазать по крепостным стенам и метко стрелять из мушкетов. Только в отличие от Антрига он не слишком любил говорить. Но этому, видимо, тоже обучали в школах послушников.

Она ничего не ответила. Ей часто приходилось видеть в фильмах, как героини делали что-то для людей не совсем достойных, иногда даже вовсе недостойных. И делали то, что часто шло вразрез с законами общества или Бога. Им приходилось делать нелегкий выбор. Она была не против помощи Керису — ведь и ему она была многим обязана — но надеялась, что он не поставит ее перед подобным выбором.

Возможно, это пустая надежда, подумала она. Выбор все же придется делать — быть либо с Керисом, либо с Антригом. От девушки не укрылась плохо скрытая вражда внука архимага по отношению к бывшему кудеснику и насмешливо-холодное отношение Антрига к Керису. Естественно, что каждый из них пытался перетянуть ее, Джоанну, на свою сторону. К тому же она не знала, что они замышляют — Керис был неразговорчив, а Виндроуз, хоть и говорил много, не говорил при этом главного, помалкивал о своих планах. Но девушка все-таки осторожно спросила:

— И что я должна для тебя сделать?

Вместо ответа молодой человек вытащил из кармана скомканный листок бумаги. Внук архимага расправил бумажку, и Джоанна увидела, что это была карта. Карта какого-то квартала, возможно, даже этого города. Причем на карте один из домов был помечен крестиком. Но, странное дело, на доме не было номера — отсутствие нумерации было еще одной не слишком приятной средневековой реалией.

— Я подозреваю, что Антриг с рассветом постарается скрыться! — заговорил наконец Керис. — Он ведь прибыл сюда с какими-то своими целями. Я не могу позволить себе упустить его. Но мне нужно связаться с доктором Нарвалом Скипфрагом. Это единственный человек в Суде, который дружелюбно настроен к Совету Кудесников. К тому же он единственный, к кому может прислушаться регент. Он друг моего деда… Тоже ученый. Только он считает, что наука — это нечто большее, нежели разные, как он говорит, фокусы и предсказание будущего!

Тут Керис протянул листок бумаги ей. Джоанна приняла его обеими руками, словно это был кирпич.

— Расскажи ему обо всем, что произошло и где нас можно найти! Скажи ему, что мне нужно попасть к членам Суда и что я пленил того самого Антрига Виндроуза. Даже если он не пленник, то я по меньшей мере держу его в поле зрения! И заодно поведай доктору, что произошло с моим дедом!

Джоанна положила листок на низкий столик.

— Я скажу твоему… Нарвалу, что архимаг исчез, — сказала она тихо, — но, по правде говоря, я понятия не имею о том, что с

ним в действительности случилось! Впрочем, ты тоже не знаешь этого!

Губы Кериса плотно сжались, а глаза стали колючими.

Джоанна же, не обращая внимания на его недовольство, продолжала:

— Я действительно ничегошеньки не знаю! Мне известно только то, что вы с Антригом мне рассказали! И вообще, единственное, чего я хочу, — это поскорее выбраться из этой передряги и попасть домой! Это все! — Тут она замолчала, осознавая, что это, оказывается, еще не все, что ей нужно.

— Вот что я тебе скажу, — тихо сказал Керис, — это из-за Антрига ты попала в эту, как ты выразилась, передрягу! Это он оставил в том доме пометку на стене, чтобы по ней можно было найти тебя, и нашел, притащил сюда! Мы даже не знаем, для чего ты ему понадобилась! А ты в любом случае не сможешь вернуться домой до того, как мы освободим из-под стражи Совет Кудесников, до того, как вернем моего деда. Неужели ты этого не понимаешь?

Помолчав немного, Джоанна вздохнула и нехотя выдавила:

— Понимаю!

Керис некоторое время стоял молча, созерцая узор на рукоятке своего меча. Джоанна машинально заметила, что оружие и лакейская ливрея совсем не вяжутся друг с другом. Наконец он, подбирая нужные слова, проговорил:

— Я вовсе не прошу тебя причинять ему зло! Если уж зло способно что-то причинить ему… Мне кажется, что он сам пользуется злой энергией, которую черпает из множества источников! Но я должен знать, что он замышляет! Его нельзя упускать из поля зрения! А ты единственная, кто может мне хоть в чем-то помочь! Мне больше не на кого рассчитывать! Ведь я могу на тебя положиться?

Понимая правоту Кериса, девушка поспешно кивнула. Керис еще несколько мгновений смотрел на нее, а затем, резко повернувшись, вышел и словно растворился в темноте громадного зала. А Джоанна смотрела в дверной проем, не испытывая совершенно никаких чувств. Хотя ступеньки лестницы вели прямо к ее двери, она не услышала их скрипа, который должен был сопровождать спускавшегося Кериса.

Как Керис и предполагал, и он сам, и Антриг преспокойно могли уйти из этого дома еще до того, как Джоанна проснется поутру. Когда девушка села завтракать вместе с хозяином дома, вошедший слуга в розовой ливрее торжественно объявил, что прибыла маркиза Инглсток и любезно просит изыскать для нее время. Итак, можно было отметить оживление деловой

активности, на спад которой жаловался Магистр. Но тут удача изменила ей. Едва выйдя на лестницу, Джоанна увидела двух облаченных в черную форму послушников и с ними одетого в серое инквизитора. Их взгляды встретились.

Хотя наложенное на нее Антригом заклятье давало Джоанне возможность свободно понимать язык этой страны, она понятия не имела о местной грамоте. Поэтому надписи на карте для нее ничего не значили. Но Керис успел хорошенько растолковать ей путь, и потому трудностей в ориентировке на местности у нее не было. Этот дом находился довольно далеко от резиденции Магуса. Джоанна проходила мимо бедняцких кварталов и рыночных площадей, где торговцы на все лады расхваливали свои товары, а нищие гнусавыми голосами выпрашивали милостыню. Долгий путь совершенно не подействовал на Джоанну — она уже успела привыкнуть к длительным пешим прогулкам.

Нужный дом она заметила издали. Но вот беда — вход туда охраняли два гвардейца с каменно-непроницаемыми лицами.

Девушка в нерешительности остановилась на мостовой, разглядывая узкие ступени парадной лестницы. Поправив на плече свой знаменитый кошель, Джоанна извлекла из карманов обширной юбки карту и еще раз сверилась с нею. Но и без этой проверки она знала — гвардейцы охраняли именно дверь Нарвала Скипфрага. Ученый водил дружбу с волшебниками, но мундиры солдат очень походили на форму послушников Церкви — не только цветом, но и наличием медальона с изображением Единого Бога. Разница заключалась разве что в покрое, но ведь покрой — не самое важное.

Оглянувшись по сторонам, Джоанна вздохнула, и, еще раз глянув на стражников, которые словно не замечали ее, медленно пошла дальше.

Возле угла дома она остановилась и, сложив карту вчетверо, сунула ее в ридикюль. Улица была большая, с довольно оживленным гужевым движением. Отличалась она обилием конского навоза, отбросов под ногами и мух. Рядом находилась столярная мастерская, служившая одновременно лавкой где торговали мебелью. По соседству расположилась маленькая харчевня, из раскрытой настежь двери валил пар. Девушка подумала, что внутри, должно быть, неимоверно жарко. Пройдя эти два здания, она увидела узкий переулок. Поразмыслив, Джоанна подобрала подол юбки и решительно шагнула туда.

Как и дом Магистра Магуса, эти дома тоже имели по небольшому дворику за собой. Тут было еще грязнее, чем на внешней улице. В придорожной канаве журчала зловонная жидкость, на немощеной дороге сплошным слоем лежали

отбросы. Войти через заднюю калитку означало выдать себя, поскольку все калитки тут были запечатаны красными восковыми печатями. Но Джоанна знала, что делать: оглянувшись по сторонам и убедившись, что ее никто не видит, она вытащила из кошеля швейцарский нож и осторожно, чтобы не повредить, срезала печать с дерева. Теперь оставался пустяк — распахнуть воротца и войти внутрь. Что она и сделала.

Постояв во дворе, она раскрыла дверь черного входа и вошла. В помещении было тихо — ни звука. Вроде бы пусто, подумала она. Но для чего тогда здесь поставлены солдаты?

Так, соображала она, Нарвал Скипфраг — единственный человек в Суде, которому доверяли кудесники. А регент тогда с полдороги повернул обратно, в город Ангельской Руки. Якобы собираясь увидеться с Сердиком. Керис же говорил, что на регента напала необычайная подозрительность.

С бешено колотящимся сердцем девушка подошла к одной из дверей и заглянула в нее.

Это была библиотека. Кроме книг, в глаза ей бросились резные кресла с высокими спинками, наверное, очень дорогие. Пустым оком глядел на нее камин. Впрочем, для чего разводить огонь летом?

Библиотека тоже была опечатана, нитка, закрепленная восковой печатью, позволяла открыть дверь сантиметров на пять, не больше. Джоанна постояла немного, выдумывая историю о сестре, которая заболела и которой поэтому срочно нужно увидеть доктора Скипфрага, иначе она умрет. История банальная и в нее мало кто может поверить, призналась себе девушка. Но ничего лучшего она не могла выдумать. Прислушавшись еще раз и не услышав ничего подозрительного, она срезала ножом и вторую печать.

Да, этот дом пуст, поняла она, стоя в большом зале. Во всяком случае, в нижнем этаже точно никого не было. Тогда Джоанна решила обследовать верхнюю часть дома. Она тихо сняла туфли на высоком каблуке и направилась к лестнице, ведущей наверх.

В спальне на втором этаже она обнаружила смятую постель, в которой явно давно уже не спали. В платяном шкафу был выдвинут один ящик. Взглянув туда, девушка увидела, что там среди галстуков и перчаток осталась небольшая выемка. Там, как видно, лежало что-то такое, что было выхвачено в спешке. На полу Джоанна заметила несколько крупинок черного пороха.

Тихо выйдя из комнаты на лестницу, девушка поднялась еще на два пролета.

Комната, в которую она вошла, была невероятно душной.

Здесь отчетливо пахло кровью, Джоанна готова была поклясться в этом. У девушки даже голова закружилась. Зрелище было достойно фильма Хичкока — белые стены и потолок комнаты были забрызганы кровью, причем бурная сцена разыгралась тут наверняка довольно давно, поскольку кровь успела побуреть. Небольшие лужицы крови виднелись и на полу. При виде крови, она вдруг вспомнила, как такая же кровь, только посвежее, брызгала, пульсируя, из тел застреленных ею солдат. И как часть крови попала ей прямо в лицо. Почувствовав приступ тошноты, девушка изо всех сил стиснула зубы.

Именно та часть ее рассудка, которая помогала ей работать над компьютерными программами до трех часов ночи, а потом настойчиво говорила ей, что влюбляться в Антрига — по меньшей мере глупо, теперь словно вопрошала, что же такое могло тут произойти.

Джоанна нерешительно сделала шаг вперед. Вдруг, словно наступив на что-то острое, она поспешно отдернула ногу в толстом чулке назад. Так и есть — на полу поблескивал небольшой осколок стекла. Нагнувшись, чтобы поднять осколок, Джоанна заметила рассыпанные тут же другие осколки стекла. Подняв самый крупный из них к свету, она с удивлением обнаружила на его острых краях следы крови.

Содрогнувшись, девушка отшвырнула стекляшку далеко в сторону. Ей даже показалось, что этот осколок стекла наполнил ее жутким страхом, причем страхом неизвестно перед чем. Вообще на полу стеклянных осколков было не слишком много, но они были разбросаны далеко друг от друга. Заметив в глубине комнаты, у противоположной стены, некое подобие лабораторных столов, Джоанна, внимательно глядя под ноги, направилась туда. Очень давно изучала курс под названием «Электричество. Общие сведения», но даже сейчас сразу узнала самые примитивные электрические батареи с их выстроенными в линию наполненными водой тарелками, вакуумный насос и медную проволоку, обмотанную примитивной изоляцией. В центре всего этого стоял, поблескивая железными и медными частями, большой генератор тока. Здесь же находились всевозможные предметы непонятного ей назначения — причудливо изогнутые стеклянные сосуды, колбы с разноцветными порошками и гранулами. На боковом столике стоял огромный стеклянный шар, поблескивающий металлом, — видимо, он был покрыт ртутью. Блеск этот сразу показался девушке зловещим. Джоанна поспешно отошла от стола — что-то жуткое было в этом шаре, вот только она не знала, что именно. Прямо над столом в стене виднелась выбоина от пули, причем довольно свежая. А в одном

месте в край стола вонзились осколки стекла — словно кто-то в гневе ударил об него стеклянный сосуд, вдребезги расколотив его.

Первой ее мыслью было, что Антриг наверняка должен знать о случившемся тут.

Вторая мысль была более отчаянной — слыша где-то внизу шлепок чьей-то неосторожной ноги, девушка поняла, что путь к отступлению отрезан.

Должно быть, они увидели сорванные с дверей пломбы, подумала девушка. Взор ее отчаянно заметался то по потолку — в поисках лаза на крышу (которого там не оказалось), то по оконным переплетам, но окна были забраны толстыми железными решетками, закрытыми на замки, — видимо, хозяин дома опасался воров. Вдруг мелькнула новая, спасительная, мысль — шкаф! в нем можно спрятаться. Вдруг, когда они войдут в комнату, она сможет проскользнуть мимо них наружу? Но Джоанна решила иначе — она стала пробираться к лестнице, надеясь, что там может оказаться дверь в какое-нибудь соседнее помещение, откуда наверняка можно проскользнуть в безопасное место.

Глава 14

— Ну-с, девушка, где же твои друзья?

Но Джоанна даже не подняла головы. Глаза инквизитора Костолома, как и его голос, были холодными и вселяли ужас, ей казалось, что этот человек уже все знает о ней. Подняв руки, Джоанна закрыла ладонями лицо. Внутренний голос настойчиво повторял ей:

«Только ничего не говори! Ничего! Все, что ты скажешь, он сможет использовать против тебя! А молчание использовать никак нельзя!»

— Можешь не отпираться, нам все давно известно. — Не открывая глаз, Джоанна слышала, как он поднялся от противоположной стороны стола, за которым она сидела, и, обойдя его, подошел к ней. Окон в помещении не было, освещалось оно масляными фонарями. Девушка почувствовала, как бешено начинает колотиться ее сердце. Ее чувствительные ноздри уловили запах его пропитавшейся потом одежды. Она знала, что этот страшный человек собирается прикоснуться к ней. И точно — схватив Джоанну за волосы, Костолом запрокинул ее голову. Джоанна резко дернулась, повинуясь рефлексу сопротивления насилию. И тут Костолом заговорил. Голос его был поначалу тихим и ровным, но мало-помалу он становился все более истеричным:

— Так, так… Это ведь очень дорогое платье! И волосы у тебя очень чистые. Значит, последнюю ночь ты провела с удобством! Отвечай, где?

И инквизитор с еще большей злостью сжал прядь ее волос. Надо же, в последний раз она только в школе чувствовала, как же бывает неприятно, когда тебя тянут за волосы! И усилием воли она заставила себя заглянуть в узкое лицо с бесцветными глазами.

«Если я не скажу „А“, то тогда он не сможет сказать „Б“», — пронеслось в голове у девушки. Она довольно часто пользовалась молчанием как оружием в словесных баталиях, и эта тактика всегда себя оправдывала — будь то скандал с матерью или словесная перепалка с Гэри. Она еще, помнится, читала один шпионский роман, герой которого во время многочасовых допросов ни разу не раскрыл рта.

И тут же она вспомнила рассказ Кериса об Инквизиции и методах ее работы с людьми, и девушку сразу же охватил холодный страх.

Вдруг холодная рука инквизитора отпустила ее волосы и

резко толкнула голову, отчего девушка чуть не ударилась лицом о стол. Но Джоанна тут же с вызовом посмотрела на Костолома, стараясь ничем не выдавать своего страха. Она на какое-то мгновенье заглянула в холодные глаза инквизитора — в них была пустота, словно это были два металлических диска. Такие глаза бывают у акул!

— Вообще-то, сдается мне, такое молчание не подразумевает абсолютной невиновности, — вкрадчиво продолжал Костолом, — ну что же, в таком случае, я убежден — ты виновна в чем-то! Но вот вопрос — в чем именно?

Она вспомнила, как тогда Костолом говорил что-то о том, что нельзя допустить, чтобы кто-то мутил воду, разжигал смуту в Империи, одним словом… Ну что же, тогда в конечном счете ее обязательно обвинят в чем-нибудь, навесив тот или иной удобный ярлык. Но Джоанна сдержалась и снова ничего не ответила. На этот раз ее удар попал в цель — глаза Костолома блеснули нетерпеливым раздражением.

Инквизитор поднял вверх указательный палец. Подскочивший послушник тут же поднял Джоанну и поставил ее на ноги. Впрочем, она не сопротивлялась. Ужас снова охватил девушку, но она сдержалась. Тут же в голове сверкнула новая мысль — ведь они наверняка рылись в ее кошеле, а там карта! Тогда они легко смогут понять, что она пришла сюда из дома Магистра Магуса! Но много ли еще они могут знать? И что именно? Тут она возблагодарила Бога — хорошо еще, что она сунула карту не в карман юбки, а в ридикюль — там ведь столько всякой мелочи, что на карту могут просто не обратить внимания.

Тем временем послушник больно заломил ей руки за спину. Ей показалось, что Костолом сейчас ударит ее, как он ударил тогда в Кимиле Кериса. До этого всю жизнь ей удавалось избегать физических страданий, но теперь, видимо, такой момент наступил. Но бить ее инквизитор не стал. Зато у него появилась другая идея. Подойдя к Джоанне, Костолом расстегнул платье на ее груди, обнажив нижнюю шелковую рубашку.

— Дитя мое, — начал инквизитор проникновенным голосом, — а что, если я велю раздеть тебя донага и бросить в камеру, где отбывают наказание насильники? Час спустя ты примешься, как одержимая колотить в дверь камеры, чтобы с готовностью выложить нам все о своих сообщниках! — Тут Костолом перевел взгляд на ухмылявшегося послушника. — Ну что же, уведи ее!

Девушка с трудом удержалась, чтобы не выкрикнуть спасительное: «Подождите!» И послушник вытолкнул ее из комнаты в просторный зал, освещенный светом коптящих

факелов. Усилием воли Джоанна старалась не думать над смыслом реплик, которыми обменивались на ее счет сопровождавшие ее послушники. Нужно было сосредоточить свое внимание на чем-то постороннем. И Джоанна стала рассматривать низкие своды зала, покрытые копотью факелов. Кстати, пламя их колебалось — от сквозняка. Значит, тут где-то есть выходы. Она знала, что это тот самый замок на острове, та цитадель, с которой и пошел разрастаться город Ангельской Руки. Интересно, сколько полных отчаяния взглядов видели эти стены из огромных каменных валунов?

Камера, в которую ее привели, была маленькой, словно каменный мешок. Но какая отвратительная вонь тут стояла! Послушники втолкнули Джоанну в камеру, с треском захлопнули за ней дверь. Над самой дверью был укреплен факел. При его свете Джоанна увидела, что она тут не одна — сжавшись, в углу сидела женщина в отрепьях, бывших когда-то черной рясой староверки. Когда снаружи послышался лязг задвигаемого засова, женщина подняла голову. Джоанна, содрогаясь, некоторое время стояла на вершине ведущей вниз лестницы в несколько ступенек.

Сейчас никак нельзя плакать, отчаянно повторяла она себе, хотя глаза ее уже наполнились до краев предательской влагой. Горло тоже перехватывали спазмы. Тут она поняла, что на следующем допросе, который скоро последует, она вряд ли сможет молчать перед Костоломом. Но ни Антриг, ни Керис не знали, где она сейчас находится. А если бы даже и знали, что она тут, то все равно никак не могли бы спасти ее. «Но ведь я не хотела этого, — билось в ее голове, — не хотела! Это они приволокли меня сюда!»

Антриг сказал ей: «В этом мире ты находишься под моей защитой…»

Ноги у девушки подкосились, когда она стала спускаться по ступенькам. Она выросла в технологический век, когда человек мог очень многое, была, наконец, «Всеобщая декларация прав человека», был «Билль о Правах», куча законов, хоть и с изъянами. Но даже при всех их недостатках можно было чувствовать себя вполне безопасно. А тут… Никогда еще Джоанна не чувствовала себя столь бесправной. Особенно устрашающим было одиночество. Даже если она вдруг самым шкурным образом возьмет да и выдаст Инквизиции Антрига, Кериса и приютившего их Магистра Магуса, то предательство ей вряд ли поможет. Ведь она все равно не сможет доходчиво объяснить обладателям серых ряс, каким же образом она проникла в их мир. Она фактически стала сообщницей Кериса и Антрига. Да еще убила двух человек…

Только без паники, только без паники, повторяла она себе, ведь тогда ты не паниковала — и спаслась! Только благодаря мужеству! Так что и сейчас не нужно паниковать, Бога ради!

Вдруг легкое похрапывание вывело девушку из тяжелых раздумий. Старуха, что скорчилась в углу, теперь спала как ни в чем не бывало. Из щели в каменной кладке выполз громадный таракан и, не обращая на Джоанну никакого внимания, стал спокойно бегать по плечу спящей старухи. «Ну уж до такой степени позволять себя игнорировать!» — думала Джоанна, вихрем подлетая к спящей и с силой смахивая тварь с плеча.

Старуха сразу открыла глаза и уставилась на Джоанну. Глаза эти были когда-то голубыми, а теперь их цвет был каким-то неопределенным, точно вода в сточной канаве.

— Но ведь она только гуляла, вот и все! — сказала старая женщина каким-то странным голосом. Она протянула было руку к валявшемуся на полу ошеломленному таракану, но насекомое, решив больше не испытывать судьбу, проворно юркнуло в другую щель, благо тут их было множество. А старуха, видя безграничное удивление Джоанны, добавила как ни в чем не бывало: — Она ведь только гуляла, не делая никакого вреда!

Джоанна сглотнула подступивший к горлу комок, не в силах вымолвить ни слова.

— Они же едят так мало! — продолжала старуха, глядя на девушку в упор. — Я тоже ем мало! Так что я не могу пожаловаться, что они меня обворовывают! И, милочка моя, если бы ты родилась и выросла в этой преисподней, ты вела бы себя не лучше этих тараканов!

— Прошу прощения! — сказала Джоанна и, понимая, чего именно эта бабка желает от нее, посмотрела в щель в полу, куда спрятался таракан, и проговорила с чувством: — Извините меня! Я погорячилась!

Старуха одобрительно закивала.

Некоторое время сокамерница внимательно осматривала Джоанну. Подобрав полы одежды, девушка села на гнилую солому возле своей подруги по несчастью.

— Меня зовут Джоанна Шератон! — представилась гостья из другого мира.

Старуха кивнула в ответ, давая понять, что знакомство состоялось.

— А меня зовут Минхирдин, кличут еще Правдивой! Ой, они что же, и предсказателей начали арестовывать? Ты ведь не принадлежишь к Совету?

— Нет, — замотала головой Джоанна, — я… я… не знаю! Но я вовсе не волшебница!

Старуха невесело рассмеялась.

— Никогда не говори так, дитя мое, — сказала она назидательно, — иначе они переведут тебя в общие камеры, где сидят разные отравительницы и проститутки! А эти одиночки специально отведены для волшебников всех калибров! Не все в тюрьме обладают почетным правом на отдельную камеру! Ах, они забрали мое вязанье… — и Минхирдин поспешно оглядела девушку, словно ожидая, что та принесла ее вязание с собой. Джоанна же внимательно осматривала солому — ей ужасно не хотелось, чтобы один из усатых любимцев этой старухи забрался в складки ее платья.

Но ведь тебя собираются изнасиловать, подвергнуть пыткам, а потом убить, говорил ей внутренний голос, а ты вдруг беспокоишься о разных букашках, которые могут забраться в твое платье. К горлу подступил комок, ей опять захотелось заплакать, но тут же она невольно улыбнулась своим странным мыслям — беспокойству о чистоте платья перед смертью.

— Но как ты тогда вообще сюда попала? — удивилась Минхирдин Правдивая. Вопрос был задан таким будничным тоном, что могло показаться, будто хозяйка спрашивала девушку, как это та забрела в чужой сад.

Джоанна сложила руки на коленях, решив, что если она будет говорить, то хоть на какое-то время забудет о страхах.

— Вообще-то я пыталась повидать доктора Нарвала Скипфрага, — призналась девушка, — но… насколько я поняла… он уже мертв, ведь так? Я поняла, что там кого-то убили! — она содрогнулась, вспоминая забрызганную кровью комнату. — Я только вошла… кажется, в кабинет… представляете, все в крови, даже потолок! Наверное, кровь хлестала из перебитых артерий… Кровь засохла, значит, это произошло за несколько дней до моего прихода туда. Но запах! Он не выветрился! А потом эти инквизиторы… — она вздохнула и пощупала предплечья — вывернутые помощниками Костолома руки еще не совсем оправились.

— Этот ведь… Это было сделано посредством волшебства, да? — поинтересовалась девушка у сокамерницы. — Там столько стекла было! Разбитого на очень мелкие кусочки! Осколки даже в стене торчали!

— Ох, — прошептала старуха всплескивая руками, — так он опять принялся за старое!

— Кто? — быстро спросила Джоанна, внимательно глядя на собеседницу.

— Сураклин, кто же! — От возбуждения Минхирдин даже привстала, а потом, поднявшись на ноги, стала мерить

крошечную камеру шагами, словно пытаясь что-то вспомнить. — Сураклин! Темный Волшебник! Он вызвал… духов! Частицы ненависти, разрушения и мести! Он наверняка постарался или постарается поместить эти частички в чье-нибудь тело. Ему ничего не стоит бросить горсть мелких камешков на ветер, и крупные булыжники побьют людей. Он плеснет горсть воды на ветер — и вода превратится в целое озеро слез, которые будут подступать к человеку, и он в конце концов захлебнется в этих слезах.

Вдруг Джоанна с особой ясностью представила иззубренный край стола с впившимися в него осколками стекла. Она вдруг подумала, что так легко расколоть какой-нибудь стеклянный сосуд, а потом швырнуть осколки в…

— Но ведь Сураклин давно умер! — вспомнила Джоанна. — Как же он может что-то предпринимать?

— Ну да, — старуха снова присела на солому и прислонилась спиной к каменной кладке стены, — мертв… мертв… Этот мальчишка даже помешался, когда клялся, что Сураклин действительно остался жив, а не умер. Но тогда скажи мне, где он был? Где он был все это время?

— Антриг, что ли? — поинтересовалась Джоанна, понимая, что это самая подходящая кандидатура.

— Да нет! — нетерпеливо глянула на нее сокамерница. — Мы-то все знаем, где он был в это время! От нас не укрылся ни один его шаг! Сураклин. Конечно, все эти двадцать пять лет его не было в живых, но если он все-таки не умер, то тогда где он был, а? — И Минхирдин стала раскачиваться в такт своему надтреснутому голосу. — Он захотел вечной жизни, этот Сураклин! Он ненавидел уже саму мысль о том, что ему когда-то придется умереть! Он правил совершенно неограниченно, помыкал людьми, как хотел! Но он знал, что его господство невечно, что ему все равно придется умереть! Ведь все рано или поздно умирает…

Джоанна нахмурилась, вспоминая брошенную на Чертовой Дороге Антригом фразу:

— А что же тогда в действительности произошло двадцать пять лет назад?

— Так вот, это случилось двадцать пять лет назад, — забормотала старуха, — принц Харальд — какой он тогда был красавец! — архимаг и весь состав Совета Кудесников направлялся на юг. С нами были и инквизиторы. Церковь предоставила их тогда в наше распоряжение, поскольку они все время заявляли, что наши подозрения необоснованны, такого просто не может быть. Да, были деньки! — вздохнула она. —

Ужасные дни! Церковь и Инквизиция… они помогли нам, но они нам потом этого не простили… Не простили…

Нет, подумала Джоанна, как это можно — годами отрицать твое существование, а потом все-таки попросить тебя о помощи?

Девушка подтянула к себе колени и положила на них голову. Перед ее мысленным взором стремительно пронеслись картины последних пережитых ею событий: сначала похищение, потом бегство… потом — стрельба из пистолетов… дергающиеся в агонии окровавленные тела… боль в руках от отдачи… брызги чужой крови на ее лице… на лугу шевелятся отвратительные пиявки. Блеск стекол очков Антрига в сумерках…

Уже сколько раз собиралась она на этой неделе задать ему один-единственный, такой короткий вопрос. Этот вопрос она задала ему в самый первый день — для чего? Почему она?

«Я не могу сказать тебе правды, а лгать мне не хочется! Я и так уже слишком много лгал в жизни»… — его собственные слова.

Это он гонялся за ней по всему комплексу Сан-Серано, а потом, непонятным образом узнав, что она будет в тот вечер у Гэри, явился туда.

Но как он сумел узнать об этом, подумала она. Он еще говорил:

— Я всегда имел несчастье слишком точно все угадывать!

Откуда он знал о чудовищах? Что случилось с дедом Кериса — он вместе с Антригом исчез в черном провале Пустоты, но по другую сторону Врат вышел один только Виндроуз. Почему? И откуда он знал, что именно таким непонятным образом высасывало все силы у обитателей этого мира?

Джоанна подумала, легче бы ей было, если бы она вовсе не думала о бывшем члене Совета Кудесников.

В этом мире ты находишься под моей защитой…

Вдруг словно какое-то темное одеяло накрыло тесную камеру. Девушке показалось, что она физически чувствует, как сгустилась темнота. Что это такое? Вдруг снаружи, в коридоре, раздался дикий вопль — так обычно кричат люди, заглянувшие в глаза смерти.

Раздался второй крик, столь же ужасный, как и первый. По каменному полу прогрохотали чьи-то шаги… Вдруг дверь в камеру распахнулась, ворвался охранник, звеня оружием. Джоанна инстинктивно вжалась в стену, выставив перед собой руки. Сердце девушки бешено колотилось, жилки на висках пульсировали. Она закрыла лицо ладонями, но через плотно сжатые пальцы все равно был виден свет факела, который, казалось, ничего уже больше не освещал. В коридоре

послышались возгласы ужаса и тревоги. Снова хлопнула дверь их камеры. Джоанна решила, что гарнизон крепости Святого Сира поднят по тревоге.

Но почему?

— Джоанна!

Пораженная ужасом, девушка вскочила на ноги. Бросившись к двери, она принялась судорожно колотить в нее. Ей показалось, что там кто-то стоит. Это был не охранник, который минуту назад заглядывал в камеру.

— Антриг, вытащи меня отсюда!

— Отойди от окошка! Я не могу прикоснуться к двери — на нее наложено заклятье! Подними руку вверх! Только осторожно! Вот так!

Через проем небольшого окошка в двери она почувствовала холодную сталь меча. Осторожно ощупав лезвие, она наткнулась на висящее на клинке кольцо с ключом. Девушка принялась неловко тыкать в темноте туда, где, по ее предположениям, должна была находиться замочная скважина. Но замка там не оказалось. Вдруг снаружи снова раздался жуткий крик, визг, от которого у нее волосы на голове зашевелились.

— Что это? — выдохнула она.

— Это визгун, такое заклинание, которое может перепугать кого угодно! Но оно не будет действовать вечно, как и темнота! Так что поторопись!

Царапая руки о заржавленное железо обивки двери, но не обращая на это ни малейшего внимания — ведь смерть под пытками все равно хуже заражения крови. — Джоанна все-таки нащупала замок. Вставив ключ, она с трудом провернула его в кованом механизме замка. И вдруг страх, словно отлив на море, оставил ее. Стало даже смешно.

— А я-то думала, что ты действительно не умеешь пользоваться волшебством! — прошептала она, давясь от смеха.

— Так я действительно не могу… Это все любезность нашего Магистра Магуса!

Тут Джоанна все-таки проскользнула в открытую с таким трудом дверь и сразу почувствовала на своей талии закутанную в черный бархат сильную руку чародея. Антриг потащил ее по коридору куда-то в темноту. Всюду уже суетились люди, кое-где мерцали неровно горящие факелы. Вдруг раздался очередной вопль ужаса, и люди заметались еще лихорадочнее.

— Но мы не можем… — Джоанна вдруг остановилась, вспоминая свою подругу по несчастью, которая осталась в камере.

— Нет, можем! Беги быстрее! — И Антриг толкнул ее дальше по проходу. Теперь девушка могла различить, хоть и неясно,

черты лица Виндроуза, уловить блеск его очков. В свободной руке он держал меч, явно выхваченный в темноте у кого-то из воинов. Антриг то и дело спотыкался из-за длинных пол своей куртки. Наконец они быстро взбежали по винтовой лестнице и направились через комнату для охраны. В комнате было полно воинов, которые робко сбились в кучу, явно не зная, какие шаги им следует предпринять.

— Это заклятье! Это волшебники! Архимаг! Откуда идет крик? Сюда, сюда, идиоты! — слышались восклицания.

— Но как же остальные… — выдохнула Джоанна, чувствуя себя словно во сне.

— Остальным придется положиться на собственные силы! — резко сказал Антриг. Они уже вышли на усыпанный сеном просторный двор. Стоял густой туман, и Джоанна в своем легком платье тотчас же замерзла. Группки воинов бестолково носились из стороны в сторону, размахивая оружием.

Последний крик раздался в тот момент, когда начала рассеиваться темнота, — тогда, когда беглецы добрались до ворот тюрьмы.

Тем временем Антриг бросился к стоявшему в воротах часовому. Чародей гаркнул:

— Там, в комнате для охраны…

Часовой повернулся, чтобы рассмотреть как следует подошедшего, но Виндроуз наотмашь ударил его рукояткой меча в висок. К нему бросились два других охранника. Один из них с разбегу наскочил на острие меча экс-кудесника. Не успел поверженный солдат свалиться на землю, как Антриг повернулся к третьему гвардейцу. Во дворе, позади них, царила страшная суматоха — метались солдаты городской стражи, послушники Церкви и, насколько поняла Джоанна, гвардейцы регента, которых можно было распознать по золотому шитью на черной форме. Все пронзительно кричали друг на друга. Видимо, командиры еще не сообразили, что же в действительности произошло.

Как только с третьим часовым было покончено, Джоанна, наклонившись, выдернула у него из-за пояса пистолет. Оружие было двуствольным. Тут Виндроуз схватился на мечах еще с одним охранником, появившимся неизвестно откуда. Девушка решила не рисковать и не стрелять в противника Антрига — можно было попасть совсем не в того, в кого целишься, тем более что они явно не были неподвижной мишенью. Но оружие в ее руках не скучало без дела — откуда-то из тумана на них выскочил очередной гвардеец, он-то и получил заряд из первого ствола. Оглянувшись, Антриг прокричал ей:

— Беги скорее!

Подобрав юбку, Джоанна бросилась за ворота. Она видела, что Виндроуз не бежит рядом с нею, но оглядываться она сейчас не могла, поскольку кругом был туман и она все равно ничего бы не увидела. К тому же под ногами была все та же средневековая мостовая с ее неизбежными выбоинами. Сердце ее бешено колотилось, дыхание стало прерывистым. Ноги, казалось, не слушаются ее. Однако инстинкт самосохранения толкал и толкал Джоанну вперед. Но что ждало ее впереди?

Тут она добежала до осыпавшегося мелкого рва, который отделял цитадель от остальной части острова. Еще миг — и ее ноги застучали по настилу хлипкого деревянного мосточка. Впереди высились в тумане обшарпанные серые дома с черепичными крышами. Только тут Джоанна позволила себе оглянуться. Антриг, отбиваясь от пришедших в себя охранников, ринулся вперед. Вдруг раздался жуткий скрежет — видимо, кто-то из охранников догадался запереть ворота.

Тут девушка поняла, в чем дело, и сердце ее упало. Сверху опускалась железная решетка, отрезая чародею путь к спасению. Но Антриг проворно бросился на землю и прокатился под решеткой, когда от нее до земли оставалось не более метра. В следующий момент зубья решетки вгрызлись в песок, которым была посыпана земля в воротах. Но для Антрига это уже не имело никакого значения — он проскочил. Вскочив на ноги, Виндроуз бросился к Джоанне. Его длинная бархатная куртка развевалась, точно плащ какого-нибудь древнего героя. Уже издалека девушке бросилась в глаза бледность, залившая его лицо.

Тем временем солдаты-преследователи сгрудились в воротах по ту сторону решетки, пытаясь поднять ее без помощи воротов, и побыстрее. Затем кто-то догадался просунуть сквозь прутья решетки пистолеты, и едва только Антриг успел схватить девушку за руку, как сзади загрохотали выстрелы, а решетку заволокло угольно-черным дымом. Беглецы бросились дальше, через крохотную, мощенную булыжником площадь. Ноги девушки то и дело попадали в выбоины на брусчатке, а обувь и чулки успели порядочно намокнуть в обширных лужах. Но ничего этого она сейчас не чувствовала. Рядом, с крыльца таверны, неслись какие-то крики. Джоанна увидела, что с той стороны, размахивая палками, к ним несутся три человека. Со стороны ворот раздался выстрел, и пуля, просвистев совсем близко, впилась в стену дома. Брызнули кусочки кирпича. Три человека с палками мгновенно легли на землю, явно не желая рисковать, а Антриг, затравленно оглянувшись по сторонам, схватил девушку за руку и потащил в ближайший переулок. Там хотя бы пальбы не было!

Позади них, на площади, кто-то громко бранился, кто-то отдавал команды. Между тем туман все сгущался и сгущался. Джоанне даже казалось, что скоро она не сможет ничего видеть, даже то, что у нее под ногами. Туман этот напоминал ей молоко — такой же густой, он казался каким-то ненастоящим, искусственным. Одной рукой придерживая подол юбки, хваля себя за приобретенную привычку к этой неудобной одежде, Джоанна в то же время крепко держала второй рукой ладонь своего спутника. Они быстро двигались по покрытому отбросами настилу переулка. То второе дыхание, которое открылось у девушки во время бега по мосту, теперь исчерпалось. Ноги сразу почувствовали слабость, в боку закололо от бега, стало зябко.

Антриг же, не теряя времени, через боковые воротца нырнул в ближайший дворик, который, если судить по запаху, служил для обитателей дома туалетом. Они вошли в нижний нежилой этаж. По-видимому, тут раньше жила одна семья, и это была своего рода гостиная. Потом дом переделали, и такая большая комната стала никому не нужна, тем более что она находилась в нижнем этаже. Все это вихрем пронеслось в голове Джоанны, которую Антриг волок через главный вход дальше на улицу. Туман сгустился еще сильнее. Они бросились через улицу, едва не угодив под несшуюся на бешеной скорости повозку. Антриг затащил ее в другой переулок, такой же грязный, как и предыдущий. Откуда-то неслись крики и звон оружия. И лишь одна мысль билась в мозгу девушки: «Только не попасться им в руки! Только не попасться им в руки!»

— Сюда! — Антриг остановился. Стояла полная тишина. Но дышать тут было невозможно — казалось, что воздух буквально пропитан запахом гнилой рыбы. Только тут Виндроуз посмотрел на свою спутницу. — Они мучали тебя? — тихо поинтересовался он, поправляя спутанные волосы девушки.

— Только запугивали разными карами! — успокоила его девушка.

— Только пугали? — недоверчиво спросил Антриг, внимательно глядя на нее своими серыми глазами.

Джоанна почувствовала, как в горле у нее снова запершило — захотелось плакать. Почему-то ей совсем не хотелось бросить обычное «Со мной все в порядке! Отлично!» Но она сдержалась — мотнув головой, девушка дала понять, что чувствует себя по-прежнему уверенной и несломленной. Антриг не стал больше расспрашивать.

Затем Виндроуз, вынув из кармана скомканный носовой платок, тщательно вытер лезвие своего меча и пристегнул его к поясу. После этого Антриг осторожно, но настойчиво взял у

девушки пистолет, проверил его и вернул ей. Экс-кудесник стоял и молчал, глядя на свою спутницу. Он явно о чем-то размышлял.

Вначале она подумала, что он собирается сказать что-то еще, но чародей продолжал безмолвствовать. Вдруг на нее волной нахлынуло облегчение — они спаслись и были даже в относительной безопасности. Это в любом случае лучше, чем лежать подстреленными возле серых стен цитадели. Пусть их безопасность относительная, но ведь можно скрыться! Все зависит только от собственной изворотливости! Антриг же снова пригладил волосы девушки и вдруг, нагнувшись, поцеловал ее в губы.

Девушка почувствовала, что он еще колеблется. Ну и хорошо, ну и правильно делает. Но этот поцелуй должен был длится явно меньше, чем произошло на самом деле. Их странные отношения, она знала точно, начались тогда на дороге. Но Антриг вел себя очень разумно — он не давал ни себе, ни ей заходить в чувствах слишком далеко, и Джоанна была ему за это очень благодарна. Но теперь она не могла больше сдерживать себя — не выпуская пистолета из рук, девушка судорожно обняла своего спасителя. Она чувствовала теперь его тело, чувствовала его дыхание на своей щеке, чувствовала истрепанный бархат его куртки. Ей страстно хотелось уткнуться лицом в грудь чародея и расплакаться.

Наконец они оторвались от губ друг друга. Джоанна почувствовала, что ее сердце снова начинает бешено колотиться, в точности как тогда, когда она бежала по мосту из цитадели. Как это все странно и глупо, подумала она невольно. Их глаза встретились, и в них Джоанна углядела ту же глупость, что наверняка светилась и в ее взоре. Схватив девушку за руку, Антриг поволок ее дальше — нельзя было терять ни минуты, тем более что сентиментальность часто играет с людьми злые шутки.

— Нет ничего полезнее тумана в такой обстановке, — сказал вдруг чародей. — Кто-то рассказывал мне, что архичародейка Элшелин умела вызывать густой туман одним только расчесыванием своих волос. Сураклин делал то же самое, подбрасывая в воздух пригоршню воды. Согласись, что вызов тумана — дело не столь уж простое, как может показаться!

— Так это все сделал Магистр Магус?

— Нет, это сделал я! — покачал головой Антриг. — Вообще-то разные фокусы с погодой — вещь довольно безобидная, поскольку в этом даже сведущему трудно углядеть какое-то волшебство. Ведь погода может меняться по несколько раз за день! А Магус сейчас наверняка дома, только забился под свою кровать. Ведь и так понятно, что вряд ли кому из волшебников

понравится пребывание в этом чуде старинной архитектуры, где ты, милая, имела честь гостить до недавнего времени! Я и так напугал его, заставив подойти почти вплотную к воротам, чтобы он помогал мне напускать туман, а потом издавать этот милый визг! Надо отдать ему должное — Магус пробыл возле стен куда дольше, чем я ждал от него!

— Что бы ты делал, если бы Магистр вдруг не согласился помочь тебе? — спросила Джоанна, пока они пересекали все те же загаженные переулки и крохотные дворики. Город просыпался — запахло угольным дымом, загалдели, забранились жители, с новой силой закричали уличные торговцы.

— Припугнул бы его чем-нибудь подходящим! — сказал Антриг с таким заговорщицким видом, что Джоанна, которая еще пять минут назад тряслась от страха, а потом теряла силы, теперь тряслась от смеха.

— Нужно поскорее убираться с этого острова, пока солдаты не начали прочесывать его, он ведь маленький! — сказал Антриг совсем другим тоном. Он начал озираться по сторонам, словно ориентируясь на местности. — Вообще-то я очень удивился, увидев тут гвардейцев регента. Очевидно, он уже возвратился в город.

Тут Виндроуз снова остановился, прислушиваясь. Где-то слышались крики — охота за ними уже началась. Но пока лежал плотный туман, можно было питать надежду на то, что их не увидят…

Вдруг впереди замаячили какие-то силуэты. Беглецы поспешно юркнули в ближайшую дверь, чтобы пропустить их — ведь это были, по всей видимости, враги. Тут подул ветер, и сквозь вонь отбросов и испражнений до ноздрей девушки донесся явственный запах воды. Река близко! Тем временем силуэты медленно прошли мимо них. Джоанна облегченно перевела дух. Она почувствовала вдруг, какой пистолет тяжелый. Надо же, она совсем забыла о его существовании, хотя все это время несла оружие в руке. И еще она ощутила, как крепко держит ее за руку Антриг — точно боится потерять в тумане. Прислушавшись еще, они тихо, как два привидения, двинулись туда, откуда тянуло речной свежестью. И тут Джоанна вспомнила — ведь Антриг все-таки похитил ее. А теперь спас. Значит, похищение он совершил в каких-то своих целях, как и сказал Керис. Но было ли это похищением? Во всем этом еще предстояло разобраться. Керис, во всяком случае, не мог предложить никакого иного выхода из положения. Если она…

Где-то справа, в одном из переулков, раздался звон — такой звук издает клинок при ударе о камень. Антриг резко схватился

за рукоять меча. В этот же самый момент одна из дверей справа растворилась, и в глубине ее проема показались вооруженные люди. Джоанна даже не успела закричать, когда увидела их. Антриг же, каким-то шестым чувством угадавший, что они попали в засаду, повернул было обратно, но было уже слишком поздно — кто-то с силой стукнул его деревянным молотком по голове.

Лишившись чувств, Виндроуз повалился прямо на свою спутницу. И Джоанна поняла, что не сможет нести его. В лучшем случае, тянуть волоком, но далеко ли они так уйдут? Рука снова напомнила, что у нее с собой пистолет. Если она сейчас выстрелит в одного из преследователей, то у нее, возможно, будет время для бегства — нужно только воспользоваться внезапностью. Но Джоанна не сделала этого — повернувшись к воинам, один из которых уже нацелил копье в грудь поверженного Антрига, она пронзительно закричала:

— Нет! Не делайте этого!

Чьи-то грубые руки подхватили ее, другие руки с силой вырвали у нее пистолет, едва не сломав пальцы. Она знала, что драться бесполезно, поэтому не оказывала сопротивления. Поглядев на своих преследователей, она угадала среди них рыжеволосого гвардейца, который схватил ее на постоялом дворе и держал в присутствии регента.

Глава 15

— Это они, мой господин! — приглушенно говорил под каменными сводами комнаты рыжеволосый предводитель отряда гвардейцев. — Как было приказано, мы доставили обоих сюда, а не назад, в цитадель.

— Очень хорошо, Джорис! — проскрежетал холодный голос регента. — Держите своих людей поблизости, чтобы их можно было вызвать в любой момент!

Принц, блестя золотым шитьем камзола, встал со своего места и возбужденно заходил по комнате. Затем он, приблизившись к пленникам, внимательно всмотрелся в лицо Антрига:

— Я же предупреждал тебя, гадальщик! Кстати, как только ты попытаешься выкинуть какой-нибудь очередной фокус, девчонку сразу убьют! Я уже отдал соответствующее распоряжение!

«Ну спасибо!» — пронеслось в голове Джоанны. Она все равно не могла двигаться от усталости и морального потрясения. Столько событий за один день! Она сидела в кресле, опутанная веревками. Сзади чувствовалось дыхание приставленного к ней часового, который должен был убить ее при попытке «выкинуть фокус», как выразился регент. Не удержавшись, девушка повернула голову назад — на нее смотрело темное дуло пистолета. Она обратила внимание, что на часовом был темно-малиновый камзол, но его движения и манеры напоминали поведение тех, кто носил черную одежду гвардейцев и послушников. Лицо охранника было покрыто целым узором из шрамов и застарелых ссадин. Невольно содрогнувшись, девушка отвела глаза от своего стража. Ее била дрожь — следствие страха, морального и физического истощения и холода, который царил в помещении. Джоанне даже захотелось попасть обратно в камеру цитадели. Пусть там тараканы, но зато там нет регента и его головорезов! К тому же инквизиторы действуют с оглядкой на Единого Бога, в их глазах нет такой откровенной кровожадности, какую легко было прочесть во взгляде этого вояки. Глядя в безумные глаза регента, девушка поняла, что его слова — не пустая угроза. Он сможет приказать убить их обоих просто ради развлечения. Поэтому лучше стараться не навлекать на себя его гнев.

Здесь — в этой сводчатой комнате — они были целиком и полностью в его власти.

Взглянув на Антрига, прикованного цепями к двум поддерживавшим потолок столбам — от каждой руки к столбу

тянулась толстая цепь — она решила, что чародей находится в бессознательном состоянии. Но, заслышав слова принца, Виндроуз в изнеможении поднял залитое потом лицо.

— Фарос, — сказал он прерывающимся голосом, — эта девушка здесь совершенно ни при чем! Она всего лишь моя служанка! И вообще не в курсе моих дел! Я силой заставил ее сопровождать меня!

— И именно из-за безразличия к судьбе какой-то служанки ты тогда ударил меня в живот? — саркастически заметил регент. Он медленно подошел к Джоанне и приподнял ее подбородок маленькой рукой, одетой в черную блестящую перчатку. Принц внимательно посмотрел на ее шею и полуобнаженную грудь, и губы его скривились в какой-то гримасе, которая, по-видимому, должна была означать улыбку. Девушка ужаснулась, но решила избрать ту же тактику, что и в разговоре с главным инквизитором, — молчание. На мгновение глаза принца и его пленницы встретились, регент быстро отвел взгляд. Видимо, искренностью он никогда не отличался.

Регент снова повернулся к Антригу. В это время чародей попробовал поджать ноги. Это ему удалось, и он повис на удерживавших его руки цепях. Даже издалека Джоанне было видно, как сильно врезались ему цепи в запястья. Антриг даже тут не прекратил сопротивляться — зная бесполезность своих попыток, он все равно старался хоть немного ослабить цепи. Цепи обвила красная шелковая лента с печатью из воска — это заклятье против магических сил. Кажется, Магистр Магус что-то говорил об этом. Предусмотрительный регент велел опутать лентой с восковыми пломбами даже саму Джоанну, явно ожидая от нее тоже каких-то экстраординарных поступков.

Увидев, что Антриг еле держится на ногах, принц приободрился. Глаза же самого кудесника приняли спокойное выражение.

Это было по меньшей мере странно. А вдруг он действительно начал сходить с ума?

Тем временем принц прекратил ходить по комнате и снова приблизился к кудеснику.

— Кто ты? — тихо спросил он и замер в ожидании ответа.

— Антриг Виндроуз, кто же еще! — вздохнул чародей, звякая цепями.

— Ага… — голубые глаза злобно сощурились. Принц замолчал, переводя взгляд с одного пленника на второго. Джоанна вдруг заметила, что лицо у регента какое-то сонное, хотя мешки и синева под глазами были старательно замаскированы толстым слоем пудры. Но именно эта пудра

придавала глазам какую-то пустоту. Постояв, словно решаясь подойти к закованному в цепи Антригу, регент оглядел охранников и, приободрившись, действительно приблизился к чародею. Подойдя почти вплотную, он, как и в прошлый раз, вытянул вперед руку и осторожно снял с Виндроуза очки. Антриг дернул головой, но продолжал внимательно смотреть в лицо врагу.

Принц же, невозмутимо сложив очки и поглядев на них несколько мгновений, спокойно положил их на основание колонны. Свет ламп заиграл на лакированной коже его перчатки, когда Фарос протянул руку, убирая гриву полуседых волос с лица Антрига — видимо, безумному принцу тоже не терпелось заглянуть в глаза своему противнику.

— Ага… — повторил снова Фарос, — скажи только — верно ли все то, что наговорила о тебе епископ Кимила? Я могу этому верить?

Антриг склонил голову набок. Без привычных очков лицо его было совсем другим, каким-то даже загадочным.

— Вряд ли можно верить словам Герды! — сказал чародей спокойно. — Признайся, много ли правды в том, что люди говорят о тебе?

Гримаса исказила лицо принца, белой полоской сверкнули в полумраке его зубы.

— Все, все правда! — прошептал принц зловеще. — Я могу убить тебя одними пытками, ты знаешь это! Было бы интересно проверить, сколько времени чародей, кудесник, хоть и бывший, сможет сопротивляться боли! И об этом никто не узнает! Никто! Мой дворец… — тут Фарос широким жестом обвел темноту зала, — так вот, мой дворец находится довольно далеко от императорского дворца и от тех мест, где сейчас сидят твои бывшие компаньоны, которые когда-то сами изгнали тебя из своих рядов! Вдали от любопытных глаз всех тех, кто постоянно точат на меня ножи! Я знаю — все желают моей смерти, все хотят убить меня! Даже мой двоюродный брат Сердик — он тоже с ними заодно! Я знаю, что он постоянно нашептывает, будто я сумасшедший! Ну конечно же, я действительно сумасшедший! Ведь мой отец тоже помешанный! Настоящий сын рождается точной копией отца! — Тут голос принца стал таким тихим, что даже до ушей Джоанны долетали только отдельные отрывки тирады безумца. — Ведь я настоящий сын своего отца, не так ли?

— Фарос! — голос Антрига звучал спокойно. — Тебе ничего не стоит разузнать обо мне все, что тебе нужно! Мне же сдается, что ты и так знаешь достаточно! Но я такой же сумасшедший, как и ты — мы можем не понять друг друга. Кстати, кому, как не тебе

знать, что безумие иногда становится хорошим средством самозащиты! Я прав? Ведь можно защищать себя даже в плену, под пытками!

— Как это? — не понял регент.

— Просто еще больше свихнуться!

Казалось, голос Виндроуза успокаивающе подействовал на принца; Фарос заговорил совсем другим тоном — более ровным и вразумительным.

— Да, — медленно проговорил принц, — наверняка иногда возникают такие ситуации, когда лучше сойти с ума, поскольку альтернативой может быть только смерть! Говорят, что ты помешанный! — Принц поспешно отвел глаза в сторону, не желая смотреть в лицо своему пленнику.

Антриг только кивнул в ответ. Помолчав, он добавил:

— А потому, как ты сам, наверное, понимаешь, сейчас это — единственное, что мне остается сделать!

— Скажи, правда ли то, что ты в течение целых семи лет был узником Церкви? Что первоначально они осудили тебя на смерть?

Голос Фароса теперь звучал совсем ровно, истерические нотки совершенно исчезли.

— Да, — признался Антриг. Тут в регенте проснулась его обычная подозрительность, и он весь напрягся, явно ожидая от Виндроуза какой-то выходки. Но чародей, словно не замечая этого, продолжал как ни в чем не бывало. — Те повстанцы все как один были моими друзьями. А драгуны императора не имели права на то, что они все-таки совершили! Не нужно было трогать детей… Я думал, что сам император… — Антриг встряхнул гривой спутанных волос, словно отрешаясь от воспоминаний. — Да, я был осужден на смерть по обвинению в убийстве!

— А потом архимаг помог тебе вырваться из церковной темницы, да?

— Нет, — и Джоанна увидела, что Антриг снова начинает подтягиваться на руках, выворачивая себе суставы. Он явно желал в этот момент испытать боль. Установилась гробовая тишина. В эти секунды девушка особенно остро уловила приторный запах разных благовоний и косметики принца, а также запах пота, который исходил от стоявшего сзади охранника. Головорез стоял настолько близко, что она могла слышать его негромкое дыхание. Антриг слегка вздернул голову, отбрасывая с глаз мокрую прядь волос. — Я выбрался из Башни Тишины после того, как исчез архимаг. Но я не имею никакого отношения к его исчезновению, как и он не причастен к моему бегству от Церкви! Ведь у архимага не было никаких мотивов для того, чтобы выпускать меня на свободу!

— Да нет, — пробормотал принц, — он уж слишком хорошо знал нашу толстуху-епископшу, прекрасно знал он и инквизиторов. Знал он и меня. Да, знал! Знал! Действительно, если уж он помог бы тебе удрать из Башни, то он сделал бы это куда толковее и профессиональнее! Во всяком случае, ты не шатался бы по императорским дорогам, подобно беспризорной собаке! И Церковь не стала бы привязываться к этому вашему Совету Кудесников! И эта девчонка тоже не шаталась бы с вами! С чего это ты вдруг проявляешь такое беспокойство о ней? Ведь я правильно рассуждаю, признайся!

Антриг устало покачал головой. Силы явно начали оставлять его. Наконец он, собравшись с мыслями, ответил:

— Вообще-то я не могу говорить определенно, прав ты или нет — я ведь сидел в Башне семь лет, один, и никого из этих людей не видел!

— Для чего тогда ты пришел в этот город? — Принц, против ожидания, не разразился бурей гнева, а разговаривал вполне спокойно. Но сейчас спокойствие его голоса напоминало интонации Костолома. — Ведь если ты утверждаешь, что спасался и от Совета Кудесников тоже, тебе по логике вещей нужно было бы бежать в противоположном направлении, а?

Антриг отвернулся. Его полотняная рубашка прилипла к телу. Чародей шумно вздохнул. Когда он вновь поглядел на своего безумного собеседника, в глазах его читалось отчаяние, хотя голос и оставался по-прежнему спокойным:

— Мне нужно было привести себя в надлежащую форму, Фарос! Я не мог идти на все четыре стороны просто так! Я ведь волшебник, но моя энергия почти затухла за семь лет! Понимаешь, даже сейчас я не могу использовать свое волшебство — иначе они быстро определят мое местонахождение. Не только у Совета Кудесников, но и у Церкви есть свои волшебники! Мне нужно поговорить с ними… — Тут чародей замолчал, вглядываясь в лицо регента. Лицо Виндроуза поблекло, осунулось.

Фарос молчал, играя кружевом манжет. Он анализировал услышанное, стремясь определить, что же именно может представлять для него важную информацию. Наконец он прошептал:

— Неужели… Неужели все это правда, реальность? Неужели волшебство действительно существует? Ведь все эти бабушкины сказки… Кто-то пытается предсказать погоду по лежащим на земле камням, кто-то угадывает будущее по внутренностям и костям животных. Плавят воск. Кто-то рассказывал мне, что один человек умеет вызывать бури, стоит ему только поглядеть на

чашку с водой! Неужели все это действительно не сказки, выдуманные с одной целью — подчинить нас своей воле? Неужели настоящие волшебники существуют, и они все-таки отличаются от тех шарлатанов, которые наводнили дом моего двоюродного братца? Значит, ваше волшебство заключается не только в умении выживших из ума старух летать на метлах?

— Нет, — выдохнул Антриг, — волшебство и магия — это на самом деле реальность!

Принц подступил к своему пленнику, голос его подрагивал от напряжения:

— Ну тогда продемонстрируй что-нибудь!

Пальцы чародея скользнули по обвивавшей цепи красной ленте.

— Но ты же загодя все устроил так, чтобы я ничего не смог доказать! — возразил он. — Не правда ли, странно ожидать таких мер предосторожности от человека, который не верит в волшебство и называет его бабушкиными сказками? И я уже сказал, что не стану ничего показывать, даже если ты освободишь меня из цепей! Ведь меня все еще разыскивают — и именно из-за этого волшебства они в конце концов до меня доберутся! Поверь мне, Фарос, — я боюсь их гораздо сильнее, чем тебя!

— Это церковных ищеек, что ли? — презрительно фыркнул принц, хотя было видно, что пренебрежение его явно напускное. — Ведь именно я развязал Церкви руки, когда они сказали мне, что архимаг и заключенный под стражу Антриг Виндроуз устроили заговор! Да еще при участии Совета Кудесников! Я в состоянии укротить их! Мне ничего не стоит спасти тебя!

— От Совета Кудесников ты меня не спасешь! — и Антриг внимательно поглядел в глаза принца. — Я ведь не знаю, сколько именно из них сегодня сбежали из цитадели! Тем более, что вы наверняка и до этого не успели всех переловить! Я прав?

— Что еще тебе известно об этом? — в глазах принца засветилась подозрительность.

Антриг только пожал плечами, и цепи негромко звякнули.

— Если бы все сидели в крепости — тогда или сейчас — ты бы не боялся столь открыто. А ты боишься, я это прекрасно вижу! Этого не скроешь!

Регент отвернулся, размышляя. Вдруг он пронзительно крикнул:

— Джорис!

И тотчас откуда-то из темноты выступил тот самый рыжеволосый командир гвардейцев, который в засаде захватил беглецов. Он выжидательно уставился на своего господина

взглядом преданной собаки.

— Итак, целых семь лет тебе не доводилось соприкасаться с волшебством, — тихо заговорил принц, — еще бы — ты сидел в Башне, и тебе было запрещено это делать. Я понимаю! — И регент тут же сделал знак рыжему гвардейцу.

Джорис снял с вбитого в деревянный щит гвоздя ключ и, подойдя к Антригу, щелкнул замками, запиравшими кандалы на его запястьях. Джоанна с испугом подумала, что теперь, не имея возможности держаться на цепях, Антриг мешком свалится на пол. Но Виндроуз обессиленно прислонился к одной из колонн, рассматривая ободранные металлическими «браслетами» запястья. Тут же по знаку регента, стоявший позади Джоанны второй охранник, к которому принц обращался «Каннер», отступил в сторону, хотя и не подумал при этом опустить дуло пистолета. Джоанна по-прежнему была у него под прицелом. Затем к Джоанне приблизился Джорис и ловко распутал стягивавшие ее веревки. Покончив с этим, оба охранника вопросительно посмотрели на регента, ожидая дальнейших распоряжений.

Принц напряженно молчал, уставившись в пол. Наконец, подняв голову, он негромко произнес:

— Мне нужно… — Регент не договорил. Стоял он почти вплотную к Антригу, словно собирался сказать ему что-то на ухо, по секрету от других. Затем взгляд регента снова уперся в пол. И опять воцарилась неловкая, даже зловещая тишина. Джоанна решила, что сейчас должно произойти нечто из ряда вон выходящее.

Наконец, надумав, принц заговорил снова.

— Нарвал, — тихо сказал он. Интонации звучали совсем иные — не осталось и следа самонадеянности и заносчивости, которой он еще недавно пытался сломить своих пленников. Что это он вдруг? Кажется, Керис как-то обмолвился, что Скипфраг был другом регента. Фарос продолжал: — Соседи слышали какой-то жуткий вопль, от которого, как они говорили, мороз пошел по коже. Словно голос из ада! А потом они обнаружили там… — тут регент замолчал, не в силах продолжать.

— Я знаю, что они там нашли! — подала голос Джоанна. — Куски стекла, рассеянные по всей комнате! Мелкие-мелкие. И кровь… Везде кровь — на полу, на стенах, на потолке… Я видела это!

Принц сразу перевел взгляд на девушку, которая все еще продолжала восседать в резном кресле. Наконец его губы пошевелились:

— Ах да, конечно! Ведь ты побывала там! По крайней мере,

так сказали послушники Церкви! Джорис говорил с ними!

Регент вынул из кармана носовой платок — черного цвета, что почему-то бросилось Джоанне в глаза. Впрочем, это было не слишком удивительно, поскольку и одежда, и башмаки на Фаросе были строго черного цвета. Осторожно — жестом человека, давно пользующегося косметикой, — принц вытер лоб. Руки его подрагивали.

— Я и не подозревал, что он общается с волшебниками, — наконец выдавил регент. — Инквизиторы сказали мне, что они обнаружили в рабочем кресле Нарвала целую кучу разных дьявольских приспособлений, а воздух был пропитан духом зла! Они испросили у меня разрешения опечатать дом и выставить подле него охрану. По-моему, им хотелось проследить, кто придет к нему позже!

— Именно! — усмехнулась Джоанна. — Но он занимался экспериментами с электричеством, он и понятия не имел о разных адских машинах, как болтают эти ваши религиозные фанатики! Если уж на то пошло, то дай волю этому Костолому, он и изобретателя часов спалит на костре за нарушение прерогативы Единого Бога отмерять время!

— Возможно! — заметил молчавший до сих пор Антриг. Он присел на широкое основание колонны и бережно водрузил на нос свои очки. — Но факт все равно остается фактом — кто-то вломился в его дом! И, слушая вас обоих, я начинаю подозревать, что это был кто-то, кто в состоянии повелевать стихиями, вселять их в тела и предметы! — Тут Виндроуз обратился к регенту: — Именно поэтому ты так страшишься Совета Кудесников?

Принц тупо смотрел на чародея, явно не желая ни в чем признаваться. Глубоко вздохнув, он уставился на пылающую лампу янтарного стекла. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но раздумал. Джоанна видела, что самые противоречивые чувства бушуют сейчас в его душе. Фарос даже выразительно прижал руки к губам, точно стараясь во что бы то ни стало заставить себя молчать. Тут руки его снова задрожали.

— Я не знаю, — наконец произнес он свистящим шепотом, — ведь они… как раз те, кто может делать все это! У них есть сила! Когда епископ Кимильский оповестила меня о раскрытом ею заговоре и испросила разрешения провести расследование, я решил… — по лицу и рукам его прошла судорога, — я даже не знаю, кого мне следует бояться! Я уверен только в одном — если ты, Антриг Виндроуз, семь лет просидел в Башне, то тебя мне опасаться не стоит!

Антриг ничего не ответил, ожидая, что скажет Фарос дальше. И точно — принца точно прорвало:

— А ведь ты волшебник! Именно поэтому я приказал своим людям доставить тебя сюда, когда они тебя схватили! Они не выдали тебя Инквизиции! Когда Герда сказала мне, что ты сидишь под замком в Башне Тишины и не можешь больше заниматься магией, то я сразу решил, что ты можешь мне понадобиться! Ты единственный, с кем я могу поговорить, то есть единственный, с кем можно переговорить без опасности для себя. А безопасность — это самое главное для человека, для принца — тем более!

Спокойный голос Антрига в мрачной тишине комнаты казался мелодией:

— О чем же ты хотел переговорить со мной, если я так тебе понадобился?

Фарос снова глубоко вздохнул и некоторое время продолжал хранить молчание. Он, видимо, составлял в уме фразы, которые могли бы пояснить достаточно, но не раскрывать до конца его намерений.

— Все та же самая галиматья, — наконец начал он тихо, — мне всегда твердили об этом! Это волшебство! Мой отец… — принц сглотнул слюну, — он… он хорошо относился к магам и чародеям! Но старался держаться от них подальше! А мой воспитатель говорил мне, что волшебство — это плохо, это против Бога! Впрочем, я и сам не верил в магию! Магия у меня всегда ассоциировалась с теми злыми старухами, которые сами про себя распускают страшные слухи, что, дескать, могут заколдовать чью-то корову! Вот и все их могущество! Они охотно говорили о своих силах, возможностях, но на практике это было что-то незаметно! Даже сейчас, когда я и сам не знаю, в порядке ли мой рассудок, я все еще не убежден, что те люди действительно что-то могли! Хотя сумасшедшего, как известно, можно убедить в чем угодно!

— Как? — не понял Антриг. — Что-то я не совсем тебя понимаю!

Принц взволнованно прошелся по комнате. Ему многое хотелось сказать, но что-то сдерживало его. Наконец он решился:

— Примерно месяца три назад я… я полюбил одного мальчика… он живет при дворе герцога Альберта! Это само совершенство — прекрасные, совершенные формы, идеал! Нежная кожа! Ни единого изъяна! Его имя — Эльф, но это не так важно! Странно, что я вообще запомнил его имя! У меня слабая память на имена! Но вот потом с ним произошло… — тут принц стыдливо замолчал, всматриваясь в поблескивающее очками лицо Антрига. Он, наверное, снова думал, как лучше выразиться, хотя после того, что он сказал, секретов у него не должно было бы

оставаться.

— Он… умер! — наконец усилием воли заставил себя заговорить Фарос. — Я уже распорядился, чтобы часовые пропустили его в мои покои, доверенный человек должен был провести его по тайной лестнице. Но государственные дела задержали меня — будь они трижды прокляты! Сначала послы… Все сватали мне своих принцесс, безмозглых дур! Вот и интересуйся после этого женщинами! Но я говорю это к тому, что я все устроил без малейшей огласки, никто из посторонних даже понятия не имел!

Антриг время от времени кивал. Слушал он внимательно. А Джоанна вспомнила, что во время их путешествия в повозке Керис говорил, что это бракосочетание было предсказано на картах одним чародеем. Кстати, признаниям принца в его пристрастиях она совсем не удивилась — чтобы догадаться об этом, достаточно было посмотреть на накрашенное лицо регента.

— Так вот, Эльф дошел до часового на тайной лестнице. Он сказал гвардейцу, что ему кажется, будто в моих комнатах есть кто-то посторонний! Все помещения были тут же самым тщательным образом проверены, но охрана никого не обнаружила. Все это мне было доложено позже. В конце концов Эльф удалился обратно в опочивальню ждать меня! А полтора часа спустя я обнаружил его там — он умирал, весь покрытый какими-то страшными ранами и язвами! Это было ужасное зрелище! Нарвал сказал мне, что такого ему прежде видеть не доводилось, но он был уверен, что это не отрава! Ни одна отрава не способна причинить такие ужасные раны! Нарвал поклялся мне своей жизнью держать все в секрете, поскольку у этого мальчика тоже есть семья! Конечно, кровать и все постельные принадлежности были немедленно сожжены. Но что интересно — ни до этого, ни после, не было ни единого сообщения о подобной болезни! Я уверен в этом — Нарвал сам рылся в главном книгохранилище и даже опросил по моей просьбе самых известных лекарей! А потом… Это произошло недели примерно через две… Я как раз спал…

— Один? — поинтересовался Антриг, и Фарос жалко улыбнулся, желая превратить эту реплику в шутку.

— Ты сам должен понимать, что я не позволяю себе засыпать, когда развлекаюсь с парнишками! Когда мне хочется спать, я обычно отсылаю их! Обычно, когда я сплю, в моей комнате неотлучно находится Каннер — я полностью доверяю этому малому. Но именно в тот раз его не было! Кстати, Каннер тоже был когда-то послушником, но, к несчастью, лишился слуха из-за какой-то болезни. Кажется, это был какой-то особый вид

лихорадки. Вообще-то, когда послушники становятся негодными к своей повседневной службе, то присяга налагает на них обязательство покончить жизнь самоубийством. Как вы сами можете убедиться, у Каннера помимо глухоты оказался еще один изъян — трусость. Однако я спас его! Ведь глухой слуга часто может оказаться весьма полезен! Но ближе к делу! Я тогда вдруг проснулся… Не знаю даже, отчего… Может, был какой-то странный сон? Мне ведь часто снятся разные интересные сны…

Тут принц замолчал, очевидно, все-таки устыдившись своих откровений. Он снова взволнованно принялся мерить шагами комнату. При свете фонарей фигура его отбрасывала на полуосвещенные колонны длинные тени. Наконец он продолжил:

— Занавески в алькове были закрыты неплотно, поэтому при свете ночника я мог видеть часть деревянной панели на противоположной стене. Я клянусь, что при свете лампочки я увидел на панели тень — тень волшебника в длинном одеянии. Конечно, тень была очень искаженной, длинной, но зато ясно было, кто ее отбрасывал. Вдруг он — я хорошо видел это — приблизился к столику, на котором стоял ночник, и принялся что-то делать там. Я видел, как шевелятся его руки. Я немедленно позвал охрану, но в комнату никто не зашел. Ни один. Когда они, наконец, вбежали, там уже никого не было. В спальне не было и следа странного гостя, даже на столике он ничего не оставил. Но я уверен, что выйти через двери он никак не мог — при малейшей попытке сделать это он наверняка столкнулся бы с охраной, которая уже бросилась ко мне. Потом я проверял — он стоял у наружной стены, и там никак не могло быть тайного хода. Я на всякий случай велел трижды простучать все стены, но снова ничего не обнаружилось. Кстати, недалеко от стола стоял сосуд с водой для умывания. Я велел поутру отдать воду одной из дворовых собак. И что вы думаете — на пятый день собака околела. Для яда это подозрительно долгий срок, не правда ли? Но пока что…

Принц боязливо, по-женски, прижал ладонь к губам, демонстрируя то ли испуг, то ли нерешительность.

— Вы должны понять меня, — продолжал Фарос, — я не мог поведать сыщикам всех деталей. Все из-за личных проблем. К тому же у меня все равно не было никаких доказательств. Ведь если бы я только заикнулся о том, что без волшебства не обошлось, как меня тут же осмеяли бы. Точно так же, как осмеяли и тогда, когда…

Что-то припомнив, регент продолжал с еще большим жаром:

— Ведь они все равно сказали бы, что мне померещилось. Как же — я считаюсь безумцем. Ведь это уже столько раз говорили.

Да, я безумец. Но не настолько же! Во всяком случае, сейчас со мной все в порядке, я не рассказываю вам сказок. С тех пор я дважды просыпался по ночам и слышал постукивание в своей комнате. Но стоило мне только позвать стражу, как стуки прекращались. После второго раза я приказал Каннеру и еще одному парню дежурить в моей комнате. Правда, я не могу поручиться, действительно ли кто-то стучал в комнате во второй раз, или это мне всего лишь приснилось.

Фарос запустил обе руки в свою русую шевелюру, сразу взъерошив уложенные лучшими парикмахерами волосы.

— Я долго с этим боролся, — наконец продолжил регент, — я действительно не верил в магию. Но я понял, что кто-то пытается со мной расправиться именно посредством магии. Скажи, такое возможно? — И принц с отчаянием посмотрел в глаза Антригу, словно был уверен, что чародей сможет избавить его от всех проблем сразу.

Подумав, Виндроуз утвердительно кивнул. С неожиданной энергией Антриг поднялся с основания колонны и, подойдя к принцу, спросил:

— Скажи мне только, как давно была последняя попытка?

— Боже, — прошептал принц. — Так это еще и попытка. А мне показалось, что это всего лишь постукивание.

— Конечно, это была самая настоящая попытка, — голосом знатока промолвил Антриг, — но ты не ответил на мой вопрос — как давно это было?

— Недели две-три назад. Как раз незадолго до того, как епископ Кимила прислала гонца с сообщением, что она сумела раскрыть разветвленный заговор против устоев Церкви и всей Империи. Я распорядился арестовать всех подозреваемых. А потом, два дня спустя, Нарвал…

Словно успокаивая плачущего ребенка, Виндроуз сжал ладони Фароса своими крепкими руками. Джоанна, наблюдавшая за происходящим, подумала вдруг, видел ли принц то, что застала в рабочем кабинете доктора Скипфрага она.

— И ты сразу направился в Кимил, — продолжал Антриг, а принц при этом послушно кивнул, — разузнать, что же удалось разнюхать Герде?

— Да, — регент снова кивнул. На сей раз голос его прозвучал несколько тверже: — Герда и ее телохранители прибыли, чтобы встретить меня на той почте, где есть еще и постоялый двор. Она рассказала мне о вас все. И тогда я понял, что мне нужно во что бы то ни стало разыскать вас, причем разыскать быстрее, чем это сделает Инквизиция. Я был уверен только в том, что вы действительно не замешаны в этом деле. Кстати, Герда подробно

рассказала мне обо всех этих чудовищах и предположила, что вы, по всей видимости, направитесь в город Ангельской Руки. Я под благовидным предлогом расстался с ней, повернул назад и приказал своим людям тщательно обыскать местность, в которой вы могли бы находиться. Мой приказ был однозначен — опередить людей Костолома, поскольку те собирались расправиться с вами. У меня даже появилась мысль, что вы можете направиться к Дьявольским Вратам, чтобы попытаться найти убежище у этого набожного тупицы и лицемера Сердика, — при упоминании имени двоюродного брата глаза Фароса злобно сверкнули — в этой семейке явно не ладили между собой. Антриг ничего не сказал на это, как и Джоанна, у нее тоже не было основания критиковать человека, который действительно очень помог им.

Но принц быстро взял себя в руки — безумие исчезло из его глаз, лицо снова приняло осмысленное и решительное выражение. Сглотнув слюну, он заговорил снова.

— И вот сегодня я снова вернулся. Но мне казалось, что мои усилия не принесут никакого результата. Передо мною на какое-то время открылось все мое будущее — оно должно быть таким же, каким было прошлое моего безумного отца. — Собравшись с мыслями, Фарос продолжил: — Со временем я должен, по идее, окончательно спятить. То, во что я не верил, во что я просто не хотел верить, должно в конце концов погубить меня. Выходит, что у меня не остается никакой надежды. Конечно, я пробовал заключить членов Совета Кудесников под стражу, да только у Церкви есть свои чародеи. А я ведь должен спать по ночам…

И вдруг монолог регента резко оборвался, как будто у него кончился запас воздуха. Раздалось всхлипывание, Фарос отвернулся, и Джоанна поняла, что наследник престола Феррита просто стыдится своих слез.

Антриг неслышно подошел к принцу и, осторожно, но крепко взяв его за руку, тихо поинтересовался:

— Здесь?..

Как только Фарос метнул на него быстрый взгляд, Виндроуз продолжил:

— Насколько я понимаю, мы находимся в казематах под старой частью Летнего дворца…

Губы принца скривились в неком подобии улыбки — он глянул на мощные руки Антрига, все еще сжимавшие его запястья. Фарос освободился от хватки кудесника и отошел в сторону. Точно вспоминая, что он сотворил со своей прической, регент принялся судорожно приглаживать всклоченные волосы.

— Да, — признался он уже куда более спокойным голосом, —

я решил действовать на свой страх и риск. Подземелья, как известно, вещь довольно изолированная и потому все то, что в них скрыто можно уберечь, от взглядов досужих сплетников. Особенно, когда на меня вдруг нападает охота немного поразвлечься.

— Послушай, а ты не можешь ночевать в каком-нибудь другом месте?

— А какая разница, где мне спать? — искренне удивился Фарос.

— Разница есть, — упрямо сказал Антриг, потирая лоб рукой. — Если бы ты раньше верил в существование волшебства, то тебе не составило бы труда догадаться, что твои комнаты помечены знаками магов.

Всего их было семеро. — Ну, тогда все просто отлично, — воскликнул чародей, водружая на нос очки. — Тогда второе, о чем бы я хотел попросить тебя: распорядись изъять и доставить сюда все оборудование из лаборатории доктора Скипфрага. И, наконец, третье — мне хотелось бы взглянуть на комнаты твоего отца.

Облачившись в атласную рубашку и штанишки до колен с чулками, что по распоряжению принца принес откуда-то из кладовых Джорис (и раздраженно сказав при этом, что она уже устала щеголять в нарядах времен царя Гороха), Джоанна поднялась на семь лестничных пролетов вслед за Антригом и Фаросом. Подземелье и в самом деле выглядело очень древним, а вот дворец явно был новоотстроенный, в стиле рококо. На улице уже успело стемнеть, но внутренние помещения сияли огоньками тысячи свечей и ламп. Регент в сопровождении Джориса, Каннера и еще двух гвардейцев провел всех своих гостей и пленников в одну комнату, очень ярко освещенную. Джоанна, уже успевшая отвыкнуть от электрического света, даже зажмурилась. Она тут же подумала, что принц, видно опасается темноты, коль приказал устроить такую иллюминацию. Девушка словно позабыла о перенесенных невзгодах — теперь она невольно залюбовалась роскошным убранством дворца. Комнаты были выдержаны в основном в пурпурно-золотых тонах. Облаченный в потрепанную куртку черного бархата, с очками на носу, Антриг продвигался по помещениям, похожий на английского охотника за привидениями викторианских времен. Он то и дело настороженно оглядывался по сторонам, смотрел на колышущиеся занавеси и рассматривая стены и изредка мебель, явно желая увидеть здесь знаки, оставленные неведомой силой.

Виндроузу то и дело попадались разные метки, оставленные какими-то волшебниками. Один раз он даже позволил себе

улыбнуться.

— Интересно знать, что же делала здесь волшебница Неллина? Говорят, что ей чуть ли не шестьсот лет, и уж ей точно нет до тебя никакого дела. Впрочем, она известная любительница повсюду совать свой нос.

В спальне же Антриг стал внимательно рассматривать панели из красного дерева, которыми были отделаны простенки между окнами. Наконец он осторожно провел по полированному дереву ладонями и на панели появилась еще одна метка — нечто, похожее на мерцающий огонек свечи. Причем отметка была не нарисована на дереве, а словно наклеена рельефно.

Увидев это, Джоанна содрогнулась — ведь точно такую же отметку она видела на стальной двери в главном компьютерном терминале сан-серанского комплекса. А потом, кажется, такой же силуэт был в комнате на втором этаже в доме Гэри… Это неяркое свечение… И вот теперь оно здесь. Это знак того, кто душил ее. Антриг…

«Я не могу пока сказать тебе всей правды, а лгать мне не хочется», — так говорил он ей.

«В этом мире ты находишься под моей защитой», — это тоже его слова.

— Отметка чародея вызовет его сюда, — тихо пояснил Антриг регенту, который настороженно следил за манипуляциями мага, опасаясь, что пленник выкинет какую-нибудь ненужную штуку, — он в состоянии обнаружить отметку, где бы он в данный момент ни находился. Если же отметка несет в себе очень сильный энергетический заряд, то через нее чародей получает возможность воздействовать на близлежащие предметы. Он может даже, не находясь в этом месте, налагать заклятья на то, что находится возле нее.

Антриг еще некоторое время рассматривал помеченную силуэтом пламени свечи панель. Затем он вздохнул и вдруг закрыл глаза.

— Что это такое? — тревожно спросил принц, заглядывая через плечо Виндроуза.

Антриг, повернувшись, осторожно прикоснулся к стоявшему в простенке маленькому декоративному столику, покрытому замысловатой резьбой. На столике стоял серебряный подсвечник, изображавший какую-то пляшущую богиню, и розовая фарфоровая миска с водой.

— Этой отметке даже меньше двух месяцев, — сказал чародей. Голос его теперь звучал устало. — А этой вот, — маг указал на дверь гардеробной комнаты, — уже лет десять. Но я вижу, что их оставил один и тот же волшебник.

— Кто? — требовательно спросил регент, но Антриг только покачал головой.

— Вторая метка должна подкрепить силу первой, — продолжал он, указывая красноречиво на дверь, — но десять лет назад… — он замолчал, словно подбирая подходящие слова, напряженно думая. — Да, десять лет назад…

— Что там?

Антриг посмотрел на Фароса и ответил тихо:

— Даже не знаю. Скажи-ка, а это всегда были твои комнаты?

— Да. С тех пор, когда мне в возрасте восемнадцати лет были пожалованы личные апартаменты. А сейчас мне тридцать пять, но уверяю тебя, что на моей памяти ни один волшебник не входил сюда, чтобы оставить какую-то метку.

— Зная, какой стражей ты себя окружил, вполне могу тебе поверить, — признался чародей, — в этом, конечно, сомневаться не приходится.

— Ну конечно, они же обычно держались вместе и никуда не отлучались из своего Совета, — сказал Фарос. — И вот мой незабвенный отец…

Тут он заколебался и замолчал.

— Точно! — воскликнул Антриг. — Именно твой отец. А потом и Сердик. Я же знаю, что твой отец очень часто общался с Солтерисом, который, как известно, глава Совета.

Джоанна отметила, что при упоминании имени архимага голос Виндроуза дрогнул.

— А кстати, ты сам не знаешь еще кого-нибудь подходящего?

Принц покачал своей маленькой головой.

— Я даже не хотел знать, — признался он. — Я ведь думал, что все это… — он облизал пересохшие губы, не желая произносить нехорошее слово, но вывернулся, — я просто ничего не хотел знать обо всем этом. Не хотел.

Антриг некоторое время молчал — он напряженно думал, скрестив на груди руки. Глаза его смотрели на окружающих отрешенно. В соседней комнате часы мелодично пробили одиннадцать, напоминая Джоанне о том, что сегодняшний день все-таки прошел. И она сразу почувствовала все, что взвалил на ее плечи этот день, — бегство до потери дыхания, страхи, и, как ни странно, волчий аппетит.

Наконец Антриг вздохнул и снял очки с носа, точно показывая, что уже пришел к определенному выводу. Он потер покрасневшую переносицу.

— Уже так поздно, — сказал он. — Мы с Джоанной невероятно устали. Я, во всяком случае, точно. За нее я говорить не могу, но если она еще полна сил, то ее тоже можно поставить

на охрану. А что — дать ей пистолет, стрелять она умеет. Фарос, если ты не собираешься на всякий случай посадить нас под замок, то это хорошо. Но все равно — прежде я хотел бы попросить тебя о двух вещах. Точнее, о трех, включая завтрак. Кстати, твой повар умеет выпекать сдобные булки?

И в первый раз Джоанна увидела, как регент рассмеялся. Его бледное лицо, к тому же еще и припудренное, засветилось изумлением и весельем.

— Мой милый Антриг, — сказал он, как-то уж слишком трогательно хватая чародея за руку, — если эти булки тебе не понравятся, то я заранее разрешаю тебе наказать моего повара. Но я тебя уверяю, что он мастер своего дела. Он ни разу не разочаровал меня. Так что ему просто грех подрывать на этот раз свою репутацию.

— Кстати, — тихо поинтересовалась Джоанна, — у меня пока не было возможности сказать тебе спасибо. В два часа ночи снова начало сильно сказываться истощение. Джоанна металась во сне, ее воспаленному рассудку представлялась старая Минхирдин с ее неразлучными друзьями-тараканами. Так продолжалось до самого рассвета.

Антриг, сидя на подоконнике в комнате на мансарде дворца, которую Фарос выделил ему, посмотрел на девушку удивленно и улыбнулся. Вдруг в воздухе возле него появился небольшой голубоватый огонек и медленно поплыл в сторону. Джоанна сравнила огонек с неосторожным светлячком. Крошечное пламя приземлилось прямо на одну из незажженных свечей на столе.

— Должен признаться, что все это мне чертовски приятно, — голос экс-кудесника негромко звучал в полумраке комнаты, — но только мне не понравилось нырять под железную решетку, когда мы удирали из цитадели. Честное слово, так сильно я испугался второй раз в жизни. Но самое главное удовольствие, конечно же, в том, что мы все-таки оба остались живы и невредимы… почти, — и Антриг задорно расхохотался. Девушка тоже не могла сдержать улыбки.

— А для меня это даже не удовольствие, а сплошная цепь удивлений. Просто ошеломляюще. — Джоанна подошла к окну, и Виндроуз подвинулся, чтобы она смогла сесть рядом с ним. Окно было распахнуто, поэтому в комнате отчетливо ощущался запах горелого масла от факелов. Порывы ветра доносили аромат далеких дубовых и буковых лесов. Джоанна продолжала: — Все-таки принц очень предупредителен — послал нам такой отменный ужин…

— Что верно, то верно. Даже морскими раками решил нас побаловать, — согласился Антриг, — но несмотря на то,

понравятся ли мне поданные наутро к завтраку булки или нет, мне, возможно, придется покривить душой и сказать, что они были жутко вкусные. Ведь если принц говорит, что повар хорош, то не стоит разочаровывать его. К тому же мне все равно трудно угодить, а я не хочу никого огорчать своими капризами.

Джоанна рассмеялась.

— А одежда-то, одежда! — сказала она, рассматривая кружева рубашки пажа, что была на ней. — Кстати, в ворохе одежды, которую он прислал мне, есть ночная рубашка. Вся в кружевах. А слуга сказал, что одежда из гардероба его высочества. И где только регент откопал эту рубашку?

— А может, — улыбнулся Антриг, — один из его мальчиков надевал это?

Джоанна укоряюще ткнула его пальцем в бок, но тут же посерьезнела и спросила:

— А что, кто-то из чародеев действительно собирается убить его?

— О да.

— Для того чтобы наследником трона стал Сердик?

— Если бы я был волшебником, который вмешивается в дела людей, — хмуро сказал Антриг, — то, без сомнения, я тоже стал бы заниматься этим.

Девушка вспомнила чересчур гостеприимного Сердика, который живо интересовался всем, что связано с волшебством и магией. Он был им рад главным образом потому, что Антриг был волшебником. Некоторое время девушка молча созерцала голубоватый огонек на свече, думая о том, что ей пришлось пережить. Она чувствовала непомерную усталость. Антриг тоже пригорюнился — сейчас, сидя на подоконнике с подтянутыми к подбородку коленями, он казался беззащитным, усталым. Джоанна с трудом удержалась от того, чтобы не положить, утешая, руку ему на плечо.

— Так послушай, у нас тут несколько проблем или только одна? — заговорила наконец она. — Эта иссякающая энергия. Потом чудовища. А ты сказал, что прибыл сюда, чтобы переговорить кое с кем из Совета Кудесников. И еще этот архимаг… И бедняга Керис. Кстати, что же приключилось с ним?

На губах Антрига заиграла странная улыбка.

— Я думаю, — сказал чародей, — что Керис все еще ждет меня снаружи пустого дома у южного берега реки. Когда ему что-то нужно, то он умеет быть терпеливым.

— Когда-нибудь Керис точно тебя прикончит, — сказала Джоанна уже серьезно, — и поверь мне, вовсе не из-за пропавшего архимага.

— Ну конечно, — согласился Антриг, — ведь это было… — тут он помедлил, глядя, как его собеседница хмурит брови. Антриг быстро сказал: — Керис приблизился к «этому» уже дважды. А если еще и учесть, на что мы все трое теперь идем… — он помолчал. — Столько событий, и кажется, что они никак не связаны между собой. Но твое похищение, смерть Нарвала, потом принц… Очень странно.

— Кстати, как и все то, что произошло двадцать пять лет назад, — добавила девушка, вспоминая свою старуху-сокамерницу. И эти «штучки», как выразился кто-то. Уже в который раз Джоанна вспомнила, что-то, известное когда-то Сураклину, теперь знает Антриг. Сам он никоим образом не мог убить Нарвала — ведь в ту ночь, когда погиб ученый, если Джоанна рассчитала правильно, они все трое храпели на сеновале по дороге из Кимила. Но вдруг это все-таки он?

Вдруг она подумала: а может ли проверка, подобная проведенной в комнате регента, обнаружить метку волшебника в кабинете Скипфрага?

Вдруг она осознала, что Антриг замолчал и теперь смотрит на нее глазами, в которых была какая-то странная неопределенность.

— Кстати, откуда ты узнал, что я была там? Когда я подумала об этом, мне вдруг сильно захотелось увидеть тебя. Но я не слишком удивилась, увидев тебя. Хотя, как мне сейчас представляется, удивиться мне все-таки нужно было.

— Не совсем так, — Виндроуз энергично встряхнул волосами, — вспомни, я просто искал волшебников. Обдумав, все как следует, я понял, что они, по всей вероятности, сидят в этой темнице. Когда тебя потащили в крепость, я прогуливался возле стен и, конечно же, все видел. Если я правильно понимаю, это Керис послал тебя к Нарвалу.

— Но откуда ты все это… — начала было она, но тут же прикусила язык. Джоанна вспомнила, как сама рассказывала регенту, что именно застали любопытствующие соседи в разгромленной комнате Скипфрага.

— Но это как, должно придать тебе храбрости? — спросила она. — Я имею в виду этих магов. Неужели они все сумели удрать из цитадели?

— Я думаю, что большинству это удалось, — отозвался экс-кудесник. — К тому же я уже поговорил с Фаросом относительно целесообразности освобождения остальных, тех, кто не проявил должной расторопности. Конечно, мне понадобится определенное время, чтобы всех их разыскать и обстоятельно с ними побеседовать. Но сначала мне нужно осмотреть покои

императора.

— А разве то, что они окажутся на свободе, не опасно для тебя? — спросила девушка. — Или ты надеешься узнать, кого именно тебе нужно бояться?

Антриг быстро и как-то странно посмотрел на собеседницу, в его глазах явственно читалась затравленность, досада на то, что его заманили в ловушку. Но это вовсе не ловушка, подумала вконец растерявшаяся Джоанна. Видя, что сейчас Антриг очень напряженно над чем-то размышляет, она спросила:

— Ответь хотя бы, почему ты боишься меня?

Антриг хотел что-то ответить, но потом раздумал и выглянул в окно, словно желая убедиться, что они тут действительно одни. Снизу не доносилось ни единого подозрительного звука, только где-то у стен перекликались стражники да перебранивались слуги. Наконец чародей нехотя сказал:

— Подобно принцу, я боюсь многих вещей. Понимаешь, большую часть жизни я провел в страхе. Меня постоянно преследовал человек, которого все считали умершим.

Наконец он спрыгнул с подоконника, Джоанна последовала его примеру. Девушка направилась к двери, Антриг пошел провожать ее; блуждающий огонек медленно поплыл вслед за ними. В дверях Джоанна остановилась и пристально посмотрела в глаза этому человеку, у которого, как она поняла, было много причин бояться ее, потому-то он так старательно ее избегал. Однако тогда по-прежнему оставалось загадкой, для чего он все это время с такой самоотверженностью выручал ее из всяких затруднительных положений?

— Мне все-таки кажется, что здесь есть несомненная связь, — в раздумье заметила девушка, — связь между потерей всеми жизненных и волшебных сил и этими чудовищами, между смертью Нарвала, исчезновением архимага и моим похищением. Но это только вершина подводной горы, все остальное не видно. Я понимаю, что ты попытаешься хоть что-то выудить из изучения всех этих игрушек Нарвала. Хотя для меня они не представляют ничего загадочного — это самый простой набор для получения электрического тока. Но скажи мне честно, что ты хочешь найти при осмотре комнат императора?

— Возможно, подтверждение теории, которая начинает выстраиваться в моей голове из разрозненных фактов, — сказал экс-кудесник, облокачиваясь на дверь, — и, возможно, ответ на давно мучающий меня вопрос. Но это только при самом лучшем раскладе.

Не ожидая ответа, она машинально спросила:

— Что это за вопрос?

После минутного колебания, Антриг, видимо, пришел к какому-то окончательному решению.

— Почему это им вдруг понадобилось объявить его сумасшедшим и держать тут, вместо того, чтобы просто убить, — полушутя полусерьезно сказал он.

Глава 16

— Они сказали, что это было просто решение суда, — глаза принца-регента возбужденно мерцали на бледном лице. Он возлежал на кушетке; напротив, на обитом бежевом бархатом диване, сидели мужчина и женщина. Истощение жизненной энергии повлияло на Фароса просто катастрофически. Он, казалось, обмяк и даже на проявление страха у него больше не осталось сил. Накрашенные губы регента едва шевелились: — Говорят, причина — его симпатия к кудесникам.

— Я что-то не припоминаю, чтобы на суде твой папаша проявлял ко мне излишнюю симпатию, — буркнул Антриг, — ведь выдвигалось столько заманчивых проектов решения моей дальнейшей участи: и повешение, и четвертование, и утопление, и сбрасывание с башни. Но потом у меня все-таки чудом появился шанс на спасение. Кстати, расскажи мне, как это все произошло?

— Если бы я знал, — покачал головой принц. — Как-то по утру он проснулся таким. Это произошло четыре года назад. Он… — И регент, всхлипнув, вытащил из-под кружевной манжеты черный шелковый носовой платок. — Эта внезапная перемена поразила всех. Мы знать не знали, что это такое и как долго это будет продолжаться. Конечно, мы и сейчас этого не знаем, но тогда, поначалу, все решили, что это временное затмение, что долго оно не продлится. Он боролся — даже пытался разговаривать. Но говорить могли только его глаза. Поначалу он узнавал всех. Во всяком случае, когда я стоял возле него, выражение его лица было вполне осмысленным. А теперь… — Тут, встав с кушетки, принц подошел к стене и выглянул в окно, во взлелеянный беспрестанными хлопотами десятков садовников дворцовый сад. Затем, обернувшись, регент нехотя сказал, при этом почему-то останавливая свой взгляд на Джоанне: — Когда вы увидите его, то ни на секунду не забывайте, что он больной человек.

Девушка поняла, что сейчас регент едва подавил в себе желание выразить отвращение. Она подумала, действительно ли этот человек искренне сочувствует своему отцу, или же он просто считает его давно надоевшей обузой — так обычно знакомых предупреждают о том, что у соседей есть злая собака, что она, возможно, даже бешеная, и потому ее надо опасаться. И девушка вдруг испытала некое подобие жалости к этому напомаженному и надушенному принцу с его нестандартными вкусами и склонностями.

— А кто были те волшебники, которые имели доступ в его

покои? — деловым тоном поинтересовался Антриг. — К примеру, кто мог пробраться в его спальню?

— Никто, — неожиданно быстро возразил регент, — впрочем, при желании туда можно было войти, стоило только пробраться во дворец. Взять хоть Розамунду Кентакр — отец однажды просто силком затащил ее во дворец, для того чтобы отговорить ее клясться в верности Совету Кудесников. Или вот взять Тирле…

— А Минхирдин?

— Эта старая карга? — недовольно сморщился Фарос. — Вообще-то отец интересовался волшебством, то есть теми, кто практиковал его, а не теми, кто мог потенциально это сделать. Конечно, члены Совета приходили — к примеру, тот же Солтерис. Потом госпожа Розамунда, Нандихэрроу, Идрикс, Винтел Симм, ты ведь тоже бывал, вспомни.

— Ну, насчет меня не так все просто, — резко сказал чародей. — Конечно, когда меня избрали в Совет, я согласно правилам должен был быть представлен императору. Но, как я уже заметил, ко мне он относился не слишком тепло, — тут Антриг слегка нахмурился, — а во время бунтов в Меллидэйне я чувствовал, что за мной следят. Конечно, его тоже можно понять. Но я все равно не понимал — почему же именно я? Ведь мы были с ним почти незнакомы, так что оснований для этого должно было бы быть не слишком много.

— А тебе не доводилось знать его прежде? — начал Фарос, но потом остановился. — Нет, конечно же, у тебя не было такой возможности? Ты же тогда ходил в учениках у Сураклина. А может, в этом и кроется причина? — Принц позволил себе улыбнуться, видя, как солнце позолотило верхушки деревьев в саду. Сразу защебетали птицы. Трудно было поверить в то, что за стенами сада начинаются серые угрюмые кварталы, прокопченные дымом из труб многочисленных мануфактур, утопающие в грязи и отбросах, когда тут такая идиллия.

Тут лицо Фароса вновь помрачнело. Он продолжал:

— До того отец вовсе не страдал помешательством. Не было никаких признаков. А потом он съездил с архимагом в Кимил. И после этого все началось. Ужасно.

— Он, быть может, изменился потому, что увидел нечто необычное в Цитадели Сураклина, — тут же продолжил Антриг, — ведь было бы странно, если бы он ничего там не заметил.

— Пожалуй, — интонации регента стали и вовсе почти замогильными. — Иногда он начинал заговаривать об увиденном. Бормотал что-то о том, что Сураклин держит в темноте подземелий, за толстыми стенами… Нечто такое, что Сураклин то

ли выращивал, то ли вызывал к жизни при помощи заклятий. Отец даже говорил, что Сураклин вскармливает это кровью, которую берет из собственных вен.

Джоанна боковым зрением увидела, что Антриг вздрогнул — словно вспомнил что-то. Вдруг она вспомнила, как еще в Кимиле видела на руках Антрига многочисленные шрамы — как раз в том месте, где проходят вены.

— И я возненавидел его за все это, — продолжал Фарос, — так же сильно, как я любил его до этого. Я действительно любил его. Но, странное дело, какая-то часть любви к нему все еще осталась во мне, — замолчав, регент нервно прижал ладони к вискам, словно желая укротить не в меру разошедшуюся память. Потом он поднес ладони с длинными пальцами, ногти на которых, покрытые прозрачным лаком, были обкусаны от многочисленных переживаний, к лицу. Теперь он говорил из-за пальцев, прижатых к глазам и ко рту, как из-за крепостной стены. — Поговаривали, что Сураклин умел властвовать над рассудком всех, кому вольно или невольно приходилось сталкиваться с ним. Говорили даже, что он любого может превратить в умалишенного. Теперь мне кажется, что это было его главным умением.

Регент замолчал, дрожа всем телом. Джоанна почувствовала, что Антриг опять настороженно смотрит на нее. Наконец принц собрался с силами и продолжил повествование:

— Но я тогда был еще ребенком, и потому у меня были другие проблемы. Мне было тогда всего-то десять лет — что я мог понимать?

— Так тебе было только десять лет? — Джоанна смотрела на принца, но видела, что Антриг продолжает наблюдать за ней. Лицо чародея было искажено ужасом. Джоанна не поняла, что тут может быть удивительного — ведь каждому человеку когда-то бывает десять лет.

Фарос машинально кивнул, погруженный в свои невеселые размышления. Не привлекла его внимания и Джоанна, и грохот колес кареты по брусчатке двора. Упрятав лицо в ладони, регент словно хотел спрятаться от окружающей его суровой реальности.

— Что случилось? — спросил Антриг, осторожно взяв регента за руки. Чародей настойчиво потянул руки принца книзу, лишая его последнего убежища. — Что же действительно случилось тогда, когда ты был ребенком и тебе было всего лишь десять лет? Хоть теперь-то ты можешь рассказать это?

— Ничего, — принц, как затравленный заяц, посмотрел на Антрига. — С чего ты взял, что тогда должно было случиться что-то особенное?

— Действительно, тогда ничего не случилось, если не считать того, что ты тронулся умом.

— Я был тогда ребенком, — казалось, Фарос говорит через силу, словно выпихивает слова из своих уст, — и потому сам я тогда ничего не мог ни сделать, ни сказать такого, чтобы навлечь на себя столь сильный гнев кого-то, способного наказать меня безумием. Но иногда я начинал грезить, уже после его возвращения, и в моих мечтах… — принц снова не в силах был говорить, его руки беспомощно затряслись в крепких ладонях Антрига. Чародей ничего не говорил, но глаза его были наполнены ужасом и каким-то странным ликованием — не из-за помешательства Фароса, а потому, что в нем Виндроуз видел отголоски собственного безумия. Уж не были ли они каким-то образом связаны между собой?

— Но в моих мечтах он не был моим отцом, — наконец с рыданиями выдавил принц. Слезы катились по его лицу, оставляя на щеках потеки косметики. Фарос вырвал руки их рук Антрига и вновь схватился за носовой платок. Его била крупная дрожь. — Мне было десять лет, десять, — повторял он судорожно. — Но я ничего и никому не мог тогда рассказать. Ведь все равно никто не поверил бы. Потом мне начало казаться, что это волшебники куда-то спрятали моего отца, похитили его у меня, а вместо него подсунули кого-то другого. Впоследствии, когда я понял, что такое вряд ли могло быть, поскольку волшебство мне казалось обычным шарлатанством и мошенничеством. Но я уже ненавидел волшебников лютой ненавистью. О Боже, как же сильно я их ненавидел. Вы не поверите, но от ненависти я кусал губы по ночам.

Голос и интонации этого человека, казалось, были пропитаны ненавистью. В нем что-то надломилось — теперь регент плакал без остановки. Джоанна попыталась было успокоить его, но он грубо оттолкнул ее руку. Он пытался в одиночку перебороть свое горе, как боролся в одиночку все время. Тогда руку ему на плечо положил Антриг. Он ничего не говорил, просто молчал, но это, как ни странно, подействовало, рыдания прекратились, хотя слезы продолжали с прежней силой катиться из глаз принца. Видимо, он впервые за многие годы дал волю своим чувствам.

В одном он точно напоминал Антрига — он уже успел повидать разверзшийся ад.

— Он изменился, — трагическим шепотом забормотал принц, — но откуда мне было знать, в чем истинная причина? К тому же было столько разных предположений.

— Ну, это само собой разумеется, — успокоил его Антриг, давая понять, что никто не собирается винить регента в том, в

чем его наверняка уверяли лукавые придворные.

— Но все это зло явно исходило отсюда. Я любил отца, и они навеки забрали его у меня. И в снах… — Наконец слезы прекратили струиться из глаз Фароса, и он начал судорожно вытирать лицо. — Да будь он проклят, этот дворец. Я уверен, что все это из-за него.

Затем все трое не мешкая погрузились в заложенную по приказу принца карету и направились к императорскому дворцу. Домчались они быстро — принц то и дело высовывался из окна кареты и торопил кучера. Потом принялся смотреть в карманное зеркальце.

— Ну и вид у меня, — простонал он, разглядывая свое лицо в потеках туши и с размытой слезами пудрой.

Антриг успокоил принца.

— Мне кажется, что твоему отцу глубоко наплевать на твой внешний вид.

По беломраморным ступеням парадного входа во дворец уже мчались одетые в белые с золотом одежды слуги, чтобы распахнуть дверцы экипажа и как подобает встретить наследника престола и его сопровождающих. Дворец был величественным сооружением, это величие дополнялось и отражающимся от оконных стекол солнцем и блеском позолоченной крыши.

Губы Фароса скривились в некоем подобии улыбки.

— Нет… Мне кажется, что он не столь безразличен ко всему… но… — Тут его напряженное лицо несколько смягчилось. Джоанна поняла, что сейчас принц говорит чистейшую правду. Несмотря на пропитывавшую его ненависть и тоску, в глубине души этого человека сохранились добрые воспоминания детства. Тем более, что сейчас он считал себя в ответе за своего отца.

— А если кто-то из слуг скажет что-то непотребное, — лукаво продолжал Антриг, поднимаясь по чистым ступеням наверх, — тебе ничего не стоит примерно наказать наглеца.

Принц одарил чародея дьявольской улыбкой.

— Ты знаешь, как и кому сказать нужный комплимент, — рассмеялся он, идя рядом с Антригом. Джоанна, оглянувшись по сторонам, поспешила за мужчинами.

Памятуя о том, что сказал ночью Антриг, Джоанна не сомневалась, что он сразу же по приезде бросится обследовать резиденцию императора. Но нет — то ли девушка что-то перепутала, то ли по какой-то причине Виндроуз переменил свое решение. Император Харальд занимал анфиладу комнат в северном крыле дворца, на третьем этаже. На втором этаже находились помещения, в которых монарх занимался обычно государственными делами. — Постой, — заметила Джоанна, —

ведь ты больше ни к чему не подсоединил провода. — Она быстро перебрала приборы и сделала то, чего не сделал Антриг. Фарос, который успел на всякий случай отойти к выходу, теперь приблизился, но вместе со своим телохранителем. Принц даже побелел от ужаса, когда Антриг принялся вращать колесо генератора. В глазах принца, подобно начавшим пробегать и потрескивать на медных проводах искоркам, заплясали огоньки подозрения. Заметив это, Джоанна сказала:

— Один из наших не слишком уважаемых предшественников меблировал дворец на вкус своей фаворитки, которая и жила здесь, — рассказывал принц, раскрывая золоченую дверь резного дуба, которая вела в комнату для ожидания. По меркам дворца, комната была не слишком большой — примерно в два амбара, в которых за последние две недели путешественникам довольно часто приходилось ночевать. — Кстати, он распорядился выстроить и вот эту лестницу. Поскольку часовой, который всегда стоял и стоит у наружной двери, не видит тех, кто спускается или поднимается по ней. Наш предшественник хотел избавить себя от лишних глаз, которые жадно наблюдали за его личной жизнью. В этих покоях жили всегда и мой отец, и дед. Эти комнаты казались им более уютными, нежели те, что были первоначально задуманы как императорские покои.

Антриг принялся внимательно оглядывать выдержанную в темных тонах мебель и такие же гобелены.

— Ну что же, отменно, — одобрил чародей. — Обстановка подобрана со вкусом. Тут даже зимой не чувствуешь себя зябко. Кстати, твой отец всегда жил наверху? То есть я хочу спросить, он и тогда там жил?

Принц утвердительно кивнул. Видимо, плач пошел ему на пользу — скованность и некоторая отчужденность его исчезли. Несмотря на то, что принц был жестоким, безумным и вдобавок извращенцем, несмотря на то, что следы его плети еще не исчезли с лица Антрига, Джоанна вдруг ощутила, что ей жаль этого человека, что сердце ее смягчилось по отношению к регенту. Направляясь по лестнице за своими спутниками, подобрав подол все того же многострадального платья, Джоанна вдруг на некоторое время даже остановилась на ступеньках. «Сначала ты втрескалась в Антрига, — вихрем пронеслось в ее голове мысль, — а теперь тебе нравится этот регент. Подумать только, сплошные увлечения. Что-то дома этого не было».

— За ним постоянно наблюдают, — донесся до нее голос Фароса, когда он повернул золоченую ручку двери на верхней площадке лестницы. Джоанна поразилась дворцовой роскоши — даже дверная ручка представляла собой настоящее произведение

искусства: она изображала фавна, поймавшего нимфу. Принц же продолжал:

— Ни один из наблюдателей, никто из сиделок не доложил мне, что что-то произошло.

— Ну, естественно, — пробормотал Антриг. — Они и не скажут. Где им увидеть?

Чародей принялся осматривать комнату. Но осмотр занял не слишком много времени. Не только эта комната, все помещения, были буквально забиты вещами и вещицами, которые мог позволить себе человек хорошего вкуса, вдобавок не стесненный в средствах. Изящные часы, роскошные ковры, мебель, сделанная из диковинного дерева, потерев которое можно чувствовать приятное благоухание. Единственным недостатком этих помещений был спертый, тяжелый воздух. Комнаты совершенно не проветривались, несмотря на то, что на улице стояла ранняя осень, не слишком отличавшаяся от лета.

Сам император, которого под руку вывела из спальни бодрая сиделка, не произвел на Джоанну ужасающего впечатления, как она того ожидала. Возраст его примерно соответствовал возрасту ее отца. Его седые волосы были тщательно расчесаны, одежда опрятная и свежая. Вполне нормальный старик, подумала она, ругая себя за излишнюю впечатлительность. Только рот императора был открыт. Джоанна, которая всегда чувствовала отвращение к калекам или умственно отсталым людям, вдруг поняла, что на сей раз не испытывает такого чувства. Она ощущала только безграничную жалость к этому человеку.

— Ну что комнаты тоже помечены?

Джоанна словно очнулась от странного сна. Она только сейчас заметила, что они направляются обратно во двор, где их поджидала карета. Оказывается, Антриг уже успел закончить осмотр.

Виндроуз как-то странно посмотрел на нее и сказал:

— Ах, да. Конечно, да.

— И что, — продолжала девушка, — теперь можно сказать, что твоя догадка подтвердилась?

Антриг заколебался — он явно решал, сказать ли правду или увильнуть от ответа. Девушка с трудом удержалась от того, чтобы подтолкнуть его. Он все еще не доверял ей. Наконец чародей осторожно сказал:

— Нет, не подтвердилось. Просто я в самом начале предположил, что комнаты обязательно должны быть помечены. На них должно быть наложено соответствующее заклятье, так я поначалу предполагал. Впрочем, оказывается, что дело совсем не в этом.

— Но в чем же тогда?

Вместо ответа Антриг церемонно распахнул дверцу кареты и галантно посадил девушку на бархатное сиденье, а затем устроился рядом с ней. Принц, поддерживаемый слугой, забрался в карету с другой стороны. Карета тронулась.

— Я пока что ни в чем не уверен, — наконец отозвался Виндроуз.

— Но послушай, — энергично запротестовала девушка, однако принц не дал ей договорить.

— Ему грозит опасность? — осведомился регент, тревожно глядя на чародея.

— Вряд ли, — успокоил его Антриг, — во всяком случае, он может спать спокойно, пока ты жив. Кто бы ни был заинтересован в том, чтобы убрать тебя со своего пути, он пока не чувствует себя полностью подготовленным к тому, чтобы самому стать наследником. Но как регент ты все равно должен принимать необходимые меры предосторожности.

— Ну, это и так ясно как божий день, — сказал Фарос, — хотя мне кажется, что если мой дорогой двоюродный братец возжаждет усесться на трон, у него могут возникнуть трудности. Знатные фамилии империи не слишком единодушны в том, что он сможет быть лучшим регентом, нежели я. Но скажи, стоит ли мне понимать твои слова так, что где-то созрел тайный заговор? Что мне нужно беречься? Что страхи мои не напрасны?

— Считай, что да, — согласился Антриг. Его длинные пальцы перебирали висевшую на шее цепь с сапфирами и изумрудами — подарок принца.

Больших денег стоит такой подарок, подумала девушка. Голос чародея звучал довольно беззаботно, но глаза были наполнены тревогой. По-видимому, чувство это подпитывалось тем, что успел пересказать ему регент, хотя это все, по мнению Джоанны, было не слишком важно. Наконец Виндроуз спросил принца:

— Кто знал о твоей женитьбе?

— Очень немногие, — быстро проговорил Фарос.

— А Нарвалу это было известно?

— Но ведь он был моим придворным лекарем, — глаза принца широко раскрылись от удивления. — Конечно, он не мог не знать этого. Не хочешь ли ты сказать, что именно из-за того, что он знал об этом, его и убили?

Антриг ничего не ответил. Он глядел в лицо собеседника, словно раздумывая, что сказать ему. Наконец он тихо произнес:

— Вряд ли именно из-за этого. Это не причина для убийства. Мне кажется, что убит он был именно из-за своих экспериментов.

Тот, кто там был, стоял возле стола лекаря. И Нарвал чем-то удивил его.

Фарос, который с рассеянным видом следил за проплывающим за окном пейзажем, резко повернулся. Глаза его горели подозрительностью и яростью. Но едва только принц успел раскрыть рот, Джоанна поспешила разрядить обстановку:

— На самом деле. Я заметила там, что пуля попала в стену чуть-чуть повыше рабочего стола.

— Да, конечно, — поспешно сказал Антриг, понимая, что Джоанна сейчас, возможно, спасла их от возвращения в Цитадель. — У меня нет сомнений в том, что это стрелял Нарвал. Видимо, кто-то приблизился к его столу. Мне не удивительно также, что он промахнулся, — ведь общеизвестно, что убить волшебника из пистолета очень непросто.

— Итак, получается, что он мог сболтнуть о моей свадьбе любому волшебнику, — протянул Фарос недовольно. В его глазах снова заплясали огоньки подозрения. — Получается также, что он тоже мог быть в одной упряжке с ними, так ведь? Да все они: и Сердик, и Совет Кудесников…

— Но в таком случае можно сделать вывод, что вряд ли именно они убили его. Посуди сам, для чего им нужно было убивать сообщника?

В это время карета остановилась у Летнего дворца. Даже отсюда было видно громаду резиденции императора. Глядя на дворец регента, Джоанна не могла представить, сколько лет этому сооружению, — все ухожено, вылизано до блеска, отполировано. Всюду мрамор, гранит. В нишах стояли статуи обнаженных молодых людей, что явно должно было потрафлять вкусам хозяина дворца.

Девушка сумела прикинуть возраст здания только тогда, когда они вошли внутрь. В отдельных комнатах, в старой части здания, были низкие потолки, а нижние этажи и вовсе были сложены из булыжника. Видимо, дворец постепенно разрастался с течением столетий. Это впечатление усиливало смешение различных архитектурных стилей: стрельчатые окна и готические своды соседствовали с обильной позолотой и мебелью с гнутыми ножками, рыцарские латы — с картинами в изящных рамах, изображавшими пышнотелых девиц и мужественных героев.

Вскоре они пробрались по узкой галерее, заставленной упомянутыми рыцарскими доспехами. Потом зал, потом снова галерея — они попали в крыло, с которого, несомненно, начинал строиться этот дворец.

— Мои люди доставили сюда все инструменты Нарвала, я распорядился изъять все до последней отвертки, — сообщил

принц. — Кроме того, Джоанна, мне удалось получить обратно твой кошель. Кстати сказать, инквизиторы почему-то не хотели расставаться с ним, хотя и твердили, что в нем лежат разные дьявольские игрушки. Странный народ.

— Дьявольские игрушки? — удивилась девушка. — Но что же в них такого дьявольского?

— При желании дьявольским можно объявить что угодно, — сообщил Антриг с ухмылкой. — Хотя они вряд ли знают, каково предназначение многих из этих штучек.

— Кстати, насколько я понял, большинству чародеев удалось удрать в поднятой тобой суматохе, — довольно сказал регент. — Во всяком случае, Костолом выглядел весьма удрученным. Он говорит, что еще не сумел раскрыть заговор до конца, что еще не все, кто нужен, выловлены.

Рука Антрига потянулась было к ручке одной из дверей, но Фарос схватил его за рукав. При этом принц с опаской посмотрел на полукруглые окна комнаты.

— Я прошу тебя: помоги мне, если все это верно хотя бы на тысячную долю, — сказал принц, — иначе ты будешь умолять о смерти, на которую, кстати, отец осудил было тебя. Так же, как и человек, блуждающий по пустыне долгое время, просит воды и еды у первого встречного. Я думаю, что ты меня понял.

Антриг медлил с ответом — подобно человеку, который одной ногой уже ступил в ловушку, но не спешит сделать шаг второй ногой. Неужели его так пугает подозрительность принца, подумала Джоанна. Или его тревожит нечто другое?

Антриг так и ничего не ответил — рывком распахнув дверь, он вошел в комнату.

Потолок в комнатке был необычайно низкий, пахло пылью. Да, такой запах всегда стоит в нежилых помещениях. Кстати, вспомнила девушка, точно так же пахло и в комнате Нарвала, куда она имела неосторожность зайти. Только там все было забрызгано кровью. В дальнем конце комнаты громоздилась какая-то мебель, поэтому света было мало. Стены здесь не были оштукатурены, и благодаря этому виден был обыкновенный булыжник, из которого слагались первые стены еще старого Летнего дворца. У стен стояли столы, на которых и были навалены предметы и инструменты из лаборатории Скипфрага. Созерцая все это, Джоанна вспомнила незабвенного доктора Франкенштейна, оживителя мертвецов. Тут она невольно улыбнулась — среди резисторов и проводников лежал ее собственный кошель. Видимо, для принесших все это людей принца кошель был равнозначен всякому барахлу Нарвала Скипфрага.

Подойдя ближе к столу, Джоанна стала рассматривать оборудование. К чести людей Фароса, все было сложено в таком порядке, в каком лежало на столе лекаря. Да, вроде бы все на месте. Посреди разных проводков и трубок величественно высился стеклянный шар. От покрывавшей его ртути исходило легкое свечение, и Джоанне сразу же стало не по себе. Не хватало еще получить ртутное отравление.

Тут она вспомнила про Антрига — тот загадочно помалкивал. Посмотрев на чародея, девушка убедилась, что его глаза тоже прикованы к сфере. Но шар этот, даже свечение, не вызвали у Виндроуза никакого удивления. Видимо, он был в курсе лабораторных изысканий Нарвала.

— Что это такое? — указала Джоанна на шар. — Остальное мне как будто бы знакомо.

— Неужели?

— Представь себе, в моем мире на электричестве работает почти все, — словно не замечая поддразнивания, сказала Джоанна. Она задумчиво перебирала генераторы, трансформаторы и вакуумные насосы, в то же время бдительно следя, чтобы случайно не прикоснуться к ртутному шару. — Вообще-то я не очень увлекалась подобной техникой, но достаточно образована, чтобы не убить себя током. Вот Гэри хорошо смыслит во всех этих штуковинах. Потому-то я и знаю, чем занимался ваш Нарвал. Но это… Вот эта штуковина…

Она с удивлением ощутила, что какая-то сила не дает ей возможности выговорить слово. «То, что не имеет названия, существовать не может, — подумала девушка. Но она на всякий случай посмотрела на Антрига. — Что-то он сейчас скажет на это?»

— Да, — негромко заметил чародей. Надев очки, он подошел к столу. — И в самом деле, это явно нечто злое. Возможно, инструмент для занятий запретным волшебством. Вообще-то у нас запрещено изготовлять подобные шары. Совет Кудесников предписывает обязательную смертную казнь даже за передачу знаний об изготовлении таких вещей.

— Но почему? — удивилась Джоанна, хотя потом поняла, что вопрос этот, в общем-то, был лишен смысла.

— Шар этот зовется телесом, — Антриг легко коснулся своими длинными пальцами поверхности шара, — и использовать его можно в самых различных целях. Сураклин, например, использовал их для… — Тут лицо чародея исказилось гримасой ужаса, точно из глубин его памяти выплыло нечто страшное, о чем он вспомнил только сейчас. Но Антриг быстро взял себя в руки и продолжил: — Сураклин выстраивал такие шары

цепочкой, получая тем самым энергетическую линию. При помощи этой линии он устанавливал контроль над территорией, которая находилась вне поля его зрения. Он мог контролировать даже… — Тут чародей снова замолчал, поглядев на стоявшего возле двери регента. Как всегда, за спиной повелителя вырисовывался силуэт Каннера. — Кстати, Фарос, этот дворец стоит вдоль какого направления?

— Что? — Принц даже рот открыл от удивления, как будто бы, как фривольно подумала Джоанна, Виндроуз предложил себя в качестве интимного друга.

— Я спросил, вдоль чего располагается этот дворец? Насколько я помню, энергетическая линия, которая по поверхности земли проходит в виде Чертовой Дороги, идет как раз через город Ангельской Руки. Она пересекается с кимильской линией в выложенной из камней спирали на острове Тилратин на реке. А вот Сураклин… — Тут Антриг опять замолчал, продолжая поглаживать блестящую поверхность шара со странным названием телес. По стеклам его очков бегали блики, придавая лицу Виндроуза загадочное выражение.

— Сураклин, снова Сураклин, — эхом отозвался Фарос. — Как всегда, мы опять возвращаемся к этому волшебнику. Честное слово, он прямо пуп земли.

Антриг резко обернулся к принцу, сверкнув глазами. В них теперь мелькнуло отчаянное выражение, как будто чародей осознал, что его окружают враги. Наигранно легким тоном Антриг произнес:

— Но, понятное дело, Сураклин был единственным, кто знал тайну изготовления этих шаров.

— Но, конечно же, можно предположить, — продолжал Фарос, — что он и тебя научил этому.

— Это само собой разумеется, — подхватил Антриг, — однако это такой тяжелый и утомительный труд. Как муравьиный. Неделю за неделей, месяц за месяцем… Не у каждого может хватить терпения на столь кропотливую работу. Но Сураклин был головастым парнем — он пользовался шарами, которые сделали за целые столетия до него. К примеру, этот шар тоже очень стар.

Джоанна содрогнулась от ужаса, когда Виндроуз беззаботно взял сферу в руки и приподнял ее над столом, словно это был детский резиновый мяч. Антриг продолжал вещать.

— В коллекции Сураклина были даже шарики, изготовленные за тысячи лет до него. За тысячи! К ним прикасались люди, даже кости которых растворились в земле. Но эти шары сумели сохранить энергию, которую они вобрали в себя при

прикосновении к ним волшебников. Эти шары даже говорили за своих творцов. Конечно, они говорят не так, как мы.

Потому их никто и не понимает. Я думаю, что и Сураклин этого не понимал. Но он использовал в своем колдовстве великое множество того, чего на самом деле не понимал. И тем не менее добивался успеха. Потому-то он и стал представлять для мира такую опасность.

— Но откуда такой шар появился в доме Нарвала? — с подозрением спросил принц. — Вот мой отец… — тут регент слегка запнулся. — Ведь эти шары следовало уничтожить после того, как с Сураклином было покончено.

— Бесспорно, — и легким движением Антриг швырнул стеклянный шар о стену.

Джоанна грохнулась на пол, приложив руки к голове, в точности так, как учили ее на занятиях по гражданской обороне. Но ничего страшного не произошло — шар попросту не разбился. Шар с размаху ударился о стену и, издав громкий стук, отскочил обратно в руки Антрига. Удар этот еще долго звенел в ушах Джоанны.

— Вот так-то, — сказал Антриг, — так что если в твоей голове родится идея, как все-таки можно уничтожить этот шар, то Совет Кудесников с восторгом заслушает тебя. К тому же, если уж на то пошло, этот шар может быть вовсе не из коллекции Сураклина. Лично я полагаю, что он получил шар от Солтериса. Ведь Керис сказал, что они водили дружбу. Если предположить, что Солтерис сумел получить достаточное количество электричества для того, чтобы уничтожить чудовище в болоте, то сделал это он по совету Скипфрага — ведь кроме него, никто больше не занимался проблемой электричества. А если Скипфраг помогал Солтерису, то почему не могло быть и наоборот? Нарвал вполне мог пользоваться помощью архимага, его советами для того, чтобы… Как вы думаете, для чего?

— Проводить эксперименты с электричеством для волшебства? — догадалась Джоанна. Она осторожно прикоснулась к металлической подставке, в которой обычно покоился стеклянный шар. Подставка была пронизана спутанными в беспорядке медными проводами — признак того, что шар подсоединялся к каким-то другим приборам. — Но неужели электричество может оказывать какое-то влияние на волшебство?

— Понятия не имею, — признался Антриг, кладя шар обратно на подставку. Он принялся разглядывать разложенные тут же другие приборы и инструменты. — Но вообще-то мне кажется, что такое вряд ли возможно. Я пробовал заниматься магией в грозу. Я

читал в научных журналах, что не только сама молния — электричество, но даже воздух заряжается этой силой. — Тут Антриг присоединил пару проводков к генератору и принялся похлопывать шар, ожидая эффекта.

— Ваше высочество. Это никакое не волшебство. Независимо от того, кто повернет ручку — я ли, вы ли, — эффект будет тот же самый. Если хотите, проверьте сами. Я не лгу. — Тут она сама принялась вращать колесо. Потрескивание перешло в гудение — тока становилось все больше. В комнате было плохо с освещением, и потому искорки электричества казались загадочными даже для Джоанны. Тут она заметила, как Антриг пытается прикоснуться пальцем к проводу, ужас пронзил ее. — Не трогай! Иначе тебя ударит током, и потом будешь мучиться.

Раскрутив колесо как следует, Джоанна оставила его вертеться до полной остановки.

— Но для чего же он занимался всем этим? — Фарос подошел к ним еще ближе. — Он хотел с помощью электричество стать волшебником или же посредством него защититься от волшебных сил? Хотел создать электрический щит, который задерживал бы любое направленное на него волшебство?

Антриг, непроизвольно, засовывая руки в карманы джинсов, только покачал головой.

— Солтерис несомненно сказал бы ему, что такой вид защиты совершенно не подойдет, — пояснил чародей. — И вот что я скажу тебе, Фарос. Если бы я представил себя на его месте и, скажем, решил бы погубить тебя, то я выбрал бы самый легкий путь. К примеру, можно было направить молнию, которая еще зовется электрическим разрядом, прямо в тебя. А потом, Джоанна…

Девушка, которая в этот момент рассматривала вакуумный насос, уставилась на Виндроуза.

— Скажи, как примерно мог выглядеть процесс работы на этом устройстве?

— Точно не скажу, — отозвалась Джоанна, — но я все равно уверена, что он прогонял электрические разряды либо в телес, либо, наоборот, из него! Вот, посмотрите! — Захватив в пучок несколько проводков, свисавших с подставки телеса, девушка продолжала: — Я предполагаю, судя по этим проводам, что телес либо источник тока, либо просто хороший проводник!

— Вообще-то я слышал другое! — засомневался Антриг, разглядывая тем временем генератор. Затем он снова повернулся к телесу.

Джоанна с видимой неохотой и настороженностью приподняла загадочный шар с подставки. Помимо того, что сфера

была необычно скользкой и холодной, ничего необычного в ней девушка больше не заметила. С превеликой осторожностью, отложив шар в сторону, она стала осматривать подставки с торчащими в разные стороны проводами.

— Да, странно это все. Провод заземления здесь сделан в виде петли. Получается, что электричество замыкается на источник. Странно. — Нахмурившись, она осторожно вернула шар в прежнее положение, распутала переплетенные между собой провода и стала подсоединять их к клеммам. Правда, за порядок подсоединения она не ручалась.

Когда все было готово, то удивлению ее не было предела — не произошло ничего, что должно было произойти.

— Замкнутая система, — решила Джоанна. — Можно только догадываться о том, как она действует. Не увидишь ни выхода разрядов, ни их поглощения. Впрочем, получить электричество из ничего все равно нельзя. Источник, средство для его получения все равно должно откуда-то появиться.

— Да ты умудрилась совместить в одном заключении волшебство и метафизику, и все получилось складно, — удивился Антриг, — но, с другой стороны… — Чародей слегка провел пальцами по поблескивавшей поверхности шара.

Джоанна вдруг почувствовала нечто вроде мгновенного температурного перепада, подобного тому, что случился в сказке «Волшебник страны Оз». Ощущение было такое, как будто бы она переместилась из цветного в биполярный черно-белый мир. Она почувствовала себя слабой, совершенно равнодушной к тому, что творилось вокруг нее, ярко вспыхнула ненависть к Антригу за его бесконечную ложь, за его нежелание вернуть ее туда, откуда он по непонятной до сих пор причине притащил ее сюда. Мало того, что он доставил ее сюда, теперь он нагло пользуется ее беспомощностью для достижения каких-то своих целей. И он явно не собирается помочь ей вернуться домой отсюда, из этого мира, где ей нет и не может быть места.

Вдруг на соединительных клеммах начали потрескивать крохотные искорки. А затем, все сильнее и сильнее, по проводам побежали электрические разряды. И с каждой секундой свечение и потрескивание становилось все сильнее. Вскоре свечение стало достаточно сильным, чтобы осветить стоящего рядом со столом Антрига. Джоанна непроизвольно отметила странное выражение его лица.

— Прекрати это идиотство, — закричала Джоанна Антригу, сердясь на него, — он явно решил потешить свое самолюбие ученого, повторяя то, чем занимался тут его друг. — Отключи все немедленно! — Но внутренний голос кричал ей: «Но это же очень

важно! Даже более того — это и есть самый настоящий ключ к разгадке!». Однако преобладавшая сейчас в ее душе черная меланхолия навалилась на рассудок девушки с новой силой, и Джоанна стала безучастно взирать на происходящее.

— Так вот как все это происходило, — донесся голос потрясенного регента. Голос колебался и дрожал, что при создавшемся положении было совершенно естественно. — А за эти несколько недель… и в то утро, когда я разговаривал с Гердой на том постоялом дворе… и прошлой ночью… Я-то думал, что это опять мои галлюцинации. Мое помешательство.

— Нет! — Антриг осторожно дернул незаземленный проводок, который, свободно свисая, отходил от телеса и возвращался к нему же. Ток тут же прекратился, потрескивания и искр больше не было. И, словно тучи, оставляющие небосвод солнцу, холодное уныние покинуло комнату, уступая место прежним эмоциям. Виндроуз же продолжал: — Просто жизненная энергия постоянно высасывалась из тебя. Конечно, не столько, чтобы ты умер, но достаточно много, чтобы ты не проявлял слишком большой активности.

Несмотря на то, что электрический ток больше не бежал по проводам, шар продолжал фосфоресцировать, освещая хлопотавшего возле стола Антрига и наблюдавших за ним его спутников. Но глаза чародея смотрели словно куда-то в даль. Хотя Джоанна не понимала, что именно он такое видит, но была уверена, что видение было неприятным.

— Я думаю, что в этом и состояли эксперименты Нарвала, — пробормотал Виндроуз негромко, словно обращаясь к самому себе, — и именно из-за этого его убили. Не потому, что он открыл, как электричество может влиять на волшебство, но потому, что он обнаружил, что волшебство может отнимать у живых существ необходимую для активности энергию. И это он использовал для получения электричества.

Глава 17

— Но почему? — Джоанна тщетно пыталась сесть в своей любимой позе — нога на ногу, — но длинные юбки не позволяли ей сделать это. — Почему же электричество? — Она переводила глаза то на хлопотавшего у стола Антрига, то на громоздившиеся там приборы убитого врача.

Принц ушел, хотя часовые оставались в соседнем помещении, в случае чего их можно было позвать. Фарос распорядился принести им обед. Обед этот сейчас стыл на серебряных подносах, которые слуги поставили на соседний стол, ничем до того не занятый. Ни Антригу, ни Джоанне сейчас не приходила в голову мысль о еде.

Наконец девушка вспомнила, что с самого утра ничего не ела, и принялась жевать ветчину. За время обеда она несколько раз ловила бросаемые на нее украдкой взгляды Антрига — именно так загадочно он смотрел на нее, когда они мчались по Чертовой Дороге. Он всегда вел себя достаточно непонятно и говорил уклончиво, но чем ближе приближались они к Городу Ангельской Руки, припомнила Джоанна, тем более непонятным он становился. Видимо, в этом городе и находилась та цель, ради которой действовал этот чародей. И еще больше становилось в нем осторожности, даже робости.

Глядя на покрытое пылью окно, она в тысячный раз задала себе короткий вопрос: «Почему?»

Не потому ли, что он понимал ее осведомленность в достижениях века и знал, что рано или поздно она сама обо всем догадается? Но Джоанна, хотя и могла себе представить все чисто технически, все равно не имела понятия, для чего же делались подобные вещи. Почему и кому все это было выгодно. Кому, в самом деле?

Впрочем, кое-что вырисовывалось, если сложить в единое целое предстоящую свадьбу принца, бесконечные покушения на его жизнь и пристрастие Сердика ко всем волшебникам. В единое целое можно было увязать и наводнивших страну чудовищ, убийство мага Тирле и чье-то поспешное бегство в Пустоту. Странным образом укладывались в эту картину и похищения — архимага и самой Джоанны. И помешательства — императора, принца и Антрига. Подобно нити Ариадны, оставленные неведомым волшебником метки вели сквозь темный лабиринт, но вели они пока что в никуда. И это нужно было распутать — Джоанне это напоминало компьютерную программу, которая не желает запускаться только потому, что какая-то мелочь,

упущенная в спешке или просто неизвестная, не дает этого сделать.

А вдруг Антриг боялся ее именно потому, что опасался поверить во все это? Ведь он сам говорил, что слишком много и слишком часто верил людям, за что в конце концов и поплатился. Или он боялся проявлять свой интерес к ней, как она боялась слишком открыто выражать свои чувства к нему, потому что такие чувства придают определенную силу, которая движет человеком независимо от его воли?

Она подумала, что если бы уделяла людям столько же внимания, сколько уделяла компьютерам и их программам, то знала бы людей лучше и теперь могла бы сказать, лжет Антриг или говорит правду. Впрочем, это могло быть чем угодно, ее мысли могли двигаться совсем не в том направлении, где лежит разгадка.

Но Антриг до сих пор не ответил ей, и Джоанна вдруг тихо сказала:

— Если ты поверишь мне, то это поможет и тебе.

Она увидела, что Виндроуза словно передернуло, но он усилием воли быстро совладал с секундной слабостью. На его лице заиграла ухмылка.

— Джоанна, поверь мне и ты: наверняка мне бы помогло, если бы я мог кому-нибудь верить. Но я в этом отношении точно как Фарос — он опасается, что человек, которого он нанял, чтобы защищать себя, как раз и окажется тем, кому наиболее выгодна его смерть.

— Неужели тут кто-то собирается убить тебя? — нахмурилась Джоанна.

— Конечно, дорогая моя, — отозвался он с печальной улыбкой, — тот же Керис, например…

— Но ведь ты на первое место в этом списке все равно ставишь не его, — живо возразила девушка. Хотя Антриг ничего не ответил, было видно, что про себя он что-то решил, окончательно и бесповоротно, и потому не видел причины оспаривать свои выводы. Девушка продолжала: — Ты сказал, что хотел бы узнать от членов Совета Кудесников, что же в действительности произошло двадцать пять лет назад. Это случайно не было связано с умопомешательством принца? Ведь он свихнулся как раз в это время — рассчитать несложно. Но если это наследственное, тогда болезнь просто передалась ему от отца.

Антриг упрямо покачал головой.

— Принц свихнулся, поскольку он попросту не мог поверить в то, что дважды два — действительно четыре, — сказал он осторожно. — Точно так же, как это случилось со мной. Что же

касается его отца… — тут чародей посмотрел на девушку печальными глазами, — тут все обстоит несколько иначе.

— Но ведь это тоже имеет отношение ко всему, ведь так? — упорствовала Джоанна. — И к тому, что кто-то запросто носится по Пустоте, чтобы прихватить из моего мира то одно, то другое, что управляется электричеством. И этот кто-то (или даже эти), несомненно, знает об экспериментах с электричеством, которые проводил тут Нарвал. — Джоанна в волнении отправила в рот горсть орехов с подноса. — Только почему он не украл телес, когда убил Скипфрага?

— Вероятнее всего, потому, что у него уже есть по крайней мере один. — Антриг возбужденно заходил по комнате. — А поскольку жизненная энергия высасывается из живых существ на такой большой площади, то этих телесов явно не один и не два. Я отлично помню, как Сураклин располагал эти шары цепочкой, чтобы увеличить свою силу. Наверняка этот кто-то делает то же самое. Джоанна, скажи, что именно приводится в действие электричеством в твоем мире?

Девушка поначалу даже рот раскрыла от удивления — как же ответить на такой вопрос.

— Как это что? — промямлила она удивленно. — Да все что угодно. Взять, например, телевидение…

— Но для этого нужен передатчик и приемник, — возразил чародей бойко. Впрочем, это было неудивительно — за долгие дни путешествий Джоанна рассказала им с Керисом, что представляет собой телевидение. Хотя оба жителя эпохи средневековья явно не остались в восторге от репертуара передач, о котором она тоже упомянула. Антриг подумал и добавил: — К тому же волшебнику, обладающему волшебным кристаллом, телевизор все равно не понадобится.

— Да, если, конечно, он не полюбит безумно какую-нибудь «мыльную оперу», — добавила девушка с улыбкой, откинувшись на высокую спинку стула. — Может быть, он захочет применить электричество на своей мануфактуре, если она у него есть? Тогда производство будет намного дешевле, и он сможет обогнать всех своих конкурентов?

— Но это невозможно скрыть, поскольку все знают, сколько сырья потребляет каждая мануфактура, — указал Виндроуз, задумчиво поигрывая пожалованной регентом золотой цепью с драгоценными камнями.

— Но это ведь можно скрыть, если воспользоваться волшебством? — предположила Джоанна, но тут же поправилась: — Нет, ведь электричество одновременно разрушает волшебство, как мы уже выяснили. Или же они как раз и собираются сделать

это? Разрушить чье-то волшебство? Но только так, чтобы никто не узнал об этом?

— Вот это уже реально, — согласился Антриг, — и я как раз думаю об этом. Это очень похоже на него.

— На кого?

— Тот, кто делает это, — протянул нехотя чародей, — очень хитер. Просто невероятно хитер. Он или она… Неважно пока, кто. — Чародей пока что явно не желал называть того, кто это мог быть. Он предпочел повернуть разговор в другое русло. — Значит, разрушить чье-то волшебство? Или, что еще логичнее, вытянуть волшебные силы из их хозяина и самому ими воспользоваться?

Джоанна была поражена таким предположением.

— Неужели такое возможно? — прошептала она. Но тут же вспомнила Кериса, который без конца жаловался, что его силы убывают, и страхи Магистра Магуса. Она вдруг подумала, где Керис может быть сейчас и чем он может заниматься с того момента, как… И вообще, действительно ли все начало происходить только той ночью, не раньше?

— Я не знаю пока ничего, — признался Антриг, кладя руки на спинку кресла, в котором восседала Джоанна, — но доподлинно известно, что энергия течет по энергетическим линиям. И если ее вдруг направить в какую-то одну точку… — Тут Виндроуз решительно встряхнул головой. — Но я просто ума не приложу, почему именно электричество?

— Постой, — Джоанна резко повернулась, отчего жесткие спицы корсета больно вонзились ей под ребра, — еще когда ты сказал мне, что заклятья подобны командам в программировании, я заинтересовалась этим сходством. Интересно, можно ли заставить компьютер делать волшебные команды, выполнять их, наконец? Ведь есть суперкомпьютеры, которые действуют точно так же, как и человеческий мозг.

— Действуют точно так же, как человеческий мозг, — эхом отозвался Антриг. Он замолчал и задумался.

Глядя в глаза экс-кудесника, Джоанна поняла, что мысленно он пребывает где-то далеко отсюда. О чем он думал, было для нее тайной, но по тревоге, скользившей во взгляде Виндроуза, можно было догадаться, что размышления явно не предвещают скорого отдыха и разрешения всех проблем. Точно таким же озабоченным его лицо, вспомнила девушка, было в тот момент, когда Антриг глядел на ложе принца в опочивальне — он наверняка думал о том событии, которое привело регента и его самого к помешательству. Наконец Антриг подал голос:

— Боже ты мой!

— В чем дело? — Джоанна даже привстала от волнения, видя,

что Виндроуз напуган не на шутку. Она заметила, что Антриг смотрит на нее такими глазами, как если бы он достаточно продолжительное время отсутствовал в этом мире и, вернувшись, застал его уже другим. — В чем дело, скажи мне, если можешь?

На мгновение их взгляды встретились, девушка отчетливо читала в глазах его борьбу — страх боролся с желанием открыться, опасения перемежались с откровением. Виндроуз явно не желал взваливать на плечи девушки никакие иные проблемы. Наконец он принял решение — отведя глаза в сторону, Виндроуз проговорил:

— Я… Я даже не знаю. Ты рассказывала о программах, которые сами могут рисовать, писать и составлять предсказания… Но ведь они могут и лгать.

— Я имела в виду совсем не это, — Джоанна в волнении схватила его за руку, — признайся, тебе известно нечто такое, чего ты никак не хочешь рассказать мне? Но что заставляет тебя лгать?

— Ничего, — быстро отозвался упрямый чародей. — Возможно, все это просто заблуждения. Ведь и так большинство моих опасений не оправдалось. Лучше скажи: какие именно функции мышления способен воспроизводить компьютер?

— Да не компьютер, — Джоанна отпустила руку Антрига, — это все делает программа. Там целая система команд, которые действуют с поразительной скоростью. Сам компьютер не в состоянии мыслить, как мыслим мы, но он умеет составлять нечто похожее на мысли. Нужно только создать положенный порядок работы. Потому и кажется, что компьютер думает, а на самом деле он лишь копирует мысли. Он выводит из данного материала то, что должно получиться в любом случае, только делает это очень быстро. К примеру, ты вот говоришь, что волшебство неразрывно связано со способностью наблюдать и с надеждами. Компьютер же имеет систему графики, но он не может надеяться — ему все равно, что должно, а что не должно случиться, он не знает волнений и беспокойств. Так что полностью отождествлять компьютер с волшебством никак нельзя. Но чтобы написать целый комплекс нужных программ, нужен программист, который в то же время знается и с волшебными силами. Или же есть другой вариант — подкованный программист и волшебник, работающие совместно. Но в вашем мире это в любом случае невозможно.

Девушка умолкла. Они с Виндроузом молчали, в упор глядя друг на друга. Каким-то шестым чувством она внезапно поняла, как должен был себя чувствовать Антриг, когда он осознал, что именно отражается в помутившемся рассудке регента. Но и самой

ей казалось, что она нашла дорогу из огромной пустой комнаты и вышла к свету.

И, глядя в лицо Виндроуза, Джоанна поняла: он теперь знает, что ей удалось обо всем догадаться.

— Да и в нашем мире такого тоже никак не может быть, — тихо продолжила она, — если, конечно, какой-нибудь волшебник не явится к нам через Пустоту и не похитит подходящего программиста. А уж остальное — дело техники.

— Джоанна… — начал Антриг, и теперь в голосе его нисколько не чувствовалось непонимание или удивление.

— А потом нужно убедить программиста сотрудничать, — неумолимо продолжала она. Затем вдруг ее голос стал подрагивать. Он как-то сказал: «Я не стану использовать тебя в своих целях…» Теперь она поняла, что Антриг походил на азартного карточного игрока, который уже и так сумел использовать ее для достижения своих целей. Он сумел-таки добиться ее доверия. Девушку захлестнула безумная злость на него за постоянную беспардонную ложь и на себя — за безоглядную веру этому расстриге-кудеснику. Как она могла клюнуть на его удочку! Она даже испытывала к нему какие-то чувства. А он просто использовал ее, зная, что она зависит от него, что она хорошо к нему относится. Точно так же поступил когда-то мерзавец Гэри. Антриг же видел ее и Гэри, на вечеринке. Конечно же, он сразу понял, как нужно добиться сначала ее расположения, потом любви, а потом уже требовать чего-то. Нечего сказать, хитрый расчет. Он волнения девушка с силой сжала резные украшения кресла. Опомнилась она лишь тогда, когда ребристый узор напомнил о себе сильной болью. Собственный голос казался ей чужим и далеким, но сдерживаться она не могла.

— Или, ты притащил меня сюда по какой-то другой причине?

Он ничего не ответил, но было видно, что глаза его горели безумным отчаянием — ведь рухнули все его планы. Его замыслы были невовремя раскрыты.

Джоанна резко поднялась с кресла и направилась к выходу. Каждый ее шаг гулко отдавался под сводами этой помнившей столетия комнаты. Молча миновала она безмолвных часовых. Странное дело, но она не ощущала теперь ничего — ни сожаления, ни радости. Какая-то странная пустота наполнила ее душу. Антриг не стал ни окликать, ни догонять ее — конечно же, он понимал, что это теперь бесполезно.

— Джоанна! Джоанна поднесла ладони к вискам, стараясь не дать воли чувствам. Она вспомнила мягкое прикосновение губ Антрига, Но на самом деле ее целовал Сураклин, накопленная

веками галантность и умение вести себя, которые великолепно уживались в абсолютно чужом теле. А когда она вспомнила, что они лежали тогда на сеновале по дороге из Кимила в Город Ангельской Руки почти вплотную, ей едва не сделалось плохо.

В противоположность залитому ярким солнечным светом лугу, пещера-грот, в которой она сидела, была наполнена синеватым полумраком. Девушка даже не помнила, как долго она тут сидит. Вероятно, она пришла сюда не очень давно. Да, так оно и было — ведь стоявшие на лужайке мраморные статуи, изображавшие героев, облаченных в доспехи, подобные тем, в которых они впервые встретили Сердика, отбрасывали не слишком длинные тени. Выйдя из грота, она увидела с другой стороны колонны розового мрамора, обсаженные розовыми кустами. И между кустов шагал…

— Керис! — закричала она, подбирая подол и устремляясь к внуку архимага. Керис, настороженно глядя на нее, сжимал в руке меч. Джоанна довольно долго не могла опомниться от потрясения, вызванного ее внезапной догадкой, и потому только теперь осознала, что она тут не одна.

Пока она сидела в гроте, она поняла, что всецело находится во власти экс-кудесника. Осознала она и то, что зависит от Виндроуза — она никуда не могла от него деться, ведь это он перенес ее в этот жуткий мир. Даже если она решит пренебречь этой зависимостью и сбежит от него, чтобы тем самым остаться жить здесь, то Антриг в конце концов все равно разыщет ее. Конечно, она не сможет спрятаться в этом мире — стоит ей только убежать, как Антриг переговорит с Фаросом, и тот пошлет на ее розыски своих людей.

Теперь ей очень хотелось расплакаться, но от этого ее удерживало сознание того, что Керис — из тех молодых людей, которые терпеть не могут разных сюсюканий. Его с детства учили, что слезы — позор для любого человека. И Джоанна, набрав в легкие побольше воздуха, произнесла нарочито бодрым голосом:

— Хорошо, что с тобой все в порядке.

Керис кивнул в ответ. Лицо внука архимага было помятым — он опять давно не спал. Девушку так и подмывало спросить, как долго ожидал он снаружи того пустого здания, возле которого его оставил Антриг, но она заставила себя отбросить эту мысль, поскольку вопрос прозвучал бы, как обыкновенная насмешка. А еще неизвестно, кто тут над кем должен смеяться.

— Мы искали тебя, глядя в магический кристалл, — сообщил парень, — вообще-то это не получалось, пока ты была рядом с Антригом, но стоило тебе удалиться от него…

— Мы? — жадно спросила она. — Кто это «мы»? Не те ли

чародеи, которые удрали со мной из Цитадели?

— Остальных, кто не сумел убежать, выпустили сегодня утром, — сказал Керис. — Но я…

— Это все устроил Антриг, — сообщила она, нахмурившись. — Но я, право слово, не знаю, для чего ему это понадобилось. Какой ему интерес в этом?

— Просто он уже приближается к своей заветной цели, — донесся откуда-то из розовых кустов еще один голос, — и, наверное, он опасается, что если его имя случайно всплывет, то кудесники помогут Церкви установить его местонахождение.

Из-за толстой мраморной колонны вышел среднего роста старик, одетый в черное одеяние кудесника. Джоанна отметила его умные глаза и высокий лоб, изборожденный морщинами. Кстати, глаза его были точно такими же, как и у Кериса. Теперь она поняла, кем был этот человек.

— Вообще-то… Ох, извините меня, я совсем чужая в этом мире, — забормотала она, — я не знаю, какие у вас тут правила приличия. Честное слово, я сделала бы реверанс, но боюсь запутаться в этих юбках. Извините меня, — и, подойдя к старику, Джоанна просто пожала ему руку, а кудесник улыбнулся в ответ лучезарной улыбкой.

— В таком случае, будем считать, что знакомство состоялось по всем правилам, — подмигнул старик, — Керис уже рассказал мне о тебе. Я должен признаться, что в данный момент чрезвычайно удивлен, видя вас, сударыня, живой, невредимой, свободной и… и… в здравом уме.

— Что? — почти испуганно уставилась она на архимага.

— Я думаю, что Антриг не теряет времени, обрабатывая регента, — вставил Керис.

— Регент нуждается в его советах, — сообщила Джоанна, — он сам сказал, что ему позарез нужен волшебник, который не занимался бы своим ремеслом в течение семи последних лет.

— Ха, подумать только, какое удобное прикрытие, — сухо воскликнул Солтерис, — только вот известно ли Фаросу, что этот Виндроуз беспрепятственно выходил из Башни в любое время, когда это было ему нужно?

— Да, мне тоже все это было интересно, — воскликнула Джоанна. Она широким жестом пригласила собеседников в грот — там их не только нельзя будет заметить снаружи, но и есть широкая мраморная скамья. Грот явно предназначался для любовных свиданий — внутри все было покрыто тонкой резьбой, изображавшей гирлянды роз (иные бутоны с кочан капусты величиной) и резвящихся купидонов. Но кроме всего этого великолепия Джоанна увидела и иное — мраморные статуи во

многих местах были покрыты птичьим пометом, веточки кое-где увяли. Ага, подумала девушка, значит, принц все же наказывает своих слуг не просто так. Желание поддержать во всем порядок было, таким образом, еще одной его положительной отличительной чертой — кроме умения угощать гостей великолепными ужинами посреди ночи.

— Антриг знает значительно больше, чем ему нужно было бы. И это явно не его догадки, — тревожно сообщила Джоанна.

— Да нет, — архимаг осторожно убрал руку Кериса, который хотел было помочь ему сесть. Солтерис и сам был в состоянии усесться на скамью. Очутившись рядом с девушкой, он продолжал: — Если говорить о настоящем положении вещей, то Антриг подобен врачу, который подмешивает в кофе пациента яд, а потом, выдавая ему заранее заготовленное противоядие, бьет себя в грудь и говорит, что исцелил его благодаря своему выдающемуся дару врачевания. Старо как мир. Однако я боюсь, что Фарос поверил этому проходимцу. Как же, ведь Антриг сидел в Башне Тишины, он никак не мог повредить ему! Конечно, у регента есть присущая всей их семье некоторая доверчивость, но он куда опаснее, нежели, скажем, его двоюродный брат Сердик. Поэтому, дитя мое, мне особенно приятно видеть, что с тобой не случилось ничего дурного.

— Поверьте это взаимное чувство, даже больше, — тут она посмотрела на Кериса, который безмолвно стоял за спиной деда, — мне тоже очень приятно, что Керис нашел вас целым и невредимым. Могло быть и хуже.

— Но это не я разыскал его, — заметил Керис, — он нашел меня. Никому не под силу обнаружить архимага до тех пор, пока он сам этого не захочет.

— Но где же вы в таком случае были? — удивленно уставилась она на старика. — Неужели он… — Она даже не могла теперь выговорить имя Антрига.

Но умный кудесник сразу уловил, что хочет сказать Джоанна.

— Да, заблудился, — подтвердил он. — Даже не знаю, как это произошло. Возможно, что-то перепуталось с заклятьями. Такое иногда бывает. Я блуждал там довольно долго, даже не знаю, сколько именно, потому что там день от ночи отличить невозможно. Какая-то сплошная тьма, — тут он покачал головой и повторил, — даже не знаю, как это произошло — темнота, темнота, а потом я вышел из нее.

— Послушай, — тихо спросил Керис, — а не могло произойти так, что он просто толкнул тебя в Пустоту и ты блуждал там между разными мирами?

— Даже не знаю, — покачал головой архимаг, — насколько я

помню, у Сураклина был черный кристалл с лабиринтом внутри. Он мог заманить туда душу, чтобы она блуждала по бесконечным коридорам и переходам этого лабиринта. И он, этот Темный Волшебник, в прямом смысле держал в своей руке душу жертвы.

— Ха, а Антриг как раз ученичок Сураклина, — невесело рассмеялась Джоанна, вспоминая загадочный телес, соединительные проводки с клеммами, из-за которых и погиб несчастный доктор Скипфраг, вспомнились ей и разнообразные чудовища, которые успели переполошить всю империю.

Некоторое время архимаг молча смотрел на девушку. Наконец он вздохнул.

— Нет. Это может быть куда хуже. Антриг… — Он заколебался и произнес с видимым усилием, смотря вдаль: — Дитя мое, я боюсь, что уже довольно продолжительное время Антрига Виндроуза просто-напросто нет в живых!

Вдруг Джоанну охватила черная меланхолия — это чувство ей еще ни разу не приходилось испытывать. Казалось, ей было жаль чего-то, а чего именно, она не могла понять. Установилась мертвая тишина, прерываемая только беззаботным чириканьем птиц и тарахтением повозок за стенами дворцового сада. В голове у девушки вертелось: «Он запросто мог подчинить любой рассудок своей воле… Он хотел жить вечно… Где он был, если его не существовало тут? Я чувствовала его в своих снах…»

Еще до того, как архимаг заговорил, Джоанна поняла, что он хочет сказать ей.

— Сураклин очень продолжительное время работал над возможностью подчинять себе волю окружающих, — рассказывал старик. — Конечно, начал он со своих рабов. Он экспериментировал на их умах, добиваясь полного эмоционального подчинения, не просто подчинения слуг господину. И со временем ему удалось это. Они делали все, что он говорил им, беспрекословно выполняли все его желания. Его влияние было невероятно сильным. Потому-то я и говорю, что рад, раз тебе удалось вырваться из-под опеки Антрига. Но, конечно же, ему хотелось гораздо большего, — архимаг снова вздохнул, как может вздыхать человек, который знает очень много, но знания свои раскрывает лишь по необходимости, когда нет другого выхода. — Он выбрал мальчика по имени Антриг, самого способного ребенка, которого он только мог найти. Он обучил его всему, что знал сам, подобно тому, как человек обставляет новый дом привычными ему вещами.

— Нет! — закричала Джоанна, представляя детское лицо, на которое пронзительно глядели суровые глаза старого волшебника. И поняла, что не знала настоящего Антрига. И как

только ей пришло в голову, что этот беспокойный, вежливый человек, который тогда шептал: «Этого я не допущу», а потом отвернулся, чтобы не воспользоваться возможностью в тот момент, когда Джоанна не находила в себе сил сказать ему «нет», был на самом деле тем, кто лишил ребенка не только его души, но и тела. Значит, под «Антригом» скрывался Темный Волшебник.

— Боже мой, — прошептала девушка побелевшими губами. — Боже мой!

— Извини меня, — спокойно сказал чародей.

Тут рука архимага осторожно, но в то же время твердо прикоснулась к ее руке.

— Когда Керис рассказал мне, что ты осталась с Антригом, я даже испугался, — признался Солтерис, — я-то отлично знаю, какой крепкой хваткой обладает Сураклин даже по отношению к тем, с кем он полностью совладать не в состоянии. — Тут глава Совета Кудесников оглянулся на видневшиеся за макушками деревьев блестящие шпили Летнего дворца. — Боюсь, что он уже успел полностью завоевать доверие принца. И теперь ему осталось только всемерно укреплять это доверие, но этого умения Сураклину не занимать.

Теперь Джоанна с отвращением вспомнила наигранную жеманность в обращении Антрига к Фаросу — он действительно успел подобрать настоящий ключик к его душе. Впрочем, когда Антриг изображал, что питает к ней самый определенный интерес, она готова была поклясться, что он демонстрирует подлинные чувства. А теперь получалось, что и принц…

— Антриг сказал… — Девушка заколебалась: какой же это Антриг, это подделка. Но она продолжала: — Он сказал мне, что любил Сураклина. Это правда?

— Что Антриг любил его? — переспросил Солтерис. — Да, это очень даже вероятно. Что поделаешь, но Сураклину ничего не стоило накрепко привязать к себе кого угодно. Таким вот даром обладал сей кудесник. Их преданность Сураклину была поистине фанатичной даже в тех случаях, когда было очевидно, что его слова и поступки расходятся.

Джоанна залилась краской смущения — ей не хотелось признаваться в том, что она тоже попалась на удочку Антрига, что безоглядно верила ему, что… Но какая-то другая часть рассудка напоминала ей: как же было не верить Антригу, если тот вполне искренне интересовался ее увлечениями, телепрограммами, новыми достижениями компьютерной техники, искренне рассказывал о своих многочисленных (как казалось, и впрямь) друзьях. Он и защищал ее вполне осознанно — правда, для того чтобы не потерять человека, ради которого совершил путешествие

в другой мир.

Но почему же тогда ей казалось, что этот человек никак не мог быть Темным Волшебником?

Солтерис тихо продолжал:

— Как раз этого я и сам очень долгое время не мог понять. После того как я обнаружил Антрига в одном монастыре спустя много лет после разгрома Цитадели Сураклина, я понял, чего я не мог понять — его рассказа о том, что незадолго до штурма Цитадели объединенными войсками ему удалось бежать. Но тогда я подумал…

И архимаг печально вздохнул, словно говоря, что человеку свойственно ошибаться.

— Двадцать пять лет назад… — вырвалось вдруг у Джоанны ни с того ни с сего.

— Что? — Архимаг внезапно поднял голову, в глубине его глаз загорелись непонятные огоньки.

— Да вот, Антриг сказал мне, что собирается расспросить членов Совета Кудесников, что же в действительности случилось двадцать пять лет назад.

— Ах вот как, — кивнул старик, — значит, он опасался, что кто-то мог или увидеть, или просто догадаться. И если бы он узнал, что кто-то видел, как настоящий Антриг посетил Сураклина накануне его казни… — Тут архимаг помедлил и хриплым голосом спросил: — Ну так что, он расспросил их?

— Он не смог разыскать других членов Совета, — покачала головой Джоанна, — во всяком случае, об этом он мне ничего не рассказывал. Правда, Фарос сказал ему, что его отец видел или узнал что-то такое, что впоследствии изменило его до неузнаваемости. Да, это, помнится, очень пугало Антрига. Но тогда, — тут Джоанна перевела дух, — тогда я просто ничего не понимаю.

— Если бы я попытался держать принца в подчинении своей воле, — выдохнул Керис, — и узнал бы, что его отец видел что-то, что может испортить всю игру, я бы тоже испугался.

— Возможно, — медленно сказала Джоанна, — сам Антриг сказал, что император никогда не любил его. Я забыла, кто именно сказал мне, что император несколько раз навещал Сураклина во время суда над ним. Как вы думаете, он мог распознать Сураклина в обличье Антрига? Или по крайней мере что-нибудь подозревать? Ведь это он семь лет назад осудил его на смерть?

— Я и сам, к стыду своему, согласился с этим решением суда, — горько вздохнул старик. — Но как старейшина Совета Кудесников я не мог дать императору понять, что он волен

распоряжаться жизнью и смертью нашего пленника. Он не должен вершить судьбами волшебников. Его удел — мирские дела. И я сумел уладить дело таким образом, что смертная казнь была заменена Антригу на заключение в Башне Тишины, из которой прежде никому не удавалось вырваться, — кудесник нахмурился еще сильнее. — Но Харальд — человек блестящего ума и невероятно сообразительный. Несомненно, он должен был рано или поздно кое о чем догадаться. Как, впрочем, и я сам. Но я спокойно воспринял то обстоятельство, что мальчик по имени Антриг на протяжении многих лет был учеником, а в сущности — рабом Сураклина. И потом… Со временем, видимо, черты самого Сураклина оригинальным образом смешались, сплелись с чертами Антрига, и потому никто не смог заподозрить подмены. А на его странности никто не обращал внимания — ведь ни для кого не было секретом, что Антриг Виндроуз — сумасшедший.

— Пожалуй, — согласился Керис.

Тут Джоанна снова вспомнила вечер, когда они сидели в обеденном зале постоялого двора. И загадочную улыбку Антрига, подносящего к губам пивную кружку. «Я никогда его по-настоящему не знала, — горько подумала девушка. — Но почему мне так горько, что он лгал мне?»

— А что, — сказала она уже вслух, — он действительно был сумасшедшим?

— Настоящий Антриг? — пожал плечами Солтерис. — Кто знает. Во всяком случае, борясь с Сураклином за свою душу, он вполне мог тронуться умом. Я всегда жалел его, но не мог заподозрить. До тех пор, пока он не начал действовать.

Джоанна поняла, что Антриг был ее первой и единственной любовью, которая неожиданно так коварно ее предала.

— А где он может находиться сейчас? — поинтересовался Керис, глядя на крышу Летнего дворца.

— Когда я уходила, он сидел в старом крыле здания, — сообщила Джоанна. — Он… он все разглядывал приборы доктора Скипфрага. Мне кажется, что я не сказала ему ничего такого, чего бы он уже не знал. Кстати, он собирается запрограммировать какой-нибудь компьютер таким образом, чтобы тот сам занимался волшебством. Если он найдет достаточно мощную машину, то мне кажется, у него могут появиться кое-какие возможности.

Джоанна, ругая себя за поразительную слепоту и неспособность вовремя заметить очевидное, продолжала:

— Он сказал мне, что тут есть какой-то злой волшебник, который похитил и меня, и архимага, который вызвал умопомешательство регента и организовал всякие беспорядки. А потому, заверил он меня, я просто обязана помочь ему с

компьютером, чтобы выработать меры противодействия злу. В принципе, все звучит очень логично, правда? Но он действовал хитро, постепенно завоевывая мое доверие, — и Джоанна, теперь уже хваля себя за то, что вовремя угадала ловушку, сказала с облегчением: — Если бы я не догадалась, я бы тоже стала плясать под его дудку.

— Ничего, всякое случается, — сказал спокойно Солтерис, — я-то знаю, как легко подчиниться человеку, от которого ты так или иначе зависишь. Особенно, если он к тому же выручил тебя из беды. А ведь он действительно спасал тебя, и не один раз, я прав?

Тут Джоанна вспомнила зловещий свист плети Фароса в полумраке постоялого двора, потом их бегство из крепости Святого Сира, потом его поцелуй в переулке… И ей стало невероятно стыдно.

— Он постепенно опутывает тебя сетью зависимости от него, — голос архимага журчал, словно ручеек, — но он недооценил тебя, дитя мое. Он не смог правильно рассчитать твое моральное сопротивление. И потому у тебя нашелся неучтенный им источник сил, благодаря которому ты смогла избавиться от наваждения. Кстати, он не остановился бы только на том, что овладел бы…

— Мной? — предположила Джоанна, и предположение это прозвучало несколько цинично.

— Вообще-то я собирался сказать несколько иное — твоим доверием, — засмущался чародей. — Он проник бы в твой мозг, ты сама впустила бы его туда. Он смог бы воспользоваться твоим знанием этих, как их… ком-пью-теров. Правильно я выговорил?

Джоанна машинально кивнула.

— Не только компьютеров. Он получил бы доступ с системам программирования, к построению всех тех программ, которые мне известны. Ведь в этом заключается моя работа.

— Он мог бы воспользоваться твоими знаниями и умениями как инструментом, он мог бы даже воспользоваться твоим телом для достижения своих целей.

Джоанна кинула на чародея быстрый взгляд, не вполне понимая, что он имел в виду, говоря так, но Солтерис уже озабоченно смотрел на шпили дворца, что-то прикидывая в уме. Потом он посмотрел в другую сторону, где виднелся еще более величественный дворец императора.

— Так же, как он пользовался и мной, — пробормотал кудесник. — Ведь это именно я рассказал ему об экспериментах Нарвала с телесом, не подозревая, что Сураклин в свое время спрятал некоторое количество подобных стеклянных шаров в

укромном месте до лучших времен. — На мгновенье старик закрыл глаза. — А ведь Нарвал был моим другом. Получается, что своей болтливостью я погубил его. Как и ты, я поддался очарованию Сураклина. Он, как змея, завораживает свою жертву.

Джоанна молча положила ладонь на руку старика. Она понимала, что сейчас архимаг особенно остро переживает утрату друга, в которой к тому же был виновен сам. Ей хотелось только надеяться, что кудесник ничего не знает о забрызганной кровью рабочей комнате лекаря. Впрочем, это была пустая надежда — ведь Солтерис был не просто стариком, он был архимагом, от которого, как известно, ничего не скроется.

— Я понимаю вас, — сказала Джоанна, чтобы только не молчать.

— Мы оба попались на его удочку, — горестно сказал архимаг, глядя куда-то вдаль.

— Я лишилась всего-навсего неких иллюзий, — встряхнула головой девушка, — я потеряла не того, кого знала. А, наверное, того, о ком хотела так думать. «А надежда, — добавила она уже про себя, — всегда была моей большой проблемой».

Архимаг сжал ее руку с силой, необычной для такого старого человека.

— Нам пора идти, — сказал он и первым поднялся с мраморной скамьи, — нужно быстрее найти его, прежде чем он догадается, что я спасся, и придумает что-нибудь еще. Идем во дворец.

Летний дворец встретил их непривычной тишиной, которая даже резала слух. Обитатели этого громадного здания словно вымерли. Вдруг откуда-то сверху, с одной из оплетенных вьющимися розами террас, донесся резкий, пронзительный голос регента. Но из-за дальности расстояния трудно было разобрать, что он говорит. Все трое, словно привидения, неслышно миновали заросли колючих растений и подстриженные в форме геометрических фигур кусты, которых тут было особенно много, — по-видимому, принц, любящий одиночество, распорядился создать в дворцовом саду множество укромных уголков, где можно было бы побыть одному или с друзьями. Джоанна еще раз отметила, что дворец представлял собой смешение разнообразнейших архитектурных стилей — видимо, за время существования этого громадного здания каждый из его венценосных обитателей время от времени добавлял к нему дополнительные сооружения сообразно своему вкусу.

— А что если нам сейчас кто-нибудь встретится, да поинтересуется, кто мы такие и что нам нужно? — шепотом спросила девушка Кериса, выразительно поглядывая на висевший

у его бедра меч.

Керис ничего не ответил. Они пробирались мимо круглой башни, обсаженной кипарисами. Через широкие ворота в башне был виден двор конюшни, где конюхи в одежде с нашитыми инициалами регента суетились, запрягая в легкую карету угольно-черных лошадей.

— Ни за что не поверю в это, — пробормотал Солтерис, глядя на конюхов. Все трое направились к повозке.

Увидев троих незнакомых людей, лошади испуганно захрапели. Одна из лошадей встала на дыбы, мальчик-кучер не успел среагировать вовремя, и вся упряжь немедленно оказалась перепутанной. Три беглеца глядели на весь этот беспорядок.

— Стойте рядом со мной, — скомандовал архимаг.

Со всех сторон к взбесившимся лошадям неслись люди, кто-то отдавал какие-то распоряжения, в общем, возникла полная суматоха. Керис, бросавший во все стороны подозрительные взгляды, ни за что не хотел идти вперед, да и Джоанна, так и не привыкшая быстро ходить в средневековых одеяниях, шептала, что лучше оставаться на месте. Но архимаг, не обращая внимания на упорство молодых людей, потащил их вперед, и все трое благополучно миновали двор конюшни, благо тут никто не обратил на них внимания: все были поглощены усмирением непонятно почему взбесившихся лошадей.

— В любой дом всегда легче проникнуть через служебные помещения или выходы для слуг, — назидательно сказал Солтерис своим спутникам. — Мало ли кем мы можем быть?

Они направились к приземистому кирпичному зданию в глубине двора. Ни у кого не возникло вопросов, что именно это за здание — тут сильно пахло мылом и свежевыстиранным бельем. Но они прошли дальше, и архимаг зашел в другое помещение — они пошли по длинному, обшитому досками коридору, и из расположенных справа и слева комнат к ним доносились самые разнообразные запахи специй, сладостей и жареного мяса. От одной из дверей к ним направился было какой-то человек, и Джоанна испуганно шарахнулась в сторону, понимая, что разоблачение неминуемо. Но все обошлось — увидев не в меру ретивого служителя, Солтерис сделал легкое движение рукой, и за спиной слуги, в его комнате, послышался страшный грохот падающей посуды. Слуга сразу забыл о своем первоначальном намерении и со всех ног бросился назад, чтобы посмотреть, в чем дело.

Вдруг на Джоанну снова нахлынуло какое-то странное чувство. Казалось, что оно уже изведано ей — холодное, странное чувство отчужденности и чего-то еще. Словно непроизнесенный

вслух звук, это чувство наполнило девушку, сделало ее движения чужими. И тут же она внезапно ощутила рядом с собой горячее дыхание Кериса. Солтерис же то и дело оглядывался по сторонам — даже он явно боялся заблудиться в бесконечных переходах этой громадной кухни.

Джоанна принялась вспоминать, где же она впервые ощутила это странное чувство, которое, кажется, внушало ей непонятный ужас. Тут вдруг взгляды Кериса и архимага встретились, и в следующую секунду все бросились бежать со всех ног.

В конце коридора оказалась лестница, которая вела в помещения старого крыла дворца. Архимаг в своем развевающемся одеянии бежал первым, увлекая, а заодно и направляя своих спутников в нужную сторону. Они бежали через большой зал, когда-то, возможно, бывший тронным, по гулкому паркету, а Джоанна вдруг снова вспомнила забрызганную кровью лабораторию Нарвала Скипфрага и бессвязное бормотание Правдивой Минхирдин о том, что Он все равно вызовет стихии и духов. И вдруг девушку пронзил ужас — ведь теперь в руках Антрига было все оборудование для получения электричества. Он стал куда опаснее.

На пути в следующую комнату им попался часовой, который, хоть и удивился троим неизвестно откуда взявшимся людям в столь разных одеяниях, однако не стал их задерживать. В комнате, несмотря на охрану у дверей, ничего такого не оказалось — только странная темнота, точно сквозь невидимую ткань дневного света прорвалась тьма ночи, но темнота эта с их появлением стала быстро рассеиваться. Постепенно стали вырисовываться очертания окружающих предметов, темнота все таяла, словно сыр, который поедал невидимый обжора. Но Джоанна готова была поклясться, что она заметила какое-то подозрительное движение у противоположной стены.

Солтерис снова рванулся вперед, и Джоанна непроизвольно схватила его за рукав. Вдруг ноздри Джоанны уловили знакомый запах волшебства — запах дыма от горящего дерева, смешанный с ароматами сухих трав. Помнится, особенно остро она почувствовала этот запах еще в Сан-Серано, когда Антриг сжал пальцы на ее горле…

— Только не это, не надо… — выдохнула девушка.

Керис, резко оттолкнув Джоанну в сторону, с обнаженным мечом рванулся вперед.

— Мы упустим его, — испуганно закричал послушник. Из Пустоты засвистел ветер, стал трепать светлые волосы Кериса. Глаза молодого человека загорелись безумным гневом.

Неожиданно Джоанна ощутила, что ей нужно сделать выбор

— броситься очертя голову в Пустоту или же остаться в этом ненавистном мире, где было полно добрых и злых волшебников, но никто так и не сумел помочь ей. Причем остаться тут навечно…

Джоанна сжала зубы и подобрала юбки, готовая ринуться вперед. Но Солтерис стоял как вкопанный. Он стоял и безмолвно наблюдал, как темный провал Пустоты становился все меньше и меньше, а потом вовсе исчез.

— Нет, — наконец словно опомнился архимаг. Его голос эхом прокатился по громадной комнате, в которую через пыльные окна уже начали робко проникать лучики света. Лучи эти падали на сваленные в беспорядке возле окна спутанные медные провода. Солтерис обернулся, глядя на них, на перепуганную Джоанну в измятом платье и на тяжело дышащего Кериса с мечом в руке. Это был взгляд ястреба, которого охватил азарт погони за добычей. — Нет! Дети мои, я знаю, что он снова удрал. Я просто прочел знаки Сураклина, которые сопровождают его в темноте, как свечи.

Тут, видя страх Джоанны, Солтерис проговорил бодрым голосом:

— Я не собираюсь оставлять вас здесь одних. Вот когда я действительно соберусь пересечь Пустоту, чтобы поймать его, вы оба можете мне понадобиться.

Глава 18

Когда они наконец добрались до дома Гэри в Агуре, оказалось, что дом пуст и тих. Не хватало только, подумала Джоанна, чтобы и тут оказались какие-нибудь неприятные сюрпризы. Керис, держа наготове меч, обследовал кухню, спальню, гостиные. Конечно, Джоанна вовсе не горела желанием увидеть сейчас Гэри, не говоря уже о том, что ей пришлось бы выкручиваться, объясняя, что целых две недели ее не было по уважительной причине. К тому же нужно было как-то представить ему Кериса и архимага, выдав их за кого-то. А в импровизациях она никогда не была сильна.

Возле боковой двери на гвозде висел ключ. Джоанна отперла замок, и они вошли в здание. Девушка вдруг снова почувствовала неприятное ощущение подобное состоянию, которое определяется французским выражением «дежа вю», «уже виденное». Джоанне казалось, что она снова учится в школе, но при этом уже обладает опытом послешкольной жизни. Возможно, сказались и две недели пребывания в ином мире. Глаза Джоанны, привыкшие за это время видеть роскошные здания, резные завитушки и богатую позолоту, теперь с каким-то недоверием, даже враждебностью созерцали интерьер дома века технологий. Легкие же напоминали ей, что воздух тут, хоть и осенний, не самой первозданной чистоты. Особое раздражение вызывала кажущаяся теперь поразительно уродливой мебель и телевизор. Для чего вообще выдуманы эти адские машины? Впрочем, неудивительно, что здесь так гадко, подумала Джоанна, ведь здесь живет Гэри.

И вдруг она вспомнила одетых в отрепья детей, спешащих на работы в мануфактуру. И еще голос Антрига, его взгляд: «А нужно ли все это?»

— Все это мертво, — тихо сказал Керис, постукивая мечом по посудомоечной машине, потом по телевизору и музыкальному центру, по мебели. — Я хочу сказать, что это никогда не было живым. Никогда. — Тут послушник посмотрел на Джоанну. — Но из чего все это сделано?

— В основном из пластика, — тут она сунула руки в карманы и огляделась, раздумывая, куда же мог подеваться Гэри. — Все это дешево, и потому сделано из пластика.

— Но ведь это… это же не слишком хорошо, — упорствовал Керис.

Солтерис, который в это время смотрел из окна, обернулся к ним:

— Да что там говорить. Человек ко всему привыкает. В конце

концов он привыкает к новому настолько, что забывает, что переживал о чем-то потерянном.

Архимаг подошел к Джоанне, которая, к ее огромной радости, снова была облачена в джинсы и такую же рубашку, и спросил:

— А эта метка, она наверху, ведь верно?

Метка находилась на уровне глаз Солтериса. Он неспешно провел по метке рукой — точно так же, как и Антриг проводил рукой по деревянной панели в Летнем дворце, припомнила Джоанна. И вдруг метка засветилась, причем с каждой секундой она светилась все ярче. Метка светилась еще какое-то время, а потом стала гаснуть. Чародей продолжал смотреть на дерево даже тогда, когда там не осталось и следа огонька. Впрочем, Солтерису, как видно, большего и не требовалось. То, что хотел, он уже увидел.

— Послушай, — обратился к Джоанне архимаг, — это та самая метка, которую ты видела в Сан-Серано? В этом… как его, главном терминале?

— Вроде бы похоже, — неуверенно ответила девушка. Джоанна машинально пригладила волосы, стараясь вспомнить то, что потом задавил в ней холодный ужас. Кажется, потом было дыхание человека, который сдавил ей рукой горло.

— Его влияние отличается исключительной живучестью. Он завораживает людей, которые его знают, — бормотал главный кудесник. Тут на него упал луч света. — И даже тех, кто лично не знает его. Метка все равно влияет на их рассудки, как будто Виндроуз говорит с ними на расстоянии. Эта метка только начинает подготавливать почву для последующего закабаления. Кстати, его влияние все еще заметно в твоих глазах.

Покраснев, Джоанна резко отвернулась, она и сама знала это.

— Но ведь ты не хочешь подчиняться тому, к чему он тебя склоняет, — мягко внушал Солтерис, — ты просто стараешься доискаться причин, по которым он охотится за тобой. Мотивов, которые руководят им. А потому в этом нет ничего предосудительного. В этом виноват только он.

Вдруг Джоанне стало плохо — ее взгляд случайно упал на стоящий в углу компьютер с дисководом в двадцать мегабайт. Компьютер казался совершенно безжизненным.

— Я уже знаю, Джоанна, — тихо взял ее за руку архимаг, — даже теперь, когда я знаю, что это за человек, как он опасен, во мне сохраняется какое-то инстинктивное стремление верить ему. И в этом сила и ужас его волшебства. Но мне еще предстоит встретиться с ним.

Керис, безучастно рассматривавший полки с книгами и

журналами, резко повернулся к деду.

— Так ты еще собираешься встретиться с ним?

— Пока что его здесь не было, — отозвался архимаг, — но он обязательно вернется сюда, к своей метке.

— Но почему?

Чародей сверкнул глазами, прежде чем дать ответ.

— Возможно потому, что именно здесь находится то, что ему нужно. Возможно, именно здесь действует волшебство, хоть и не столь сильно. А также потому, Джоанна, что он уловит твое присутствие здесь. Но он придет, он просто обязан прийти сюда. И я должен встретить его.

— Один? — спросил Керис. Но по тону, которым был задан вопрос, Джоанна поняла, что ответ был заранее известен Керису.

Солтерис со вздохом сложил руки на груди. Помолчав, он сказал:

— Керис, я уверен в себе. А впутывать в это дело кого-то еще, даже такого бойца, как ты, значит только повысить опасность. Этого я как раз не хочу.

— Но ведь твое волшебство здесь не действует, — запротестовал Керис.

— И его тоже.

— Но он на двадцать лет моложе тебя и выше ростом. Он запросто может…

— Дитя мое, — сказал старик смиренно, — ты, надеюсь, не думаешь, что я полностью беззащитен?

Керис ничего не ответил.

— К тому же кому-то все равно нужно оставаться с Джоанной, — глаза архимага остановились в полумраке комнаты на девушке. — Я не думаю, что он сможет проскользнуть мимо меня незамеченным. Хотя и попытается. Но если он все-таки проскочит, ни в коем случае нельзя позволить ему заговорить с ней.

Ни Керис, ни Джоанна ничего не ответили. Но по выражению лица послушника было видно, что он потрясен не меньше девушки.

Глава Совета Кудесников продолжал более мягко:

— Джоанна, ты должна хранить гробовое молчание. Я предупреждаю тебя, что даже зная о замыслах этого человека, ты все равно невольно захочешь верить ему.

Девушка отвела глаза. Ненавидя себя за слабость, она пообещала, что все сделает так, как говорит архимаг. А старик уже глядел на внука.

— Если не сможешь удержать ее от разговора с ним, убей его.

Резко повернувшись к окну, Солтерис рывком отдернул

занавеску. В окно ударил сноп яркого света. Когда Джоанна освоилась с новым освещением, то первое, что неприятно поразило ее, это облако смога в той стороне, где находился Лос-Анджелес. А ближе, на соседнем холме, высился тот самый покосившейся сарай, в котором они вышли в этот мир из Пустоты.

– Вот там я и буду его поджидать, — сказал чародей. — Он хитер… — И тут же, предвосхищая вопрос Кериса, старик поспешил ответить: — Со мной он все равно не заговорит, тем более если вы будете неподалеку. Дитя мое, у него есть особая причина опасаться только тебя. В этом я уверен — а уж то, что я должен сделать, я постараюсь сделать.

Уже перевалило за полдень и обычная туманная дымка Калифорнийской долины окончательно рассеялась, когда на гребне холма показался Антриг Виндроуз. — Ты пойдешь туда?

Керис и Джоанна находились в компьютерной, куда они ушли после того, как Солтерис отправился на свою исходную позицию. Им было о чем рассказать друг другу. Перебивая друг друга, молодые люди повествовали о том, что произошло после того, как они расстались в доме Магистра Магуса.

Керис время от времени подходил к громадному компьютеру фирмы IBM — недавнему приобретению Гэри, предмету его гордости. Наконец Керис не выдержал.

— Послушай Джоанна, это и есть та самая знаменитая машина, которая умеет мыслить, подобно обычному человеку?

— Не совсем подобно человеку, — Джоанна удобно устроилась в глубоком огненно-красном кресле, скрестив ноги (какое это было наслаждение — вновь надеть джинсы). Вдруг она снова стала размышлять об Антриге. Одна часть ее рассудка говорила: «Антриг направляется в ловушку». Но Джоанна больше не стала думать об Антриге и продолжала отвечать на вопрос Кериса:

— Конечно, компьютеры могут при решении какого-то вопроса прийти к тому же результату, что и человек, поскольку будут пользоваться той же самой логикой. Но может возникнуть и такая ситуация, когда логика будет подсказывать, что дважды два не четыре.

Помолчав, девушка проговорила:

— Но это еще не означает, что внутри компьютер устроен точно так же, как мозг человека, — тут она потянулась к переключателю. — Не хочешь сам кое-что попробовать?

Керис поспешно попятился и резко замотал головой. Затем, видя безграничное удивление девушки, он слегка покраснел и пояснил:

— Так послушник не поступает. Нам постоянно твердят, что мы должны оставаться самими собой. А все это… — взмахом руки внук архимага обвел интерьер комнаты, кивая на жужжащий в глубине кондиционер. — Это не относится к тому, что должно интересовать меня как послушника. Ведь мы сами — оружие в руках наших господ.

Тут вдруг Джоанна вспомнила Каннера — ведь и Керис, не получив указаний, всегда чувствовал себя словно в тупике. Но стоило появится архимагу, и Керис сразу преображался. Как бы не вышло, подумала девушка, что Антриг появится здесь и примется отдавать парню приказы, а тот не сможет перебороть себя и бросится исполнять их, хотя они будут противоречит тому, что ему следует делать. И тут Джоанна поняла: Керис не умеет общаться с людьми — так же, как и она сама.

— Но ведь ты рожден с волшебным даром, — удивилась она. — Ведь ты вроде бы собираешься сам стать кудесником. А разве такой человек не должен принимать самостоятельные решения? По-моему, обязательно должен.

Керис замолчал, словно в его душе боролись несколько противоположных точек зрения. Он явно чувствовал себя в затруднительном положении. Наконец он медленно, запинаясь, проговорил:

— Нет, это не совсем так. Волшебник, настоящий волшебник не должен повиноваться только собственным чувствам. У нас даже есть поговорка: ни кудесник, ни послушник не пьют того вина, что пьют прорицатели и наемники. Я хочу во всем быть самим собой. И не хочу, чтобы чуждые явления размягчали мой дух.

— Чем дольше ты что-то делаешь, тем больше в это втягиваешься, — только и вздохнула Джоанна. Нет, в чем-то этот парень был прав. Ведь и ей самой не слишком хотелось переключаться с общения с компьютером на общение с людьми. Сломать годами складывавшийся уклад при всем желании не так-то просто. Ей самой было куда проще ладить с компьютерами, чем с людьми, — нажал кнопку, раз — и готово то, что тебе нужно. А это так похоже на приказы и команды, которые обожал Керис. Их увлечения были очень похожи, только они существовали как бы в параллельных измерениях. До недавнего времени у нее никаких проблем не было.

Антриг…

Никакой не Антриг, строго повторила она себе. Это был Сураклин, Сураклин…

Вдруг Керис тревожно обернулся к ней. Не говоря ни слова, Джоанна тоже бросилась к окну, откуда был виден сарай на

холме.

Прямо перед ветхим строением стоял Солтерис. И в этот момент на вершине холма появился Антриг.

Виндроуз уже успел переодеться в те самые джинсы и рубашку с аппликацией — названием рок-группы, в которых она впервые увидела Темного Волшебника.

Солнце играло на серебряной аппликации, и блеск этот казался Джоанне особенно зловещим. Увидев неподвижную фигуру архимага, Виндроуз направился прямо к нему. Джоанна решила, что он что-то говорит, но с такого расстояния ничего нельзя было услышать, даже если бы ветер вдруг начал дуть в их сторону.

Джоанна не могла определить, говорил ли что-нибудь также и архимаг. В глубине души она знала, что хоть в ней и оставалась симпатия к Антригу, но за Солтериса она переживала больше. К тому же, несмотря на все уверения главы Совета Кудесников в том, что он справится с отступником, она знала, что Солтерису грозит куда большая опасность, чем самому Виндроузу.

Затем Джоанна и Керис стали свидетелями вовсе необычного — Виндроуз протянул руки для приветствия, и Солтерис, после короткого колебания, последовал его примеру. Итак, рукопожатие совершилось. А потом… Потом Антриг повел архимага в сарай.

— Нет, — раздался отчаянный шепот Кериса.

Джоанна, обернувшись, увидела расширенные зрачки парня.

Девушка схватила его за руку, заставив отвернуться от окна.

— Ведь твой дед сказал, что он должен поговорить с ним наедине, — напомнила она послушнику. Но и ее голос при этом предательски дрожал.

— Но ведь он также сказал, что единственное, чего он опасается, — это очарования Антрига, — наконец ответил Керис, тоже срывающимся голосом. Он отступил от девушки, лицо его было искажено страхом — в первый раз за все то время, что Джоанна знала его. Но девушка решила, что должна во что бы то ни стало не дать Керису сорваться. И она заговорила:

— Когда я впервые встретила его, я тоже сразу ему поверила. И тогда и теперь мне приходится удерживать себя от того, чтобы снова не поверить его сладким речам. Уж кому знать это, как не мне.

Но Керис упрямо кивнул в сторону сарая:

Они вышли во двор, им стало не по себе — воздух был невыносимо душным, несмотря на близость большого водоема. Когда они выходили из железных ворот в сторону холма, из сарая показался Антриг. Даже издалека можно было видеть, как он в изнеможении привалился к изношенному непогодой дереву

ветхого строения. Керис быстро посмотрел на Джоанну, в глазах его метался отчаянный страх, но стоило ему снова посмотреть на сарай, как Антрига там не оказалось.

Керис больше не мог сдерживаться — он бегом бросился на холм, за ним кинулась и Джоанна, но она прибыла к сараю гораздо позже Кериса.

Казалось, духота буквально пропитала стены сарая. Внутри духота еще усугублялась отвратительным запахом бензина и машинного масла. Стояла полная тишина. В сарае царил полумрак, пронизанный яркими лучами солнца, проникавшего сквозь многочисленные дыры в стенах и крыше. Когда Джоанна зашла в эту хибару, она почему-то уже знала, что застанет здесь.

Солтерис недвижимо лежал в углу, возле стопки листов фанеры и деталей кузова автомобиля. Казалось, что кто-то специально положил его сюда — архимаг лежал спокойно, с уложенными вдоль тела руками. Длинные волосы его были присыпаны пылью, глаза и рот закрыты, но лицо посинело, как от удушья. Даже в полумраке сарая девушка поняла: не стоит обольщаться, что архимаг может быть еще жив. Ведь она сама убила двоих, и потому достаточно хорошо знала, как выглядит смерть.

Бросившись на колени, Керис принялся осматривать труп деда. Лицо его побледнело, как полотно, руки тряслись. Только теперь Джоанна поняла, насколько Керис был привязан к старику. Его ненависть к Антригу питало не только опасение не выполнить свой долг послушника перед господином, но и, конечно, природный инстинкт, заставляющий людей оберегать тех, кто дал им жизнь. Керис всегда был готов верить в исчезновение деда, как она помнила, но верить в его смерть он напрочь отказывался. Ведь сам он был оружием в этих руках, на которых сейчас так отчетливо набухли вены. Видимо, Керис не верил, что когда-нибудь настанет такой день, когда эти руки опадут плетьми и жизнь покинет это старческое тело.

Керис схватился за безжизненную руку деда, но, поняв, что случилось, тихо опустил ее на прежнее место. Затем Керис отодвинул прядь волос с шеи архимага, и Джоанна с ужасом увидела посиневшее горло старика.

Наконец Керис зашептал отчаянно:

— Но почему, как случилось, что ты поверил ему? Как получилось, что ты верил ему до самого конца и даже не сопротивлялся, когда он принялся душить тебя? Как такое вообще могло случиться?

Вдруг тело архимага дернулось в страшной судороге, словно яд, который был влит в это тело, только теперь начал свое

настоящее действие. Лицо главы Совета Кудесников приняло умиротворенное выражение, словно говоря, что его больше никак не касаются происки и интриги Темного Волшебника.

Наконец в мертвой тишине Джоанна спросила:

— Что же мы теперь будем делать?

Полтора часа спустя до слуха Джоанны из гостиной донеслись легкие шаги Антрига. За окнами кухни уже вечерело. Все это время Джоанна, возвратившись в дом, сидела и неотрывно смотрела в окно, словно ее очень сильно занимала смена времени суток. Внутри она ощущала холодную пустоту, словно рухнула какая-то важная иллюзия. В голове у нее не было совершенно никаких мыслей, только билась одна-единственная мыслишка, что нужно что-то делать, не сидеть вот так, сложа руки. Но это была глупая мысль — она только побуждала, но не говорила, что же нужно делать. В следующий момент он повалился набок и заснул.

Однако как только она услышала шаги Антрига, ей почудилось, что она летит в пропасть.

Затем шаги смолкли — он остановился в гостиной. Мобилизуя все остатки воли, она заставила себя подняться на ноги, подойти к плите и влить подогретую в чайнике воду в чашку со смесью кофе и снотворного. Сделав глубокий вдох, она снова представила себе лицо удушенного Солтериса — уже начавшее синеть и покрываться темными трупными пятнами. Нет, это было просто невыносимо. И, рывком подняв чашку, Джоанна направилась вместе с ней в гостиную.

Он стоял возле раздвижной стеклянной двери, глядя на нее странными глазами.

— Тебя разыскивал Солтерис? — спросила девушка Виндроуза. Обыденность ее тона даже испугала ее.

Услышав знакомый голос, Антриг рывком поднял голову, и на его лице отразилась целая гамма чувств — испуг, растерянность, осознание безвыходности ситуации. Ко всему этому примешивалась непонятная усталость. На мгновенье Виндроуз закрыл глаза, словно желая обрести внутреннюю устойчивость. Наконец он обессиленно спросил:

— Так ты пришла вместе с ним? — но затем, словно спохватившись, что он не должен показывать свою осведомленность о местонахождении архимага, Антриг посмотрел на нее с наигранным удивлением и спросил: — Как — Солтерис?

— Это он доставил меня сюда, — сообщила Джоанна. — Он подошел ко мне в саду. Он сказал мне, что уже разговаривал с тобой. Правда, он не стал рассказывать мне никаких

подробностей. Мы пошли в комнату, где были вещи Скипфрага, но там тебя уже не застали. И потому я попросила его отправить меня обратно в мой мир. И вот я тут.

Антриг снова прикрыл глаза. И, глядя в них, Джоанна впервые подумала, что они совершенно безжизненны — словно кто-то вставил слепому человеку искусственные стеклянные глаза.

— Я ни за что не оставил бы тебя, — наконец проговорил Виндроуз негромко.

— Я не знала об этом.

Он выглядел столь растерянным, подавленным и обессиленным, что с ее стороны было вполне естественно — угостить его кофе. Но девушке пришлось силой заставить себя вытянуть руку с чашкой.

Это же Сураклин, Сураклин, как заклинание, мысленно повторяла она.

Антриг протянул руку и принялся пить теплую жидкость.

— Спасибо, — проговорил он, осушив чашку.

Наконец он словно спохватился. Увидев большой диван, чародей направился к нему, — он как будто вспомнил, что и в этом мире существуют диваны для отдыха.

Антриг запустил руки в свою пышную шевелюру, словно его мучила головная боль.

— Извини меня, — проговорил он, — я вовсе не хотел покидать тебя надолго. Мне нужно было вернуться к тебе намного раньше.

Он закашлялся а потом проговорил:

— И Фаросу тоже нужно было присмотреть за тобой, дать тебе чувство уверенности. Но вышло так, что мне нужно было обязательно кое-что отыскать.

Джоанна все еще стояла перед ним, сложив руки на груди, ее сердце бешено колотилось.

— Ну… и как, — проговорила она сквозь зубы, — ты нашел то, что искал?

Он резко замотал головой.

— Нет.

После чего стал вглядываться в осадок на дне чашки, словно желая угадать по кофейной гуще, что его ожидает. Наконец он выдавил из себя:

— А Солтерис не сказал тебе, где он был все это время?

— Да нет, — сипло ответила. — Впрочем, я не слишком этим интересовалась.

Он быстро посмотрел на нее — взглядом затравленного зайца, подумала она.

— Все это мне надоело до черта, — сказала девушка, стараясь, чтобы голос ее не дрожал, — мне нужно было только вернуться домой. Я сыта по горло вашим проклятым миром. Кстати, ты сам как-то сказал… — тут ее голос предательски изменился, — ты сказал, что никакие беды не коснуться меня. Если ты сказал это искренне, то я прошу тебя: оставь меня в покое, вот и все.

Он ничего не ответил, но глаза их встретились, и Джоанне показалось, что он то и дело порывается сказать ей правду, раскрыться. Но Джоанна знала, что ему лучше этого не делать, иначе она снова поверит сладким речам экс-кудесника. И вдруг Антриг, тяжело вздохнув, пробормотал:

— Ладно, так тому и быть.

И тут ее понесло — контролировать себя она больше не могла.

— У тебя все будет в порядке? — спросила она, хотя минуту спустя поняла, что глупее вопроса она при всем желании не могла задать.

Он улыбнулся какой-то блуждающей улыбкой.

— О, да, — рука его со стуком поставила чашку на пол, — до тех пор, пока я буду держаться подальше от Совета Кудесников. Извини меня, Джоанна… Но эта отметка на стене… Метка на стене…

Глава 19

Он проснулся, когда уже давно стемнело. Джоанна равнодушно сидела в удивительно неудобном сером кресле. В голове у нее была полная пустота, тело казалось чужим. Сейчас она и сама с трудом верила в то, что еще утром проснулась в одной из комнат Летнего дворца, что каких-нибудь четырнадцать-пятнадцать часов назад сидела на бархатном сиденье кареты регента, а сам Фарос плакал, рассказывая о незавидной участи своего отца. Казалось, что все это происходило не с ней, а с кем-то другим, что все это ей привиделось или она узнала это из какого-то дурацкого телефильма.

В какой-то степени, подумала Джоанна, все именно так и случилось.

Дневной зной давно схлынул. Гостиная была погружена во мрак, только из кухни падал сюда свет. Через открытую дверь доносился запах хлорки — должно быть, от пруда, ведь вода, напускаемая туда, предварительно обеззараживалась. Но ночь была теплая.

Тут до ее слуха донесся шорох — это зашевелился Антриг. Он открыл глаза, тяжело дыша. Немигающий взор чародея вперился прямо в Джоанну.

— Извини меня, Антриг, — пробормотала она. Как глупо это звучало.

Виндроуз попытался встать с дивана, но не смог. И это вполне было понятно — руки и ноги его были плотно опутаны крепким капроновым шнуром, который Джоанна вытянула из своего кошеля. Этот шнур она взяла еще, в Сан-Серано, словно предчувствуя, что он может пригодиться ей. Впрочем, подумала девушка, он никак не должен разорвать веревку, она крепкая. Да и все равно у него нет сил — уж она-то знала, как раскалывается голова после снотворного. Глаза Антрига, устремленные на нее, не выражали почему-то удивления, но были полны ужаса и отчаяния.

— Керис как раз созывает Совет Кудесников, — поспешила «обрадовать» Виндроуза Джоанна. — Он сказал мне, что у него есть для этого какая-то лайпа. Я, правда, понятия не имею, что это такое.

Его голова в изнеможении откинулась на подушки дивана. По телу его прошла судорога, но он закрыл глаза, и на его лице отразилось нечто вроде облегчения.

— Что такое? — удивилась Джоанна. — А чего же ты тогда ожидал?

Веки экс-кудесника дрогнули, но так и не открылись. Губы его неслышно прошептали:

— Солтериса.

Горечь наполнила душу девушки, когда она вспомнила, как архимаг здоровался с этим человеком перед тем, как войти с ним в сарай. Ее голос опять задрожал:

— Но ведь ты не хуже меня знаешь, что Солтерис мертв.

— Ты видела это? — Широко раскрытые глаза Антрига смотрели на нее в упор.

— Конечно, я не видела, как ты его душил. Но кое-что мы все-таки заметили, будь спокоен.

Из груди Виндроуза вырвался вздох. И все-таки, подумала Джоанна, дважды два — это действительно четыре.

— Но зато он все успел нам рассказать, — заверила она чародея.

Он дернул головой с такой силой, точно его укусила оса. Лицо его стало белее бумаги. Даже при скупом свете из кухни Джоанна хорошо видела, как по его щекам и носу текли струйки пота.

— Что он сказал вам? — хрипло поинтересовался Антриг, глядя на девушку почти испуганно.

— Кто ты на самом деле?

— И кто я тогда… — Его глаза расширились, когда он понял, что она имеет в виду. И он тихо сказал: — Нет. Джоанна, нет.

— Как ты сам понимаешь, мне нет смысла обманывать тебя.

— Зато у него было полно причин для этого. Джоанна, неужели ты не понимаешь? Когда Сураклину в последний раз удалось ускользнуть — он вышел из тела, в котором была его душа — из тела, которое было сожжено потом в Кимиле архимагом и церковью двадцать пять лет назад, — то для спасения он избрал не мое тело. Не мою сущность.

— Но тогда для чего он обучил тебя всему, что знал сам?

— Да, я был жертвой, которую он для себя наметил, да, — тихо проговорил Антриг, но под внешним спокойствием его тона Джоанна все равно улавливала безграничное отчаяние, — и хотя я не знал, какую участь он уготовил мне, я все равно кое-что подозревал. Только я не понимал, что именно меня настораживало. А потом за те годы, когда я скрывался, все это обросло разными безумными идеями. Хотя я и знал, что Сураклина больше нет, но тем не менее мне казалось, что душа его бродит по земле и разыскивает меня. Мне во что бы то ни стало нужно было стать членом Совета Кудесников, чтобы убедиться, что мне действительно грозит опасность. Хотя я это, повторяю, уже знал, мне нужно было только подтверждение,

ничего больше. Узнать мне хотелось другое — я должен был найти, в чье тело он вселился, в чьем обличье он бродит, разыскивая меня. Я знал, что он жив. Иногда по ночам мне снились кошмары, мне казалось, что чужое лицо смотрит на меня глазами Сураклина. А потом, в Башне Тишины, он явился ко мне, и я понял, в чьем теле он находится.

— И в чьем же? — иронически поинтересовалась Джоанна, заранее зная, что сейчас этот человек расставляет для нее, ловушку. Но она не попадется в нее ни за что.

— Так вот, — сказал тихо Антриг, — Сураклин — это и есть Солтерис.

— Ох, уморил, неужели ты думаешь, что я поверю в эту чушь? — От волнения ее руки снова задрожали, и Джоанна сцепила пальцы одной руки с пальцами другой. — Ты что же, надеешься, что после той горы лжи, которую ты наворотил передо мной, я снова клюну на твою приманку?

— Мне приходится только надеяться на то, что ты поверишь мне, — в отчаянии закричал Антриг. Тут его, видимо, охватил приступ тошноты, поскольку он побледнел и снова в изнеможении откинулся назад. — А в этом мире, Джоанна, у него был сообщник. Я знаю это. Все это я узнал из отметок, которые остались на стенах в Сан-Серано. Никто не знает лучше меня ту ужасную силу, которая позволяет ему владеть чувствами и умами окружающих. И я… Я боялся, что этот сообщник ты.

Джоанна вдруг отвела глаза, внезапно осознавая, что Антриг боится ее. Возможно, эта боязнь была следствием той, которую он испытывал тогда, в другом мире, борясь с искушением пойти на близость с ней. Но она твердо помнила наказ Солтериса: волшебный дар Сураклина состоит в умении убеждать и перетягивать на свою сторону кого угодно. Потому неудивительно, что Антриг старался теперь как можно скорее уговорить ее плясать под его дудку, опять опутав ее паутиной лжи.

— Мне так хотелось верить тебе, — продолжал взывать к ее доверию Антриг, — но я не мог себе позволить этого. Я не смел. Если бы он заподозрил, что я догадываюсь о том, что он жив, он сразу затаился бы, вселился бы в какое-нибудь иное тело — ведь ему с его-то волшебной силой это ничего не стоит. Ему уже приходилось делать такое. Джоанна, я ведь обычный человек, правда, один из немногих уцелевших, кто лично знал его. Я был опасен для него — я мог узнать его. А он бессмертен, как вампир, который переселяется из одного тела в другое, питается чужой энергией. Его обязательно нужно было остановить. Он не должен был ускользнуть от меня.

— И все это ты рассказываешь мне затем, чтобы я поверила в необходимость убийства Солтериса? — И Джоанна, сидя на стуле, поджала под себя ноги. Налетевший порыв ветра принес с собой далекий рокот двигателя самолета. — Ты хочешь сказать, что Сураклин вселился в его тело?

— Нет, — забормотал Виндроуз в отчаянии, — я убил его потому, что Сураклин ушел из его тела. Неужели ты ничего не понимаешь? Тело, в которое он вселился поначалу, чтобы скрыться из Кимила, было телом императора Харальда. Харальд управлял Ферритом в течение двадцати одного года. Обо всем этом догадывался только Фарос, но он все равно ничего не мог поделать, поскольку был тогда всего лишь ребенком. Да и сам он наверняка не мог поверить в то, что подсказывало ему его детское сердце. Он не мог поверить, что его отец — это уже не его отец. Уже в качестве императора Сураклин попытался казнить меня после подавления восстаний в Меллидэйне. Возможно, именно он перед этим подстрекнул мой рассудок на оказание помощи восставшим. Этого я и сам не знаю. Но четыре года назад он вышел из тела императора, оставив его совсем свихнувшимся. Харальд по сей день пребывает в таком состоянии. Он вселился в тело Солтериса и завладел его душой. А сегодня он вышел и из тела Солтериса, чтобы вселиться в кого-то другого. И я убил Солтериса, — голос Антрига уже звучал совершенно спокойно. — И убил я его потому, что я его любил, потому, что он был моим повелителем, моим другом. Я не мог позволить, чтобы Солтерис стал таким же безумцем, как император. Поверь, это был самый трудный день в моей жизни.

— Я не верю тебе, — ответила девушка, чувствуя себя как во сне. — Они сказали мне…

— Все это внушил тебе сам Сураклин, — настаивал Антриг, — ведь ему нужно опорочить и затем убить меня. Он оставил одну из своих перчаток в моей комнате в Башне во время своего первого визита, и Керис поверил, что он был у меня. Но на самом деле Солтерис во второй раз даже не переступал порога Башни. Ведь внутри ее стен он никак не мог бы вызвать Пустоту, раскрыть Врата в нее. Но он сказал Керису, что умеет насылать иллюзию и потому сможет незаметно проскользнуть мимо охранников. И если бы я не убежал в Пустоту в ту ночь, то кто угодно — будь то Керис, или епископ, или Инквизиция — убил бы меня. Ведь все они собирались сделать это, только каждый по своей причине. И, самое главное, Солтерис-Сураклин не был заинтересован в том, чтобы я остался в живых. Джоанна, ты должна мне поверить. Пожалуйста, поверь мне.

— Заткнись, — стукнула девушка кулаком по столу. Она

вспомнила, как Солтерис сказал: «Если не сможешь удержать Сураклина от разговора с ней, убей его». Так он сказал Керису. И тут она невольно подумала, для чего нужно было убивать Антрига, чтобы она не могла поверить лжи или чтобы она не услышала правды?

Антриг снова зашевелился, пытаясь распутать или разорвать веревки, но поняв, что это бесполезно, притих на своем диване. Наконец он снова заговорил, но теперь голос его был более настойчив, да и говорил он куда более терпеливо, словно зная, что время неумолимо бежит.

— Ему хотелось жить вечно. И постепенно из цели это превратилось в навязчивую идею, в манию. У него была волшебная сила, при помощи которой ему удавалось завладеть рассудком окружающих. Потом он использовал самые различные заклятья, чтобы постепенно разрушить собственную личность, собственное «я». И после этого получил возможность начать создавать свое второе «я». Мне удалось узнать, в кого именно он вселился, чтобы сбежать подальше от Кимила, — его знали там слишком хорошо, и потому он считал нужным убраться оттуда как можно скорее. Но потом он еще менял тела, и до сегодняшнего утра я не знал, в чьем теле пребывает он ныне. А сегодня днем, когда ты сказала мне, что компьютеры могут исполнять функции человеческого мозга, и я только тогда понял, каковы же были его истинные намерения, чего он добивался.

— Вот как, компьютер, — тихо сказала Джоанна. Она внимательно посмотрела на фигуру в джинсовой рубашке и штанах, ее собственными стараниями основательно упакованную в капроновый кокон. — Не запрограммировать компьютер делать волшебство, а запрограммировать его на то, чтобы он сам сумел стать волшебником. Для того чтобы получить необходимое для этого электричество, можно использовать телес.

— Но это будет стоить жизни не только мне, но и твоему миру. Как только компьютер начнет действовать, он выработает смесь горя и тоски, которая накроет наши миры, пропитает их обитателей. И никто не осознает, что же в действительности случилось. Пару поколений спустя все уже будут считать, что так и должно быть.

Теперь Джоанна силилась вспомнить что-то такое, что Солтерис сказал тут, в этой комнате. Через раскрытую дверь террасы она видела невдалеке согнувшегося над холодным телом архимага Кериса с этой самой загадочной лайпой в руках. Внезапно девушка почувствовала сильный озноб и одновременно страх. Она как-то разом осознала, что в данный момент где-то поблизости раскрылись Врата Пустоты.

— И только потому, что сейчас ты рассказываешь мне эту душещипательную историю, — сказала она тихо, — я еще больше убеждаюсь в том, что Сураклин — это действительно ты.

Мускулы на его крепких руках снова напряглись, когда он попытался в очередной раз разорвать стягивающие его путы.

— Джоанна! — закричал он. — Да я клянусь тебе, что никакой я не Сураклин! Ну что я должен еще сказать, чтобы ты все-таки поверила мне?

— Ничего не нужно говорить, — заверила девушка, — потому, что если ты действительно Сураклин, ты можешь наговорить мне чего угодно — что сейчас и происходит. Даже… — она осеклась, едва не выговорив: «Даже, что ты меня любишь!» Наконец, придя в себя, она продолжала: — Солтерис же сказал мне, что Сураклин обладает блестящей способностью убеждать в своей правоте кого угодно.

— И я вижу, что это сущая правда, — горько сказал Антриг, печально глядя на собеседницу.

— Но в отличие от тебя он никогда не увиливал от ответа и не говорил намеками, — вспыхнула она.

— Ну, конечно, ведь он говорил тебе заранее подготовленные фразы, которые от начала и до конца были ложью, — отпарировал чародей. Его дыхание было быстрым и неровным. Очевидно, он тоже ощущал близость раскрываемых Врат Пустоты. — Джоанна, поверь мне, я дошел сюда по меткам Сураклина. И они привели меня в комнату, где я впервые встретил тебя. В ту самую комнату, которая находится на втором этаже. А потом, когда он раскрыл Врата, я последовал за вами и обнаружил тебя на холмах неподалеку от Кимила. Ты оказалась там потому, что его сообщник похитил тебя отсюда. Но я ничего не знал, я даже не знал, что они делали с тобой прежде, чем я тебя там увидел, и для чего тебя похитили из привычного тебе мира. Единственное, в чем я был уверен, так это в том, что тебе уготована участь рабыни Сураклина. А потом… — тихо сказал Антриг, — вспомни сама, что произошло на Чертовой Дороге.

Но вспомнила она иное: полумрак, царивший в гардеробной, и свое безумное желание в тот момент отдаться ему.

— Я не желаю больше слышать ни о какой Чертовой Дороге, — вспылила Джоанна. — И вообще, можешь считать, что я просто сглупила.

— Как и я сам, — пробормотал Виндроуз покорно. — Я же увидел тогда в картах, что ты в конце концов предашь меня. Карта шестнадцатая, с Богом Мертвых, — знак, который они наложили на чародеев, чтобы ослабить их волшебную силу накануне казни. И несмотря на это мне хотелось верить тебе, я

верил тебе, хотя и чувствовал, что с моей стороны это было полнейшим безумием. Ах, я всю жизнь слишком часто верил всем кому ни попадя. Мне нельзя было делать этого.

— И мне, мне тоже, — повторила Джоанна упрямо. — Мне тоже нельзя быть слишком легковерной.

Антриг умолк, только свет, падавший из кухни, отражался в линзах его очков и на его вспотевшем лице. Виндроуз уставился в потолок — видимо, он понял, что дела его идут неважно. Тут Джоанна подумала, что Гэри, как обычно, просто глядел бы на нее осуждающе. Но она тут же выкинула из головы глупое сравнение. Тот факт, что Антриг никогда не выказывал ей ничего, кроме заботы, участия и внимания и, возможно, даже любви, тот факт, что он рисковал жизнью, спасая ее от гнева регента и от костра Инквизиции, и, наконец, то, что она несомненно любила его, не опровергало в сознании Джоанны того, что перед нею действительно Сураклин. Но он ли это?

Это уже было не столь просто и очевидно, как дважды два — это четыре. Это скорее какая-то загадка, на которую невозможно найти ответ, — так какой-нибудь незадачливый математик пытается решить задачу о квадратуре круга. Вопрос был один, но на него можно было с одинаковой долей уверенности дать два разных ответа. Ложью было либо то, что сказал ей Антриг, либо то, что наговорил Солтерис. Кто из них говорил правду? Девушка подумала, что наверняка существует логика, с помощью которой можно узнать истину. Но пока что ее ум не был способен овладеть этой самой логикой. Тут она на миг разозлилась на себя — если бы она не возилась постоянно с этими компьютерами, если бы больше общалась с людьми, тогда бы наверняка смогла быстрее найти подходящее решение.

Где-то снаружи раздался шорох, и Джоанна ощутила озноб и приступ страха, противного и липкого.

— Джоанна, — тихо сказал Антриг, но теперь она отчетливо уловила его ужас даже сквозь спокойствие, которое наверняка далось ему нелегко, — конечно, я сейчас не в состоянии доказать тебе что-то. И я сам это понимаю. Нечестно просить кого-то делать выбор только на основании того, что подсказывает ему сердце. Согласись, что это именно так. Но предупреждаю: опасность грозит и тебе. — Виндроуз резко мотнул головой, чтобы откинуть с лица длинные волосы. Но это у него не получилось, поскольку волосы прилипли к его вспотевшим вискам и шраму, оставленному плетью регента.

— Сураклин покинул тело Солтериса. Ему остается только вселиться в другое тело. Как нетрудно догадаться, он вселится в тело своего сообщника, который в этом мире делает для него

компьютерные программы. Сообщник должен встретиться с ним в сарае. Ты ведь знаешь, что в сарае тоже имеется метка Сураклина, которая осталась там с того момента, как он решил, что с Солтерисом пора кончать. Но ты для чего-то понадобилась Сураклину. И он начал охоту за тобой еще в Сан-Серано. А потом его сообщник помог похитить тебя оттуда, чтобы затем тебя можно было доставить в нужное место. И, насколько я понимаю, он продолжает охотиться за тобой.

— Ну конечно, — сказала Джоанна, злясь на Сураклина за то, как ловко он манипулирует ее страхами, — я действительно очень нужна ему, и потому он рискует собой, спасая меня то от гнева регента, то врываясь ради меня одной в неприступную крепость Святого Сира…

Вдруг их глаза встретились.

— Но ведь ты же знаешь, почему в действительности я спасал тебя, — тихо промолвил Виндроуз, глядя на нее почти в упор.

— Ничего я не знаю. — Джоанна поспешно отвернулась, чтобы не выдать своего волнения и не дать ему возможности ухватиться за эту возможность размягчить ее волю. Пусть продолжает думать, что его медовые речи не производят на нее никакого впечатления. — И ничему я не верю. Заруби это себе на носу. Отстань от меня.

Вдруг дверь на веранду, распахнутая ею, скрипнула. Антриг живо завертел головой, и Джоанна увидела, как пот снова льется по его лицу. Он быстро заговорил:

— Джоанна развяжи меня. Пожалуйста. Ведь как только они уйдут, он придет за тобой, кем бы он ни был.

— Э, зря стараешься. Я не собираюсь отпускать тебя. Не для того связывала.

— Я только пытаюсь спасти тебе жизнь, дура, — чародей яростно рванулся, в который уже раз пытаясь разорвать шнур.

Джоанна глянула на террасу — там ничего не было, кроме темноты. Но она была готова поклясться чем угодно, что слышит шелест толстого домотканого полотна, из которого были сшиты одеяния кудесников. Антриг отчаянно зашептал:

— Джоанна, ты знаешь, ведь они меня убьют.

Вдруг он стал глядеть не на девушку, а куда-то за нее. Джоанна мгновенно обернулась. В дверях стоял Керис, лицо его было покрыто пылью. Но как он изменился за эту ночь, подумала Джоанна. Это было лицо мужчины, а не мальчика. В его руке холодной сталью поблескивал меч. А позади него теперь ясно можно было увидеть тех, кто носил эти самые одеяния из домотканого полотна, шелест которых так напугал Виндроуза. Откуда-то из темноты выступила величественная женщина,

которая так и излучала красоту. Она была закутана в соболью пелерину, на красиво уложенных волосах поблескивала алмазная диадема.

— Джоанна, — тихо сказала женщина, — меня зовут Розамунда Кентакр. От имени Совета Кудесников я хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделала.

Тут Джоанна обернулась — Антриг глядел на этих людей взглядом человека, который знал, что песенка его теперь спета, что никакие отговорки его не спасут.

— Керис рассказал нам обо всем, что произошло за это время, — продолжала женщина величественным тоном, — и от имени все того же Совета Кудесников я хочу попросить у тебя прощения за то, что ты оказалась вовлеченной в дела, которые касаются только волшебников. Мы понимаем, сколько неудобств и переживаний пришлось тебе вынести. Я также торжественно обещаю, что этот человек будет наказан не только за то, что он доставил неприятности лично тебе или кому-то из нас, но и за то, что он пытался сделать с обоими нашими мирами.

Тут вперед выступил Керис, и глаза его теперь светились миролюбием, а не только осторожностью. Теперь он был уже не просто орудием в руках Совета Кудесников — он выполнил и собственную задачу, осуществил собственную месть. Он теперь стал тем, кем Джоанна, как она сама понимала, не смогла бы стать при всем желании. Откуда-то сзади появились еще три кудесника — молодой человек довольно угрюмого вида и мощного телосложения. Остальные два были под стать ему — такие же могучие, облаченные в красные одеяния. И Джоанна поняла, что чародеи успели заключить мир с инквизиторами и Церковью.

Джоанну передернуло от одной только мысли, что теперь Антригу суждено попасть в руки Костолома — уж он-то действительно мастер своего дела. Совет Кудесников и Керис засвидетельствуют, что Антриг убил еще и Солтериса. Вряд ли регент станет под давлением обстоятельств защищать своего недавнего протеже. Вдруг Джоанна вспомнила, как Фарос бросил такую фразу: «И смертный приговор, вынесенный тебе моим отцом, настигнет тебя».

Девушка отступила в сторону, а три облаченных в красное молодца, подойдя к Антригу, принялись быстро развязывать капроновый шнур, стягивающий его. Рывок — и экс-кудесник поставлен на ноги. Он весь побелел от ужаса. Джоанна тоже знала, что теперь он особенно остро осознал, что именно поджидает его по ту сторону Пустоты. «Поскорее уж было бы покончено со всем этим», — пронеслось в голове девушки. Она

знала, что как бы теперь ни уничтожили Сураклина, ее заслуга в этом все равно останется неоспоримой. «Скорее бы прекратилось все это, скорее бы», — продолжала она думать в отчаянии.

Госпожа Розамунда тем временем обернулась к распахнутой стеклянной двери. Рядом с отражавшей лунный свет гладью пруда стояли еще два человека, отмечая местонахождение Врат в Пустоту, отмечая место, где один мир отделялся от другого, где временное измерение соседствует с другим.

Налетевшие слабые порывы ветра шевелили меховую пелерину Розамунды. Этот же ветерок осторожно прикасался к щекам Джоанны, а потом уже летел трепать волосы Антрига. Запах Пустоты наполнил гостиную Гэри непонятным ужасом, ощущением безысходности и бесконечности пространства. Впоследствии она не была уверена в том, что Антриг принялся шептать непослушными губами:

— Нет! Нет! Нет!

За дверью теперь ничего не было, только густо-чернильная темнота. Джоанна подумала, что стоит перешагнуть этот порог, отделенный полупрозрачной завесой, и за ним откроется бесконечность вселенной.

Керис резко повернул голову. На какое-то мгновение его глаза встретились с глазами Джоанны. Где-то там, за уже начинавшим проходить отчаянием от потери деда, Джоанна сумела угадать горечь — горечь расставания с нею. Ведь она, скорее всего, была его единственным другом, если не считать тех, кто учился с ним вместе в школе послушников. С ней ведь было так интересно. И Джоанна понимала, что ей больше не суждено будет увидеть Кериса. Когда Врата Пустоты наконец захлопнутся, то ничего этого больше не будет — ни багровых восходов солнца над болотами в окрестностях Кимила, ни усыпанных мусором булыжных улиц города Ангельской Руки, ни Магистра Магуса, ни несчастного регента.

Вдруг, рванувшись из последних сил, Антриг вырвался из рук державших его послушников и бросился к противоположному окну. Он не успел сделать и двух прыжков — Керис и чародеи кинулись за ним, словно гончие. Они повалили Виндроуза на пол. Керис выхватил меч и с размаху ударил Виндроуза рукоятью по затылку. Тело беглеца сразу обмякло, и его потащили обратно. Джоанна в ужасе смотрела на происходящее. Впрочем, ничего особенно ужасного здесь не было, в особенности после того, что ей пришлось пережить. Антриг в полубессознательном состоянии продолжал цепляться за окружающие предметы — он оставался верным себе в своем фанатичном упорстве, помноженном теперь на инстинкт самосохранения.

— Все, хватит с ним цацкаться, тащите его, — жестко отрубила госпожа Розамунда. Керис и волшебники Церкви, схватив Антрига за руки и за ноги, поволокли его к двери на террасу, за которой их ожидала непроглядная тьма, что должна была проглотить их всех.

Джоанна осталась стоять на прежнем месте, и ей еще долго чудилось, будто она видит ушедших в темноту, видит, как их силуэты постепенно растворяются и уменьшаются по мере удаления от дома Гэри. И, наконец, последнее, что она увидела, — отблеск света на линзах очков Антрига. Впрочем, это мог быть и лунный блик на глади пруда. Воздух вокруг нее снова стал теплым, Пустота исчезла, словно окончательно затянувшаяся рана на теле ночи.

Джоанне казалось, что они ушли, оставив следы в ее душе навечно.

Вдруг ее посетила нелепая мысль — ведь сегодня среда, нужно волей-неволей выходить на работу. Наверняка теперь придется расхлебывать кашу, которая заварилась из-за ее исчезновения. Самое малое, что ее может ожидать, — это долгие расспросы и проверки.

И тут девушка дала волю слезам.

Затем Джоанна подумала, что можно взять, да грохнуться на тот самый диван, где лежал связанный Антриг. Нужно дать себе выплакаться, чтобы потом эмоций было меньше. Ведь то, что она пережила, — это был просто сплошной шок. Но какая-то часть рассудка нашептывала девушке, что она даже не знает точно, который сейчас час. А что будет, когда вернется Гэри? Именно Гэри ей как раз меньше всего хотелось теперь видеть, тем более разговаривать с ним, с этим самоуверенным гордецом. Представив тон, которым он произносит «детка» или «крошка», Джоанна сразу почувствовала приступ тошноты.

Вдруг она подумала, что ей придется доказывать, что она действительно пропадала не по своей воле. Хотя бы даже на работе. Но что может свидетельствовать в ее пользу, чтобы все, кому нужно, поверили?

Наверняка Антриг сумел просчитать и это. Она вспомнила, с какой логикой он предугадывал развитие событий. «Мое несчастье в том и состоит, что я всегда догадывался обо всем», — что-то в этом духе он сказал ей. А если еще представить, что под личиной Антрига скрывался Сураклин…

Прямо как Шерлок Холмс, подумала Джоанна с горечью. Но имя известного сыщика натолкнуло ее на другую идею.

Девушка резко встряхнула головой, твердя себе, что теперь уж в любом случае все позади. Все равно то, что она намеревалась

сделать, было уже бесполезно. Но сердце у Джоанны все равно было не на месте — она понимала, что рано или поздно все равно сделает это.

Джоанна вспомнила миг, когда стояла в высокой траве на берегу ручья с тяжелым пистолетом в руке и от нее зависело очень многое. Тогда ей очень захотелось стать бессильной, чтобы никто не мог ожидать от нее ничего особенного, на что она должна была себя подвигнуть. Постояв немного, девушка стала медленно подниматься по лестнице прямо в компьютерную комнату.

В темноте оранжевыми глазками посвечивали лампочки процессора, которые красиво дополняли рубиново-красные огоньки, показывающие, что в электрической сети есть ток, а также фосфоресцирующий циферблат часов. Джоанна остановилась как вкопанная, разглядывая дверь, на которой была метка Сураклина. Она припомнила, что когда впервые встретила Антрига на вечеринке Гэри, то он задумчиво тер пальцами поверхность двери. Чародей не рисовал эту метку, а только использовал ее силу — точно так же, как несколько часов назад делал Солтерис. А потом, как она отлично помнила, Антриг так же водил руками по метке в комнате императорского дворца. Неужели все это было сегодня утром, подумала она со щемящей тоской. А прошлой ночью Виндроуз исследовал спальню регента, обнаружив метку Сураклина и там. Джоанна обрадовалась — ее память отлично удерживала все пережитое. Да, такое не забывается. Помнится, Антриг, одетый в свою неизменную потертую длинную куртку черного бархата, осторожно, словно боясь спугнуть кого-то, водил длинными пальцами вдоль стен, вдоль лакированных поверхностей панелей из благородных пород дерева.

Вдруг она подумала — почти все метки были расположены примерно на одинаковой высоте. Кажется, Конан Дойль писал в одной из своих книг, что человек, который рисует что-то на вертикальной поверхности, делает штрихи на уровне своих глаз.

И вдруг девушку пронзил ужас — она увидела, как Солтерис проводит рукой по метке, которая как раз находится на уровне его глаз. И глаза Антрига, таким образом, оказываются дюймов на шесть выше этих меток.

Но это еще ничего не значит, в отчаянии пронеслось в ее голове, ведь Сураклину такая хитрость наверняка известна. Что ему стоит провести черту, скажем, на уровне подбородка.

Вдруг она снова вспомнила забытые было картины — горячее дыхание Антрига на своей шее и щеке. Он в самом деле намного выше ее.

А человек, который напал на нее в Сан-Серано, был ниже его ростом.

Вдруг в открытое окно донесся пронзительный скрип автомобильных шин. Кто-то приехал. Фары дальнего света выхватывали из мрака участки железного забора. Вода пруда, блестя под луной, теперь отсвечивала как-то зловеще.

Это Гэри, с отвращением подумала Джоанна. В ее ушах уже звенел его голос, обычно хамоватый и развязный: «Эй, детка, ты, конечно, не забыла, что я всегда разрешал тебе оставаться у меня, сколько душа пожелает».

Но в данный момент ей хотелось самого обычного одиночества, в котором можно было бы как следует выплакаться. Ей не хотелось думать о том, что она в действительности натворила. Что произошло при ее самом активном участии.

Но Пустота уже закрылась.

Ей теперь все равно уже никогда не суждено узнать, говорил ли Антриг правду или лгал.

Нет, подумала она в отчаянии. Если бы Антриг говорил правду, то есть, если бы в действительности Сураклином был не он, тупое онемение, бессилие опять начало бы возвращаться, и жизненная энергия снова начала бы вытекать и из этого мира. А Антриг Виндроуз сейчас наверняка уже мертв. Она не стала вспоминать детали, которые Керис в свое время пересказывал ей, — о казни преступников и тому подобные средневековые жестокости. И это означало бы к тому же, что смерть Антрига-Сураклина прекратит утечку жизненной энергии неизвестно куда.

Но теперь Джоанна снова ощущала себя перед дилеммой, при которой на один вопрос было бы два взаимоисключающих ответа. Но как узнать, который ответ истинный? И в чем кроется разгадка?

Конечно, подумала она машинально, он вернулся бы в этот мир, чтобы отыскать компьютер Сураклина, а также телес, который должен управлять им.

Или для того, усмехнулась девушка, чтобы подыскать какого-нибудь другого легковера, который развесит уши и станет делать все, о чем его ни попросят.

Как ей не хотелось в этот момент покидать уютную темноту компьютерной комнаты! Джоанна вспомнила, как чувствовала себя в тюремной камере при таком же скудном освещении, странно, — но это было чувство безопасности. Конечно, там были эти мерзкие букашки, но они в отличие от людей не способны на предательство. Они надежнее, чем люди.

И она поняла, что всю свою жизнь считала надежным что и кого угодно, но только не людей. Обычно она полагалась на

компьютеры. Ей неинтересно было лезть в чужие дела, того же она требовала и от окружающих. А то, что интересно самой, можно доверить компьютеру. А потом в нужный момент преспокойно убрать эти сведения, когда они перестанут быть актуальными. Просто и гениально.

Внизу послышались шаги — конечно, это был Гэри. Джоанна поняла, что ей пора уходить. Ее пребывание тут выглядело бы в глазах Гэри по меньшей мере странным.

Ладно, подумала она, что было, то прошло. Если Сураклином был действительно Антриг, то можно считать, что она спасла мир.

А если не был…

Но тогда она просто ничего не могла поделать.

Девушка молча стала спускаться по ступенькам.

Гэри сидел за кухонным столом, перед ним стоял стакан красного вина. Свет небольшого светильника золотил его русые волосы и играл в рубиновом вине. Гэри, опершись руками о стол, положил на кисти рук подбородок. Он о чем-то думал, уставившись в одну точку.

Джоанна неслышно остановилась в дверном проеме, и первой мыслью ее было, что Гэри терпеть не может вина.

Вдруг она подумала, у кого же прежде был такой характерный жест — поджатые руки, но вытянутые при этом вперед указательные пальцы. Вдруг, иронично улыбнувшись, Гэри посмотрел на девушку, словно знал, что она давно находится в его доме.

— Джоанна, дорогая моя, — проговорил он, — как вижу, ты вернулась. Но сначала тебе неплохо было бы позвонить твоей подруге Рут. Она уже довела до белого каления полицию трех штатов сразу.

«Боже», — пронеслось в голове Джоанны.

В эту минуту она не чувствовала больше ничего.

Единственным ответом на вопрос, сколько будет дважды два, будет, как известно, четыре. Тут девушка поняла, почему в возрасте десяти лет Фарос тронулся умом.

Надеясь на то, что это все неправда, но зная, что это все-таки правда, хоть и очень жестокая, Джоанна поняла, почему именно Гэри говорит в совсем не свойственной ему манере. Стало понятно, откуда у него этот странный жест. Теперь она поняла, почему на нее постоянно нападали, следили за ней, почему Гэри так настойчиво зазывал ее к себе на вечеринку, где Сураклин как раз возился со своим компьютером. Она поняла теперь, кто был его истинным сообщником и что с ним стало потом, когда в конце концов Сураклин достиг желаемой цели. И теперь…

Джоанна что-то проговорила, — она и сама не знала, что именно. Она почувствовала, что силы изменяют ей, руки не хотят подниматься, ноги не хотят унести ее отсюда.

О Боже мой, о Боже мой, Боже мой, Боже мой, только и звенело у нее в голове.

И только теперь она поняла, что Антриг действительно был прав. Но правоту эту Джоанна осознала только теперь.

Тот самый человек, которого она прежде знала под именем Солтериса, но который на самом деле первоначально звался Сураклином, пристально глядел на нее глазами Гэри Фэрчайлда.

ЭПИЛОГ

По бульвару Виктории мчалась машина. Вдруг раздался пронзительный визг тормозов — машина остановилась. Затем появилась уже иная картина — одна из игрушечных кошек, наваленных грудой на кровати Джоанны, вытянула вперед лапу, ударила хвостом по покрывалу из искусственного меха и пронзительно мяукнула. В комнате царил полумрак. И в этом полумраке отчетливо светился дисплей компьютера. На дисплее появились слова:

ЗАРАЗА ЗАРАЗНЫЙ ЗАРАЖАТЬ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЗАРАЖЕННЫЙ ЗАРАЖЕННОСТЬ ВСЕ>

Джоанна, отхлебнув из бокала крепкого чая, снова уставилась на дисплей.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЦЕНТР САН-СЕРАНО
«НАПЕЧАТАТЬ ФАЙЛЫ»,

— дала команду Джоанна. Одним глотком она выпила остатки холодного чая, встала с кресла, размяла затекшие члены и направилась к душевой. Уходя, она все еще слышала монотонное жужжание работающего принтера…

Надо убрать эту глупость, подумала она раздраженно, вытирая платком лоб.

С упрямством, которое обычно присуще работающим с компьютерами профессионалам, Джоанна убрала всю эту галиматью и снова стала набирать данные. В высветившемся меню она выбрала букву «С» — под ней скрывалось название «Сан-Серано». Сейчас она должна была войти в их главную систему, в банк данных. Наконец у нее все получилось. Следующий этап — набрать свой личный код. Но девушка, естественно, не была дурой — она тут же набрала личной номер Гэри.

«КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО»,

— потребовал компьютер с противным писком.

Нажав кнопку пуска, она набрала

«ДЕТКА».

Послышалось ровное жужжание — компьютер вбирал в себя заложенные данные. Это была одна из программ, которые Джоанна специально составила для личного развлечения, чтобы чем-то занимать себя в промежутках между работой, когда она уже сдала готовые данные, обработанные ей, а новые результаты испытаний еще не получила. Невзирая на то, что сан-серанский компьютер содержал засекреченную информацию и обладал специальной системой защиты, проникнуть в него все равно не составляло большого труда. А раз проникнув в этот компьютер, она могла бы понять, какими именно программами пользовался Гэри, чтобы запрограммировать ум Сураклина, его память и волшебство и потом спроецировать все это в украденный им компьютер. Видимо, воровал он хитро — по частям, по деталям выносил нужное, чтобы потом собрать дома настоящую мощную машину. Этому компьютеру потом суждено было быть подсоединенным к телесу. Так сочетались достижения двух цивилизаций: новейшей и древней.

Джоанна снова отхлебнула чая, не обращая внимания на то, что напиток, крепкий, как кофе, давно уже остыл. Фосфоресцирующий циферблат часов показывал без десяти четыре утра. А в семь ей нужно было вставать — как будто она, как обычно, собиралась в Сан-Серано на работу.

Гэри сказал ей, что он все устроил на работе, наболтав в дирекции, что дома у нее якобы случилось какое-то чрезвычайное происшествие. Она рассказала Гэри почти обо всем, что она делала все эти две недели, он даже для вида задавал приличествующие случаю вопросы. И Джоанна поняла самое главное — он не подозревал о том, что теперь она знает о нем все. Были такие вопросы, которые он просто должен был задать, но — странное дело — их не задавал. Он даже галантно уговорил ее остаться у него. Ей ничего не оставалось делать, кроме как согласиться. Главное только, чтобы он ни о чем не догадался. Девушке становилось жутко, когда она заглядывала в эти насмешливые темные глаза. Джоанна вдруг подумала, почему ее не насторожило, что тогда, в Летнем дворце, запряженные в карету лошади встали на дыбы при виде Солтериса. А может быть, он специально напугал коней, ему и в голову не приходило, что потом на ни в чем неповинных конюхов вполне могли обрушиться суровые кары. А на это следовало бы обратить внимание, ведь Антриг, в отличие от архимага, всегда очень внимательно следил за тем, чтобы от его действий не пострадали невинные.

Джоанна сидела дома. Кругом царила тишина. Кошки снова стали обычными меховыми игрушками и уже не наводили ее на

мысль о том, что их хозяйка тоже сошла с ума. Росшие под окном деревья шелестели поблескивающей в свете уличных фонарей листвой. Но ветра не было, ведь занавески на распахнутом окне не шевелились. Возможно, именно из-за этой мертвой тишины зеленый курсор казался особенно ярким.

Чтобы запустить программу «Детка», не требовалось чересчур много времени. Когда компьютер перестал жужжать, на экране отчетливо высветились слова: «Ключевое слово не подходит». Курсор выжидательно поблескивал, явно не желая оставаться на месте.

Джоанна снова отхлебнула чаю и уставилась на экран. Все это переставало ей нравится. Конечно, не составляло особого труда заложить в компьютер личный номер пользователя-работника, труднее всего было провести этот номер вместе с ключевым словом. Как раз в этом и была загвоздка. Девушка была уверена, что нужные ей файлы находятся именно там, ведь не было другого такого мощного компьютера, к которому бы Гэри имел доступ. Именно на этой машине он мог делать то сложное, что требовалось для воспроизведения интеллекта волшебника. Ему нужно было к тому же воссоздать при помощи компьютерной программы личность волшебника, его знания и умения. Вдобавок для Гэри было проще пареной репы написать программы таким образом, что бы никто не мог узнать об их существовании, ведь память у этой машины столь обширна, что никто не заметит присутствия каких-то посторонних программ. Да и кто станет проверять хозяйство Гэри? Подобные файлы Джоанна и сама имела в главной памяти. Чтобы добраться до этих файлов, нужно было всего лишь набрать ключевое слово, которое никак не должно превышать восьми знаков. Но как раз в подборе ключевого слова и была заложена система защиты, ведь злоумышленник голову сломает, подбирая самые различные комбинации.

Джоанна начала с самого простого: она просто стала выбирать все находящиеся в директории слова, которые состояли не более чем из положенных восьми букв. Понятное дело, в английском языке большинство слов не отличаются чрезмерной долготой. Так и тут, около двух десятков слов можно было с легкостью забраковать из-за их длины — все они были жутко научными, Гэри вряд ли стал бы использовать их. И потому у Джоанны было достаточно обширное поле деятельности. Можно было до бесконечности испытывать свое терпение, благо компьютер мог терпеть ее лингвистические изыски сколько угодно.

Но Джоанна верила в удачу, точнее — в случайность.

Однажды случайность сыграла с ней опасную шутку — она, подбирая самые невинные слова и вводя их в память компьютера, неожиданно для себя попала в файлы, которые содержали информацию, считавшуюся совершенно секретной не только руководством сан-серанского комплекса, но и самим правительством Соединенных Штатов, о чем там же имелись соответствующие отметки.

С этим Джоанна провозилась несколько часов. Наконец она запустила вторую программу под названием: «Как назвать детку?». Существовала книга с похожим названием — «Как назвать дитя?» — и Джоанна знала, что люди часто вводят в компьютеры разные имена собственные, которые можно легко запомнить, чтобы при необходимости не рыться в записных книжках. Теперь Джоанна вводила в память машины содержащиеся в книге имена собственные: Тардис, Гэндальф, Йода, Майкрофт.

Надо действовать по принципу: не подходит «А», — давай «Б», решила она.

Джоанна протерла начинавшие слипаться глаза и уже в который раз набрала личный номер Гэри. Зеленая надпись тут же требовательно поинтересовалась: «Ключевое слово?». Джоанна нажала клавишу пробела и запустила третью программу. По экрану побежали буквенно-цифровые комбинации, и девушка, потирая виски, страстно желала, чтобы на этот раз все получилось. Она уже перепробовала все слова, которые нашла в директории, перепробовала и комбинации слов, сумма составляющих знаков которых не превышала тех же восьми букв. А ведь там были еще и разные черточки, скобочки, за которыми хитрец Гэри запросто мог скрыть свою тайну. В общем, эта огромная машина шутя справилась с задачей, на которую у ее маленького настольного компьютера ушло бы, как любезно сообщил все тот же мощный супераппарат, ровно 3 миллиарда 256 миллионов 174 тысячи 504 дня. В общем, на это ушло бы некоторое время. Тысяч восемь лет, почти пустяк, нервно усмехнулась она. Конечно, на разрешение загадки и на этом компьютере у нее может уйти не один день, а ведь она даже не знает, сколько времени жить еще отпущено Антригу и жив ли он вообще.

Когда она подумала о том, что должна теперь сделать, она поняла, что ее охватывает тихий ужас. Ведь кроме начальства на работе, ей пришлось объясняться с матерью и друзьями, врать Гэри-Сураклину, что было очень нелегко. И еще постоянно думать о том, что она натворила.

Тут девушка вспомнила слова Кериса, который рассказал, что

несмотря на основательность, с которой учили убивать в школе послушников, он никогда так не волновался, как когда ему действительно пришлось сражаться, защищая собственную жизнь. Джоанна не слишком была знакома с героическими поступками, но зато она отлично знала, насколько чертовски терпеливы компьютеры. Как в прошлый раз, когда на лугу кишели пиявки-гиганты, ее ум постоянно отвлекался от главного на разные второстепенные мелочи.

Итак, в который раз сказала она себе, сначала нужно добраться до содержания файлов Сураклина.

Потом нужно все время находиться возле Гэри, чтобы с ним вместе перебраться через Пустоту. В этом мире волшебство не действует, он не сможет воспользоваться своей волшебной силой. Ему все равно рано или поздно нужно вернуться обратно, в свой мир. Вдруг она вспомнила слова Антрига о том, что Гэри она все равно понадобится, и содрогнулась. Впрочем, как она сама убедилась, пересекать Пустоту на самом деле не так уж сложно.

А потом… Керис? Нет, это маловероятно. Принц? Джоанна снова вздрогнула, вспоминая лихорадочный блеск злых глаз регента. Правда, несмотря на свое безумие, он явно раз и навсегда поверил Антригу. И он ни за что не потерпит, чтобы кто-то позволил разрушить его веру в Виндроуза.

Джоанна спохватилась и постаралась прогнать свой панический настрой. В первую очередь нужно думать о самом насущном. Итак, нельзя переходить к «С», не перебрав директории «А» и «Б». Где-то в глубине души панический голосок пронзительно вопил: «Но ведь они станут его пытать!». Раздался второй голос, более спокойный и рассудительный, который резонно замечал, что Джоанна не сидит сложа руки, а делает то, что в ее силах. Тем более, что спешка может только все напортить. Как говорится, поспешишь — людей насмешишь. В данном случае, конечно, Гэри, то есть Сураклина.

Девушка терпеливо нажала нужную клавишу, которая стерла все написанное. Попробуем по-другому, решила Джоанна. На сей раз она набрала букву «С», то есть Сан-Серано. Может быть, там что-нибудь найдется? Так, теперь набрать номер Гэри… Готово… И опять запрос на ключевое слово, — что ты будешь делать! Это словосочетание подмигивало, словно издеваясь над ее бессилием. Джоанна терпеливо нажала клавишу пробела, чтобы ввести программу-ключ, при помощи которой должны были все-таки появиться результаты.

Нет, невыносимо, воскликнула она в сердцах. Вдобавок и пустой желудок напомнил о себе, — кроме чая у нее во рту маковой росинки не было. Да, на это уйдет не один день и не два.

Помнится, на то, чтобы проникнуть в файлы человека, которого она подозревала (и, как казалось, не без оснований) в том, что он замаскированный сотрудник ЦРУ, потребовалось две недели.

А Антриг тем временем находится в лапах Инквизиции. В его распоряжении может и не оказаться нескольких недель.

Однако то, убил ли Антриг Солтериса или оставил его в живых, сошел окончательно с ума регент или нет, для нее было не слишком важно. Главным почему-то казалось то, что с Керисом за все это время ничего не случилось. Уж не собирается ли Сураклин сделать с ним что-то? Или он специально не трогал Кериса, чтобы Джоанна сосредоточила внимание на этом славном парне?

Да, сейчас делается все, что только возможно, снова пронеслось в голове девушки.

Несомненно, на это уйдет много времени. А ведь нужно сделать еще кое-какие приготовления. Только бы не опоздать.

Но тут Джоанна с упавшим сердцем подумала, что без опоздания все равно никак не обойтись. Ведь в ее распоряжении — она сверилась с монитором — 2 триллиона 821 миллиард 109 миллионов 907 тысяч 456 возможных комбинаций разных букв и цифр, цифр и цифр, букв и букв. Даже если окажется, что кое-какие варианты повторяются, то все равно ей предстоит проработать просто громадный материал. Вдруг она подумала: «Восемь… Комбинация из восьми букв… Ведь как раз из восьми букв состоит имя „Сураклин“!»

Как и Солтерис.

Девушка решительно нажала клавишу пробела и напечатала:

СУРАКЛИН.
КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО НЕВЕРНО,

— последовал категоричный ответ.

Пробормотав какое-то почерпнутое из лексикона Кериса выражение, она убрала ненужные данные и напечатала:

СОЛТЕРИС.
КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО НЕВЕРНО.

Слишком легко жить захотела, подумала Джоанна. Но теперь ей чуть ли не до слез было обидно, что не подтвердилась такая блестящая догадка. Потирая виски, она в отчаянии подумала: «Но мне никак нельзя опоздать, если я хочу спасти его. Никак нельзя».

Курсор продолжал издевательски подмигивать в темноте. В окно уже заглядывала не сплошная угольно-черная тьма, а серый сумрачный рассвет. Теплый ночной воздух постепенно свежел.

Какой же дурой была она, снова подумала Джоанна. И Антриг тоже был дураком, что поверил ей. Ведь кто-то сказал, что волшебство сильнее надежды. И на надежде же основано. А они надеялись, что компьютер Темного Волшебника все-таки не заработает.

Тут в голове у Джоанны ворохнулась какая-то неясная мысль. Она снова уставилась на экран. Она еще несколько раз нажимала клавишу, всякий раз встречая запрос ввести ключевое слово. Потом она снова пустила команду-ключ. Вдруг она подумала, что здесь наверняка скрывается какое-то слово, которым мог пользоваться и сам Сураклин.

И, помедлив, она вывела:

СИЛЫ ТЬМЫ.

По экрану вновь поплыли разные странные комбинации, потом все это исчезло, и прямо посреди темного экрана загорелась надпись:

ОК

У Джоанны перехватило дыхание. Дрожащей рукой она нажала клавишу принтера. И машина зажужжала, ожила.

Джоанна снова посмотрела на часы. Было почти шесть, уже давно пора было перейти от всяких второстепенных мелочей к главному, о чем даже страшно было подумать.